

О ДОЛГЕ
И ЧЕСТИ
ВОИНСКОЙ
в
РОССИЙСКОЙ
АРМИИ

О ДОЛГЕ И ЧЕСТИ ВОИНСКОЙ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Собрание материалов,
документов и статей

*Под редакцией
доктора военных наук
В.Н.Лобова*

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От составителей	9
Вступительная статья	10

Раздел первый.
ВЕК ВОСЕМНАДЦАТЫЙ —
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ДЕВЯТНАДЦАТОГО

ПЕТР ПЕРВЫЙ

Приказ Петра Первого перед Полтавской битвой	26
Петра Первого Великого, российского самодержца, собственноручные для военной битвы правила	—
Учреждение к бою по настоящему времени рассуждается по сему	27
Артикул воинский с кратким толкованием	—
Статьи во время воинского походу	29

П. А. РУМЯНЦЕВ

Ордер П. А. Румянцева командиру бригады бригадиру А.-С. Гартвису о мероприятиях для обеспечения дис- циплины и порядка в войсках на отдыхе и на походе	31
Доклад П. А. Румянцева Екатерине II об организации армии	—
Инструкция пехотного полку полковнику, с приложением форм, штатов и табелей	32
О учреждении егерского корпуса	35

Г. А. ПОТЕМКИН

Ордер князя Г. А. Потемкина Таврического господину генерал-аншефу и кавалеру Александру Васильевичу Суворову	36
Записка князя Г. А. Потемкина Таврического об одежде и вооружении войск	37
Инструкция ротным командирам за подписанием полков- ника графа Воронцова 1774 г., января 17 дня, в 17 пунк- тах состоящая, на 13 листах	38

А. В. СУВОРОВ

Полковое учреждение (1764—1765 гг.)	41
Приказ А. В. Суворова об обучении солдат и о тактике действий против конфедератов	42
Наука побеждать	43
Приказ генерал-фельдмаршала графа А. В. Суворова Рымникского по обучению австрийской армии в 1799 г.	44
Письмо А. В. Суворова австрийскому генералу барону Краю	—
Наставление А. В. Суворова И. О. Курису	45

Ф. Ф. УШАКОВ

Приказ Ф. Ф. Ушакова о наказании находившихся в бегах матросов и возвращении их на свои корабли, о подготовке судов к выходу в море и переводе больных слу-жителей из госпиталя на чистый воздух	—
Письмо Ф. Ф. Ушакова Г. А. Потемкину с просьбой о выдаче денежной награды участникам сражения в Керченском проливе	46
Приказ Ф. Ф. Ушакова о непристойном для чести офицера поведении лейтенанта Шестакова и мерах для его исправления	—
Приказ Ф. Ф. Ушакова с требованием от рядового состава по выходе флота в море быстроты и точности в выполнении всех работ	47
Ордер Ф. Ф. Ушакова контр-адмиралу Кумани о принятии строжайших мер к прекращению пьянства среди команд кораблей	48
Письмо Ф. Ф. Ушакова В. С. Томаре о необходимости регулярного снабжения эскадры продовольствием	—
О средствах завести хороших офицеров	49
О нравственном образовании военных людей	52
Об офицерских познаниях	56
Краткое предначертание Генерального штаба	59

М. И. КУТУЗОВ

Приказ М. И. Кутузова по корпусу об ответственности ротных командиров за успеваемость воспитанников	61
Приказ М. И. Кутузова по корпусу о наказании воспитанников за леность	—
Рапорт М. И. Кутузова Александру I об увольнении от службы с лишением чинов офицеров Сухотина, Хатова и Франка	—

Репорт М. И. Кутузова Александру I о солдатах и офицерах, спасших в плену знамена своих полков . . .	62
Репорт М. И. Кутузова Александру I с представлением к награждению фейерверкера Д. Кабацкого	—
Приказ М. И. Кутузова войскам главного корпуса об ответственности командиров за поведение подчиненных им солдат	63
Циркулярное предписание М. И. Кутузова дивизионным начальникам Молдавской армии о смотре подчиненных им частей и о принципах обучения и воспитания войск	—
Письмо М. И. Кутузова М. Б. Барклаю-де-Толли о желательности представлений отличившихся офицеров к повышениям в чинах	64
Приказ генерал-фельдмаршала М. И. Кутузова 21 декабря 1812 г.	—
Начертание о полевой егерской службе	65
Нужные замечания о стрельбе	66
О математических экзаменах, производимых над военными людьми	67
Об экзаменах в военном искусстве	69
О солдате	70
Наставления, данные графом М. С. Воронцовым гг. офицерам 12-й пехотной дивизии	72
Преимущества генерала со сведениями пред храбрым, действующим просто по навыку	76
О потребности познаний в науках для офицеров Генерального штаба	—
О продолжении военного образования по выходе из военно-учебных заведений, для способствования коему учреждена в С.-Петербурге военная академия	83

П. С. НАХИМОВ

Приказ П. С. Нахимова о недостатках, замеченных им на бригае «Эней»	88
Приказ П. С. Нахимова о наложении взыскания на унтер-офицеров Тихонова и Кузьмина	89
Репорт П. С. Нахимова А. С. Меншикову с ходатайством о награждении офицеров и матросов, отличившихся в Синопском сражении	—
Приказ П. С. Нахимова от 14 сентября 1854 г.	92
Приказание П. С. Нахимова об усилении медицинского наблюдения за личным составом	—

Письмо П. С. Нахимова начальнику Черноморской береговой линии вице-адмиралу Л. М. Серебрякову о смерти его сына капитан-лейтенанта М. Л. Серебрякова

92

Раздел второй.
ВТОРАЯ ПОЛОВИНА
ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА

О духе обучения войск	101
Домашние меры воспитания солдата	102
Э. СВИДЗИНСКИЙ	
Заметки о развитии военных познаний и общих военных принципов в среде офицеров нашей армии	105
М. И. ДРАГОМИРОВ	
Армейские заметки	111
По поводу некоторых статей, вызванных последними двумя кампаниями	120
Влияние распространения нарезного оружия на воспитание и тактику войск	123
Предисловие к учебнику тактики	125
В. И. ДАЦЕВИЧ	
Несколько слов о воспитании и образовании солдат	128
Н. И. МАУ	
Воспитание и обучение пехоты, от поступления на службу новобранцев до совместных занятий войск в составе трех родов оружия	129
Н. Д. БУТОВСКИЙ	
О казарменной нравственности и о внутреннем порядке в войсках	135
Воспитательные задачи командира роты	141
Муштровка как элемент искусства	158
А. А. ТЕРЕХОВ	
Вопросы воспитания и обучения войск	160
Н. Я. ШНЕУР	
Обязательная служба офицеров	166
С. О. МАКАРОВ	
Замечания С. О. Макарова по поводу проекта положения о морских призах	167

Приказ С. О. Макарова по эскадре о борьбе с простудными заболеваниями	168
Приказ С. О. Макарова об организации досуга личного состава эскадры	169
Письмо С. О. Макарова Ф. К. Авелану с предложением создать комиссию по выработке положения об улучшении на кораблях бытовых условий для матросов	169
Приказ С. О. Макарова об улучшенном способе варки щей	172
Приказ С. О. Макарова о принятии необходимых мер предосторожности для предотвращения несчастных случаев с матросами	—
Записка С. О. Макарова о недостатках в боевой организации Балтийского флота, принципах комплектования флота личным составом и его обучения в связи с проектом 20-летней программы судостроения . .	173
Приказ С. О. Макарова о наложении взыскания на офицера за самоуправство по отношению к рабочему . .	174
Приказ С. О. Макарова об ознаменовании 50-летия Синопского боя	—
Взгляды М. Д. Скобелева на военное дело	—

Раздел третий.
НАЧАЛО
ДВАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ

В. Е. БОРИСОВ

Специальность Генерального штаба	197
--	-----

М. С. ГАЛКИН

Новый путь современного офицера	198
К познанию армии	206

М. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

Памяти М. И. Драгомирова	215
Учебник тактики М. И. Драгомирова	216
Грамотность в армии	217
О подготовке офицерского состава армии	218
Нарекания на Драгомирова	220

М. А. УВАРОВ

О воинском звании и знании	224
--------------------------------------	-----

В. А. САМОНОВ

Мысли современного офицера	228
--------------------------------------	-----

К. КУЗЬМИНСКИЙ

Под впечатлением пережитого (из маньчжурских наблюдений)	241
--	-----

П. И. ИЗМЕСТЬЕВ

Из области военной психологии	243
---	-----

Д. П. ПАРСКИЙ

Что нужно нашей армии?	249
----------------------------------	-----

В. Л. РАЙКОВСКИЙ

Военное воспитание	261
------------------------------	-----

Н. П. БИРЮКОВ

Записки по военной педагогике	270
---	-----

Д. Н. ТРЕСКИН

Курс военно-прикладной педагогики. Дух реформы русского военного дела	274
---	-----

А. П. СКУГАРЕВСКИЙ

Армейские очерки	291
----------------------------	-----

М. ЛЕВИТСКИЙ

Воспитание солдата	297
------------------------------	-----

М. В. ГРУЛЕВ

Злобы дня в жизни армии	314
-----------------------------------	-----

А. МАРИЮШКИН

По вопросу об офицерских занятиях	330
---	-----

А. М. ДМИТРЕВСКИЙ

Воспитание воина может быть только в стыде наказания а не в страхе наказания	334
--	-----

М. Н. КРИТ

К вопросу о воспитании и обучении солдата	337
---	-----

Метод и средства воспитания солдата	340
---	-----

Н. А. МОРОЗОВ

Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений	347
--	-----

<i>Терминологический словарь</i>	359
--	-----

<i>Дополнительная библиография</i>	364
--	-----

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой собрание военно-исторических документов, фрагментов из научных трудов, военно-педагогических изданий, военной публицистики за период XVIII — начало XX в., в которых нашли освещение проблемы воинского долга, чести и нравственности, а также обучения и воспитания в российской армии.

Сборник включает три раздела, которые отражают определенные этапы развития русской военной мысли по вопросам обучения и воспитания войск. Каждому разделу предшествует небольшое вступление, в котором говорится об особенностях развития армии в данный период, поясняются отдельные аспекты военно-педагогического характера; завершает раздел подборка наиболее интересных и ярких высказываний, встречающихся в публикуемых текстах.

Внутри разделов материалы расположены, как правило, в хронологическом порядке. В отдельных случаях нарушение его вызвано необходимостью сохранить логическую и тематическую связь между текстами.

Принимая во внимание широкую читательскую аудиторию, к которой обращена эта книга, тексты приближены к современным орфографическим и синтаксическим нормам, но стиль и характерные особенности языка эпохи сохранены, также как написание имен собственных, принятое в подлинниках. Документы датированы в том случае, если известна дата написания.

Ввиду ограниченного объема сборника многие документы печатаются в сокращенном виде или в извлечениях.

Часть документов и материалов, помещенных в сборнике, была опубликована в периодической печати XIX — начала XX в., а также в более поздних изданиях — в серии сборников «Русские полководцы» и «Русские флотоводцы», вышедших в 50—60 годах, в «Хрестоматии по русской военной истории».

В книге приведены краткие биографические сведения о большинстве авторов публикуемых материалов. В конце сборника дан краткий терминологический словарь, куда включены вышедшие из употребления или редко встречающиеся русские и иностранные слова и специальные термины (поясняются они применительно ко времени написания текстов и документов).

Предлагаемый сборник не претендует на исчерпывающее освещение затронутой темы, а предназначен, главным образом, для ознакомления широкого круга читателей с лучшими образцами военно-педагогической мысли России XVIII — начала XX в. Документы и материалы, включенные в сборник, позволяют получить представление о том, какие взгляды существовали у прогрессивной части русского офицерства, что предпринималось для улучшения системы обучения и воспитания войск.

Все это чрезвычайно важно для современной армии, поскольку богатейший опыт, накопленный предшественниками в деле воспитания солдат и офицеров, должен стать общим достоянием.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Народное предание гласит, что земля может накормить человека своим хлебом, напоить водой из своих родников, но защитить сама себя она не может,

поскольку это святое дело тех, кто ест хлеб родной земли, пьет ее воду, любит ее красотой. Профессия воина, защитника всегда была почетной на Руси. Исторически сложилось так, что нашему народу веками приходилось вести борьбу с чужеземными захватчиками за свое национальное существование. Мы вправе гордиться ратной доблестью русского и других народов нашего Отечества. Память о наших предках, их делах и свершениях во имя Родины должна жить вечно.

Интерес к истории закономерен и понятен. Чем совершеннее становится человеческое общество, тем дороже ему прошлое, тем острее стремление познать его в полном объеме.

Одним из лучших достижений прошлого является выработанный столетиями кодекс нравственности в русской армии. Речь идет прежде всего о таких непреходящих ценностях, как честь и воинский долг, о системе воспитания этих прекрасных качеств у русских солдат и офицеров.

На протяжении почти трех столетий отечественная военная мысль пополнялась богатейшим материалом на тему обучения и воспитания войск. Многие полководцы и военачальники, офицеры и генералы русской армии прекрасно понимали значение нравственного элемента в обучении и воспитании войск и тем самым объективно становились носителями национально-патриотических идей.

Воинская честь — это самая главная добродетель солдата, она заставляет его быть бескомпромиссным к самому себе, избавляет его сердце от трепета перед возможной смертью или увечьем, делает саму мысль о пощаде, дарованной врагами, невыносимой. Недаром каждое утро полковые трубачи сзывали русские войска на ученья или бой звуками кавалерийского сбора:

*Да посрамлен будет тот малодушный,
Кто без приказа отступит на шаг!
Долгу, чести, клятве преступник —
На Руси будет принят как злейший враг.*

Совершенствовались оружие и боевая техника, соответственно претерпевали изменения тактика и стратегия. Но неизменными на протяжении веков оставались героизм русских войск, их стойкость в бою, способность к самопожертвованию, верность присяге и воинскому долгу.

За относительно короткий исторический период времени XVIII — XIX вв. Россия прошла гигантский путь в своем развитии, став великой державой, без участия которой уже не мог решаться ни один сколько-нибудь важный политический вопрос в мире.

Величие и могущество, которых достигла Россия к концу XVIII в., не были щедрым даром провидения. Они явились результатом колоссального напряжения всех материальных и духовных сил народа и страны. Царь ПЕТР I, полководец и дипломат, не только продолжил благие начинания своих предшественников, но и активной созидательной деятельностью способствовал тому, чтобы вывести страну на новые рубежи, сделать ее мировой державой.

Славными подвигами воинов российской армии был ознаменован этот период. В ходе Северной войны были освобождены русские земли в районе Финского залива, государство получило выход в Балтийское море, укрепило свои позиции на юго-востоке. Здесь в период русско-турецких войн определилось преобладание динамичной и растущей России над ее противниками.

Полководцы и флотоводцы, солдаты и матросы России, одерживая победы над врагами Отечества, укрепляли тем самым государство, служа прогрессивному общенародному делу. Такова диалектика исторического развития. Российская армия этого периода была не только опорой политических устремлений царизма, она способствовала осуществлению целей, носивших подлинно национальный характер.

Конец XVII — начало XVIII в., когда реформами Петра I были созданы регулярная армия и флот России, можно по праву считать началом формирования единой системы обучения и воспитания офицеров и солдат. Именно тогда закладывались взгляды и принципы, на основе которых в дальнейшем развивалась отечественная школа военной педагогики.

Положения Петра I об обучении и воспитании явились составной частью глубоких преобразований в армии и на флоте. В петровских документах, дошедших до нас, забота о защитниках Отечества всегда выдвигалась на первый план. При этом особое внимание обращалось на отношения между офицерами и солдатами, которые, по убеждению Петра, должны строиться на отеческих началах.

«Офицеры суть солдатам, яко отцы детям, того ради надлежит их равным образом отечески содержать», — говорится в приказах и уставах основателя регулярной армии. «Капитан должен вести себя с солдатами, яко отец с детьми, увещевая непорядочных, поправляя их советами и наказывая милости недостойных, отличать и любить добрых». «Полковнику надлежит знатному и искусному благовзрачному мужу быть, чтобы полку своему во всех случаях не гнусен был, и имел бы старание о добрых обер- и унтер-офицерах... Прапорщику подобает во все дни немощных посещать и смотреть, нет ли в чем-либо недостатка. Ему подобает великую любовь к солдатам иметь, и когда они в наказание впадут, тогда ему об них бить челом вольно».

Воспитание и обучение офицеров и солдат при Петре I было поставлено в тесную зависимость от практических задач, связанных с формированием регулярной армии, способной противостоять сильным европейским армиям.

Выше всего Петр I ставил нравственное воспитание армии. Он указывал, что все материальные условия есть не более, как ветвь для будущих плодов, корень же есть нравственный элемент («безконфузство»). Средствами для воспитания высоких нравственных начал в русской армии, по его мнению, являлись

дисциплина, требование от офицеров твердого характера, сознательного отношения к своему долгу, а также личный пример служения Отечеству.

Подъему нравственного духа армии способствовали различные меры. Прежде всего забота начальников о подчиненных. Петр I был здесь главнейшим примером. Чтобы выяснить, например, достаточен ли солдату паек, он в течение месяца, исполняя обязанности солдатской службы наравне с солдатами, довольствовался исключительно одним пайком. Много внимания уделял Петр больным и раненым: учреждал госпитали и аптеки, выписывал врачей. С особой энергией преследовал царь злоупотребления служебным положением.

В обучении и воспитании войск Петр I строго придерживался требований практической целесообразности, учитывая национальные особенности русской армии. Русская армия этого периода, по свидетельству многих европейских полководцев, обладала довольно высоким боевым духом, а ее офицерам и солдатам были присущи нравственные качества.

Просветительская деятельность Петра I, для которой были характерны поиск новых форм и методов, разумное сочетание русской и европейской традиций обучения войск, принесла свои плоды. Уже в 1708 г. в русской армии стало отчетливо оформляться «петровское» направление в обучении и воспитании войск. «Петровская школа» отличалась простотой овладения «научными основами» той или иной военной дисциплины и широким использованием их на практике. По сути дела, «петровская школа» представляла собой первую в России «практическую школу военной жизни».

«В службе честь» — вот наиглавнейший завет Петра I, вошедший в плоть и кровь русского офицерства, ставший основой воспитательной работы.

Таким же духом были проникнуты военные законы в период правления Екатерины II. При ее вступлении на престол была назначена комиссия для выработки новых правил организации и управления армии. В числе прочих преобразований было установлено, что обучать следует только тому, что придется делать на войне, и «чтобы ничем таковым в экзерциции и маневрах люди напрасно к единому только в виде украшения утруждаемы не были». Командирам полков в вопросах обучения предоставлялась широкая инициатива. Основные положения обучения и воспитания войск были изложены в «Инструкции пехотного (конного) полка полковнику».

Главной обязанностью полкового командира считалось «честь и право полка своего весьма удерживать». Его первый долг и забота были «о пользе, службе, чести и сохранении полка, и буде сие наблюдено будет, то он ни в каком случае досадных следствий оказаться не может». По «Инструкции» командиры обязаны были воспитывать у солдат «храбрость и верность», «изъяснить... что никакие страхи и трудности храбрость и верность российских солдат никогда поколебать не могли».

Согласно этой «Инструкции» командиру предоставлялись широкие дисциплинарные права, подчеркивалось, что порядок должен достигаться прежде всего уважением («любовью»). Запрещалось не только бить рекрута, но и «стращать». Рекрут «при обращении к начальнику должен быть без робости, но с смелостью».

Большое влияние на направление воинского воспитания оказал русский полководец П. А. РУМЯНЦЕВ. Исторические документы свидетельствуют о популярности Румянцева в армии, о его нравственном влиянии на подчиненных, отеческой любви к солдату. Румянецв ратовал за то, чтобы «привести (нижних чинов) в приличное военным людям состояние, внушить им добропорядочную жизнь, вежливое обхождение и чистоту». «С нижними чинами, — требовал Румянецв, — ротным офицерам весьма старатца случаю искать входить в разговоры, внушая им, что при добром исповедании и послушании всего им

приказанного они в состоянии всякое дело произвести наидостохвальнейшим образом».

Воинскую дисциплину Румянцев считал «душою службы». Он выступал за строгое, непременно однообразное и точное исполнение гарнизонной службы и знание солдатами их прав и обязанностей. Воспитательная система, по его мнению, заключалась в стремлении установить разумную дисциплину, сознательное отношение к воинскому долгу, чести и высокому призванию воина. Вместе с тем он не допускал слепого исполнения уставов. «В армии полки хорошими будут от полковников, а не от уставов, как бы быть им должно»,— утверждал он.

Уважая солдата, Румянцев требовал от своих офицеров такого же уважительного отношения к нуждам их подчиненных. «В течение прошедших кампаний,— пишет Румянцев Потемкину,— часто подавал я всем и каждому наставления... о имении к ним пригрения и обережения их всевозможными способами от болезней и лишних трудов, а особливо от побой, иногда бесчеловечно им делавшихся, и о снабдении их всем надобным».

Честь офицерская и солдатская понималась Румянцевым как высшее проявление всех добродетелей военного человека. Он считал, что офицеры только тогда достойны звания защитника Отечества, когда они «должность и ревность к службе и собственную свою честь в единственный вид и способ своего благополучия заключат».

Взгляды Румянцева по вопросам воспитания во многом совпадали с воззрениями фельдмаршала Г. А. ПОТЕМКИНА, который стремился максимально связать обучение и воспитание офицеров и солдат с потребностями боевой практики войск. Он требовал «обучать людей с терпением и ясно толковать способы к лучшему исполнению».

Потемкин в своей деятельности по обучению и воспитанию войск стремился всемерно развивать у солдат смелость и решительность. При этом он предлагал использовать разнообразные стимулы, учредить специальную солдатскую медаль для поощрения за храбрость и мужество в бою.

Потемкин выступал за внимательное отношение начальника к подчиненным, старался поднять нравственное достоинство солдат. «Солдат есть название честное,— говорил он,— которым и первые чины именуются. ...Долг военного человека побуждает пещись о сохранении людей. Я худо сплю от сей заботы».

Потемкин требовал от командиров проявления отеческой заботы к солдатам, «чтобы с людьми обходились со всевозможною умеренностью, старались бы об их выгодах, в наказаниях не преступали бы положенных, были бы с ними так, как я, ибо я их люблю как детей».

Большое значение придавал он личному примеру командира. «Господа полковые командиры,— предписывал Потемкин в ордере на имя генерал-аншефа А. В. Суворова,— долг имеют испытать наперед самих обер- и унтер-офицеров, достаточно ли они сами в знании; унтер-офицерам и капралам отнюдь не позволять наказывать побоями, а понуждать ленивых палкою, наиболее отличать прилежных и доброго поведения солдат, отчего родится похвальное честолюбие, а с ним и храбрость. Читать притом в свободное время из военного артикула, чем солдат обязан службе».

Потемкин выступал против всего парадно-показного, призывал полковых командиров воспитывать у офицеров чувство уважения к солдату: «Всякое принуждение, как то: вытяжки в стоянии, крепкие удары в приемах ружейных,— говорил он,— должны быть истреблены, но вводить добрый вид при свободном держании корпуса; наблюдать опрятность, столь нужную к сохранению здоровья, содержание в чистоте амуниции, платья и обуви; доставлять добрую пищу и лудить почасту котлы. Таковыми попечениями полковой командир

может отличаться, ибо я на сие буду взирать, а не на вредное щегольство, угрожающее тело».

Развитие идей Румянцева и Потемкина нашло отражение в «Инструкции ротным командирам» полковника графа Воронцова. Этот документ, составленный, по-видимому, под влиянием Румянцева и с его одобрения в 1774 г., содержит много свежих мыслей. Большое место в воспитании отводится боевым традициям. Воронцов указывал, что «надлежит внушать солдатам любовь и привязанность к полку, в котором он служит, а как честь, заслуженную полком, каждый старается переносить и на себя... то необходимо поддерживать и умножать подобные мнения, объясняя всякому полковую историю...» Ротные командиры, по мнению Воронцова, должны были неустанно внушать своим подчиненным, что беспокойное, трудное и опасное положение солдата сравнительно с другими людьми «отличается от них неоспоримою честью и славой, ибо воин превозмогает труды часто несносные и, не щадя своей жизни, обеспечивает своих сограждан, защищает их от врагов, обороняет Отечество...»

Ротный командир, по «Инструкции» Воронцова, должен был воспитывать у солдата чувство собственного достоинства, он обязан был внушать солдату, «как должен думать о важности своей особы, когда стоит на часах, что в это время никто, какого бы звания и чина не был, не имеет права ему сказать брань или грубое слово и вообще оказать какую-нибудь неучтивость...» Примечательно в этой связи, что если замечалось, что солдат «не наказал оказавшего ему грубость оружием», то согласно «Инструкции» сам строго наказывался.

Вся воспитательная работа, по мнению Воронцова, могла быть достигнута искусными «поучениями и толкованиями каждому рядовому». «Знаю,— говорил он,— какая великая разница командовать людьми, хорошо выученными и совершенно знающими долг своего звания и преисполненными благородным честолюбием...» Воронцов вслед за Румянцевым и Потемкиным считал, что забота о подчиненных — это долг офицера. По этому поводу он писал, что нет ненужных мелочностей в службе и что офицеру стыдно не иметь попечения о том, что относится до солдата.

Богатый опыт семилетней войны и преобразования в русской армии, успешно проведенные Румянцевым, оказали основополагающее влияние на великого русского полководца А. В. СУВОРОВА, которому удалось не только творчески обобщить все лучшее, что было достигнуто отечественной военной наукой и практикой, но и внести существенный вклад в развитие системы воспитания и обучения войск. Будучи еще командиром Суздальского пехотного полка, А. В. Суворов высказал важные положения, касающиеся подготовки личного состава, и главное то, что успех в бою зависит не столько от числа солдат, сколько от их морального духа.

Суворову удалось многого достигнуть в улучшении системы воспитания и обучения войск благодаря тому, что он правильно понял и оценил национальные особенности русского солдата, способного проявлять чудеса храбрости и героизма, самоотверженно идти в бой за командиром, умеющим показать личный пример, проявляющим постоянную заботу о своих солдатах. А. В. Суворов, как никто другой, мог мобилизовать все силы и средства для развития и внедрения в войска этих нравственных начал. В любом деле прежде всего он начинал с самого себя, с воспитания командира-воспитателя. Его личный пример с неотразимой силой действовал на солдат и офицеров. Ни Румянецв, ни Потемкин не имели такого влияния на личный состав, как Суворов, потому что они, в отличие от Суворова, в основном только разрабатывали и направляли процесс воспитания и обучения войск. Суворову же, прослужившему семь лет в солдатском строю, удалось досконально изучить и понять душу русского солдата.

Суворов требовал от подчиненных самой широкой инициативы, направленной на достижение победы над врагом. Так, в период польской кампании, он писал: «Спрашивать старших накрепко запрещаю; но каждому постовому командиру в его окружности делать... самому собою скорый и крепкий удар, под высяканием за малую деятельность». Суворов допускал «возражения низшего высшему, но с тем, чтобы оно делалось пристойно, наедине, а не в многолюдстве, иначе будет буйством; излишние рассуждения свойственны только школьникам и способностей вовсе не доказывают — способность видна лишь из действий». Для того времени подобное отношение к подчиненным было невиданным демократизмом и позволяло приобрести воину уверенность в себе, в своих силах и способности сокрушить любого врага. Эту уверенность Суворов воспитывал в своих подчиненных целенаправленной индивидуальной работой. «Каждый,— говорил Суворов,— шел через мои руки, и сказано ему было, что более знать ему ничего не осталось, только бы выученное не забыл. Так он был на себя и надежен — основание храбрости».

Примечательно, что гениальный полководец обучение и воспитание считал единым процессом, требующим от командиров настойчивости, последовательности и продуманности. Он писал: «В обучении эскерции и прочею наблюдать, чтоб поступаемо было без жестокости и торопливости, с подробным растолкованием всех частей особо и показанием одного за другим». Суворов считал, что готовить войска нужно не к плац-параду, а к войне «со всяким неприятелем», а потому целью воспитательного процесса полагал привитие таких качеств, чтобы «всякой при всяком случае» был «бодр, смел, мужествен и на себя надежен».

Суворов неоднократно подчеркивал, что обучение войск — процесс бесконечный, где нет места завершенности. Он требовал от своих подчиненных постоянно заниматься самообразованием. К примеру, в послесловии к «Полковому учреждению» сказано: «Не надлежит мыслить, что слепая храбрость дает над неприятелем победу, но единственно смешенное с оною военное искусство. Чего ради не должно ли пещися единожды полученное в нем знание не только содержать в незабвенной памяти, но к тому ежедневными опытами нечто присокоуплять».

Суворовские заветы нашли продолжателей в лице Кутузова, Багратиона, Прозоровского и других военачальников. Эти полководцы в своей воспитательной деятельности неизменно обращались к основам, заложенным их гениальным учителем. Войны с Францией и Турцией, которые пришлось вести русской армии в начале XIX в., на деле подтвердили жизненность принципов обучения и воспитания войск, применявшихся этими прославленными военачальниками. Так, М. И. КУТУЗОВ вслед за Суворовым считал, что послушание и дисциплина, «будучи душою службы воинской», зиждится отнюдь не на наказании, а на сознательном отношении к делу защиты Отечества.

Поистине гигантским было воздействие на систему воспитания войск Отечественной войны 1812 г. Чудеса мужества, героизма, отваги показал русский солдат в этой войне, а широко развернувшаяся партизанская война доказала живую и могучую силу патриотизма русского человека. Прошедшие через горнило этой войны офицеры вынесли мысль о решающем значении моральной силы в победе над врагом. По убеждению М. И. Кутузова, субординация, дисциплина, бывшие стержнем воинского воспитания в армиях Западной Европы, «сколь ни велики... сами по себе, останутся бессильными тогда, когда не оживятся они тем воинским духом, который преоборяет все обстоятельства, не находит препон ни в каких предприятиях».

Видные военные деятели России — Петр I, Румянцев, Потемкин, Воронцов, Суворов, Кутузов — постоянно обращались к проблемам обучения и воспи-

тания войск, но обращения эти отражались в основном в приказах, распоряжениях, инструкциях и наставлениях и носили не столько теоретический, сколько прикладной характер. Это было естественно для того времени, поскольку военно-научные дисциплины, в том числе военная педагогика, в России делали тогда свои первые шаги.

Появление в первой четверти XIX в. «Военного журнала» открыло возможность публично обсуждать и теоретически осмысливать проблемы обучения и воспитания в русской армии. С первых номеров этого печатного органа настойчиво проводилась идея преемственности развития взглядов по этим вопросам, начиная с эпохи Петра I.

Многочисленные статьи, публиковавшиеся в «Военном журнале», обобщали и систематизировали опыт обучения и воспитания войск. Во многих из них подчеркивалась необходимость быть ближе к людям, указывалось, что через «частое с солдатом обращение... придает ему смелость, расторопность и честолюбие, а притом выигрывается его любовь и доверенность... Строгость в службе непременно быть должна, однако ж умеренная, справедливая и небесчеловечная; солдат без ропота сносит строжайшее наказание, когда только оно заслужил; а напротив того, несколько ударов, полученных им невинно, приведут его в омерзение...»

Авторы публикаций в «Военном журнале» отмечали, что высокий моральный дух войск, их дисциплинированность заключаются не в палочной системе, а в сознательности; огромное значение имеет личный пример офицера. «Сила ему (офицеру) недостаточна, чтоб заставить себе искренно повиноваться,— говорится в одной из статей,— надобно ему приобрести уважение своих подчиненных превосходством своих познаний и своих доблестей».

«Военный журнал», а впоследствии «Военный сборник», являясь выразителем идей передового офицерства того времени, огромное значение придавал пропаганде воспитания солдат и офицеров на исторических традициях. По мнению генерала Русанова, «российский солдат должен знать, что праотцы и предки его для славы своего Отечества, для безопасности своих сограждан голод, жажду, труды и смерть ни во что вменяли; они стократно поражали татар, турок, персов, шведов, пруссаков, поляков, французов; грудь их была крепкою и непреодолимою стеною противу всех вражеских усилий. Все сие он должен хранить в своей памяти, подражать столь достохвальным примерам и с терпением ожидать своего жребия...».

Важный вклад в развитие взглядов на обучение и воспитание внесли декабристы, бывшие в большинстве своем образованнейшими генералами и офицерами того времени. Считая, что «воинское звание столь почтенно, что не должно соделываться уделом недостойного человека» (П. И. Пестель), декабристы видели свою задачу в развитии лучших начал своих подчиненных.

Так, А. Е. Розен развитие «нравственных правил» считал «важною отраслью воспитания». Он категорически выступал против того, чтобы довольствоваться «безотчетным послушанием страха ради». М. А. Бестужев, И. Д. Якушин, Фонвизин в подчиненных им частях решительно искореняли палочные методы поддержания дисциплины и порядка. Характеризуя русского солдата, Оболенский писал, что в строю голос солдата «есть голос истины, выражаемый всегда ее неподдельным одушевлением к тому лицу, которое заслужило его доверие».

Нравственное воспитание, высокий моральный дух личного состава всегда являлись предметом особой заботы героев Крымской войны — адмиралов В. А. КОРНИЛОВА и П. С. НАХИМОВА. Их взгляды на обучение и воспитание продолжают традиции известных русских военачальников.

Силу личного примера как действенного средства воспитания ценил Нахимов. Во время обороны Севастополя он ежедневно приходил на бастионы,

«умышленно или нечаянно останавливался для отдачи приказаний и расспросов на самых открытых и опасных местах... Результат выходил тот, что, делая это ежедневно в продолжение нескольких месяцев, адмирал вселял убеждение, что жертвовать собою для исполнения долга — дело самое простое, обыденное, и, вместе с тем, в каждом являлась какая-то уверенность в своей собственной неуязвимости... Из трех способов действовать на подчиненных: наградами, страхом и примером — последний есть вернейший».

Как и Суворов, Корнилов и Нахимов не отделяли себя от солдатской массы, а жили вместе с нею одной жизнью и одними заботами. «Товарищи!.. — обращался Корнилов к защитникам Севастополя.— Тот изменник, кто протрубит ретираду. И если я сам прикажу отступить, коли меня». «Флагманы и капитаны,— докладывает Нахимов Корнилову о победе под Синопом,— выказали и знание своего дела, и самую непоколебимую храбрость, равно как и подчиненные им офицеры, нижние же чины дрались как львы». Благодаря личному составу за храбрость и мужество, он говорил: «С такими подчиненными я с гордостью встречаюсь с любым неприятельским европейским флотом».

Нахимов всецело доверял своим подчиненным, говоря: «Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться как герой...» Его уверенность позволяла отказаться от мелочной опеки и регламентации действий подчиненных, напротив, он требовал от них инициативы. В приказе на сражение под Синопом Нахимов пишет: «Я выскажу мысль, что все предварительные наставления при переменившихся обстоятельствах могут затруднить командира, знающего свое дело, и поэтому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг».

С именем выдающегося военного деятеля России М. И. ДРАГОМИРОВА связано появление и становление в русской армии целой военно-педагогической школы. Основываясь на большом опыте службы в войсках, Драгомиров разработал систему обучения и воспитания, которая в наиболее полной мере учитывала конкретно исторические реальности русской армии и специфику русского национального характера и соответствовала последним достижениям военно-теоретической мысли России и зарубежных стран того времени. Его военно-педагогические идеи отличались тесной связью с потребностями боевой практики войск, стремлением к всестороннему развитию личности солдат, привитию им лучших нравственных начал.

В деле подготовки войск, как считал Драгомиров, главное место занимают вопросы воспитания. «Воспитание важнее образования, потому что военное дело в значительной степени более дело волевое, нежели умовое».

Драгомиров видел несколько задач в области нравственного воспитания: привитие военным служащим боевого духа («нравственной энергии»), необходимого для одержания победы в бою, патриотизма и дисциплины. «Старайтесь прежде всего вкоренить в солдат чувство военного долга, развеите в его голове идеи чести и честности,— подчеркивал Драгомиров,— укрепите и возвысьте его сердце, а остальное придет само собою... Выше всего... стоит готовность страдать и умирать, т. е. самоотвержение... оно дает силу претерпеть до конца, принести Родине жертву высшей любви».

Воинская дисциплина, как писал Драгомиров, «есть совокупность нравственных, физических и умственных навыков, нужных для того, чтобы офицеры и солдаты всех степеней отвечали своему назначению». Драгомиров связывал дисциплину с нравственной зрелостью военнослужащего: «Дисциплина заключается в том, чтобы вызвать на свет божий все великое и святое, тающееся в глубине души самого обыкновенного человека». При этом он замечал, что духов-

ный потенциал военнослужащего может раскрыться в условиях строгого соблюдения дисциплины и через дисциплину.

Важным вопросом считал Драгомиров взаимоотношения военнослужащих. «В мирное время близость офицера к солдату обеспечит правильное воспитание последнего, — говорил он. — В военное время эта близость послужит той внутренней спайкой в армии, которая делает самоотвержение ее безграничным; армия, в которой офицер пользуется доверием солдата, имеет на своей стороне такое преимущество, которое не может быть приобретено ни численностью, ни совершенством техники, ни чем-либо иным».

Большие требования предъявлял Драгомиров к офицеру, который, по его мнению, «должен обладать искренней преданностью и любовью к военному делу, которое потребует от него значительного напряжения как духовных, так и физических сил, и добросовестно его сможет выполнять только тот, у кого есть любовь к нему, кто посвятил себя этому делу и решился служить ему не только за страх, но и за совесть; если всего этого нет, — то лучше бросьте это дело и снимите военный мундир: для всех от того бесспорно будет только лучше; да и честнее это...»

М. Драгомирову принадлежит заслуга в возрождении и популяризации в русской армии взглядов А. В. Суворова на обучение и воспитание войск. Благодаря его энергичным усилиям в России был переиздан труд великого полководца «Наука побеждать» с подробным комментарием.

Военно-педагогические взгляды М. Драгомирова развил и дополнил другой выдающийся военный деятель России, герой русско-турецкой войны генерал М. Д. СКОБЕЛЕВ. Человек, отличавшийся незаурядными способностями, храбростью и личной отвагой, он снискал себе большой авторитет и уважение в армии.

Подобно Драгомирову, Скобелев также много внимания уделял нравственному воспитанию офицеров и солдат. Будучи командиром корпуса, в одном из приказов он требовал от офицеров «проникнуться убеждением, что неустанная заботливость о солдате, любовь к нему, делом доказанная, лучший залог к победе». «Солдата нужно бодрить, веселить, — указывал Скобелев, — у нас солдат молодой, впечатлительный и требующий сердечного ухода за ним».

Сторонник железной дисциплины, Скобелев вместе с тем вел решительную борьбу с рукоприкладством, унижением личного достоинства солдат. Он писал: «Дисциплина должна быть железною. В этом нет никакого сомнения, но достигается это нравственным авторитетом начальника, а не бойней...»

М. Д. Скобелев высказывал много интересных мыслей о воспитании у офицеров и солдат взаимного уважения, взаимовыручки, храбрости, инициативы. «Мы все должны помнить, — говорил он, — что на взаимной помощи зиждется победа...» Для воспитания чувства взаимовыручки Скобелев предлагал так называемое «куначество», т. е. близкое знакомство личного состава подразделений и частей друг с другом путем организации совместного досуга. Скобелев стремился к «воспитанию всех частей, от роты, эскадрона, батареи до дивизии и артиллерийской бригады, в духе неразрывной связи, уважения друг к другу и готовности, в решительные минуты, всем пожертвовать для товарищей».

Военно-педагогическая деятельность Драгомирова подготовила базу для дальнейшего развития отечественной военно-педагогической науки. Многие русские генералы и офицеры на практике совершенствовали систему обучения и воспитания войск. К их числу относится генерал И. В. ГУРКО. Будучи командующим Варшавским военным округом, он активно выступал против тех «начальствующих лиц, которые... относились к делу с чисто формальной стороны, не приложив к нему сердца и ставя свои личные удобства выше возлагаемых на них обязанностей по руководству воспитанием и обучением порученных их

заботам людей». И. В. Гурко добивался, чтобы его офицеры «первыми подавали пример нижним чинам к служебной исполнительности».

Проблемам воинского воспитания в период после русско-турецкой войны был посвящен целый ряд работ теоретического характера. Наряду с Драгомировым эту тему разрабатывали Маслов, Бутовский, Грулев, Кузьминский, Парский, Терехов, Шнеур, Мау и многие другие. В их трудах особо поднимается вопрос нравственного воспитания.

Так, генерал Маслов в труде «Анализ нравственных сил бойца» подчеркивал, что «облагораживание простого солдата всегда вело к серьезному подъему могучести армии». Он считал, что «крепость субординации держится на уважении прав подчиненных со стороны начальника». Маслов неоднократно указывал, что в солдате следует воспитывать чувство самоуважения, поскольку «с потерей уважения к себе воин, несмотря на свое безропотное подчинение начальникам, перестает быть способным к бою, так как у него нет доброй воли и необходимой энергии, чтобы отстаивать не только интересы своего государства, но и лично самого себя».

Н. БУТОВСКИЙ, посвятивший проблемам воинского воспитания целую серию статей и книг, считал, что нужно и воспитание, и «разумная муштровка», чтобы солдат «не действовал бы как фридриховская машина, а был бы в своей маленькой области человеком разумным, инициатором». Обращаясь к офицерам с призывом «и муштруйте, и воспитывайте!», Бутовский подчеркивает: «но только — сначала себя, а потом солдата».

Видя конечную цель гармоничного сочетания нравственного и умственного развития в выработке разумной исполнительности, Бутовский считал, что условием такого воспитания должна быть любовь солдата к его роте, «чтобы хорошему человеку хорошо жилось в своей роте и было бы за что любить ее». Он подчеркивает, что «справедливость требует одинаково заботиться как о хороших, так и о дурных людях в отношении к их нуждам... Только при такой справедливости начальник становится любимым и может рассчитывать, что его ласковое слово имеет цену в среде подчиненных».

Особое внимание к вопросам обучения и воспитания войск стали проявлять в России после бесславного поражения в русско-японской войне. Многие русские офицеры и генералы, в первую очередь те, кто непосредственно принимал участие в этой войне, пытались анализировать причины поражения. Большинство работ, посвященных военно-педагогической тематике, касались вопросов роли офицера в современной войне.

О взаимосвязи морально-этических отношений офицера и солдата с боевым духом войск говорил генерал **М. ГРУЛЕВ**: «Первым шагом в подъеме престижа солдата, в удовлетворении давно народившихся его духовных потребностей должно служить обращение со стороны офицера с солдатом на «вы». Большое значение Грулев придавал тону взаимоотношений начальника с подчиненным. «Ни для кого не секрет, что появление начальника в виде грозы и злого ненастья — у нас часто отождествляется со служебным рвением. Путаница понятий и взглядов способствует тому, что за такими начальниками устанавливается репутация людей «требовательных». Это — «герои» мирного времени. Но при первом боевом экзамене эти «орлы» обращаются в ягнят». М. Грулев считал, что причины отсутствия инициативы у командиров во время русско-японской войны были заложены в той укоренившейся системе взаимоотношений начальника и подчиненного, когда «мнения и взгляды последнего забиты и затурканы постоянными окликающими начальства».

К. КУЗЬМИНСКИЙ, анализируя причины поражения в войне, одной из основных назвал «безыдейность». Офицеры не были морально готовы к боевым действиям. Вся система их подготовки и службы в полках делала из них «не

рыцарей без страха и упрека, а обыкновенных сереньких людей», а «солдат, не видя в своем начальнике героя, человека, за которым он готов идти в огонь и в воду, не мог проявить свои природные качества героя». По мнению Кузьминского, «только тот может всею душой любить свою Родину, защищать ее до последней капли крови, кто знает ее прошлое, кто сроднился с этим прошлым, кому известно, какой дорогой ценой досталось благополучие страны».

Целая система реформ в вопросах обучения, воспитания и службы офицеров и солдат русской армии развернута в работах генерала Д. ПАРСКОГО «Причины наших неудач в войне с Японией. Необходимые реформы в армии», «Боевая подготовка нашего солдата», «Что нужно нашей армии?».

Фундаментальные труды и статьи, опубликованные в периодической печати России того времени, имели одну направленность — они обобщали мысли боевых офицеров и генералов, искавших эффективные возможности повышения боеспособности русской армии на путях существенного улучшения воспитания и обучения офицеров и солдат.

Когда вчитываешься сегодня в строки, написанные в разные столетия, становится очевидно, как от поколения к поколению передавалось в русской армии понятие о долге и чести воинской во славу государства Российского.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что усилиями лучших представителей офицерского корпуса в России была создана собственная, богатая традициями национальная школа воинского воспитания. Характерными ее особенностями были патриотизм, гуманность, высокое чувство долга, сознательное отношение к ратному труду и другие нравственные качества, без которых не мыслился настоящий, самоотверженный защитник Отечества.

Эти лучшие традиции воинского воспитания не утратили своей значимости по сегодняшний день, их жизненная сила постоянно подтверждается военно-педагогической деятельностью командных кадров Советских Вооруженных Сил.

Вступительную статью к собранию уникальных документов и материалов, объединенных емким названием «О долге и чести воинской в российской армии», хотелось бы завершить обращением, адресованным к читателям еще в начале XX в. одним из авторов публикуемых материалов: «Предлагаемые очерки не представляют собой вполне самостоятельного труда. Но я был бы счастлив и уделом простого плотника, подготовившего вехи для изыскания новых путей свободного творчества в области военной педагогики».

В. ЛОБОВ

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ВЕК
ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ~
ПЕРВАЯ
ПОЛОВИНА
ДЕВЯТНАДЦАТОГО

Испокон веков Россия испытывала на себе мощное давление извне. Многочисленные орды кочевников с востока, польско-литовские захватчики с запа-

да, немецкие рыцарские ордена и шведы с севера, турки и татары с юга на протяжении столетий опустошали русские земли. Все это не могло не сказаться на формировании национального характера, на отношении к военной службе. В народном эпосе, песнях, былинах, сказках народ воспевал храбрость и отвагу тех, кто не щадил ни сил, ни самой жизни, обороняя родную землю от иноземных завоевателей. Защитники Отечества всегда пользовались неизменной любовью народа, а профессия воина считалась трудной, опасной и благородной. Такое отношение к ратному труду в народной среде воспитывало у русских воинов качества, которые всегда отмечали как враги, так и союзники: стойкость в обороне, решительность в наступлении, храбрость, инициатива, презрение к смерти, взаимовыручка.

Начиная с эпохи Петра I, когда с образованием регулярной армии в России начал формироваться офицерский корпус, воспитание личного состава армии и флота основывалось на положении, что русский солдат и матрос служит не ради чести и славы своей или императора, а в интересах государства Российского. «Вот пришел час, который решит судьбу Отечества,— обращался Петр I к воинам перед Полтавской битвой.— И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество... А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего».

В свое время Петр I отказался от набора наемников, после того как они во главе с фельдмаршалом фон Круи первыми сдались шведам в плен под Нарвой. С тех пор русская армия и флот перешли на комплектование посредством рекрутских наборов. Эта система позволяла иметь надежный источник пополнения армии и флота рядовым составом. Офицерский состав был исключительно дворянским и готовился как в созданной системе военно-учебных заведений, так и непосредственно в войсках гвардии, рядовой состав которой составляли дворяне, выходившие оттуда офицерами в армейские полки. Все дворяне обяза-

ны были служить, исключение из этого общего правила, установленного Петром I, могло быть предоставлено только тяжело раненым или неизлечимо больным.

Рекрутская система в определенной мере способствовала перенесению в армию и флот сложившихся отношений крестьян-общинников, поддерживавших друг друга и противопоставлявших давлению помещика только общую силу общины. Признак землячества имел и глубокие исторические корни в русской армии. Наименования многих полков — Орловский, Козельский, Тверской и т. д. вели свою родословную от названия земель, поставлявших своих ратников в ополчение, и сохранялись как проявление национально-патриотических настроений.

Одним из суворовских принципов, лежавших в основе обучения и воспитания войск, был: «Сам погибай, а товарища выручай!» Этот принцип как нельзя более сочетался с жизненным укладом крестьян-общинников и поэтому глубоко западал в души солдат.

Это очень точно подметил Ф. Энгельс, объясняя глубинные основы храбрости и самопожертвования русского солдата: «Русский солдат, несомненно, очень храбр. Пока тактическая задача решалась наступлением пехотных масс, действовавших сомкнутым строем, русский солдат был в своей стихии. Весь его жизненный опыт приучил его крепко держаться своих товарищей. В деревне — еще полукоммунистическая община, в городе — кооперированный труд артели, повсюду — *krugovaja poruka*, то есть взаимная ответственность товарищей друг за друга... Эта черта сохраняется у русского и в военном деле; объединенные в батальоны массы русских почти невозможно разорвать; чем серьезнее опасность, тем плотнее смыкаются они в единое компактное целое» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 403—404).

Хочется отметить еще одну важную особенность армии описываемого периода. Дело в том, что рекрутская повинность распространялась на исконно русское население. Только с конца XVIII в. она постепенно распространилась на украинское и белорусское население. Представители неславянских народов (татары, башкиры, калмыки) служили лишь в составе иррегулярной кавалерии. Таким образом, рядовой состав армии и флота отличался социальной, нацио-

нальной и религиозной однородностью, что придавало ему характер единого организма, культивировало чувство патриотизма, приверженности и любви к Отечеству, служению общему делу. В конечном итоге все эти особенности способствовали поддержанию более высокого морального духа в российской армии, чем в европейских армиях того периода, которые строились по наемному принципу и представляли собой пестрый по национально-этническому и религиозному составу конгломерат, который нельзя было ни обучать, ни вести в бой иначе, как с помощью одуряющей, жестокой муштры.

Безусловно, немаловажным фактором, определявшим воспитательную систему в войсках, была классовая структура российской армии рассматриваемого периода. Определенная часть офицеров-дворян переносила на армейскую службу приемы жестокого принуждения по отношению к солдатам-крепостным. Однако было бы неправильным считать, что в воспитательной системе данного периода преобладали бессмысленная муштра и палочные экзекуции. Национальные интересы создания высокопрофессиональной армии требовали принципиально иного отношения к солдату. Забота о воине, о его моральном духе являлась важнейшей стороной военной деятельности выдающихся русских полководцев П. А. Румянцева, Г. А. Потемкина, А. В. Суворова, М. И. Кутузова.

Постоянные войны, которые Россия вела в этот период с Турцией, Польшей, Швецией, Францией, суровая военная обстановка выдвигали лучшую часть офицерства и положительно влияли на улучшение отношений между этими офицерами и солдатами. Много можно привести примеров беззаветного служения Родине русских офицеров. В разное время они жили, по-разному складывались их судьбы, но всех их роднили обостренное чувство любви к Родине, чести, готовность до конца выполнить свой воинский долг перед Отечеством. Эти качества закладывали и развивали они в воспитательной работе со своими подчиненными.

Надо заметить, что прогрессивную роль в воспитании самих офицеров играли первые военно-учебные заведения России.

Сухопутный кадетский корпус (создан в 1731 г.), Артиллерийский и инженерный кадетский корпус (образован в 1762 г.) выпускали достаточно образованных, воспитанных в просветительском духе офицеров. Особое внимание уделялось нравственному воспитанию кадет. Цель подготовки трудолюбивого, честного и добронравного человека, верного слуги Отечества определялась так: «Сделать добродетельными и благочестивыми воспитанников; прививать им точное исполнение обязанностей, чувство долга, преданности государю, повиновение начальству, почтительность к родителям, уважение к старшим, любовь к ближним».

Официальные военно-исторические документы свидетельствуют о том, что к середине XVIII в. определились прогрессивные тенденции в воспитательной системе российской армии. Так, в «Инструкции конного полка полковнику» и «Инструкции пехотного полка полковнику», отражавших лучшие традиции военных реформ Петра I, акцент делается на уважительное отношение к солдату: «Помнить всегда, что он не крестьянин, а солдат, который именем и чином от всех его прежних званий преимуществует». Особое внимание в инструкциях уделяется обучению рекрутов: «Не должен быть не только сначала бит, но ниже страшен, а все же ласковостью и со истолкованием ему объяснить, разве по несколько времени усмотрится в нем грубое упрямство и сопротивление, по такому изъясняя его вину штрафовать».

Примерно в это же время выходит известный «Обряд службы» П. А. Румянцева, который содержит положения, упрощающие несение солдатами полевой службы.

В офицерском корпусе русской армии были, конечно, приверженцы и другой системы воспитания солдат. Нельзя сбрасывать со счетов и суровые наказания, увлечения плац-парадом и муштрой. Приемы воспитания солдат и меры поддержания дисциплины в полках порой целиком находились в зависимости от их командиров.

Борьба двух подходов в сложном и противоречивом процессе воспитания армии шла непрерывно. Однако тщетными были попытки выхолостить прогрессивные традиции обучения и воспитания, заложенные еще Петром I. Бесспорно, что к концу XVIII в. победу одержала передовая система воинского воспитания.

ПЕТР ПЕРВЫЙ

ПРИКАЗ ПЕТРА ПЕРВОГО ПЕРЕД ПОЛТАВСКОЙ БИТВОЙ

Воины. Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за православную нашу веру и церковь. Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы са-

ми своими победами над ним неоднократно доказывали. Имейте в сражении пред очами вашими правду и бога, поборающего по вас. А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе, для благосостояния вашего.

«Русский архив», № 1, 1871

ПЕТРА ПЕРВОГО ВЕЛИКОГО, РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖЦА, СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ДЛЯ ВОЕННОЙ БИТВЫ ПРАВИЛА

...Господа генералы смотреть имеют, чтоб им данные указы и те, которые они сами по оным другим дали, исправно исполняемы были, и в том *особ своих не жалеть*.

Также никто из господ генералов с места баталии прежде уступать не имеет, пока он от своего командира к тому указ не получит.— Кто же место свое без указа оставит или друга выдаст, или *бесчестный бег учинит*, то оный будет лишен и чести и живота.

И для того как генералам, так и офицерам повелевается, чтоб крепко то солдатам внушали и оных в том удерживали, а хотя б так и случилось, чтоб рядовых было удержать не можно, то генералам и офицерам остаться при тех, кои устоят, хотя конные при пехоте или пехота при коннице.

Антоновский. «Наука побеждать». Спб., 1808

ПЕТР I ВЕЛИКИЙ (Петр Алексеевич Романов) — русский царь, с 1721 г.— первый русский император. Выдающийся государственный и военный деятель, полководец и дипломат. Осуществил ряд важнейших преобразований, организовал оружейные и горные заводы, ввел рекрутскую повинность, создал регулярную армию, начал строительство флота, заложил основы русской школы военного искусства. Являлся автором и редактором уставов, ряда военно-исторических и научных трудов, создателем первых военно-учебных заведений, готовивших командный состав армии и флота.

УЧРЕЖДЕНИЕ К БОЮ ПО НАСТОЯЩЕМУ ВРЕМЕНИ РАССУЖДАЕТСЯ ПО СЕМУ

Понеже известно есть, что старых солдат не надлежит уже той экзерциции больше обучать, которая для рекрут учинена, ибо они тот грандус уже миновали, но надлежит непрестанно тому обучать, как в бою поступать. <...>

Надлежит каждого офицера и унтер-офицера главным генералам в вышеописанных делах искушать и на

поле оным велеть так делать порознь, яко к самому делу, и потом паки вкупе; и ежели который в том неискусен явится, а нижний лучше учинит, то верхнего сводить на низ, а нижнего на верх, чрез которую юстицию у всех охота и страх прирастет; кто же в том станет манить, и тот во время может своею головою заплатить.

«Русский инвалид», № 97. М., 1891

Артикул воинский с кратким толкованием

Божиею милостью, мы, Петр Первый, царь и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Повелеваем всем обще нашим генералам, штаб-, обер- и унтер-офицерам и солдатам, как поданным, так и чужестранным, в службе нашей пребывающим, покорным и послушным быть по своей должности, и все пункты сего артикула право исполнять, и всякому особливо высокого и низкого чина без всякого изъятия нам, яко государю своему, присягу чинить в том, дабы им верно, честно, с доброю охотою себя содержать, и как сии последствующие пункты в себе содержат, как честным воинским людям благопристойно, против всех наших и государств наших неприятелей, телом и кровию, хотя и в поле, в осадах, сухим и водяным путем прилучится, служить, и по крайне возможности тщательно радеть, и чтоб им наш и государств наших подданных убыток отвращать, против того же прибиток и лучшую пользу знать и вспоминать, и в том никакова ради страха не отбегать, ниже трудов жалеть толь долго, пока бог всякому живот продолжит. И дабы неведением никто не отговаривался, надлежит сей артикул на смотрах, а особливо при всяком полку по единожды прочи-

тать в неделю, чтоб всяк своего стыда, наказания и бесчестия удался и бегал, против того ж о благодеянии, храбрости и повышении прилежание имел. <...>

Петр I

Бомбардиры артиллерийского полка

О воинских припасах, ружье, мундире, о потрате и небрежении онаго

Арт. 56. Надлежит солдату, хотя б он в гарнизоне, на квартирах или в поле был, прилежно того смотреть, чтоб его мундир в целости был, и ружье его всегда вычищено и чисто было. Кто в том ленив явится, имеет от офицера своего (который прилежно смотреть имеет, чтоб его подчиненные как можно чисто ходили) наказан быть. Также и оный офицер крепкий выговор получит, который над подчиненными своими в том смотреть не будет и оных в их ленивстве не поправит.

Арт. 57. Кто свое ружье весьма бросит или в поле оставит, оный жестоко шпицрутенами наказан будет.

Арт. 58. Буде солдат свое ружье, заступ, пику, шпагу или что иное из припасов самовольно испортит или изломает, тогда надлежит онаго по случаю времени и обстоятельству дела жестоко шпицрутенами

гонять и из жалованья его оное починить.

Арт. 59. Если кто свой мундир, ружье проиграет, продаст или в заклад отдаст, оный имеет впервые и в другоряд жестоко шпицрутенами и заплатою утраченного наказан, а в третье раз стрелян быть; также и тот, который у солдата покупает или принимает такая вещи, не токмо тое, что принял или купил, безденежно паки возвратить, но и втрое, сколько оное стоит, штрафа заплатить должен, или по изобличению особы шпицрутенами наказан будет.

Толк. Ибо оружие суть самые главнейшие члены и способы солдатские, чрез которые неприятель имеет побежден быть. И кто ружье свое не бережет, оный худой знак своего солдатства показывает, и малую охоту иметь означится, чтоб свою должность надлежащим образом в бою отправлять; того ради пристойно есть онаго также жестоко наказать, который солдату в том помогает, ибо он тем солдата к службе своего государя негодна чинит. (...)

Фузелеры артиллерийского полка

О взятии городов, крепостей, добычей и пленных

Арт. 104. Когда город или крепость штурмом взяты будут, тогда никто да не дерзает, хотя вышнего или нижнего чина, церкви, школы или иные духовные дома, шпитали без позволения и указа грабить или разбивать, разве что гарнизоны или граждане в оном сдачею медлить и великий вред чинить будут. Кто против сего преступит, оный накажется яко разбойник, а именно: лишен будет живота.

Арт. 105. Также имеет женский пол, младенцы, священники и старые люди пощажены быть, и отнюдь не убиты, ниже обижены (разве что инако от фельдмаршала приказано будет) под смертною казнию.

Толк. Ибо оные или невозможности своей или чина своего ради никакова ружья не имеют при себе, и тако сие чести получить не можно, оных убить, которые оборонитися не могут.

Арт. 113. Все штандарты и знамена, которые от неприятеля возмущены, имеют его величеству или генералу, сколь скоро возможно, без замедления отданы быть. Кто сего

не учинит и оставит из оных при себе, тогда оный от чину своего без абшида отставлен, а рядовой шпицрутенами наказан будет.

Арт. 114. Всех пленных, которые при взятии городов, в баталиях, сражениях или где инде взяты будут, имеют немедленно оному, который команду имеет, объявить и отдать. Никто ж да не дерзает пленного под каким-нибудь предлогом при себе удержать, разве когда указ инако дан будет. Кто против сего преступит, имеет, ежели он офицер, чина лишен, а рядовой жестоко шпицрутенами наказан быть.

Толк. Ибо часто генералу или командиру зело потребно есть, чтоб он тотчас пленных получил и от оных о состоянии неприятеля и его намерении уведомиться возмог; ибо в малом умедлении времени великой интерес пренебрежен быти может.

Арт. 115. Никто да не дерзает пленных, которым уже пощада обещана и дана, убить, неже без ведома генерала и позволения освободать под потеряннем чести и живота.

Опубликовано одновременно с Уставом воинским в 1716 г.

СТАТЬИ ВО ВРЕМЯ ВОИНСКОГО ПОХОДУ

1

Чтоб каждый начальный смотрел доброго порядку у своих подначальных и всякое б дело не торопясь делал и не порывом, но тихо и порядочно под жестоким наказанием. <...>

6

Зело надлежит смотреть начальным, чтоб дерзновенно не въехать в рот неприятелю, так же есть ли какою причиною или множеством (неприятельских людей) назад пожут, и тогда отнюдь не должен никто бегать назад, но стоять до последнего человека как доброму

солдату надлежит под наказанием смерти, также и во время бою приказано задним стрелять из пушек и из ружья по тем беглецам без всякого милосердия. <...>

8

Всем как конным, так и пешим с божиею помощию радеть и делать как честным и добрым солдатам надлежит, под примером и наказанием 43 статьи Артикула воинского.

Достойное учреждение войску

Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого к Апраксиным, ч. 1. М., 1811

РУМЯНЦЕВ

ОРДЕР П. А. РУМЯНЦЕВА КОМАНДИРУ БРИГАДЫ БРИГАДИРУ А.-С. ГАРТВИСУ О МЕРОПРИЯТИЯХ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ И ПОРЯДКА В ВОЙСКАХ НА ОТДЫХЕ И НА ПОХОДЕ

1757 г. декабря 28

...1. Военная дисциплина чтоб в самовышнем градусе содержана была, и люди команды вашей, а хотя б то и в земле неприятельской, где точно приказано не будет, отнюдь никакого не только насилия, ниже малейшего озлобления живущим обывателям по тракту не причиняли, с объявлением таковым, что всякой яв[ив]шейся сего в непослушании, примерным и жестоким образом наказан будет. 2. Взаимно же, чтоб господа полковые и ротные командиры всевозможное употребляли полку людям своим подчиненным, дабы они ни в чем недостатка и нужды не имели, а особливо по нынешнему жестоко студеному времени, всякое излишнее для своего

покою отлагая, в недостатках в квартиры и в своих собственных им пристанище давали, не меньше ж того надзирать оным наистрожайше прикажите и над лошадьми, чтоб разве посредством доброго содержания при довольном корму и весьма умеренных маршах в лутчее состояние приходили. 3. С нижними чинами ротным офицерам весьма старатца случаю искать входить в разговоры, внушая им, что при добром исповедании и послушании всего им приказанного, они в состоянии всякое дело произвести наидостохвальнойшим образом...

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1659, л. 345—347 об. Из «Исходящего журнала переписки графа Румянцева»

ДОКЛАД П. А. РУМЯНЦЕВА ЕКАТЕРИНЕ II ОБ ОРГАНИЗАЦИИ АРМИИ

1777 г. май, Царское село

Статья IV

О заведении школ под титулом военных наук, художеств и ремесел

По малоимению среднего рода и разного звания ученых и мастеровых, войску необходимо потребных людей, и видя в приискании ино-

РУМЯНЦЕВ (Румянцев-Задунайский) Петр Александрович — русский полководец, генерал-фельдмаршал, продолжатель традиций Петра I в вопросах обучения и воспитания войск. Положил начало и успешно применял в боевой обстановке тактику колонн и рассыпного строя. Отличился в битвах Семилетней войны 1756—1763 гг., одержал ряд побед в русско-турецкой войне 1768—1774 гг. Многие положения Румянцева нашли отражение в уставах русской армии и ее организации.

странных, не говоря о убытке на содержание их употребляемом, многую трудность, взяты за надежные средства, заведением на лучшем основании, училищ, под титлом школ военных наук, художеств и ремесел, в главных ли или иных городах всякого края, и в сих офицерских и солдатских детей на достаточном содержании на ноге военной под рачительными и искусными надзирателями от лутчих учителей и мастеров по летам, понятию и способности приуготовлять к определению в квартирмистры, аудиторы, лекари, гобоисты, слесари, токари и прочие. <...>

Статья VIII

О непрестанном занятии войск потребным учением

Войскам довлеет всегда в исправности и готовности быть на службу и по сему, и многим иным важным резонам на физическое и моральное оным исправление непрестанно занятыми быть разными учениями... С тем вниманием, чтобы всякое с войсками предприятие им искусным образом вразумляемо и объясняемо было и чтобы иногда от их простого понятия или недостаточного доказательства надобное и полезное не показалось им в напрасную тягость, вовсе не событочным и не употребительным, и наконец не обратилось бы им в досаду и не навело отвращения. <...>

Статья XII

О награждениях

I. Честь всех деяний человеческих должна быть первым подвигом

ИНСТРУКЦИЯ ПЕХОТНОГО ПОЛКУ ПОЛКОВНИКУ, С ПРИЛОЖЕНИЕМ ФОРМ, ШТАТОВ И ТАБЕЛЕЙ

О должности полковника вообще

I-е. Главному в полку начальнику, то есть полковнику, все чины от первого до последнего подчиняются;

и живым образом всех достоинств, заслуг и добродетелей в почтенных вышними степенями людей...

Примечание: присвоение отличные способности имеющей особе многих званий и должностей со всеми к тем определенными доходами служить может несомненно и к большому поощрению, а иначе отягчительно и самому тщеславию, а иногда и службе вредно.

II. Некоторым штаб-, обер- и унтер-офицерам и известной части рядовым, из уважения к их долговременной службе, понесенным в войне тяжким трудам, а особливо бывшим в жестоких употреблениях, на поощрение другим, правосудно принадлежит некоторая прибавка в окладах или при увольнении из службы в раз известною суммою.

III. По мере заслуг и достоинств, и вовсе учинившиеся от тех же причин к службе не способными, государского признания признаются достойными.

Статья XIII

О произвождении

I. К произвождению в чины долговременная служба и старшинство были бы лучшими заслугами, ежели бы всегда находились тут же и все другие качества и отличные достоинства, которые потребны в людях на вышние степени приготавливаемых; а по сему и предоставлять старшинству право свое к произвождению не летами службы, но заслугами и достоинством доказывать.

Примечание: следуя общему заключению, те, которые только свою должность наряду отправляют, обыкновенную плату, а не похвалу заслуживают...

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 17775, л. 1—11 об.

он о всех и в полку происшествиях повседневно получает письменные и словесные рапорты чрез майора или подполковника и долженствует во всех делах, что до службы касает-

ся, делать порядочные и соответствующие тому распоряжения, кои безпрекословно и без переговоров по самой точности от всех его подчиненных исполняемы быть должны.

<...>

4-е. Поведение и способность всех подчиненных своих полковник должен сколько можно узнавать; особенно офицерское качество знать ему надобно, дабы всякого по его способности употребить с успехом возможно было.

5-е. Содержание в полку доброго порядка, конечно, паче всего от исправности офицеров зависит, и для того надлежит ему в том особенное искусство употребить, и хорошим образом каждого офицера к прилежному исполнению должности его и к порядочному поведению побуждать.

6-е. Все непозволенные в полку и ротах наживы всем образом возбранять и не допускать, напротив того, добрую экономию в полку и в ротах содержать и накрепко того смотреть, чтоб всякому положенное доходило; а паче нижним чинам никакой бы удержки в подлежащих выдачах, как в амуниции, провианте и жалованье, не было; равным образом имеет полковник должность смотреть, чтоб никто из полковых служителей ни в какие должности, чину и званию военного человека не принадлежащие, употреблен не был... а ординарца никто из полковых чинов, кроме одного полкового командира, иметь не может.

7-е. Таковых офицеров, которые беспокойства в полку заводят, всемерно полковнику должно удерживать, и сию заразу, которая крайний беспорядок и замешательство произвести может, при самом начале угашать и искоренять стараться, и хотя малое что к тому приметить, употребляет он свой аукторитет, к чему многие способы есть, да и все нижеписанные над впадшими в преступление офицерами штрафы суть

П. А. Румянцев

по власти полковничей, как например: 1) выговор при собрании других офицеров, 2) командирование на караул или в другую службу не в очередь, 3) арест с исправлением должности, 4) арест же в квартире или в палатке без всякого должности исправления, 5) арест за профоса и содержание ж на палочном карауле, 6) хождение пешком за фронтом во время похода.

8-е. Получаемые от рот и команд рапорты прилежно рассматривать, не пропуская ни малейшего обстоятельства, и о всем достоверно извещиваться; через что офицеры бывают осторожны и прилежны, да и он свои повеления сильнее давать может.

9-е. При всяком издаваемом повелении всегда за предмет иметь пользу службы, честь и сохранение полку, и буде сие наблюдено будет, то он ни в каком случае досадных следствий опасаться не может. Он долженствует строго смотреть, чтоб

Рейтар лейб-гвардии конного полка

непрерывно то исполнялось, что от него приказано, и чтоб ни малейшей отмены сделано никем в полку не было, ибо иначе приказы его могут приттись в презрение; все просьбы и жалобы от своих подчиненных и посторонних терпеливо выслушивать и скорее рассмотрение делать; вины и преступления, кои от его решения зависят, наказывать по важности преступления, и без решения таковых дел отнюдь не оставлять; от собственного же решения и наказания полковничьи вины и преступления всех его подчиненных зависят токмо те, которые по основанию преступления в силу военных регул не будут подлежать по военному суду приговору, офицерских чинов лишения офицерского достоинства и тяжчее, а нижних чинов более гонения шпицрутен трех раз.

10-е. Ничто так в слабость не приводит, как то, когда полковник не делает всему, что в полку ни есть,

осмотров, и для того надлежит ему в ротах ружье, мундир, амуницию, упряжь и лошадей самому осматривать почасту.

11-е. Полковнику честь и право полку своего весьма удерживать во всяком случае стараться; однако ж при том за всякую мелочь шуму и ссор с начальниками не вчинять, но порядочно и вовремя о всем том представлять, что чести полку, следовательно и его собственной, к предосуждению следовать будет. <...>

Чему новоприверстанного в полку рекрута и всех солдат вообще научать надлежит

1-е. Как скоро солдат или рекрут в полк, а потом и в роту определится, должно онаго рост смерять в роте, назначить ему по ранжиру место, ротной же командир с ним в разныя случаи несколько времени разговаривать должен, примечать его склонность, привычки, отдать его на руки сверх капрала и унтер-офицера в ту артель, в которую он напишется, надежному и добронравному солдату, чтоб он ежечасно того нового солдата обучал не только порядочному поведению, но как обуться, одеться и дать себе доброй вид; быть не лениву, смелу, проворну, поворотливу, чтоб крестьянская подлая привычка, уклонна, ужимка, чесание при разговоре совсем были из него истреблены. Ротному ж командиру всего на помянутом представленном солдате взыскивать; однако ж новоприверстанной не должен быть не только сначала бит, но ниже стращен, а все сие ласковостию и со истолкованием ему изъяснять; разве по несколько времени усмотрится в нем грубое упрямство и сопротивление, то такому, изъясняя его вину, штрафовать. <...>

5-е. Всякому ротному командиру надлежит по одиночке всех своей роты унтер-офицеров и солдат свидетельствовать и научать во всех званиях, умеют ли порядочно обу-

ваться, одеться, ходить, стоять, пристойно говорить, ружьем верно ли делают приемы, тверды ли в маршировании и оборотах, а от унтер-офицеров взysкивать и способов, каким образом других научать, и буде что недостаточно в ком усмотрит,

обучает с истолкованием, накрепко надсматривать, чтоб всякой во всем по его званию приведен был в надлежащую исправность.

«Инструкция полковничья пехотного полку, подтвержденная от ея императорского величества декабря 24 дня 1764 г.» Спб., 1764

О УЧРЕЖДЕНИИ ЕГЕРСКОГО КОРПУСА

Правила для обучения егерей 1789 г.

Егерей должно обучать следующему: обходиться с ружьем и держать его в чистоте, не простирая сие до полирования железа, вредного оружию и умножающее труды, бесполезные солдату.

Обучать заряжать проворно, но исправно, целить верно и стрелять правильно и скоро...

Приучать к проворному беганию, подпалзывать скрытными местами, скрываться в ямах и впадинах, прятаться за камни, кусты, возвышения и, укрывшись, стрелять и, ложась на спину, заряжать ружье; показать им хитрости егерские для обмана и скрyтия их места, как то: ставить каску в стороне от себя, дабы давать неприятелю через то пустую цель и тем спасти себя, прикидываться убитым и приближающегося неприятеля убивать. Учить также стрелять из пистолета, показав им меру выстрела, дабы понапрасну не стреляли на дистанции, куда пистолет не доносит... Выбрать по 20 человек с роты лучших здоровых, проворных, которые, обучившись прежде, будут служить потом для обучения прочих.

Фузелер лейб-гвардии Семеновского полка

Желательно, чтоб егеря другой стрельбы не делали, как цельной и проворной, из чего выйдет лучший батальонный огонь.

«Столетие военного министерства», т. IV, ч. 1. Спб., 1903

ПОТЕМКИН

ОРДЕР КНЯЗЯ Г. А. ПОТЕМКИНА ТАВРИЧЕСКОГО ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛ-АНШЕФУ И КАВАЛЕРУ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ СУВОРОВУ

Декабря 18 дня 1788 г.

Из опытов известно, что полковые командиры обучают часто движением, редко годным к употреблению на деле, пренебрегая самые нужные...

Я требую, дабы обучать людей с терпением и ясно толковать способы к лучшему исполнению. Господа полковые командиры долг имеют испытать наперед самих обер- и унтер-офицеров, достаточно ли они сами в знании; унтер-офицерам и капралам отнюдь не позволять наказывать побоями, а понуждать ленивых палкою, наиболее отличать прилежных и доброго поведения солдат, отчего родится похвальное честолюбие, а с ним и храбрость. Читать притом в свободное время из военного артикула, чем солдат обязан службе; не упускать в воскресные дни приводить к молитве.

В коннице также исполнять, что ей может быть свойственно: в выстроении фронтов и обороты производить быстро, а паче атаку, коей удар должен быть во всей силе. Сидеть на лошади крепко с свободностью, какую казаки имеют, а не по манежному при-

нуждению; стремяна чтоб были не длинны.

Построение как в коннице, так и в пехоте должно быть в две шеренги, ибо третья не служит для умножения огня, но мешает двум первым; полезнее прибавлять линии или резервов.

Артиллеристов обучать ежедневно примерно и с порохом, разве бы погода не позволяла. Егерей преимущественно обучать стрелять в цель.

Всякое принуждение, как то: вытяжки в стоянии, крепкие удары в приемах ружейных должны быть истреблены, но вводить добрый вид при свободном держании корпуса; наблюдать опрятность, столь нужную к сохранению здоровья, содержание в чистоте амуниции, платья и обуви; доставлять добрую пищу и лудить почасть котлы. Таковыми попечениями полковой командир может отличаться, ибо я на сие буду взирать, а не на вредное щегольство, удручающее тело.

Масловский. «Примечания и приложения к запискам по истории военного искусства в России», вып. II. Спб., 1894

ПОТЕМКИН Григорий Александрович — генерал-фельдмаршал, дипломат. С 1776 г. — генерал-губернатор Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний. Руководил строительством Черноморского флота. После присоединения Крыма получил титул «светлейшего князя Таврического». С 1784 г. президент Военной коллегии. В русско-турецкую войну 1787—1791 гг. главнокомандующий русской армией.

ЗАПИСКА КНЯЗЯ Г. А. ПОТЕМКИНА ТАВРИЧЕСКОГО ОБ ОДЕЖДЕ И ВООРУЖЕНИИ ВОЙСК

...В Россию, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные с педанством тогдашнего времени; а наши, не зная прямой цены вещам военного снаряда, почли все священным и как будто таинственным. Им казалось, что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, в ружейных приемах и пр. Занимая себя таковою дрянью, и до сего времени не знают хорошо самых важных вещей и оборотов, а что касается до исправности ружья, тут полирование и лощение предпочтено доброте; а стрелять почти не умеют. Словом, одежда войск наших и амуниция такова, что придумать почти нельзя лучше к угнетению солдат, тем паче, что он, взят будучи из крестьян в 30 почти лет возраста, узнает узкие сапоги, множество подвязок, тесное нижнее платье и пропасть вещей, век сокращающих.

Красота одежды военной состоит в равенстве и в соответствии вещей с их употреблением. Платье чтобы было солдату одеждою, а не в тягость; всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно есть плод роскоши, требует много времени, иждивения и слуг, чего у солдата быть не может...

Шляпа — убор негодный; она головы не прикрывает и, торча концами во все стороны, озабочивает навсегда солдата опасностью, чтобы ее не измять, особливо мешает положить голову и, будучи треугольником, препятствует ей поворачи-

ваться, да и не закрывает также от морозу ушей.

Кафтан и камзол с рукавами, как сих вещей вдруг не носят, то которая-нибудь и есть излишняя; покрой кафтана подает много поводу делать его разнообразным, следовательно, уравниения быть не может...

Сапоги делают так узки, что и надевать трудно, а скидывать еще труднее, особливо когда намокнут; при том сколько подвязок, чтобы они гладки были, и сколько лакирования, чтобы лоснились.

Для пехотного шпага лишняя тяжесть, оружие неупотребительное, о котором главное старание у всех, как бы ловчее надеть, чтобы маршировать свободнее, также и ворочаться, многия армии шпаг в пехоте не употребляют, а носят штыки...

Завивать, пудриться, плесть косы — солдатское ли сие дело; у них камердинеров нет. На что же пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков: что встал, то готов. Если бы можно было счесть, сколько выдано в полках за щегольство палок и сколько храбрых душ пошло от сего на тот свет?.. Простительно ли, что страж целости Отечества удручен был прихотями, происходящими от вертопрахов, а часто и от безрассудных?..

«Памятники новой русской истории». Сборник исторических статей и материалов, т. III. Спб., 1873

ИНСТРУКЦИЯ РОТНЫМ КОМАНДИРАМ ЗА ПОДПИСАНИЕМ ПОЛКОВНИКА ГРАФА ВОРОНЦОВА 1774 г., ЯНВАРЯ 17 ДНЯ, В 17 ПУНКТАХ СОСТОЯЩАЯ, НА 13 ЛИСТАХ

3

Если положение военного человека в государстве считается сравнительно с другими людьми беспокойным, трудным и опасным, то в то же время оно отличается от них неоспоримой честью и славою, ибо воин превозмогает труды часто неслосные и, не щадя своей жизни, обеспечивает своих сограждан, защищает их от врагов, обороняет Отечество и святую церковь от порабощения неверных и этим заслуживает признательность и милость государя, благодарность земляков, благодарность и молитвы чинов ду-

Мушкетер лейб-гвардии Семеновского полка

ховных; все это должно возможно чаще повторять и твердить солдатам; следует прилежно стараться вкоренить в них возможно более честолюбия, которое одно может возбуждать к преодолению трудов и опасностей и подвигнуть на всякие славные подвиги. Честолюбивый солдат все делает из амбиции и, следовательно, все делает лучше.

Но прежде чем приступить к этим внушениям, надлежит истребить из солдата дух крестьянства, который не только в рекрутах, но нередко и в старых солдатах, к сожалению и удивлению моему, остается. Для этого неотменно должно говорить, по возможности чаще, со всеми солдатами вообще и с каждым поодиночке, дабы каждый умел говорить, как прилично солдату, был бы смел, командира бы своего, если за собою ничего дурного не знает, не опасался; толковать ему все, что до солдата относится, чтобы каждый знал свою меру, сколько вершков, свое место, под кем и выше кого стоит, в которой шеренге, знал бы имена всех офицеров и штабных в полку и кто в какой роте; знал бы бригадирного, частного и дивизионного командира, каждого по имени, по отчеству и прозванию, знал бы фельдмаршала, которого славные дела им рассказывать; помнил бы всех генералов, у коих был в команде; надлежит внушать солдатам любовь и привязанность к полку, в котором он служит, а как честь, заслуженную полком, каждый старается переносить и на себя, что вполне справедливо в некоторых случаях, то необходимо поддерживать и умножать подобные мнения, объясняя всякому полковую историю...

Лагерь русских войск под Очаковом

Одним словом, храбрость и отличные дела нашего полка за все время его существования всем известны и везде славятся, почему все командующие армиями и все генералы чрезвычайно любят и почитают 1-й гренадерский полк. Это и обязывает каждого генерала, служащего в этом полку, вести себя отменно добропорядочно и храбро, дабы поведением своим не сделать полку стыда. В особенности надлежит каждому толковать, как нужны строй и порядок, и что оными победы тоже получают, как и храбростью; одна же храбрость без них ни к чему не служит...

Если солдаты будут иметь амбицию и будут сохранять строй непоколебимо, то и непобедимы будут перед какими бы то ни было превосходными силами, и ничто против них не устоит.

Я понимаю, что господам ротным

командирам покажется трудным делать подобные поучения и толкования каждому рядовому, но знаю и то, какая великая разница командовать людьми, хорошо выученными и совершенно знающими долг своего звания и преисполненными благородным честолюбием, или же такими, которые под именем солдата образ жития, образ мыслей и дух крестьянства сохраняют; сколь лестно первыми, столь же гнусно последними предводительствовать. Для этого требую я, повелитель в полку, точное исполнение сего артикула и строго по оному взыскивать буду, а с другой стороны, убеждаю господ ротных командиров их удовольствием, честью и славою. <...>

5

С приводом рекрут следует каждого из них отдать на руки старому

ВОРОНЦОВ Семен Романович — известный военный и политический деятель времен Екатерины II. С 1782 г. находился на дипломатической службе, был полномочным министром в Венеции, а в 1784—1806 гг. — в Лондоне.

и добропорядочному гренадеру, который должен смотреть за его поведением и учить мало-помалу разбирать и собирать ружье, чистить оное, а потом чистить амуницию, он же учит его одеваться, но все это ласкою и без наималейшей суровости. Маршированию же и приемам должен обучать рекрут сам ротный командир, а если рекрут много и ему времени не достанет, то на себя обязан взять некоторое их число, а прочих разделить по офицерам, унтер-офицерам или рядовым, хорошо знающим службу, но и то обучение должно происходить в его присутствии.

За маршировку и за приемы отнюдь не бить и не скучать показывать им, как должно делать. Я часто примечал, что рассудительный, знающий и терпеливый офицер, уча приемам и маршированию, никогда не станет драться, особенно же с мало умеющими; только ленивый и незнающий офицер в таком случае дерется, или потому, что не умеет людям хорошо растолковать, а сердится, что они дурно и ошибочно делают, или же, показав разов пять-шесть, с досады, теряя несправедливо терпение и не понимая того, что не все родятся равно проворными и что если есть между солдатами такие, которые быстро все понимают, то большая часть их тупо принимается за дело, и таковых-то бить безрассудно и бесчеловечно. *Неприлично и вредно, если солдат ружье свое ненавидит, а это легко сделать, если его бить за ученье, и когда он на ружье иначе не смотрит, как на инструмент своего мучения.* (...)

13

Ротный командир должен учить офицеров своей роты, чтобы они

в совершенстве знали экзерцицию ружьем, потому что если они этого не будут знать, то не будут в состоянии учить и поправлять своих подчиненных; чтобы они умели салютовать ружьем на месте и на походе, командовать взводами и полудивизионами и вообще знали все, что офицеру в строю знать надлежит, чтобы они знали военный устав, военные артикулы, пехотный строевой устав, все обряды службы и все, что в полку относительно службы установлено...

Ротный командир обязан неприлежных офицеров возбуждать к прилежанию, стараться внушать им охоту к службе, а не успевая в том, уведомить меня. (...)

17

Если необходимо, чтобы капитана, как главу в роте, все боялись и почитали, столь же необходимо, чтобы его любили и имели к нему полнейшее доверие. Он должен вести себя, как отец с детьми, увещевая непорядочных, направляя их советами и наказывая милости недостойных, отмечать и любить добрых, дабы они сами и все прочие видели, что есть наказание за зло и воздаяние за исправность и добродетель. Он должен входить во все подробности ротного хозяйства, помогать своими советами, изыскивать для солдат все выгоды, какие только от него зависят, без нарушения службы; иметь попечение о целостности всего им принадлежащего; должен как можно чаще посещать своих больных, наблюдать, достаточно ли за ними призрения, одним словом, иметь о солдатах попечение, как о своих детях.

«Военный сборник», № 11. М., 1871

СУВОРОВ

ПОЛКОВОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ (1764—1765 гг.)

О экзерцировании

Понеже праздность корень всему злу, особливо военному человеку, напротив того, постоянное трудолюбие ведет каждого к знанию его должности в ее совершенстве, ничто же так не приводит в исправность солдата, как его искусство в экзерциции, в чем ему для побеждения неприятеля необходимая нужда. Для того надлежит ему оной обучену быть в тонкость, и в начале господам обер-офицерам должно оную весьма знать и уметь показать, дабы, убегая праздности, подчиненных своих в надлежащее время и часы, чтобы ее не забывали, в ней свидетельствовать и без изнурения подробно обучать могли, так, чтоб оное упражнение вообще всем забавою служило. <...>

О должности ротного командира

1

Вся твердость воинского правления основана на послушании, которое должно быть содержано свято. Того ради никакой подчиненной пред своим вышним на отдаваемой

какой приказ да не дерзает не токмо спорить или прекословить, но и рассуждать, а паче оной опорочивать после в каком бы месте то ни было, но токмо повеленное неукоснительно исполнять. Иное есть представление, которое всюду в пристойное время, какого бы чину кто ни был, пред своим начальником к лучшему и кратко чинить похвально, однако и то чинить с великим рассмотрением, дабы не имело виду какого непослушания. От послушания родителя попечительное и непринужденное наблюдение каждого своей должности из его честолюбия в ее совершенстве; а в сем замыкается весь воинский распорядок. <...>

6

...Ежели кто из новоопределенных в роту имеет какой порок, яко то: склонен к пьянству или иному злому обращению, неприличному честному солдату, то старатца оного увещеваниями, потом умеренными наказаниями от того отвращать.

Умеренное военное наказание, смешенное с ясным и кратким истолкованием погрешности, более

СУВОРОВ Александр Васильевич — великий русский полководец, генералиссимус. Участник Семилетней войны 1756—1763 гг. В русско-турецкую войну 1787—1791 гг. одержал крупные победы у Фокшан и при Рымнике, штурмом овладел крепостью Измаил. В ходе Итальянского похода 1799 г. командовал союзной русско-австрийской армией. Вершиной полководческого искусства Суворова явился Швейцарский поход 1799 г. Суворов создал прогрессивную систему взглядов на способы обучения и воспитания войск, один из основоположников русского военного искусства.

А. В. Суворов

тронет честолюбивого солдата, не-
жели жестокость, приводящая оного
в отчаяние. <...>

...В обучении экзерциции и прот-
чего наблюдать, чтоб поступаемо
было без жестокости и торопли-
вости, с подробным растолкованием
всех частей особо и показанием
одного за другим. <...>

* * *

Не надлежит мыслить, что слепая
храбрость дает над неприятелем
победу, но единственно смешенное
с оною военное искусство. Чего ради
не должно ли пещися единожды
в нем полученное знание не токмо
содержать в незабвенной памяти, но
к тому ежедневными опытами нечто
присовокуплять?

...Содержать себя во всегдашней
исправности, наблюдать свою долж-
ность в тонкость, жертвовать мни-
мым ленистым успокоением истин-
ному успокоению духа, состоящем
в трудолюбивой охоте к военной
службе, и заслужить тем себе бес-
смертную славу.

А. В. Суворов. «Полковое учрежде-
ние». М., 1949

ПРИКАЗ А. В. СУВОРОВА ОБ ОБУЧЕНИИ СОЛДАТ И О ТАКТИКЕ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ КОНФЕДЕРАТОВ

1770 г., июнь

Господам штаб-офицерам, комен-
дантам на постах и протчим офице-
рам в праздное время обучать на
постах их команды и detachmentы
в тонкость, сколько основанием раз-
ных экзерциций, столько паче боль-
шим конным и пехотным и несколь-
ко линией и частей маневрам, эволю-
ции и атакам с жестоким и поспеш-
ным нападением, толкуя и приучая
к ним по различию их состоящим.
В различии положения мест равных,
низких и высоких, перерезанных,
лесистых, болотных — доходит до

истинного преимущества как в силе
ударения холодным оружием кон-
нице и пехоте, особо и совокупно,
так и по положениям мест каж-
дого звания реченного войска, полага-
я за единственное правило, что
хотя храбрость, бодрость и муже-
ство всюду и при всех случаях по-
требны, токмо тщетны они, ежели
не будут истекать от искусства,
которое возрастает от испытаний
при внушениях и затверждениях
каждому должности его...

ЦГВИА, ф. 43, д. 5, л. 24—25 об.

Творение генералиссимуса князя италийского графа Суворова Рымникского

Словесное поучение солдатам о зна- нии, для них необходимом

...Береги пулю на три дня, а иногда и целую кампанию, когда негде взять.— Стреляй редко, да метко,— штыком коли крепко; пуля обмишурится, а штык не обмишурится; пуля дура, а штык молодец! — коли один раз! — бросай бусурмана со штыка; — мертв на штыке, царапает саблей шею; — сабля на шею! — отскокни шаг, — ударь опять! — коли другого, коли третьего! — богатырь заколет полдюжины, а я видал и больше. Береги пулю в дуле! — тре наскочат! — первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун!..

Квартирование Обывателя не обижай! — он нас поит и кормит.— Солдат не разбойник.— Святая добыч! — возьми лагерь! — все ваше.— Возьми крепость! — все ваше. В Измаиле, кроме инаго, делили золото и серебро пригоршнями.— Так и во многих местах.— Без приказа отнюдь не ходи на добыч!..

Искусство военное Три воинския искусства.— Первое, *глазомер*, как в лагерь стать, как итти, где атаковать, гнать и бить; (так же) для занятия местоположения, примернаго суждения о силах неприятельских, для узнания его предприятий. Второе, *быстрота*...

Нападение Третье *натиск!* — нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет! — В пальбе много людей гибнет! — у неприятеля те же руки! — да русского штыка не знает! — Вытяни линию, тот час атакуй холодным ружьем! — Недосуг вытягивать линии, подвиг из закрытого, из тесного места. Коли пехота в штыки,—

Суворовский солдат

конница тут и есть. Ущелья на версту нет, картечь на голову,— пушки твои.— Обыкновенно конница врубаётся прежде, пехота за ней бежит,— только везде строй. Конница должна действовать всюду, как пехота; — кони на поводах! — Казаки везде пролезут. В окончательной победе, конница гони, руби! — конница займется, пехота не отстанет.— В двух шеренгах сила, в трех полторы силы; передняя рвет, вторая валит, третья довершает.

Больницы ...Солдату надлежит быть здорову, храбру, тверду, решиму, справедливу, благочестиву! Молись богу! От него победа! Чудо, Богатыри! Бог нас водит,— он нам Генерал! — за немогузнайку офицеру арест, штаб-офицеру от старшего штаб-офицера арест квартирный. Ученье свет, неученье тьма! Дело мастера боится, и крестьянин (если) не умеет сохою владеть, хлеб не родит-

ся! За ученого трех неученых дают. Нам мало трех! Давай нам шесть! давай нам десять на одного! всех побьем, повалим, в полон возьмем! Последнюю кампанию неприятель потерял шестых семьдесят пять ты-

сяч, только что не сто: — а мы и одной полной тысячи не потеряли, — вот, братцы! воинское обучение!..

Антоновский. «Наука побеждать».
Спб., 1809

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА А. В. СУВОРОВА РЫМНИКСКОГО ПО ОБУЧЕНИЮ АВСТРИЙСКОЙ АРМИИ В 1799 Г.

3

Штыком может один человек заколоть троих, где и четверых, а сотня пуль летит на воздух.

Казаки должны всегда держаться за кавалерию; их быстрота доверяет победу... и как только неприятель сбит, то ни один человек не спасется.

Быстрота и натиск — душа настоящей войны. Бегущего неприятеля истребляет одно преследование.

Победителю прилично великодушие. Бегущий неприятель охотно принимает *пардон*. Смерть или плен — все одно. <...>

7

План операционный: — в главную армию, в корпус, в колонну. Ясное распределение полков. Везде расчет времени.

В переписке между начальниками войск следует излагать настоящее дело ясно и кратко, в виде записок, без больших титулов; будущие же

предприятия определять вперед на сутки или двое.

Не довольно, чтобы одни главные начальники были извещены о плане действий. Необходимо и младшим начальникам постоянно иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним. Мало того: даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причине; даже унтер-офицеры и рядовые. Каждый воин должен понимать свой маневр. Та й на есть только предлог больше вредный, чем полезный: болтун и без того будет наказан.

Вместе с планом должен быть приложен небольшой чертеж, на котором нет нужды назначать множество деревушек, а только главные и ближайшие места, в той мере, сколько может быть нужно для простого воина; притом нужно дать некоторое понятие о возвышениях (горах).

Милютин. «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г.», т. I. Спб., 1852

ПИСЬМО А. В. СУВОРОВА АВСТРИЙСКОМУ ГЕНЕРАЛУ БАРОНУ КРАУ

...Ни одного поста не должно считать крепостью; нет стыда уступить пост превосходному в числе неприятелю; напротив того, в том и состоит военное искусство, чтобы вовремя отступить без потери; упорное же сопротивление для удержания иного поста стоило бы сильной потери; между тем как впоследствии пришлось бы все-таки уступить пост превосходному неприятелю; как и случилось с храбрым полковником.

Уступленный пост можно снова занять, а потеря людей невозвратима; нередко один человек дороже самого поста. Все донесения должно писать ясно, определительно и, сколько возможно, избегать всякой неточности, длины и красотою выражений не затмевать смысл..

Милютин. «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г.», т. III. Спб., 1853

Получил, быть может, что обретется в тягость. Для того приобрести достоинства генеральские.

1. Добродетель, замыкающаяся в честности, которая одна тверда. Она: в сдержании слова, в безукваственности и осторожности, в безмщении.

2. Солдату — бодрость, офицеру — храбрость, генералу — мужество. Выше всего — глазомер, т. е. пользование положением места, трудолюбие, бдение и постижение.

3. Непрестанная наука из чтений.

«Журнал министерства народного просвещения». 1856 г., октябрь, отд. VII

УШАКОВ

ПРИКАЗ Ф. Ф. УШАКОВА О НАКАЗАНИИ НАХОДИВШИХСЯ В БЕГАХ МАТРОСОВ И ВОЗВРАЩЕНИИ ИХ НА СВОИ КОРАБЛИ, О ПОДГОТОВКЕ СУДОВ К ВЫХОДУ В МОРЕ И ПЕРЕВОДЕ БОЛЬНЫХ СЛУЖИТЕЛЕЙ ИЗ ГОСПИТАЛЯ НА ЧИСТЫЙ ВОЗДУХ

14 июня 1790 г.

§ 2

Рассматривая взятых от пойманных из бегов матросов 2-й статьи корабля «Св. Георгия» Симиона Орлова, фрегатов «Иоанна Воинственника» Тихона Волкова и «Покрова Богородицы» Потапа Иванова, которые побег сей учинили с намерением, чтоб определиться в армейские полки, и шатались в разных местах Таврической области, а, наконец, за неимением письменного вида пойманы, и хотя во время побега, воровства, грабительства и злодеяния никаких они не чинили, но по силе закона подвергли себя

за самовольную отлучку от команды к жестокому наказанию. Уважая ж молодые их лета и малобитие в службе, в надежде, что впредь поступок сей потщатся заслужить, к воздержанию их и в страх другим, рекомендую господину премьер-майору Говорову завтрашнего числа при собрании фрунта наказать кошками и, освобождая из-под караула, отослать по-прежнему в свои команды, где, приняв, как они из списков уже были исключены, внести в оные и почитать налицо.

ЦГАВМФ, ф. Контора Таганрогского порта, д. 59, л. 7—8 об.

ПИСЬМО Ф. Ф. УШАКОВА Г. А. ПОТЕМКИНУ С ПРОСЬБОЙ О ВЫДАЧЕ ДЕНЕЖНОЙ НАГРАДЫ УЧАСТНИКАМ СРАЖЕНИЯ В КЕРЧЕНСКОМ ПРОЛИВЕ

7 августа 1790 г.,
Севастопольский рейд

Надеюсь на милости вашей светлости, осмеливаюсь всепокорнейше просить к поощрению служащих на Севастопольском флоте за ревностную службу одержанной ныне над неприятелем довольно знатной победы, не угодно ли будет оказать милость вашей светлости при сем благоприятном случае штаб- и обер-офицерам определить получать годовые порционные деньги, как уже ваша светлость и намерены были при случае оказать сию милость, рядовых же и нижних чинов служителей прошу, если возможно, награ-

дить выдачею каждому по рублю или по два деньгами, что я навсегда почитать буду за отменную к себе милость вашей светлости. Сия сумма денег, считаю, не весьма велика, а благодарность заслуживающих оную будет превосходна и усугубит рвение к службе и доверенность ко мне всех подчиненных. Ибо я во время бою поощрял на своем корабле людей, обещал им, когда одержим победу, исходатайствовать милость вашей светлости...

ЦГАВМФ, ф. Военно-пох. канц. кн.
Г. А. Потемкина-Таврического, д. 70,
л. 203, 208

ПРИКАЗ Ф. Ф. УШАКОВА О НЕПРИСТОЙНОМ ДЛЯ ЧЕСТИ ОФИЦЕРА ПОВЕДЕНИИ ЛЕЙТЕНАНТА ШЕСТАКОВА И МЕРАХ ДЛЯ ЕГО ИСПРАВЛЕНИЯ

27 июня 1790 г.

Многократно доходила до меня просьба от господина командующего корабля «Петра Апостола» на лейтенанта Шестакова, который дурным своим, непристойным чести офицера, поведением наносит великие беспокойства, и хотя по приказанию моему был штрафован, но и затем от оных не воздерживается, ныне ж по желанию его, господина Шестакова, определяю для кампании на корабль «Георгий». Рекомендую господину командующему оного

принять и иметь за ним присмотр, стараясь в поведении его поправить. Господину ж Шестакову рекомендую во оном приложить свое старание и впредь оказать себя исправным и заслужить хорошую рекомендацию, а в противном случае останется сам причиною своего несчастья, если оно с ним последует. Надеюсь, что сие подтверждение послужит ему в пользу.

ЦГАВМФ, ф. Контора Таганрогского
порта, д. 59, л. 27 об.

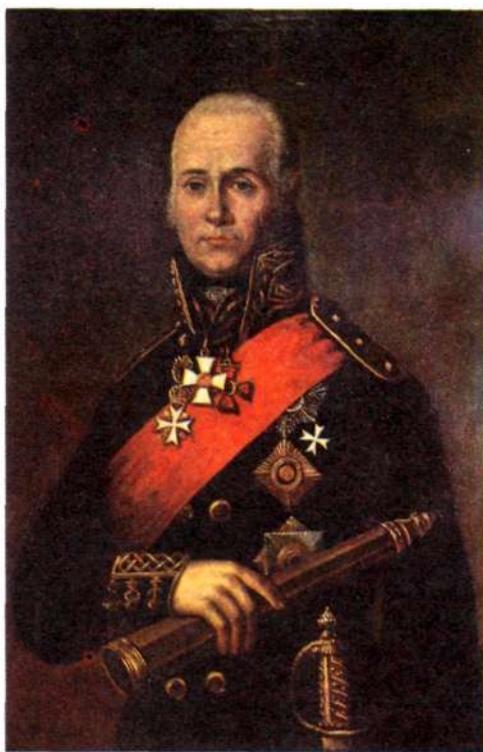
УШАКОВ Федор Федорович — выдающийся русский флотоводец, адмирал. Окончил Морской кадетский корпус. Служил на Балтийском и Черноморском флотах. Одержал крупные победы над турецким флотом в ходе русско-турецкой войны 1787—1791 гг. При создании греческой республики Семи Островов проявил себя искусным политиком и дипломатом, написал конституцию республики. Основоположник маневренной тактики парусного флота. Являлся последовательным сторонником суворовских принципов обучения и воспитания войск.

**ПРИКАЗ Ф. Ф. УШАКОВА
С ТРЕБОВАНИЕМ ОТ РЯДОВОГО
СОСТАВА ПО ВЫХОДЕ ФЛОТА
В МОРЕ БЫСТРОТЫ И ТОЧНО-
СТИ В ВЫПОЛНЕНИИ ВСЕХ
РАБОТ**

24 июня 1797 г.

1

С выхода с эскадрою на море рекомендовал я всей команде служителям, как долг, служба и исправность знания требует во всех обращениях и исполнениях дел, служителям быть всегда расторопным и оным показывать всеми движениями и видом с крайней поспешностью и проворством к делу во всех местах, где потребно быть броским, и бежать скоро, в руках иметь отменную расторопность, а где потребно, и силу при проворстве употреблять всевозможно. Но за всем сим замечаю многих весьма вялыми и нерасторопными, а сие не отчего иного происходит, как только от их ленности. Господину командующему 84-пушечного корабля наистрожайше подтвердить вахтенным командирам и всем офицерам, чтобы служителей, как требует долг закона, обучением довести в лучшую исправность и всех, кто окажется ленивы, принудить таковых строгостью воинской дисциплины. Рекомендую сей же час приказать всех служителей собрать во фронт и сей приказ им объявить и внушить внятно. Я надеюсь, что служители будут стараться доставить мне удовольствие видеть их исправными, беглыми и расторопными, как должно быть отлично-хорошим, расторопным и исправным людям, в противном же случае принудят употребить над собою законную строгость, к чему, однако, я принужден быть не ожидаю и не желаю, потому и от них надеюсь охотного послушания и расторопности. Я почитаю, и соб-

Ф. Ф. Ушаков

ственно для них лучше всякое дело сделать с крайней поспешностью, нежели ленностию и непроворством длить оное медлительностию.

2

Господам капитан-лейтенантам и вахтенным командирам объявить, если они не употребят всевозможного старания довести служителей в лучшую исправность и расторопность и на чьей вахте я замечу ленивое людей исполнение, со всей строгостию прикажу на них взыскать, потому и положить оное на их отчет, ибо за всякое непроворство людей отвечать они будут непременно.

ЦГАВМФ, ф. Вахтенные журналы (флагманский), № 2268, л. 97—97 об.

ОРДЕР Ф. Ф. УШАКОВА КОНТР-АДМИРАЛУ КУМАНИ О ПРИНЯТИИ СТРОЖАЙШИХ МЕР К ПРЕКРАЩЕНИЮ ПЬЯНСТВА СРЕДИ КОМАНД КОРАБЛЕЙ

18 июня 1798 г.

Заметил я также и от некоторых дошло ко мне сведение, что служители многие обращаются в пьянстве; рекомандую вашему превосходительству наистрожайше оное запретить, пьяных наказывать и тем усмирить и оное прекратить, а с господ командующих за слабое содержание, ежели чьей команды впредь окажутся служители пьяные, делать строгое

взыскание и понудить их к прекращению по команде таковых беспорядков; пьяных служителей всех без изъятия приказать брать под караул и, по рассмотрении, при командах наказывать.

ЦГАВМФ, ф. 119, Канц. адм. Ф. Ф. Ушакова по командованию эскадрой в Средиземном море, д. 6926, л. 29—30 об.

ПИСЬМО Ф. Ф. УШАКОВА В. С. ТОМАРЕ О НЕОБХОДИМОСТИ РЕГУЛЯРНОГО СНАБЖЕНИЯ ЭСКАДРЫ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ

24 мая 1799 г.,
корабль «Св. Павел»

Служители на вверенной мне эскадре претерпели и теперь терпят совершенный голод, во всех недостатках и при всем том беспредельно стараются о исполнениях всех полезностей, надлежит довольствовать их так, как охранителей здешних мест, а вместо того довольствуются так худо, что и склавы (то есть рабы (slaves) этого претерпеть не могут. Я из столь худого удовлетворения замечаю только одно уныние, а особо в офицерах... В каждом вижу одно только желание скорее таковую кампанию окончить, напротив что прежде всегда желали иметь такую хорошую и

знатную кампанию, где довольствованы были бесподобно точнее...

Я всепокорнейше прошу ваше превосходительство употребить ваше старание о лучшем продовольствии служителей эскадры, мне вверенной, чтобы можно было видеть их довольными, веселыми, а оттого и рвение их умножится наиболее против неприятеля...

Я наскучил такими описаниями, но я человек военный и не могу переносить праздности бездействия, а без провизии иметь оного нельзя.

ЦГАДА, ф. КП, д. 46, л. 257—259

О СРЕДСТВАХ ЗАВЕСТИ ХОРОШИХ ОФИЦЕРОВ

Воспитание благородного юношества есть первейшее и наилучшее средство к заведению хороших офицеров...

Нет ничего пагубнее, как вверять оное частным людям, даже и самим родителям; живые примеры сие подтверждают. Один, проведя все свое время в гражданской службе, препятствует своему сыну вступить в военное поприще и весьма часто вопреки его наклонностям готовит его в судьи или дипломаты. Другой, служа век свой капралом и офицером, взяв крест на приступе, и объяван будучи своим именем одной своей храбрости, мнит, что науки бесполезны для его сына. Мать же, ежели она старинного века, то морит своего сына над часовником... и другими тому подобными книгами. Новомодная барыня наряжает своего сына купидончиком или еще в женское платье, как будто бы русское недостойно дворянина; одна кричит: *я не хочу, чтобы мой сын был ученый педант*, и учит его танцевать и болтать по-французски. Другая: *я хочу, чтоб мой сын был военный*, учит его фехтовать, ездить верхом и сим образом готовит его в генералы. Наконец есть и такие, которые, разрядившись в кружева и в тонкое прозрачное платье, намазав лице свое и шею белилами и опрыскав себя духами, говорят: *я хочу, чтоб мой сын был светской человек; чтоб он был любезен; я терпеть не могу этих странных ученых; к чему математика, геометрия, фортификация? я не хочу его отдать в пушкари...* Вот какое бывает домашнее воспитание, которое почти всегда препоручается иностранцам; но что это за люди?

Редкий из них вынужден оставить свое отечество каким-нибудь истинным несчастьем. Большая же часть оставила оное единственно от того, что по недостатку истинных достоинств не могут в нем снискать пропитания, или для избежания какого-нибудь заслуженного ими наказания. Ребенок слышит от него, что *русское все дурно и глупо*, отец его восхищается английскими сапогами, мать французскими кружевами, и оба клянут Россию за то, что она не производит таковых драгоценностей. Послали слугу купить ребенку шляпу, шляпа куплена в русских рядах: *какой дурак*, говорит мать, *может ли быть что порядочное в русских рядах?* Дома все говорят по-французски или по-немецки, ребенку запрещают говорить по-русски... Ребенок не слышит никогда про Отечество и, пока живет дома, едва ли знает, что значит сие священное слово.— Нет! ребенок принадлежит не родителям, а Отечеству; Отечество должно быть для него святее всего на свете, все воспитание его должно клониться к тому, чтоб его сделать не только годным, но и отличным слугою своим согражданам, добрым сыном, добрым отцом; без любезных государство обойтись может, а без сынов Отечества — никогда. (...)

Итак правительство не может поверить частным людям воспитание дворянства. Одному правительству подлежит воспитание благородного юношества. В каждой губернии, где народный язык есть русский, должна быть дворянская школа, в которую неотменно входили бы все дворянские дети десятилетнего возраста. При своем вступлении каждый

ребенок должен быть испытан, знает ли читать и писать по-русски. Ежели он сего не знает, то его учить грамоте, а родителей или тех, от кого он поступил, штрафовать денежным взысканием в пользу школы: ибо русской грамоте всякий дьячок учить может, а ежели отец не в состоянии заплатить дьячку за ученье, то должен сам учить своего сына, в чем состоит священнейшая обязанность человека.

В губернской школе молодые люди должны учиться российскому языку, арифметике, алгебре не далее уравнений второй степени, геометрии, тригонометрии, рисованию; сверх того всякий ученик должен учиться какому-нибудь иностранному языку не с тем, чтобы на нем речисто болтать, но чтобы быть в состоянии на нем понимать книги. Гимнастические упражнения детей для укрепления их физических сил должны быть плавание, верховая езда, фехтование, игра в мячик и стрельба из ружей и пистолетов.

Из губернских дворянских школ юноши, предопределяющие себя к военной службе, должны быть испытаны в тех науках, которые им преподавались. Который из них не выдержал экзамена и не имеет склонности учиться, тот должен быть выписан унтер-офицером в артиллерийские роты, где его научат вязать фашины, плести туры, планировать и одевать вал дерном, строить батареи и всякого рода мосты, вести сапы, делать подкоп, межевать, разбивать лагерь, делать засеки, стрелять из пушки, бросать бомбы, делать всякого рода военные снаряды и феерверки, по данному чертежу строить обоз, чинить лафеты и другим практическим отраслям артиллерийского, инженерного и квартирмейстерского искусства. Всему сему можно научить даже самого тупого, а выучив, выпускать в линейные полки офицерами. Тогда они будут иметь самые высшие познания, какие по посредственности своей они

только могут иметь; следовательно, будут сколь возможно более полезны Отечеству, и сим образом не пропадет для Отечества ни один дворянин, даже не имеющий почти никаких природных дарований.

Те, которые выдержат вышеупомянутый экзамен, должны поступать в государственные военные школы или в так называемые кадетские корпуса. В оных будут им преподаваемы: высшая алгебра, дифференциальное и интегральное исчисление, механика, часть физической и практической астрономии, артиллерийская и инженерная наука во всем их пространстве, физическая география, о сочинении географических и топографических карт, всеобщая и Российская история. Тактике же и стратегии вовсе не учить: ибо сии науки сделаны не для юноши, и им учиться надо уже в службе, читая книги, беседуя с учеными воинами и служа на войне.

Я желал бы, чтоб все военные школы, как губернские, так и государственные, были под управлением коренных русских дворян...

Все чиновники, определяемые в сии школы для присмотра за поведением детей, должны быть военные люди; не молодые; страстями не порабощенные; но заслуженные и, преимущественно, на войне изувеченные. В губернских военных школах никаких строев не заводить: ибо дети должны там быть слишком малолетни, в строях же государственных военных школ или кадетских корпусах за унтер-офицеров отправлять самим воспитанникам, отличающимся в науках, а за обер-офицеров тем кадетам, которые уже выдержали экзамен в чистой математике, артиллерийской и инженерной науке и остались в училище для выслушания курсов смешанной математики, физики, химии и проч. Сим кадетам носить офицерский мундир, и кончив им предназначенное учение, они должны поступать в гвардию; в камерах

одному воспитаннику над другим не надсматривать, ибо ребенок за ребятами смотреть не может: ежели он добр, то он сам шалить с ними станет; ежели ж он строг, то сие значит, что он зол, а злых не должно терпеть ни в каком обществе...

Весьма редкие из теперешних офицеров занимаются артиллерийскою и инженерною науками, на которых основаны прочие отрасли военного искусства. Я желал бы, чтоб всякой гвардии офицер, имеющий столь много преимуществ пред армейским, обязан был знать сии науки и те части математики, на которых они основаны; и чтоб всякий армейский капитан, который выдержит экзамен по сим частям, немедленно производился в майоры, не смотря на свое старшинство. *Сие послужило бы* для офицеров немалым поощрением к наукам. Весьма мало таких, которые стали бы заниматься науками, не имея ничего в виду; майорский же чин для офицера, который дослужился уже до капитана, есть достойная награда за его познания. Теперь у нас два пути ведут к чинам, старшинство и отличие. Опыт показал, что государство только тогда имеет великих полководцев, когда отворен сей последний путь; но разве по военной части хорошие теоретические сведения (которые весьма не всякий имеет) не суть отличия? Согласен, что надо поощрять храбрость, ибо хотя и говорят некоторые, что храбрость без ума ни на что не надобна; но военному человеку и ум без храбрости ни на что не нужен: однако же познания должны быть столь же поощряемы, сколько и храбрость, но разным образом. Познания должны быть поощряемы чинами, а храбрость — орденами; ибо для каждого чина потребна особая степень сведений, а храбрость, хотя и необходима для всех, однако же не должна без помощи сведений доставлять чины...

Сколь ни полезны науки для образования офицера, однако же при всей учености он будет бесполезен армии, ежели не займется применением теоретических своих сведений к самым опытам. Он не будет даже знать, имеет ли воинственный дух: ибо сие не иначе узнать можно даже о самом себе, как на самом деле. Итак, ежели необходимо должно приложить всевозможное старание, чтоб иметь ученых офицеров: то равномерно нельзя иметь довольно попечения, чтоб они как можно более служили на войне. Для сего нужно, чтоб при всякой войне, каждый офицер имел право ехать на оную; достаточно, ежели в ротах, не в действии находящихся, останется по два офицера, а в недействующих полках — по два штаб-офицера, и несравненно полезнее для государства, чтобы все прочие были на войне и на оной соединяли бы в себе теорию с практикой; ибо та и другая необходимы для офицера, которому путь отворен в полководцы. <...>

Итак, главнейшие средства к заведению офицеров со сведениями суть: 1) хорошее, общее и единообразное воспитание благородного юношества; 2) просвещенное начальство; 3) употребление при всякой войне сколь возможно более офицеров и 4) производство за отличие в науках. Во Франции не прежде производят в какой-нибудь чин, как когда очистятся сего чина три вакансии; первую занимает старший, вторую — выбаллотированный обществом офицеров, третью — избранный высшим начальством. Первые два образа производства коль скоро идут вместе, весьма полезны, ибо и старшинство не обижено, и достоинства, заслуживающие общее уважение, вознаграждены. Кажется не отменно нужно было бы к сим способам производства прибавить еще третий, здесь предлагаемый, то есть: *всякого капитана, который выдержит экзамен по части артиллерийской и ин-*

женерной, немедленно производить в майоры, хотя бы и не было вакансий. Чрез сие старшинство и общее уважение к оному ни мало не были бы обижены; потому что в случае двух майорских вакансий старший занял бы первую, а обществом офицеров избранный занял бы вторую: ибо за знание наук капитаны производились бы в майоры, невзирая

на вакансии. Весьма полезно было бы для государства, ежели б сии последние в военное время имели право оставлять свои полки, коль скоро они не употреблены в действующую армию, и ехать на войну, подкреплять свою теорию практикою.

«Военный журнал», кн. 11.

СПб., 1811

О НРАВСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ ВОЕННЫХ ЛЮДЕЙ

(Сообщено от ветерана)

Военная служба более всех других званий сопряжена с тяжкими трудами, с чрезвычайными усилиями и жертвованиями; ибо всякому известно коль великая требуется неусыпность для приобретения познаний военному чиновнику необходимо нужных и к практическому их применению по обстоятельству на поле и против неприятеля; коль великим опасностям подвергаются неустрашимые воины, защищая пределы Отечества и не щадя живота своего за благоденствие страны, коея безопасность от их храбрости и благоразумия зависит.— Словом, обязанности защитников Отечества столь многочисленны, что исполняющий оныя в точности заслуживает общее сограждан своих уважение...

Я изображаю себе защитника Отечества, не устрашимого, искусного и равнодушного во бранях, не утомимого в трудах, мудрого в советах и начертаниях, неусыпного в рачении о пользе общей, преисполненного верности к Отечеству, усердия

к службе, честности и правдолюбия, руководящего всегда правилами добродетели и старающегося о покорении малейших человеческих слабостей, пекущегося о благе войск своих как отец и подающего им пример соединения нравственных и гражданских добродетелей с военными доблестями.

Но сколь знаменит таковой пример, столь же мало надеяться можно встречать подобных оному и до толе не можно ожидать совершенного образования военных людей относительно до просвещения и нравственности, пока не истребится совершенно вредный военному состоянию предрассудок, будто военному человеку не надлежит быть просвещенным, и пока некоторые из молодых офицеров даже в честь себе вменяют невежество и презрение добрых нравов. Подобным безрассудным мыслям приписывать должно дикость в обхождении, порочные поступки и вообще беспорядочную жизнь и разврат таких военных

людей, кои воображают, что мундир освобождает их от всех правил нравственности и законов общежития. Они могут быть полагают, что храбрость их, или лучше сказать дерзость, вознаграждает за все прочие недостатки; но должно припомнить, что понятия о настоящей храбрости и чести имеют они весьма неосновательные и в продолжении службы моей случилось мне видеть офицеров, удовлетворяющих всем своим прихотям, наполняющих весь город суровостью и криком своим, готовых за мнимую обиду мстить смертью, но в самом деле бессовестных и подлых и в поле против неприятельских батарей весьма смиренных.

Есть также и другие, которые хотя и всем пожертвуют для насыщения страстей своих; роскошны, пышны, лукавы, пронырливы, хитры и обманчивы, но смелы и отважны против неприятеля, не избегают трудов и опасностей и из некоторых неправильных и чрезмерных воображений составляют идол так называемой их чести, основывающейся не столько на собственных их достоинствах, сколько на попечении сохранять общее об оных похвальное мнение.

Соображая соединение столь много пороков с некоторыми похвальными воинскими качествами, легко можно соделаться соучастником обыкновенного заблуждения, что изнуряющие труды и непрерывные опасности военного состояния дают право наслаждаться всеми позволенными и непозволенными утехами жизни и вдаваться без разбора во все удовольствия...

Весьма остерегаться должно, чтобы не сделать молодых людей военными куклами, а вперячь им дух, благонравие, бодрость и охоту к наукам.

Просвещение ума есть важнейшая часть в воспитании каждого военного и гражданского человека, потому что производит внутреннее побужде-

ние к соблюдению правил нравственности и к приобретению всех знаний, потребных в каждом состоянии. Просвещенный военный человек сам собою убедится, что умеренность в наслаждении, избежание непозволенных удовольствий, честность и благонравие суть добродетели, званию его приличнейшие.

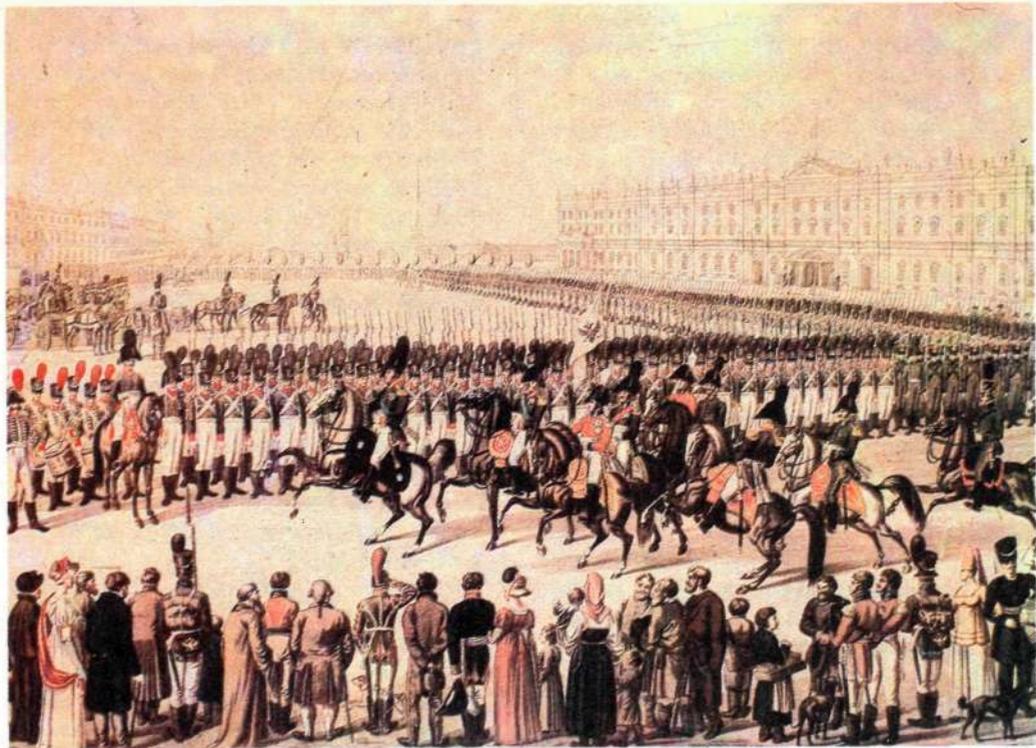
Военные труды тягостны и изнурительны и по сему требуется достаточных сил к понесению их; но что более изнуряет телесные и душевные силы, как роскошное и безрассудное насыщение страстей всякого рода, отнимающее все способности к усердному и рачительному исполнению своих обязанностей и усугубляющее через то труды в каждом деле!

Истощение собственных сил, несчастье семейств и развращение нравов даже для всех будущих поколений суть следствия беспорядочной жизни, представляющиеся взору всякого просвещенного человека.— Хотя бы в сем заключались пороки нравственного токмо и частного существа, однако ж оные часто соделываются явными преступлениями, как в военном, так и в гражданском состоянии.

Не достоин ли презрения воин, дерзающий именовать себя защитником Отечества и притом нарушающий законоположения онаго, святости коих надлежало бы ему быть главнейшею подпорою.

Но несмотря на то, некоторые военные люди часто занимаются какими-либо непозволенными удовольствиями с единым намерением показать, что не внимают гласу запрещения! Не вредны ли таковые примеры благоденствию всего гражданского состава и коль часто пренебрегаются оными права всех прочих жителей!

Военное состояние почтеннее всех прочих, когда исполняет все свои обязанности; но воин, не удовлетворяющий гражданским законам своего Отечества, недостойн быть

Смотр гвардейских частей на Дворцовой площади

членом государства и жить под покровом верховной власти...

Когда войска одним принуждением повинуются дисциплине, то исчезнет она как скоро начальники не в состоянии показывать власти своей; но благоустройство, основанное на нравственности и просвещении офицеров и благонравий солдат, неизбежно пребывает во всех случаях...

Хорошее воспитание, как выше упомянуто, служит первым основанием онго; но лучшее средство к сохранению правил нравственности и к приобретению нужных познаний состоит в употреблении свободных часов на полезные для военного человека занятия в приличных нашему званию науках...

Все качества достойного военного человека кратко изъяснить можно следующими словами: военные достоинства; просвещение; нравствен-

ность. В сем действительно заключаются все добродетели, коими отличать себя может воин и кои между собою теснейшею связью соединены.

По такому предначертанию подробно изобразим свойства героя, посвятившегося на защищение Отечества.

Способность к важнейшим военным предположениям соединяется в нем с искусством входить во все подробности дел, касающихся до военного управления; храбрость и мужество его не сопряжены с безрассудною запальчивостью, но управляемы основательными познаниями в военных науках. Неустрашимость и непоколебимое хладнокровие его подают ему способы пользоваться всеми обстоятельствами местоположения и времени. Во время войны и на месте сражения кажется, что переменялось все его существо и

тогда он строг для точного выполнения повелений, быстр в движениях, ужасен врагам, но кроток после брани. Победоносным оружием завладеет землями, а сердца жителей покоряет правосудием и снисходительностью.

Военные труды сносит с неутомимую терпеливостью, праздности даже в лагере гнушается и остающееся от должности время проводит в полезных для своего звания занятиях, и между тем как товарищи его веселились, приобрел он новые военные достоинства, распространил познания свои и умножил число нравственных добродетелей.

Он преисполнен усердия... но ласкать не умеет, обхождение его с подчиненными таково, как ожидать можно от просвещенного человека: в войне малейших упущений не терпит; в мире снисходителен. Не любит изнурять солдат бесполезно, когда в учениях не предвидит благоразумной цели.

Во всех случаях имеет он попечение о продовольствии и здравии войск своих и пользуется совершенною их доверенностью и преданностью. Бесперывно старается вперять в них такое же усердие к службе, такую же нелицемерную преданность и верность к Отечеству, каковыми сам пылает, поощрял их собственным примером быть храбрыми и благонравными, начальников уважать без унижения, строго наблюдать военный порядок, не притеснять сограждан своих и мирных жителей; но во всех случаях оказывать себя скромными, честными, бескорыстными воинами, готовыми пожертвовать жизнью за славу и благоденствие Отечества.

Та же великая способность просвещенного ума все объять единым взором, которою изображаемый нами герой соделался великим полководцем, равномерно служит основанием всем его познаниям и ею убедился он, что военному человеку не одни военные, а также и нрав-

ственные, и гражданские добродетели иметь должно.

Мудрость в начертаниях и твердость в выполнении оных, обширные познания, искусство в делах военных и гражданских, плод упражнений его, сопряжены в нем с предусмотрительностью, расторопностью и скорою решительностью. Законы своего Отечества приводит в точное исполнение, соблюдает все долги гражданина и человека.

Обязанности к своему семейству исполняет и одна токмо польза Отечества в силе отвлекать его от оных. В обхождении кроток, снисходителен, избегая лишних слов.

Нрав его никогда ни в чем не изменяется.— Безрассудной вспыльчивости не знает.— По просвещению, которое кажется быть ему врожденным, усматривает он с первого взгляда истинное положение дел и людей. Во всех случаях сохраняет равнодушие и присутствие духа, руководствуясь всегда правилами справедливости и добродетели.— В честности непоколебим и понятия его об истинной чести чужды всякого заблуждения.— Корыстолюбием гнушается, благотворителен и благодарен.— Правдолюбив и откровенен, но всегда наблюдает благоразумную скромность.— Враг зависти, ненависти, коварности и всех пороков.— В наслаждении умерен.

От страстей свободен и покоряет их гласу рассудка.

К чести военного звания должно сказать, что соединение столь знаменитых добродетелей не есть мечта воображения, но самая истина, примерами подтвержденная.

Новейшая история в сем не уступает древней.— Есть еще достопочтенные воины, соединяющие редкие природные способности, основательные и обширные военные познания, неутомимую в трудах рачительность, точность и усердие к службе со всеми нравственными и гражданскими добродетелями, и которые

во всей своей жизни не преступали правил оных.

Тем большей похвалы достоин военный человек, отличающийся мужеством и храбростью, когда, содействуя общей пользе, не довольствуется собственными в науках успе-

хами, но также и в других вперяет к оным охоту, подавая благоприятные случаи к удобному распространению и употреблению их познаний...

«Военный журнал», кн. XVIII. Спб., 1812

ОБ ОФИЦЕРСКИХ ПОЗНАНИЯХ

До изобретения пороха военное искусство не было так многосложно, как теперь; образ оружия и нравы людей весьма много сему способствовали. Тогда, как в сражениях, так и в осадах, нечем было держать неприятеля от себя в отдаленности: следовательно, маневры войск были самые простые, осады и обороны крепостей состояли почти в одном только употреблении машин. Худое в те времена состояние астрономии, а потому и географии было причиною, что полководцы, руководствуясь только одними географическими и топографическими записками, весьма редко раздробляли свои войска, и почти всегда хаживали одною колонною, от чего их стратегия была весьма проста. При таковых обстоятельствах военное искусство не могло требовать большого пособия от наук: ибо для непосредственного их употребления в военном деле нужно было знать начальныя основания геометрии, арифметики и статики. Ежели военные люди учились с рачением известным тогда частям математики: то сие более за тем, чтоб обработать свой рассудок; для чего они

учились еще философии и словесности...

Чтение истории довершало образование военного человека, готовящего себя в полководцы и вообще в государственные люди. С обработанным уже умом, он мог пользоваться великими примерами и ценить суждения дееписателя, дела государственных людей и дела самих царей. Тесные пределы тогдашних наук и малое число книг были причиною, что курс учения военного человека с дарованиями не мог долго продолжаться, и от тогдашней простоты военного искусства нередко выдали молодых людей, каковы были *Помпей* и *Юлий Кесарь*, без всякой опытности, но с гением и глубокими теоретическими сведениями, славно предводительствовавших многочисленными войсками.

Со времени изобретения пороха и артиллерии военное искусство сделалось чудным образом многосложно. Нет науки, нет почти искусства, от которого бы оно не требовало более или менее пособия. Артиллерия и ружья сделались главными оружиями на войне. Одно делание их требует уже высоких

познаний в математике, физике, химии и минералогии; соразмерность частей орудия определяется помощью аналитики. Общие формулы вместимости гранат, бомб и всякого рода камор, исчисление ядер в кучах и вычисление тяжести орудия, есть дело алгебры и геометрии. Сыскание центра тяжести орудия и определение линии полета ядра или бомбы основаны уже на общих формулах механики, сыскиваемых помощью дифференциального и интегрального исчисления. Литье пушек, делание их оковок и ружей основаны на глубочайших сведениях в металлургии. Соразмерность частей лафета есть следствие, выводимое из статики. Делание пороха и утонченное познание его свойств основано на химии. Нет возможности исчислить в столь краткой статье, какова сия, все связи военных наук с другими науками... По квартирмейстерской же части сочинение географических карт основано на высоких познаниях в геологии и математике, особенно в астрономии. Образ теперешней войны требует утонченных сведений о физическом, статистическом и политическом состоянии театра войны.

Вот какое множество предметов должны занять того военного человека, который намерен знать свое дело и который готовится в полководцы. Несмотря на то, в древние времена, когда науки менее имели влияния в военное искусство, молодые люди занимались ими гораздо более, чем теперь. <...>

Не отверен ли путь всякому офицеру в генералы, и сие звание не требует ли глубоких сведений по всем частям военного искусства?.. Начальствуя отрядом, генерал должен управлять всеми родами войск. Сила ему недостаточна, чтоб заставить себе искренно повиноваться; надобно ему приобрести уважение своих подчиненных превосходством своих познаний и своих доблестей. Надо, чтоб всякий его подчиненный не

Корнет Владимирского уланского полка

только не мечтал его учить, но по своей части находил бы в нем просвещеннейшего начальника... Тогда все они искренно будут его почитать, его любить и с восторгом будут ему повиноваться. Слово генерала будет тогда для офицера священо; воля его будет ему заповедью; истинно честный, храбрый и ученый начальник неотменно уважен и даже обожаем. А чтоб достигнуть до сего, надо заблаговременно, и еще в офицерском чине, заняться и своею нравственностью и науками. Осанистая выступка, важный взгляд, богатый экипаж, великолепный стол, пышный прием имеют свою цену только в столицах, но в армии вовсе не украшают начальника; и без истинных достоинств скорей заставят над ним смеяться, нежели его уважать. Одни лишь невежды думают, что, дослужась до генеральского чина, они силою заставят себе повиноваться... Горе

той армии, в которой дух офицера унижен; в которой требуют от него не высших познаний, но рабства. Какие люди будут тогда входить в генералы? какие будут тогда полководцы? И одна кампания потеряет целое государство, которое делается жертвою невежества вождей своих войск.

Есть офицеры, которые согласны, что, служа по одной какой-нибудь части, нужно иметь сведения и по прочим частям; но что нет ни малейшей нужды занять себя совершенным изучением оных. Нет ничего пагубнее, как поверхностные познания; с ними человек, даже самой добросмыслящий, не чувствительным образом делается шарлатаном. (...)

Сие есть жребий многих офицеров, которые без *основательных* познаний в математике, артиллерии и инженерном искусстве хотят братья за высшее. Нет ничего страннее и можно сказать смешнее, как видеть двадцатилетнего юношу, который, обложившись картами, судит о делах Кесаря, Фридрика и Наполеона и определяет, кто более велик, Монтекукули или Тюрен, Румянцев или Суворов. Едва себя он не ставит выше сих великих мужей. Сей молодой человек дослужится до генеральского чина и будет иметь под своим начальством артиллериста, инженера и квартирмейстерского офицера; чтоб оправдать пред ними свое невежество, он будет с ними обходиться как с некими ремесленниками, оказывая презрение к их искусству потому, что понятия не имеет об оном. Самолюбие, и при том весьма справедливое самолюбие, их оскорблено; они ненавидят сего начальника; презирают его в своей душе и могут ли чувствовать что-нибудь другое? Сей генерал, когда случится ему оборонять город, то употребляет артиллеристов и инженеров как сапожников, которых искусством пользуется, но презирает. Но что же делают у него артиллерист и инженер? Первый

расстанапливает ему пушки и толкует, куда из них можно попасть; а второй ведет контр-апроши, посылает сего генерала делать вылазки и учит его оборонять крепость. Когда же сему генералу случится командовать отрядом в армии, то квартирмейстерской части офицер ставит его лагерем и водит его как слепого... Наконец всякий офицер должен помнить, что, дослужась до генеральского чина, он будет оценивать достоинства офицеров, ему подчиненных, за отличие их представлять к чинам, и будет выводить людей в важные достоинства. Какова же участь того государства, в котором все сии столь важные должности будет отправлять человек без достоинств? Он будет способствовать к повышению чинов одним лишь шарлатанам, которые, дослужась до генеральского чина, кончат тем, что потеряют государство.

Нет сомнения, что чтение историков необходимо для военного человека; но оно должно быть вершиною, а не корнем воспитания военного человека, готовящегося в полководцы. Чтб судить о дееписателях и великих полководцах, чтб открыть ход гениев великих полководцев, надо иметь ум уже готовый на великие соображения; а разум юноши, в точных науках не искусившегося, не должен еще дерзать вступить в сие трудное поприще. Ему прежде того надо свой рассудок обработать математикой, в которой он увидит средства, коими открывались неоспоримые, но сокровеннейшие от человечества истины; потом должен употребить себя на артиллерию и инженерное искусство, то есть: на те военные науки, которых начала составлены из истин, способных быть доказанными подобно математическим теоремам; тогда только он может уже приступать к чтению тактических книг и дееписаний, тогда только он увидит, что некоторые правила одного полководца

не всегда могут служить другому, что полководец всегда должен составить себе свою систему, основанную на некоторых неоспоримых правилах и соответствующую природным своим дарованиям, и что одни и те

же правила не всегда могут быть применены ко всякому роду гения, ко всяким временам, и ко всяким войскам.

«Военный журнал», кн. 8. Спб., 1811

КРАТКОЕ ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Генеральный штаб российской армии назван у нас свитою его императорского величества по *квартирмейстерской части*; отчего все те, которые не служили в наших армиях, и все иностранцы думают, что сей корпус офицеров имеет единственно своею обязанностью *отводить квартиры*. Но хотя и по сей должности он получил свое название, однако же она есть самая последняя из всех тех, которые у нас возлагаются на офицера квартирмейстерской части. Он у нас отправляет должность военного географа и полевого инженера; он разбивает лагери, водит войски, обозревает положение неприятеля и занимаемые его передовыми постами места; то есть у нас в России географ и вожатый есть один. Для первого нужно иметь глубокие сведения в чистой математике, астрономии, геологии и статистике; второй же может ограничить себя знанием только некоторой части математики, может обойтись без астрономии, пользуется уже готовыми плодами географии и статистики; но он должен иметь совершенное сведение об устройстве всех родов войск; артиллерия, инженерное искусство, такти-

ка, стратегия и история должны быть ему известны в таком состоянии, в каком они находятся в целом свете. Наконец, географ производит свои действия не под выстрелами неприятеля: он может быть даже вовсе не военным человеком; ибо занятия его суть либо кабинетные, либо путешествия. Слабое сложение тела и непроворство не могут его сделать неспособным к исправлению его должности, он может даже не уметь сесть на лошадь. Напротив того, свойства вожатого должны быть: смелость, проворство, расторопность (пылкость), храбрость, предприимчивость, словом сказать, он должен быть в полной силе слова *молодец*. Вот каких противу положенных свойств должен быть чиновник квартирмейстерской части. Есть ли возможность требовать от него, чтоб он был вместе геометр и историк, астроном и наездник, статистик и тактик? Во многих государствах чувствовали всю трудность составить такой корпус офицеров; набирали их из полков, но сии редко имели достаточные теоретические познания; набирали их из ученых, но сии во всю свою жизнь сохраняли все привычки кабинетной

жизни и едва ли были способны к какому-нибудь проворному действию; воспитывали молодых людей нарочно для квартирмейстерской части, но сии выучась теории вступали в Генеральный штаб без всякого о военной службе понятия. Солдат всегда должен быть солдатом; ученость не противоположна сему почтенному званию и нет ничего смешнее, как видеть в доспехах воинских какого-нибудь неуклюжего педанта. Воспитание офицера не должно быть только в одних школах; в них оно должно начаться, а кончиться в полках и в боях. Науки должны служить основанием его образованию; одна лишь служба может довершить оное.

...Может ли один человек экзаменовывать в том множестве наук, которые по общему мнению должны требоваться от офицера квартирмейстерской части? Экзаменатор должен всегда знать больше экзаменуемого: вот для чего один человек экзаменовывать не может. По геометрии должен экзаменовывать геометр, по астрономии — астроном, по артиллерии — артиллерист и пр. Тогда каждый экзаменатор

будет в состоянии по своей части ценить кандидата. Между тем как ежели экзаменатор слаб по какой-нибудь части, весьма нужной для офицера Генерального штаба, то он снисходит по ней экзаменуемому, а по той части, в которой сам силен, хотя бы она была и не самая нужная, силится спрашивать как можно больше, дабы показать свои познания и чрез то затмить свои незнания по другим частям.

...Офицер Генерального штаба не есть ли рука полководца как в боях, так и во всех военных действиях? не есть ли глаз во всех военных обозрениях? не есть ли поверенный в его планах и советник в труднейших его соображениях? Можно ли позабыть, что достоинства и труды истинного полководца чрез естественны всякому великому человеку, и что корпус Генерального штаба дается ему для облегчения в великих его подвигах? Можно ли корпус офицеров, к столь высокой цели predeterminedный, иначе составить, как из истинных сынов Отечества, как из благовоспитаннейших и просвещеннейших людей?..

«Военный журнал». кн. 7. Спб., 1811

КУТУЗОВ

ПРИКАЗ М. И. КУТУЗОВА ПО КОРПУСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОТНЫХ КОМАНДИРОВ ЗА УСПЕВАЕМОСТЬ ВОСПИТАННИКОВ

1797 г. января 26

Худые успехи господ кадетов в классах относиться будут не малою частию нерачению ротных командиров, в чем они будут и ответственные, яко воспитатели и единственные наставники их нравственности. По сей части и должны они сноситься с правящим должностъ инспектора классов и общими силами с ним

содействовать к доброму концу. Сверх того господину майору Клингеру рекомендую чинить о ленивых свое замечание и, сделав особую книгу, вносить в оную имена их каждый месяц. Сия книга при выпуске уважаема будет более других аттестатов.

ЦГВИА, ф. 314/л, д. 38, л. 6

ПРИКАЗ М. И. КУТУЗОВА ПО КОРПУСУ О НАКАЗАНИИ ВОСПИТАННИКОВ ЗА ЛЕНОСТЬ

1797 г. февраля 13

Из поданного ко мне от инспектора над классами господина майора Клингера рапорта усмотрел я, что из господ кадетов и гимназистов великое число явилось ленивых, которым на поправление успехов даю месяц срока; ежели и затем окажутся

таковые, то унтер-офицеры будут разжалованы, а кадеты наказаны, ныне же явившихся ленивыми не отпускать со двора, о именах коих кому надлежит дать с засвидетельствованием инспектора копию.

ЦГВИА, ф. 314/л, д. 38, л. 10

РАПОРТ М. И. КУТУЗОВА АЛЕКСАНДРУ I ОБ УВОЛЬНЕНИИ ОТ СЛУЖБЫ С ЛИШЕНИЕМ ЧИНОВ ОФИЦЕРОВ СУХОТИНА, ХАТОВА И ФРАНКА

1805 г. декабря 4, местечко Ретиш

Генерал-лейтенант Милорадович рапортует мне, что Владимирского мушкетерского полка капитан Сухотин, штабс-капитан Хатов и поручик Франк накануне сражения с неприятелем рапортовались больными, а Сухотин и Франк, не сказавшись полку, уехали в вагенбург, только дали знать через фельдфебелей о

своей болезни. В вагенбурге приказано было полковому лекарю Зимницкому их болезни освидетельствовать, которой объявил, что они здоровы и никаких болезней не имеют. Я мнением моим полагаю наказать их примерно, лишив чинов, выписать из службы...

ЦГВИА, ф. 26, оп. 152, д. 305, л. 492

М. И. Кутузов

**РАПОРТ М. И. КУТУЗОВА
АЛЕКСАНДРУ I О СОЛДАТАХ
И ОФИЦЕРАХ, СПАСШИХ
В ПЛЕНУ ЗНАМЕНА СВОИХ
ПОЛКОВ**

1805 г. декабря 15, местечко Лошонц

После сражения, бывшего в 20-е число ноября, нижние чины из плену французов спаслись бегством и вынесли четыре знамя, ими с древок

сорванные, и именно: Бутырского мушкетерского полка портупей-прапорщик Измайлов 1-й и Галицкого мушкетерского фельдфебели: Никифор Бубнов, Селиверст Куфаев и унтер-офицер Иван Волков, а фельдфебель Александр Андреев одни кисти и копье...

ЦГВИА, ф. 26, оп. 152, д. 476, л. 529

**РАПОРТ М. И. КУТУЗОВА
АЛЕКСАНДРУ I С ПРЕДСТАВ-
ЛЕНИЕМ К НАГРАЖДЕНИЮ
ФЕЙЕРВЕРКЕРА Д. КАБАЦКОГО**

1805 г. декабря 21, Кашау

3-го артиллерийского полка роты полковника Кудрявцева фейерверкер 4-го класса Дмитрий Кабацкий после сражения, бывшего в 20-е число ноября, привез оставленные оной роты две орудия, один зарядной ящик, с 17 рядовыми. Заметить должно, что как полковник Кудрявцев, так и никто из офицеров его роты, бывшие при 4-й колонне, не ранены. Они почитали сии две орудия пропавшими и узнали тогда об оных, как догнал меня и явился с орудиями чрез десять дней после сражения оной фейерверкер, коего произвел я фейерверкером 1-го класса, всеподданнейше предоставляя вашему императорскому величеству дальнейшее его награждение.

ЦГВИА, ф. 26, оп. 152, д. 303, л. 412

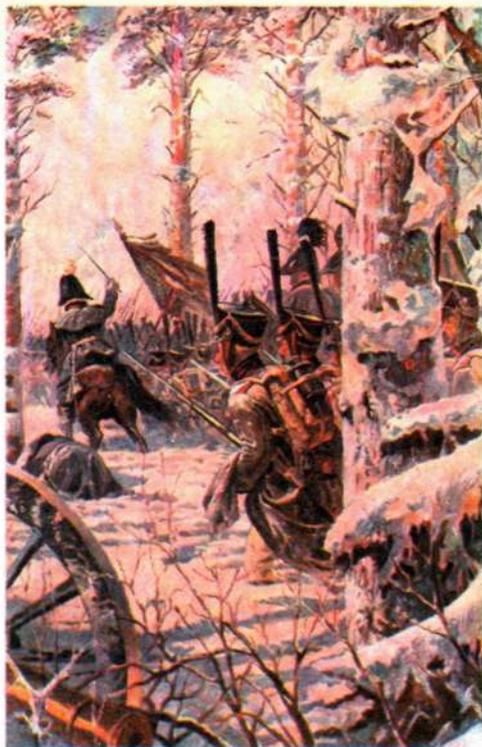
КУТУЗОВ (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович — великий русский полководец, генерал-фельдмаршал. Был послом в Турции, командующим и инспектором войск в Финляндии, литовским, петербургским и киевским военным губернатором, короткое время служил в должности директора Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Заключил выгодный для России Бухарестский мирный договор 1812 г. Войска под предводительством Кутузова участвовали практически во всех войнах, которые вела Россия в конце XVIII — начале XIX в. Кутузов отличился во множестве сражений и битв. С августа 1812 г. он возглавил русскую армию, разбившую войска Наполеона. Кутузов поднял русское военное искусство на новую, более высокую ступень, опираясь на передовые для своего времени взгляды на характер ведения войны.

**ПРИКАЗ М. И. КУТУЗОВА
ВОЙСКАМ ГЛАВНОГО КОРПУСА
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОМАНДИРОВ
ЗА ПОВЕДЕНИЕ ПОДЧИНЕННЫХ
ИМ СОЛДАТ**

1808 г., июля 19, местечко Текучи

Дошло до сведения его сиятельства господина главнокомандующего генерал-фельдмаршала и кавалера князя Прозоровского, что коновал батарейной роты полковника Ансио послан был в табун и в местечке Текуче, будучи пьян, по неосторожности своей ранил топором в ногу обывателя. Сего раненого приказано излечить на счет командира оной роты майора Харламова, а сим подтверждается, чтобы во всех полках и командах командиры весьма наблюдали, чтобы люди ненадежного поведения, как-то: пьяницы, шалуны и протчие отнюдь поодиночкам и без унтер-офицеров низачем посылаемы или отпускаемы не были; за всякой дурной поступок такового шалуна ответственность не минуют их командиры.

ЦГВИА, ф. 9190, оп. 163 а, св. 28, д. 3, л. 26

Атака

**ЦИРКУЛЯРНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ М. И. КУТУЗОВА ДИВИЗИОННЫМ
НАЧАЛЬНИКАМ МОЛДАВСКОЙ АРМИИ О СМОТРЕ ПОДЧИНЕННЫХ
ИМ ЧАСТЕЙ И О ПРИНЦИПАХ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ВОЙСК**

1811 г. июня 18

...Полки дивизии, вами командуемой, принадлежа всегда заботливости вашей, по сему самому и состояние внутренности оных во всякое время близко вам должно быть известно, но при сем случае главнейшее попечение ваше рекомендую обратить на стрельбу в цель, на состояние оружия и на все те вещи, которые к истинной пользе службы принадлежат, отклонив притом все те излишества, которые, озабочивая неприятным образом солдата и отягощая его, отклоняются от существа самого дела.

Субординация и дисциплина, будучи душою службы воинской, уверен я, не ускользнут от внимания вашего в настоящем их виде, а не в том фальшивом понятии, будто бы сии важные идеи единственно жестокостью поддерживаются. Но сколь ни велики сии предметы сами по себе, но останутся бессильными тогда, когда не оживятся они тем воинским духом, который преобладает все обстоятельства, не находит препон ни в каких предприятиях.

Все сие столь великой важности, и вам, конечно, известной, что я

излишним почитаю более обременять вас дальнейшими представлениями в виду вашем той пользы,

которую получить мы право от совершения сего ожидать имеем...

ЦГВИА, ф. 9190, оп. 165, св. 50, д. 71, л. 79—80

ПИСЬМО М. И. КУТУЗОВА М. Б. БАРКЛАЮ-ДЕ-ТОЛЛИ О ЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОТЛИЧИВШИХСЯ ОФИЦЕРОВ К ПОВЫШЕНИЯМ В ЧИНАХ

1811 г. августа 13, крепость Журжа

В подносимом мною его императорскому величеству списке об отличившихся офицерах на правом фланге командуемой мною армии ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что многие из них представляются к повышению в чины. Таковая рекомендация, делаемая о сих офицерах, основана на уважении их отличия и способ-

ностями, по коим предвидятся они достойными быть в высших чинах, и для того, желая отворить им путь к достижению сего, я, предпочтительно украшениям, представляю их к производству, в каковом мнении, уверен я, и ваше высокопревосходительство будете со мною согласны...

ЦГВИА, ф. 26, оп. 152, д. 511, л. 195

ПРИКАЗ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА М. И. КУТУЗОВА 21 ДЕКАБРЯ 1812 г. (2 ЯНВАРЯ 1813 г.), г. ВИЛЬНО

Храбрые и победоносные войска. Наконец вы на границах империи. Каждый из вас есть спаситель Отечества. Россия приветствует вас сим именем. Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, поднятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят вам бессмертную славу. Не было еще примера столь блистательных побед; два месяца сряду руки ваши каждодневно карали злодеев. Путь их усеян трупами. Токмо в бегстве своем сам вождь их не искал иного, кроме личного спасения. Смерть носилась в рядах неприятельских; тысячи падали разом и погибали. Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идем теперь далее. Прой-

дем границы и потащимся довершать поражение неприятеля на собственных полях его. Но не последуем примеру врагов наших в их буйстве и неистовствах, унижающих солдата. Они жгли дома наши, ругались святынею, и вы видели, как десница Вышнего праведно отмстила их нечестие. Будем великодушны, положим различие между врагом и мирным жителем. Справедливость и кротость в обхождении с обывателями покажут им ясно, что не порабощения их и не суетной славы мы желаем, но ищем освободить от бедствия и угнетений даже самые те народы, которые вооружились против России.

«Из боевого прошлого русской армии». М., 1944

НАЧЕРТАНИЕ О ПОЛЕВОЙ ЕГЕРСКОЙ СЛУЖБЕ

О должности егеря и его унтер-офицера

1

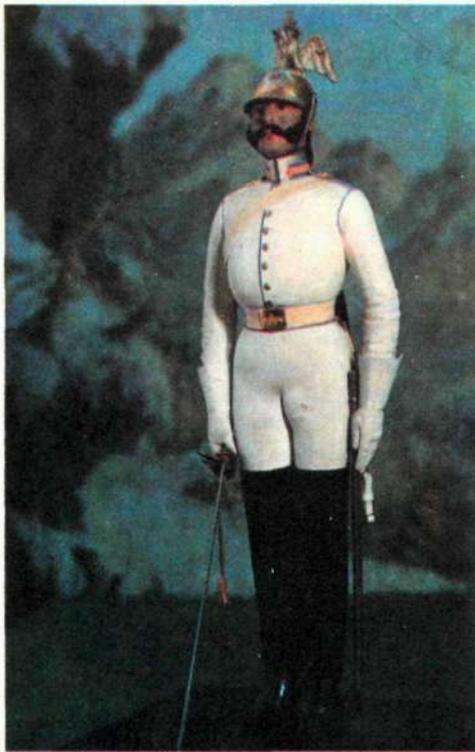
Военная дисциплина и слепое повиновение необходимы во всяком роде войск; оне суть главные и необходимые подпоры военной службы; в легком же войске оне наиболее нужны; ибо лёгкое войско без дисциплины никуда не годится и неприятелю никак не страшно. Для того советую военную дисциплину и строгое наблюдение порядка никогда не терять из виду.

Лучшее средство к достижению сего предмета есть следующее: 1) неусыпно смотреть за солдатом, чтобы он без ведома своего ефрейтора, унтер-офицера или офицера, так сказать, шагу сделать не мог, через что он удержится от шалостей и всяких других поступков, которые его подвергнуть могут наказанию, и со временем к повиновению привыкнет так, что напоследок ничего сам собою не предпримет, 2) частое с солдатом обращение, чрез которое придается ему смелость, расторопность и честолюбие, а притом выигрывается его любовь и доверенность, 3) толкование всего, что должность солдата требует... 4) старание о сохранении здоровья солдатского и доставлении ему всяких позволительных выгод, а напоследок 5) нужна и строгость; чем более солдат имеет привязанности к своему офицеру, тем он ему всегда послушнее. Строгость в службе непременно быть должна, однакож умеренная, справедливая и не бесчело-

вечная; солдат наш без ропота сносит строжайшее наказание, когда только оное заслужил; а напротив того, несколько ударов, полученных им невинно, приведут ему состояние его в омерзение. Более всего нужно иметь смотрение за унтер-офицерами, которые, иногда лентясь иметь присмотр за своими людьми, хотя безрассудною своею строгостию содержать их в порядке и жестокостию своею обеспечить себя со стороны бдения за поступками рядового. <...>

3

Нужнее всего в легких войсках каковы егеря, иметь хороших, расторопных, службу знающих и надежных унтер-офицеров. Они часто употребляются с малыми командами, причем им самим должно знать, что делать; а при начатии войны поздно их учить, и для того надо заблаговременно, в мирное время к тому их готовить. Часто отрягается офицер в опасные места, где ему нужна более хитрость, нежели оружие; каково же должно быть его положение, когда в таком случае он не будет иметь ни одного унтер-офицера, на которого бы мог понадеяться и его отрядить от себя, для разведывания о неприятеле или для занятия какого-нибудь важного места?.. Все, что офицеру касательно до полевой службы легких войск знать нужно, все тож самое должен ведать и хороший унтер-офицер. Я знаю, что весьма трудно их довести до такого совершенства, но все приложенные труды

изобильно вознаграждаться, ежели ротный начальник старанием своим хотя одного унтер-офицера в роте иметь будет, на которого бы во всяком случае смело надеяться мог. Полезно было бы делать для унтер-офицеров и короткую выписку всего того, что к нему относится, дабы они сие заблаговременно вытвердили.

К наставлению унтер-офицера много способствует частое с ними обращение... Коли унтер-офицер знает, что командир его обо всем расспросит, то он, конечно, на все сделает свое примечание, и к тому напоследок так привыкнет, что в поле против неприятеля от глаз его ничего не укроется; сие есть важнейшее качество унтер-офицера и офицера легких войск.

«Военный журнал», кн. 6. Спб., 1811

Унтер-офицер лейб-гвардии кирасирского полка

НУЖНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СТРЕЛБЕ

(Получено от неизвестного)

10. Последствия от навыка в стрельбе

От навыка к цельной стрельбе солдат получает смелость и воинский дух; храбрость рождается от самонадеяния; самонадеяние солдата состоит в том, что он, имея совершенно исправное ружье, уверен в своем знании, что цельным выстрелом и штыком не токмо может оборонить себя от неприятеля, но и нанести ему чувствительный вред. Покойный генералиссимус Суворов,

приучая к пальбе солдат, обучал их, каким образом одному против многих сражаться...

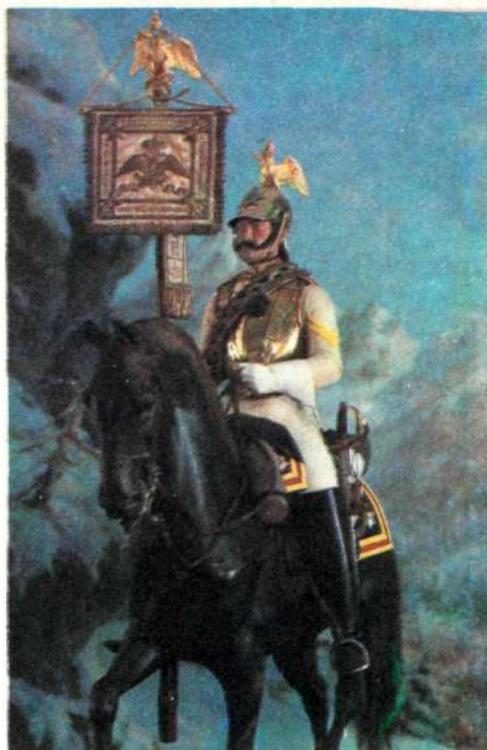
12. О поощрении

...Весьма полезно делать поощрения тем, которые будут стрелять наверное метко. Управляя честолюбием русского солдата, можно во всяком случае воспламенять его усердие до высочайшей степени.

Покойный генералиссимус Суворов во время знаменитых военных его действий в Италии, чувствуя

необходимость иметь хороших стрелков против французских тиральеров, отдал по армии приказ, чтоб в стрелки выбраны были люди не по ранжиру, но лучшие из всех трех шеренг, самые храбрые, надежные и искуснейшие в стрельбе; а для наружного отличия приказал им носить в шляпах зеленые веточки; каковой знак отличия и сам носил всегда на своей каске. Кто служил в сию кампанию под начальством обожаемого всеми великого полководца, тот знает, какое было соревнование между нижними чинами в умении стрелять цельно, и получить позволение носить веточку ельника в шляпе, и какой дух храбрости был у сих людей. Малыми даже способами можно действовать на охоту и старание. Бессмертный Суворов, зная характер русских солдат, часто с ними шутил; выдумывал к поощрению их забавные средства; и замечал в тех офицерах превосходство ума, которые старались доводить людей до познания службы, возвышая их честолюбие и охоту к воинскому ремеслу.

«Военный журнал», кн. 8. Спб., 1811

Унгер-офицер лейб-гвардии конного полка со штандартом

О МАТЕМАТИЧЕСКИХ ЭКЗАМЕНАХ, ПРОИЗВОДИМЫХ НАД ВОЕННЫМИ ЛЮДЬМИ

Прежде, нежели заняться нам экзаменами в математических науках, рассмотрим цель их для военного человека, и до какой степени

должны простираться его сведения в оных.

Всякой учащийся математике имеет две цели.

1-е. Делать из приобретенных им сведений непосредственное употребление.

2-е. Усовершенствовать ум свой...

Но здесь я слышу возражают, зачем из всякого офицера делать математика? Я отнюдь не хочу всех наших военных людей обратить в профессоров. Пусть каждый следует своим поприщем; но тот, кто должен действовать умом и хочет его образовать математиком, тот должен ей учиться много и основательно, предпочитая аналитический ход синтетическому. Впрочем, какие занятия могут быть приятнее для офицера, как математические? Не уклоняют ли они его от праздности наиболее полезным образом? Не удаляют ли его от столь вредного для общества шарлатанизма? Не укореняют ли в нем трудолюбие? Не делают ли они основательнее суждения его? Не утверждают ли они его в артиллерийской и инженерной науках, которые должны быть основанием сведений офицера и генерала? Но для сего не должно себя ограничивать беспрестанным тверждением выученных в школе теорем и задач; такую скучную и единообразную работу ум утомляется, а не изощряется; он стесняется, а не расширяется, и даже усыпляется честолюбие не только офицеру, но и всякому действительному члену общества столь необходимое; ибо, оживляя людей, оно вовлекает их в то соревнование, следуя которому они составляют главную силу государств.

Ежели б все наши офицеры возносили свой дух и усугубили б все свои силы, чтобы приобрести свойства и сведения знаменитых полководцев и доблестями своими поставить себя наряду с ними, то мы могли бы надеяться иметь беспрестанно в войсках наших по большому числу таковых героев. Одна-

ко ж до сего они не могут достигнуть одними математическими упражнениями; но с ними должно сопречь упражнения в артиллерийском и инженерном искусстве, а потом уже подробное исследование воинских подвигов тех великих людей, которые служат образцом славнейших полководцев, и не упускать случая служить в поле против неприятеля, для приобретения воинской опытности и для испытания себя в твердости в предприятиях, в мужестве и решительности в опасностях.

Одни только невежды могут думать, что единственно сии душевные качества нужны воинскому чиновнику; одни только малодушные могут сказать, что без сих доблестей воинских умозрительные сведения могут сделать полководца великим.

Теперь приступим к суждению об экзаменах, они все производятся обыкновенно наизусть. Но таковые испытания не свидетельствуют ли больше о памяти, нежели о познаниях экзаменующихся, и свидетельствуя о их памяти, не обнаруживают ли они более память слов, нежели память вещей, между тем как сей последний род памяти есть наинужнейший в точных науках? память же слов наиболее нужна в языках и в тех науках естественных, в которых наименования составляют почти главное; как например *ботаника*...

Употребляя аналитику, надобно сделать навык к действию формулами и к механическому производству вычислений.

И так, рассмотрев то употребление, которое экзаменующийся должен будет делать из математики в течение своей службы, можно от него требовать нужного к тому, так сказать, проворства: но сии требования должны иметь свои границы. <...>

...В тактике и стратегии экзаменоватъ весьма трудно, и не весьма полезно. Нетъ сомнѣнiя, что правила относительно до боевыхъ порядковъ и ихъ направленiя, относительно до влiянiя местоположенiй на сраженiя, относительно до родовъ войны и сраженiй, Бюлова теорiя линiй продовольствiя и магазиновъ, Жомини теорiя путей военныхъ действiй, нетъ сомнѣнiя, что все сие подчинено правиламъ подобно математическимъ теоремамъ; но доказательства оныхъ могутъ быть ясны только для умовъ высшей степени; ибо относительно до образа примененiй такого рода истинъ восстаютъ обыкновенно различныя мнѣнiя, на предрассудкахъ основанныя. Самые происшествiя сие подтвердили. Нетъ сомнѣнiя, что все полководцы нашихъ временъ читали о всехъ сихъ теорiяхъ; несмотря на то, весьма не многiе своими поступками показали, что ихъ понимали; все же прочiе единственно отъ того были побеждены, что не следовали *изгестнымъ* правиламъ военного искусства. Одинъ даетъ сраженiе, поставивъ свои войска по обе стороны реки, черезъ которую нетъ бродовъ, или становится спиною къ реке, или действуетъ двумя разобщенными путями противу двухъ сообщенныхъ или одного сложного. Другой отступаетъ путями расходящимися и черезъ то разобщаетъ ихъ расстоянiемъ, между темъ какъ непрiятель его преследуетъ по одному сложному пути. Нетъ возможности исчислить все таковыя ошибки, хотя впрочемъ все они сделаны вопреки *совершенно известнымъ* правиламъ. Сие не доказываетъ ли, что правила тактики и стратегии сделаны не для всехъ умовъ, ибо несравненно вероятнее можно сии приписать трудности совершеннаго сихъ наукъ постиженiя и успешнаго ихъ примененiя, несравненно ближе приписать сие свойству самихъ сихъ наукъ, чемъ невежеству полководцевъ, в которомъ без-

рассудно было бы подозревать сихъ послѣднихъ. Когда же тактика и стратегiя суть науки не для всехъ приступныя, какимъ же образомъ можно установить экзамены в рассужденiи оныхъ и каковая в томъ польза? Весьма мало того, чтобы знать все правила сихъ двухъ наукъ, но надобно еще иметь обнять своимъ умомъ всеобщности оныхъ во всемъ ихъ пространствѣ, проникнуть такъ сказать однимъ взглядомъ и мгновенно всякой частный случай оныхъ, и иметь умъ всегда готовый къ примененiю ихъ къ предвиденнымъ и непредвиденнымъ обстоятельствамъ. Вотъ в чемъ состоитъ истинное знанiе тактики и стратегiи, а не в томъ, чтобы знать наизусть правила, писателями постановленныя, и нередко педантизмомъ и пустымъ технизмомъ запутанныя.

Исторiя есть также изъ числа техъ наукъ, в которыхъ весьма трудно экзаменоватъ офицера; на сихъ экзаменахъ обыкновенно спрашиваютъ по части хронологiи, которая почти вовсе бесполезна для военного чело- века. Каковая ему нужда знать, что такой-то полководецъ одержалъ такую-то победу именно в таком-то году, а не прежде и не после? напротивъ, ему нужно знать только обстоятельства, которые привели полководца къ сему сраженiю, и причины, по которымъ оно выиграно. *Исторiя есть собранiе опытовъ невольна надъ людьми совершенныхъ*, сказалъ Вольней. В самомъ деле она заключаетъ в себѣ исследование умовъ, гениевъ, нравовъ и чувствiй человеческихъ; она есть наблюдатель нравовъ, движенiй и страстей народовъ и судья ума и сердца; какимъ же образомъ хотятъ у доски испытывать чело- века в умении следовать за ходомъ гениевъ и вникать в изгибы оныхъ? Чтобы знать истинную цену великихъ полководцевъ, надобно иметь ихъ дарованiя и ихъ познанiя; люди же съ столь высокими свойствами и съ столь об-

Лейб-гвардии конный полк в немецком городе

ширными сведениями не захотят быть членами какого-нибудь комитета, для экзаменов установленного; да и горе тому правительству, которое захочет сим образом употреблять

столь редких людей и в таких недостойных их должностях губить высокий их гений.

«Военный журнал», кн. XVII. Спб., 1812

О СОЛДАТЕ

Солдат — слово чужеземное, по-русски — *воин, ратник, меченосец, оруженосец*. Сим именем называются не только рядовые, но все офицеры и генералы тем правильнее,

что слово *воин*, или по-чужеземному *солдат*, приличествует каждому чину с оружием в войске служащему... Солдат непременимым правилом, или лучше сказать законом,

В лагере под Красным Селом

поставляет: почитать и безмолвно повиноваться повелениям своих начальников, от генерала до унтер-офицера. Он со вступлением в службу изучается ружейным приемам, разным оборотам и движениям в строю, стреляет из ружья в цель, применяется употреблять оное холодным, то есть поражать неприятеля штыком. Он должен уметь рыть рвы, каналы, делать земляные насыпи, рубить засеки, плести из прутьев плетни, или ограды, вязать фашины, резать и класть дерн. Все сии упражнения свойственны и необходимы для солдата во всякое время, а особливо в военное. Солдат новый научается от старого и от своих начальников вперять в себя дух неустрашимости и превозможения над неприятелем; вкоренять в сердце своем твердость, храбрость, трудолюбие, презрение опасности и самой смерти, ведая, что настоящая жизнь в сравнении с вечностью

есть менее, нежели капля воды в океане. Российский солдат должен знать, что праотцы и предки его для славы своего Отечества... для безопасности своих сограждан голод, жажду, труды и смерть ни во что вменяли; они стократно поражали татар, турок, персов, шведов, пруссаков, поляков, французов; грудь их была крепкою и непроборимою стеною противу всех вражеских усилий. Все сие он должен хранить в своей памяти, подражать столь достохвальным примерам и с терпением ожидать своего жребия...

Солдат, как облеченный в воинское звание, в котором его родители, жена, дети, родственники, друзья, земляки почитают своим защитником, никогда не должен роптать на свою участь, но всегда радоваться, что providение избрало его на такой подвиг, который целое Отечество почитает достохвальным,

и тем еще достохвальнейшим, когда при точном исполнении его долга он не забывает и общих для всех людей, для всех состояний правил, то есть: ...любить Отечество, в котором произошел на свет, взрос и воспитан; ...наблюдает ко всем вежливость, которая приобретает взаимное от других внимание; презирает людей сварливых, клеветников, обманщиков и сквернословов, как недостойных общества человеческого; гнушается всякими играми, основанными на удаче, хитрости и обмане, как страстию, являющею алчность к корысти и наносящею ближнему обиду; отвращается от пьянства, как порока самого скаредного, влекущего за собою бедность, болез-

ни и безвременную смерть; убегает распутных женщин, как яда поглощающего все и душевные и телесные силы; разорять, истреблять, окрадывать или насильно отнимать чужие имущества и селения не только в своих, но и в неприятельских землях...; сохраняет около себя во всем чистоту и опрятность, в особенности же оружейные вещи бережет во всегдашней исправности. Такой солдат, который исполняя долг по своему званию, сохранит и гражданские добродетели, конечно, не останется без воздаяния, потому что добродетель никогда не померцает.

«Военный журнал», кн. IX. Спб., 1812

НАСТАВЛЕНИЯ,

данные графом М. С. Воронцовым гг. офицерам 12-й пехотной дивизии

1 июля 1815 г., г. Гасфурт

...Офицеры должны знать долг свой и чувствовать всю важность своего звания; их то есть непрременная обязанность не только во всех случаях подавать пример повиновения, терпения, веселого духа и неустрашимости, но внушить и вкоренить те же качества, те же чувства в своих подчиненных. Мало, ежели офицер сам не боится, а команда его не имеет равной с ним твердости; у истинно храброго офицера и подчиненные будут герои.

Так же настоящая храбрость редко может в полном виде оказаться, когда дела в хорошем положении

и все идет вперед; нет — при несчастных случаях, при трудных и опасных отступлениях, при частных расстройках, — тут-то покажется во всем блеске человек, рожденный быть воином. Непоколебимая твердость и упорство в трудных обстоятельствах суть те качества, кои желательно видеть в офицерах и кои всегда заслужат и приобретут успехи и победу.

Прямой геройский дух должен быть отличительным качеством офицера, и всякий, который себя чувствует, который размышляет о славе, о чести и ничтожности смерти,

которая и без войны всякими способами нас достигает, тогда как мы видим между нами проведенных жизнь свою невредимо посреди беспрестанных походов и сражений,— всякий такой офицер будет бесстрашен, будет истинный воин, истинный русский.

Быть весьма умным, весьма сведущим не в нашей состоит воле; быть же героем в деле зависит от каждого. Кто же им быть не захочет? Какой же русский офицер не захочет умереть со славою, нежели жить неизвестным или посредственным воином...

Дабы вернее настоящие отличия были награждаемы и спору о том не было, я вслед за сим выдам некоторые правила, по коим в полках 12-й дивизии будут офицеры рекомендованы за отличия после сражений. Основание сих правил будет то, чтобы офицеры, служащие в полках, не иначе были включены в списки отличившихся, как по выбору и согласию всего корпуса офицеров того полка, бывших в том деле...

Мы все должны гордиться своею 12-й дивизией; во всей российской

армии не должно быть лучше оной: полки все у нас старые, хорошо устроенные, многими опытами и на многих боях испытанные; полковые начальники отличные; корпуса офицеров таковы, как должны быть русские офицеры; всякий из них должен это помнить, этим гордиться и убегать всего, что могло бы обесчестить его звание. Долг чести, благородства, храбрость и неустрашимость должны быть святы и нерушимы; без них все другие качества ничтожны; храбрость ничем на свете заменить не может: кто в себе не чувствует уверенности, что страх им в деле не овладеет, тот должен немедленно оставить службу и в обществе офицеров 12-й дивизии терпим быть не может.

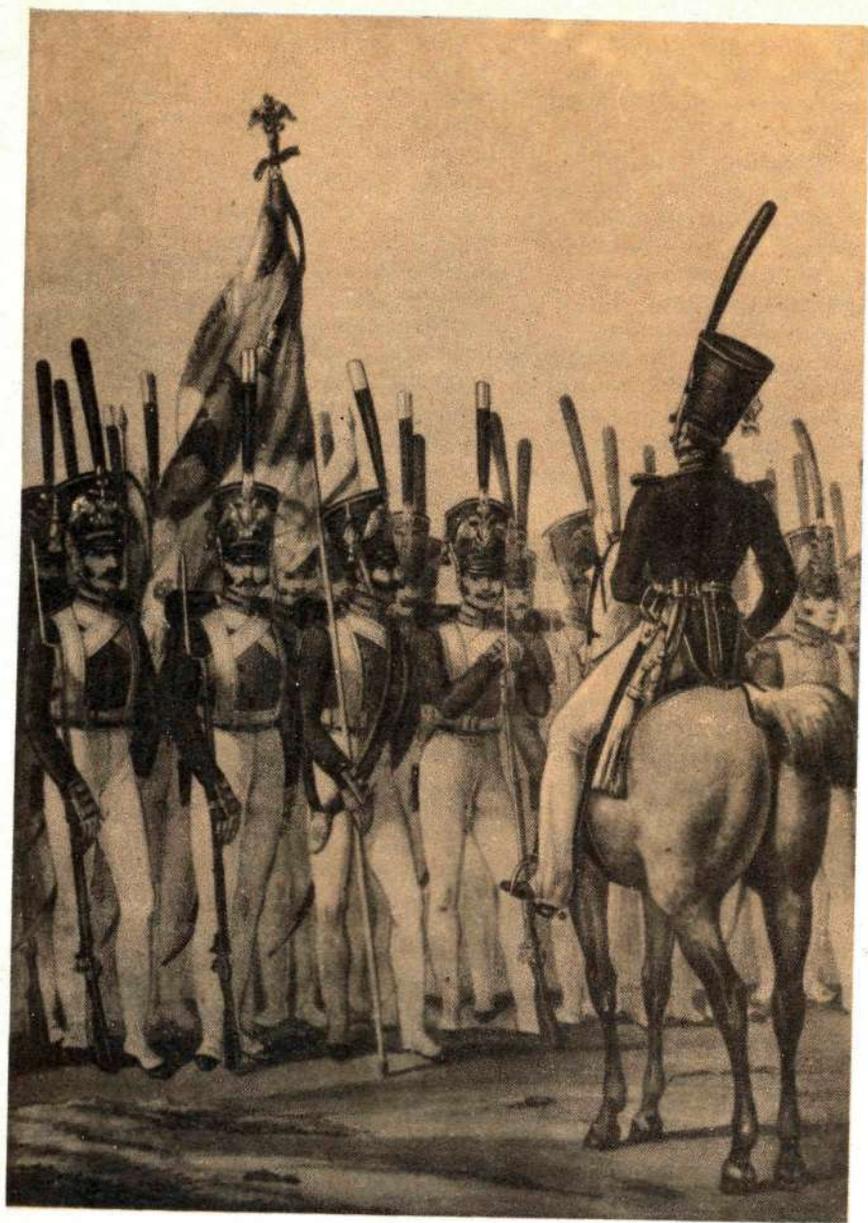
Я совершенно остаюсь уверенным, что офицеры сомнительного товарища между собою терпеть не будут и что 12-я дивизия воспользуется случаями, теперь предстоящими, чтобы покрыть себя новою славою и заслужить название неустрашимой.

«Военный сборник», т. VII. Слб., 1859

ВОРОНЦОВ Михаил Семенович — генерал-фельдмаршал, принимал активное участие в войнах с Францией, а также Турцией начала XIX в. Во время Отечественной войны 1812 г. Воронцов командовал дивизией в армии Багратиона, которая в Бородинском сражении сражалась на Шевардинском редуте и Семеновских флешах. В 1815—1818 гг. командовал русским оккупационным корпусом во Франции. С 1823 г. Воронцов получил должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, а с 1844 по 1854 г. был наместником и главнокомандующим русскими войсками на Кавказе.

Измайловцы

С. Р. Воронцов

М. С. Воронцов

ПРЕИМУЩЕСТВА ГЕНЕРАЛА

со сведениями пред храбрым, действующим
просто по навыку

Никакого нет сомнения в том, что генерал, никогда историю со вниманием не проходивший и военному искусству не обучавшийся, всегда будет попадаться в сети, хитрым и искусным неприятелем противу его выставляемые. Он не в состоянии избегать тех обманов, в кои будет заманивать его искусный неприятель, заметивший, что он дела своего не знает. Частые ли уроны, от обманов сих им претерпеваемые, научат его избегать оных, или спасут его от них делаемые ему напоминания, чтобы был осторожен?

Первое из средств сил слишком дорого; а при том и не так-то приятно исправляться по сделанным ошибкам.

Второе же средство, т. е. напоминание полководцу, чтобы был осто-

рожен, совершенно бесполезно для того, кто ничего не знает и ничего не видит и, следовательно, не имеет понятия и о том, что хитрый неприятель противу него предпринимать может. Это было бы то же самое, что напоминать глупому и слабому игроку, чтобы остерегался противу передержек искусного плута в игре. Он должен или перестать играть, или ежели отстать не может, то не должен гневаться, когда будет ошпан.— Стоит только прочитать походы Аннибала в Италию, чтобы удостовериться о великих преимуществах, кои искусный и в деле своем сведущий генерал имеет перед другим, у которого недостаток в познаниях заменяется одною лишь практикою и храбростию.

«Военный журнал», № 1. Спб., 1828

О ПОТРЕБНОСТИ ПОЗНАНИЙ В НАУКАХ ДЛЯ ОФИЦЕРОВ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

I. Об офицерах Генерального штаба вообще, относительно к наукам и к военной службе

В учебных книгах о службе офицера Генерального штаба есть обык-

новенно особая глава о качествах, кои офицеры сии иметь или приобрести должны, соответственно зависимости службы их от наук и от обязанностей воинских.— Нельзя не согласиться, что обязанности

Офицеры в гербовом зале Зимнего дворца

сии совсем особого рода, и столь же отличны от того, что требуется в отношении наук, сколь служба сия отлична от службы во фронте.—Согласить же и подвергнуть общим правилам те качества и обязанности сии есть дело невозможное. Но люди умные, благовоспитанные, образованные, со стороны нравственности и познаний в науках, всегда найдут возможность сохранить согласие сие; иных же в Генеральный штаб помещать не должно. Однако же и в сем деле, как и во всяком почти другом, можно установить некоторые способствования; и хотя нельзя дать общего образца на качества офицеру Генерального штаба потребные, можно однако же по крайней мере указать важнейшие из оных, без коих нет возможности исправлять службу в Генеральном штабе с надлежащим успехом и пользою.

Верклейн, в поучительной книге своей, также упоминает о качествах, потребных для офицера Генерального штаба, и, по справедливости, ставит нравственные выше прочих; к оным причисляет он, как главнейшие: молчаливость, осторожность в выражениях как словесно, так и на письме, предостерегает от торопливых заключений, советует в обхождении с людьми быть осмотрительну, избегать посещения общественных мест веселия и сообщает еще много других полезных наставлений. Все качества сии можно, кажется, назвать общим наименованием смышленность, кто приобрел смышленность сию, тот грубого промаха никогда не даст; не имеющий же оной везде будет спотыкаться. Однако же во всем есть мера: не должно допускать, чтобы смышленность сия уже заменяла и характер. Гибкий и проницатель-

вый, конечно, легко найдется во всяком случае; но за то такие люди всегда бывают бесхарактерные. Постоянство характера, твердость, решимость и уверенность в самом себе для офицера Генерального штаба столь же необходимы, как и светскость. Светскость доставляет нам похвалу, упомянутыми же качествами приобретаем мы уважение; а уважение везде ценится выше похвалы. Более же всего офицер Генерального штаба не должен гоняться за общественной хвалой: она может лишить его истинного уважения...

Одна лишь твердость характера и навык верного суждения могут доставить возможность к преодолению трудностей и провести невредимо над подводными камнями. Сия лишь твердость характера и навык верного суждения могут довести наконец до уверенности в правильности собственных деяний своих; а уверенность сия во всяком встретившемся случае укажет, на что решиться должно. Без уверенности же сей действующий будет подобно слабой тростинке или подобно судну без руля, увлекаем каждым порывом ветра, каждым движением волн и даже смело можно сказать, что без сего все познания офицера Генерального штаба ни к чему не послужат, и он в военных действиях полезным быть не может. Тем не менее однако же составляют познания в науках основание всех действий его: и потому рассмотрим подробнее отношения оных к службе офицеров Генерального штаба.

Вообще можно сказать, что в военных действиях офицеру Генерального штаба пригодны все военные науки: многие из так называемых прикладных к оным наук и даже знакомство с некоторыми техническими мастерствами никогда не будет излишним. Однако же не все оне в равной мере для него могут быть полезны, иные ему совер-

шенно необходимы, а другие менее нужны. Сие ведет нас к разбору не самых наук сих, но влияния оных на практическое исполнение обязанностей по службе Генерального штаба.

...Главное дело есть практика, и ни в каких обстоятельствах службы предуготовленная практика, основанная на здоровой и хорошо понятой теории, столь не нужна, как при распоряжениях офицера Генерального штаба в военных действиях. От того-то в одной только теории образованный офицер Генерального штаба играет столь посредственную, чтобы не сказать плачевную, роль в армии; ибо он всегда находится в недоумении, коль скоро недостает ему время для теоретических соображений, или когда быстрый прилив происшествий вскружит голову ученому, и он увидит, что все происходит не так, как в книгах написано. Простой практик, конечно, не скоро попадает в затруднение, но зато уже когда попадет, так совершенно сообразится с пути; а сие всякой раз будет случаться, когда в практике его столкнутся обстоятельства, ему еще не встречавшиеся. Теория и практика должны всегда идти рука в руку. На войне же практика берет первенство над теориею: были случаи, что весьма ученые офицеры не умели избрать места для лагеря, хотя имели с собою в кармане письменное изложение правил, как в сем случае поступать должно. «Чтобы, ради всего на свете, не было только непратикованных офицеров Генерального штаба в армии». Правилу сему нельзя довольно строго держаться. Сим однако же никак не хотим мы понизить цену учености; но только признаем, что в военных действиях офицеру Генерального штаба отвлеченная или и вовсе безжизненная ученость не столько нужна, как уменьше с успехом употребить в дело приобретенные познания...

Науку Генерального штаба, как и артиллерию, фортификацию, понтонную науку, минерное искусство и проч., можно почитать за науку отдельную; но истинно полезною может она быть только в совокупности с прочими военными науками. Инженер, который, например, знал бы только практическую строительную часть, конечно, был бы плохой инженер; однако же никто и того оспаривать не станет, что инженер без сведений в практической строительной части вовсе за инженера и признаваем быть не может. Сими определениями, кажется, достаточно обозначена цель науки Генерального штаба.

II. Отношения военных и прочих прикладных к ним наук к службе в Генеральном штабе, на войне

1. *Математика.* Математике, составляющей основание всех прочих наук, принадлежит первое место.

Даже в общежитии полезность математики тем уже доказывается, что она имеет влияние на все почти искусства, ремесла и занятия наши; по части же военной, где во всем требуется правильность, точность в размерениях и строгое соблюдение форм, влияние сие еще ощутительнее. Без математики никакое воинское распоряжение состояться не может; однако же на то, как сражаться, формул никаких дать не возможно, и кто победу признает за неопределенную величину, которую с точностию до нескольких десятичных долей наперед определить можно, для того останется она навсегда чуждою...

...Когда в большом Генеральном штабе есть несколько отличных математиков, то они всегда составляют красу оного: во всяком ученом корпусе должны быть несколько сохраниителей науки (*conservateurs de la science*).

Сверх сего офицерам Генераль-

ного штаба случается быть членами ученых комитетов, учреждаемых иногда по предметам, требующим сведений в высших науках. Тут для такого офицера неприятно бы было, сидя между учеными, обнаружить недостаточность познаний своих и в суждениях принуждену быть против их отмалчиваться. Нет почти ни одной комиссии по ученым предметам, в коей бы не был в числе членов и офицер Генерального штаба, а в сих случаях офицер сей должен по части своей быть совершенно сведущ; и из сего явствует необходимость для молодых офицеров стремиться достигнуть до высших степеней в науках математических, не довольствуясь одними обыкновенными в оных познаниями. Однако же каждый да следует в сем собственному своему влечению; но притом счастливо одаренный, в науки глубже вникнувший, да не обращает взора презрения на товарищанематематика, которому может быть дифференциальные вычисления не столь знакомы, как обыкновенные; равномерно и сей последний да не позволит себе никогда быть хулителем той науки, которой просвещенный свет обязан большею частию успехов в образованности своей.

2. *Наука об оружии.*— *Артиллерия.* Наука об оружии заключать в себе должна не токмо сведения об оружии новейшего времени вообще, но и познания о действиях оных и о употреблении их. Практической офицер Генерального штаба должен в обеих сих частях быть искусен и не довольствоваться поверхностными сведениями...

3. *Фортификация.* ...Офицеры Генерального штаба должны основательные иметь познания в фортификации, долговременной и полевой; дабы, ежели доведется строить укрепление и без содействия полевых инженеров, они могли по крайней мере руководствовать и управлять работами...

Рядовой лейб-гвардии Семеновского полка

4. Тактика всех трех родов войск.

Тактика определяет точный механизм сражений; и потому каждый, кто участвует в распоряжениях до оных относящихся, необходимо должен иметь основательные в оной познания. По сей причине преподается тактика во всех главных военных училищах, а офицеру Генерального штаба знать оную совершенно необходимо.

Познания в тактике довершают образование офицера; а без оных и наученного можно уподобить искусному оружейному мастеру, у коего в мастерской развешено самой лучшей работы оружие, которое он только изготавливает, но употреблять не умеет. Военной службе себя посвящающие должны обучаться тактике, как тому искусству, которое им хлеб дает; однако же все еще не видать, чтобы на сие обращено было должное внимание.

Каждого рода войско имеет свою тактику, которую офицеру, в том войске служащему, преимущественно знать должно. Офицеру же Генерального штаба, принадлежащему не к одному только роду войск, а ко всем вообще, особенности каждого из оных равно близки; но на обстоятельство сие далеко не обращают того внимания, какового оно заслуживает; и должно бы в особенности принять сие на замечание...

Хорошая тактика есть уже ручательство за победу; а победа есть главная цель сражений. К числу обязанностей Главного штаба принадлежит и благороднейшее назначение быть всегда с готовностью в распоряжении генерала и всеми душевными, физическими и моральными средствами содействовать в приведении в исполнение распоряжений его в сражениях. Как же может он льститься выполнить священную и высокую обязанность сию, ежели он сам не тактик, во всей силе смысла слова сего! В пылу сражения, под громом пушечных выстрелов сокрушается и мертвеет все книжное знание; одна лишь тактика в полном блеске деятельности своей всем управляет. Тут все познания умолкают пред искусством; и дело уже идет только о решении, кому отдать превосходство в искусстве.

5. *Военная география, топография или наука о местоположениях.* Местоположения, на коих совершаются марши, разбиваются лагеря, даются сражения, можно бы называть пашнею Генерального штаба, и, следовательно, военной география,— если она уже существует,— составляет собственно науку ремесла его...

В поле! в поле! должно звать офицеров Генерального штаба, коль скоро преподавание с кафедры кончилось. Лишь тот, кто с классною тетрадью своею в руках, пешком или на коне, выходил вдоль и попе-

рек замечательные местоположения... лишь тот только может почерпнуть истинную пользу в науке, которая тогда лишь становится действительною, когда приложена к действующей природе...

Сверх упражнений, ведущих к приобретению познаний о местоположениях, и прилежного рассматривания карт должен офицер Генерального штаба со вниманием читать дельные описания путешествий, землеописания и вообще все к сему относящиеся сочинения; а более всего приучаться снимать места и излагать положения оных на бумаге. Наконец, и так называемая военная география, о коей мы еще весьма мало имеем хороших сочинений, состоит в тесной связи с наукою о местоположениях; можно сказать, что она, в отношении сей науки, то же самое, что стратегия в отношении к тактике. Познания оной для офицера Генерального штаба тем наиболее нужно, что посредством оной приобретает он навык общим обзором судить о выгодности или невыгодности местоположений для военных действий...

6. *Военная история* есть неисчерпаемый источник, из которого военная наука, и вообще каждый благомыслящий и образованный офицер, — следовательно, и офицеры Генерального штаба, — черпают жизнь для познаний своих.

Уже и в науке о поверхности земной встречается необходимость знать, где какой народ обитает или обитал. Для военного же более важны сведения о войнах, сими народами веденных.

Военная история есть единственное гласное средство для оценки состояния военной науки; и следовательно, также и образа вести войну. Военная история очищает рассудок от бесплодных пустых теорий, из книг в голову набитых, выгоняет из оной все излишнее, все педантское и возвышает дух воинов, представляя им деяния ве-

Флигель-адъютант лейб-гвардии
конного полка

ликих мужей и поощряя к подражанию оным. «Да будем таковы, как были они». Мысль сию в каждом, духом возвышенном воине возбуждает чтение геройских подвигов великих мужей прошедших веков или же современников. Ради сего, и по глубочайшему убеждению нашему, изо всех офицеру Генерального штаба необходимых познаний признаем военную историю за важнейшую и ставим ее свыше всех прочих.

Но военную историю особенным образом и с особенным вниманием проходить должно; чтобы извлечь из оной истинную пользу, того недovolьно, чтобы только вытвердить наизусть годы и числа, когда происходили сражения, и забить себе в память ход совершившихся военных действий. Чрез рассудительное чтение и обсуждение военной истории офицер Генерального штаба —

сверх возвышения духа — приобретает двойную пользу: во-первых, познает он в подробности места сражений и состояние сражавшихся армий и, во-вторых, собирает материалы для познания искусства вести войну, т. е. для настоящей практической стратегии. Не набить голову большим количеством событий, дабы при встречающихся случаях иметь их под рукою, или уложить их в голове и иметь в запасе как домашние средства, но извлечь должно истинную сущность искусства вести войну для употребления оной в дело.

Дабы вникнуть в дух образа вести войну, должно наперед иметь ясное понятие о войне. Военную историю должно читать со вниманием, входить в разбор всех обстоятельств; и потом уже можно себе позволить делать свои замечания, сравнивать мысли свои с мыслями других действовавших лиц, выводить заключения и на оных уже основывать истинный масштаб собственных своих познаний. Сим только способом можно достигнуть до развития творческого духа, до полезного переработания всего читанного; и наконец, до перенесения всего того к истинному употреблению в будущих собственных своих деяниях. Одна сущность предшествовавших событий истинно поучительна; простое же обременение памяти происшествиями совращает с истинного пути к педанству.

Знакомство с военною историею само по себе уже необходимо для каждого благовоспитанного офицера. Коль скоро собрал он уже достаточные сведения, тогда само собою уже рождается желание оценить оные; и к сему доставляет военная история самое надежное и простое средство; ибо она самым вернейшим образом показывает, сколь много или сколь мало мы сведущи и надлежащим ли образом обработано все нами изученное. От сего-то недовольно еще в военных науках обра-

зовавшийся, столь же отклоняется от чтения военной истории, сколь охотно и с жадностию читает оную до некоторой степени образования уже достигший. По сей причине весьма благоразумно поступают в том, что в военных училищах военную историю преподают уже напоследки; и бесполезно бы было приступить к тому ранее. Кто хочет с пользою проходить оную, тот должен быть к тому уже созревшим. <...>

8. *Статистика, познание земель.* При суждении о какой-либо стране в военном отношении потребны сверх обыкновенных сведений о той земле также и познания статистические.

Тут недостаточно того, чтобы просто сосчитать число домов, число дымов, число жителей, ремесленников, воевого скота и проч.; а надлежит оценить благосостояние и силу той страны и вообще жизненные средства оной.

Без сведений сих нельзя начертать плана операции и без статистических подробностей невозможно правильно установить кантонирование армии.

Страну, в военном положении, должен офицер Генерального штаба рассматривать в тройком отношении, а именно: на случай сражения, на случай маршей и на случай существования в оной армии. Статистика доставляет потребные сведения для всех сих случаев; в особенности же для третьего, т. е. для расположения и продовольствия армии. Исправный офицер Генерального штаба не должен полагаться в сем на военного комиссара, а надлежит ему самому все исследовать; и потому-то включена здесь статистика в число познаний для него потребных. Подробности по сему предмету приобретаются сами собою на войне.

9. *Знание языков.* Из офицеров всех родов службы знание иностранных языков наиболее необходимо

офицеру Генерального штаба: не зная языка той страны, в которой армия действует, он в исполнении обязанностей по службе весьма

легко может попасть в хлопоты крайне неприятные.

«Военный журнал», № IV. Спб., 1831

О ПРОДОЛЖЕНИИ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПО ВЫХОДЕ ИЗ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ, ДЛЯ СПОСОБСТВОВАНИЯ КОЕМУ УЧРЕЖДЕНА В С.— ПЕТЕРБУРГЕ ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ

...Навсегда останется неоспоримую истину, что из всех состояний в обществе людей ни в одном не потребно столь многообразной образованности, столь многообразных моральных и физических качеств, одним словом, ни в котором не потребно столько сведений и способностей, как в том высоком звании, коего удел есть защищать Отечество извне и охранять соблюдение спокойствия и исполнение законов внутри. Нет почти отрасли познаний наших, которая бы не касалась военной науки. Взглянув на обширное поприще, на котором предстоит воину показать свои познания, свои способности, с первого взгляда кажется, что человек всеми душевными и телесными силами своими не в состоянии удовлетворить, исполинского размера, требованиям сим...

Дабы на самом деле превзойти и то, что едва кажется вероятным, дабы быть в состоянии невозможное сделать возможным, — должен воин иметь понятие о всех тех морях, о всех тех землях, на кои судьба войны занести его может. Он должен

стараться получить сведения о нравах и обычаях народов, о добродетелях и пороках их, о недостатках и выгодах законов, коими они управляемы, о плодородии или необработанном состоянии земель, об удобности или неудобности местоположений для военных действий; он должен знать, где на всем земном шаре, или по крайней мере в Европе, есть выгодные места для занятия военных позиций; куда текут реки, куда пролегают хребты гор и дороги; иметь сведение, в каком положении находятся главные города и крепости; а равно и о том, какие где есть естественные или искусственные средства к обороне. Ему должны быть известны местные и политические точки прикосновений государств между собою, и он должен уметь здраво рассудить, нет ли где точки слабой. Сверх сих общих потребны ему еще и подробные сведения. На образование войск и действие оными должен он главнейше обратить все свое внимание: и на сие одно уже потребно толикое напряжение, что, кажется, не может оставаться ему времени

на изучение наук необходимых, тесно с сею отраслью военных познаний связанных. Офицер, не желающий оставаться простою машиной в большом механизме, но, — потому что природа наделила его потребными на сие способностями, стремящийся проникнуть связь и ход механизма сего, дабы приготовить себя к занятию высшего места в сословии своем, — обязан пройти всю сферу наук. В особенности же необходимы ему: землеописание, история, чистая и прикладная математика, чистая и прикладная тактика, геодезия, стратегия, статистика, знание языков. Также требуется от него не менее моральных и физических качеств. <...>

Образование готовых офицеров высшего звания не может быть целью военно-учебных заведений: они имеют другое, не менее полезное назначение. Благое намерение правительства, при учреждении таких заведений, состоит в том, чтобы юношеству доставить средства познать, чему и как оно учиться должно, и вместе с сим, посредством приличного воспитания, внушить оному те правила и чувства, кои составляют душу будущего звания их; и посредством возраста воспитанников соответственных воинских упражнений вкоренить в них механическую, тактическую точность военной службы и исподволь ознакомить их с мелочными обрядами оной, коим никогда с толиким успехом и приятностью обучаться не можно, как в юности. Вот в чем состоит истинная цель военно-учебных заведений. В оных преподают юноше только средства к достижению той высокой цели, о коей здесь речь идет. Привести же его к оной не может никто; он сам должен проложить себе путь. Главнейшую же пользу доставляют заведения сии тем, что научают юношу правильно рассуждать и выводить заключения; без чего все знания наши обратились бы в ничто. Снабжен-

ному начальными познаниями в науках юноше наставники, при выпуске его из заведения, указывают: где он может найти лучшие материалы и чистейшие источники для черпания того, что ему еще нужно приобрести для дальнейшего образования своего по всем частям. Они наставлениями своими предостерегают его от заблуждений, в кои пылкое воображение, по незрелости рассудка, столь легко увлекает молодых людей; знакомят его с приятностями, с изящностями наук; сообщают ему собственную опытность свою и теоретические сведения его превращают некоторым образом в практические, и тем придают им еще новую цену. Когда с такими поощрениями наставник, расставаясь с воспитанником своим, сказал ему: *Ты видел, как учиться должно. Теперь ступай с богом и довершай сам дальнейшее образование свое*: то сим исполнены все обязанности со стороны заведения. Требовать более сего было бы несправедливо. В учебных заведениях можно преподавать только теорию, а теория, и самая высшая, есть ничто иное, как руководство к исполнению. Раму же для картины составит уже практика. Теория, сколь она ни драгоценна, навсегда останется бесполезною, ежели скопленное ею не будет употреблено в дело гением. Она собирает только в систематический порядок то, что веками произведено; она развертывает, распространяет то, что люди во все времена изобрели, усвершенствовали, и научает употреблению всего того; но она не занимается приведением сего в исполнение, в чем единственно однако же заключается вся польза, от учения ожидаемая. Теория учит всему: управлению государствами, управлению торговлею всемирною, военную науку, таинство кораблевождения и даже законы, коим природа в различных произведениях своих строго следует, — все это она знает. Но употребить

Унтер-офицеры лейб-гвардии Финляндского полка

все сие в пользу и соединить в одно целое предоставлено одному лишь гению...

Каким же образом произвести в действие это, столь очевидные выгоды с собою несущее, довершение военного образования?

С каких предметов должно начать и какой держаться методы? Где искать лучшие материалы и источники? Каким образом можно оными, с лучшей выгодой, воспользоваться для образования своего?

Первая необходимость в предприятии сем есть знание языков. Русский офицер, сверх языка природного, должен, по крайней мере, знать немецкий и французский, хотя до такой токмо степени, чтобы мог понимать военных писателей. Без языков сих, и при самом неутомимом старании, больших успехов ожидать не можно. На наш язык переведено еще мало хороших книг по части военной.— Кроме сего,

знание иностранных языков, свидетельствуя о способностях молодого офицера, составляет всегда весьма хорошую об нем рекомендацию и нередко открывает иному путь к возвышению: ибо в военном звании не всегда мечом, но иногда и пером можно оказать пред Отечеством великие заслуги. Чем более языков знает офицер, тем более может он быть полезен; ибо он тем чаще может быть употреблен, и употреблен там, где другой, и с лучшими может быть познаниями, нехотя должен быть обойден.

Относительно же методы, какой следует держаться, продолжая учиться наукам, кои в военном звании необходимы, хотя и можно указать их две: по одной разделяются военные науки на две части, из коих первую составляют науки, относящиеся собственно к военным действиям, к коим приступают уже по изучении первых; а по другой,

порядок учения располагается по постепенной зависимости одной науки от другой; однако же выбор метода более зависит от способностей, от лет и обстоятельств учащегося. Вторая, без сомнения, лучше; однако же и по первой достигнуть можно желаемой цели.

Приготовительные военные науки суть: математика, география, история, топография, статистика, физика, артиллерия, фортификация, дипломатика, политические науки, военное красноречие, военная история, военная литература. Науки, относящиеся до военных действий, суть: тактика начальная (построения, движения войск и употребление оружия) и прикладная или высшая и стратегия (наука о движениях, для достижения цели в военных действиях).

Офицер с теми познаниями в математике, с каковыми выпускаются воспитанники из 1-го класса военно-учебных заведений, не встретит никакого затруднения продолжать вникать в высшие отрасли науки сей, до той степени, которая достаточна для образованного офицера в высших званиях...

Математика необходима не для одних военных, но и во всяком звании она полезна; ибо она научает правильно рассуждать и выводить заключения. Она острит ум и вводит рассудок в надлежащие пределы его: она не терпит отступления от истины, признавая за справедливое только то, что чувства могут принять за доказанное. На ней основаны начала тактики, которая есть наука чисто математическая; на ней основаны правила снятия местоположений, строения укреплений и гражданских зданий, механики, кораблеводства и многих других военных наук, коих без математики и понимать невозможно...

Географию (землеописание) по всем трем разделениям ее, на математическую, физическую и политическую, офицеру знать необходимо:

сие не требует доказательств, ибо без оной нельзя ему и шагу сделать. Сверх всеобщей географии должен он в особенности знать военную географию. Она описывает местоположения в отношении стратегическом...

Историю должно наперед пройти со вниманием всеобщую, а потом уже частные всех, или по крайней мере главнейших, государств. Многие написали всеобщую историю, но ни на одного из всех писателей сих с достоверностью полагаться нельзя; ибо все они основывали описания свои на неверных преданиях, дошедших от писателей древних времен, кои также передаваемые ими сведения собирали из источников несовершенно надежных: даже и в истории новейших времен большею частью встречаются подобные неверности...

После истории следуют политические науки, кои столь тесную имеют связь с наукою военною, что без достаточных сведений в оных полководцем быть не возможно. Каким образом станет он располагать военные действия свои, если не имеет ясных понятий о правах естественных, о правах народных и о правительстве; ежели чужды ему столь тесно с военными распоряжениями связанные правила, на коих основано управление государствами, ежели ему не известны основания государственной экономии, которая указывает, где и каким образом он войски свои содержать может; без соображений сих нельзя ему начертать и плана предприятия своего. Не вдаваясь вдаль по приобретению сведений по части финансовых оборотов, офицер высшего звания должен иметь достаточные об оных понятия, дабы в случае надобности умел бы изворотиться...

Артиллерия, т. е. наука о употреблении оружия всех родов, есть одна из важнейших отраслей военной науки... Каждый офицер, в особенности же достигший до высшего

звания, необходимо должен иметь понятие по крайней мере о действиях орудий, дабы он мог распоряжения свои располагать соответственно тому, чего он от них требовать и ожидать может...

Тактика начальная и прикладная или высшая. Начальная учит, как строить войски, приводить оные в движение и употреблять оружие. Основанием оной служит Воинский устав. Высшая тактика, занимающаяся приведением в исполнение, в больших массах, того, чему учит начальная, требует уже более сведений, и в особенности в познаниях, до местоположений относящихся. Местоположения суть, как говорится, единственная, но вместе с тем и преобширная, книга о военном искусстве; ее надобно читать с величайшим вниманием. На сведениях о местоположениях основаны начала тактики, предначертания стратегии. Без оных все предварительные военные науки превращаются в ничто...

Приобревши достаточные познания о употреблении орудий, о движении войск и о местоположениях, следует приступить к искусственным укреплениям оных, к фортификации. Хотя подробности науки сей, по-настоящему, суть дело в особенности инженеров, однако и каждому офицеру необходимо знать хотя основные правила оной...

Засим следует *стратегия*. В стратегии много званных (по собственному однако же приглашению), но мало избранных. Замечание сие, к сожалению, весьма справедливо. Мы уже выше имели повод заметить, что с одним здравым рассудком, и при самых неутомимейших трудах, нельзя добиться в стратегии. Тут потребен гений. Нельзя сказать, чтобы наука вождения войск не была подвержена неизменным правилам. Она точно оным подвержена. Но одному лишь гению дано вовремя творить точно то, что должно. Сему научиться нельзя. Можно

совершенно знать правила стратегии, но притом быть не в состоянии предводительствовать войсками. Высшее вдохновение может внушить один лишь гений, который, по справедливую своему, иному наотрез отказывает в дарах своих, а ежели оными и наделяет, то никогда не допускает затиснуть их в неизменные формы...

Военная история, особливо древних времен, в таком же положении, как и всеобщая история народов. Писатели не военного звания впадали в ошибки от незнания военного искусства, а военные по большей части вовлечены были в такие же ошибки либо от неверности источников, из коих почерпали сведения, либо от пристрастия. <...>

Многому, весьма многому должно учиться, чтобы сделаться полезным офицером. И когда уже преодолены все трудности, должно приготовиться еще на преодоление последствий зависти и даже клеветы и проч. и проч. Но все сие вознаградится, когда настанет время для пользы Отечества употребить в действо приобретенные познания.

Время сие, поздно или рано, непременно придет. И потому образованный офицер не должен предаваться огорчению, ежели не тотчас представится ему случай с пользою употребить познания свои. Уже одно основательное убеждение, что он в состоянии с честью занять свое место, когда дойдет до извлечения меча из ножен, служит ему задатком в том, что заплачены будут труды его.

Остается упомянуть еще о журналах и повременных изданиях по части военной. Неоднократно возрождался уже вопрос: могут ли заключающиеся в журналах сих сведения, обыкновенно по всем частям военного искусства, доставить офицеру все нужные для него познания и заменить чтение прочих иностранных творений?

Для решения вопроса сего надлежит принять в соображение цель

издания журналов. Цель сия состоит в том, чтобы офицеру, который по каким-либо препятствиям не в состоянии пользоваться многочисленными и большею частью дорогими книгами, по части военной издаваемыми, доставить, в извлечениях, самое любопытнейшее из оных, распространять новейшие открытия в военных науках, побороть часто весьма закоренелые ложные понятия о иных вещах, сообщать произведенные опыты, предлагать мысли об усовершенствованиях по части военной, объявлять о выходящих книгах в государстве и вне оного...

Для офицера, который уже приобрел достаточные познания в военных науках, журналы сии весьма полезны; ибо содержание статей оных обыкновенно относится до предметов высшей степени познаний

сих и обработаны с таким остроумием и свободой, с каковою, при строгой их точности и поучительном разборе мнений в пользу и против рассматриваемого предмета, ни в какой учебной книге они описываемы не бывают. Сия разнообразность статей, в журналы помещаемых, собственно и составляет достоинство их. Но офицеру, недостаточно еще образованному, они столько пользы принести не могут, потому что не найдет он в них подробностей, коих ограниченность листов помещать не допускает. И потому молодые офицеры не должны довольствоваться одним чтением журналов, а вместе с сим, с прилежанием, проходить все отрасли военных наук по учебным книгам. — Век жи-ви — век учись...

«Военный журнал», № VI. Спб., 1832

НАХИМОВ

ПРИКАЗ П. С. НАХИМОВА О НЕДОСТАТКАХ, ЗАМЕЧЕННЫХ ИМ НА БРИГЕ «ЭНЕЙ»

7 августа 1846 г.

Желая знать, до какой степени в продолжение пятимесячного плавания расторопность, деятельность и старания как командира брига «Эней», так и офицеров его подвинули в работах команду брига вперед, я лично смотрел на нем нынешний день постановление парусов, перемену изо-

рванного фор-марселя и артиллерийское учение и нашел много беспорядков. Главный беспорядок был в том, что офицеры (кроме старшего) считали себя как будто посетителями или, лучше сказать, людьми вовсе лишними и ненужными при действиях, которые были произведены. Я при-

вык видеть при каждом вызове команды наверх или движении судна, днем ли то или ночью, офицера

первым и всегда самым дельным и необходимым лицом на своем месте...

ЦГАВМФ, ф. 1054, д. 59, л. 11 об.-12

ПРИКАЗ П. С. НАХИМОВА О НАЛОЖЕНИИ ВЗЫСКАНИЯ НА УНТЕР-ОФИЦЕРОВ ТИХОНОВА И КУЗЬМИНА

11 августа 1846 г.

Не имевши до сих пор случая отправить донесения моего высшему начальству о снятии нашивок с грот-марсовых урядников Тихонова и Кузьмина за лень, нерадение, вялость и незнание своего дела, решаю еще раз простить их (хотя такого рода снисхождение и противозаконно) с подтверждением, что если и

после этого грот-марс не будет приведен ими в порядок, то не только снимут с них нашивки, но и понизят в матросы второй статьи. О чем объявляя командиру фрегата «Кагул», предоставляю приказ этот прочитать при команде.

ЦГАВМФ, ф. 1054, д. 59, л. 13

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА А. С. МЕНШИКОВУ С ХОДАТАЙСТВОМ О НАГРАЖДЕНИИ ОФИЦЕРОВ И МАТРОСОВ, ОТЛИЧИВШИХСЯ В СИНОПСКОМ СРАЖЕНИИ

29 ноября 1853 г.

Поставляя не переменным долгом своим свидетельствовать... об отлично-усердной службе вообще гг. офицеров и команд на судах, состоявших в нынешнем лете под моим начальством, и о примерном мужестве, храбрости и искусстве, оказанных ими во время истребления отряда турецких судов и батарей в Синопе, имею честь покорнейше просить ходатайства... о награде отличившихся гг. флагманов, командиров судов и офицеров, как в прилагаемом у сего списке значится. Нижним же чинам вообще за истинно

русскую храбрость и присутствие духа во время боя, за неутомимую их деятельность во время продолжительного крейсерства до сражения и при исправлении повреждений судов после одного почтительнейше прошу исходатайствовать денежное награждение для всех и знаки Георгия Победоносца, числом по положению статута сего ордена, соразмерно составу команд судов,— для особенно отличившихся.

Осмеливаюсь присовокупить, что таковое ходатайство... поставляю выше всякой личной мне награды.

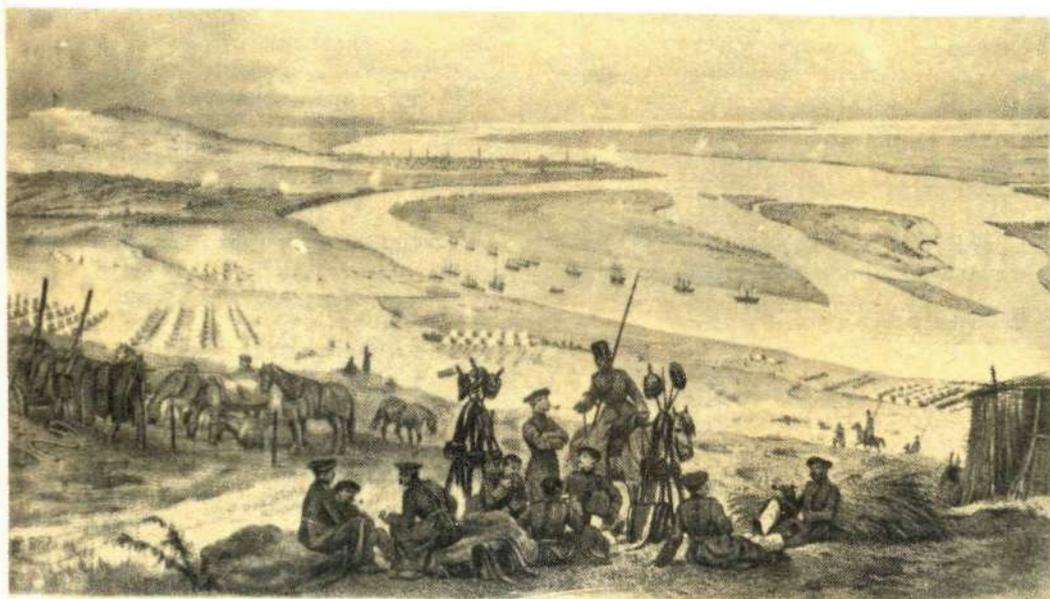
ЦГАВМФ, ф. 283, 1853 г., 2 отделение
2 стол, д. 602, л. 42

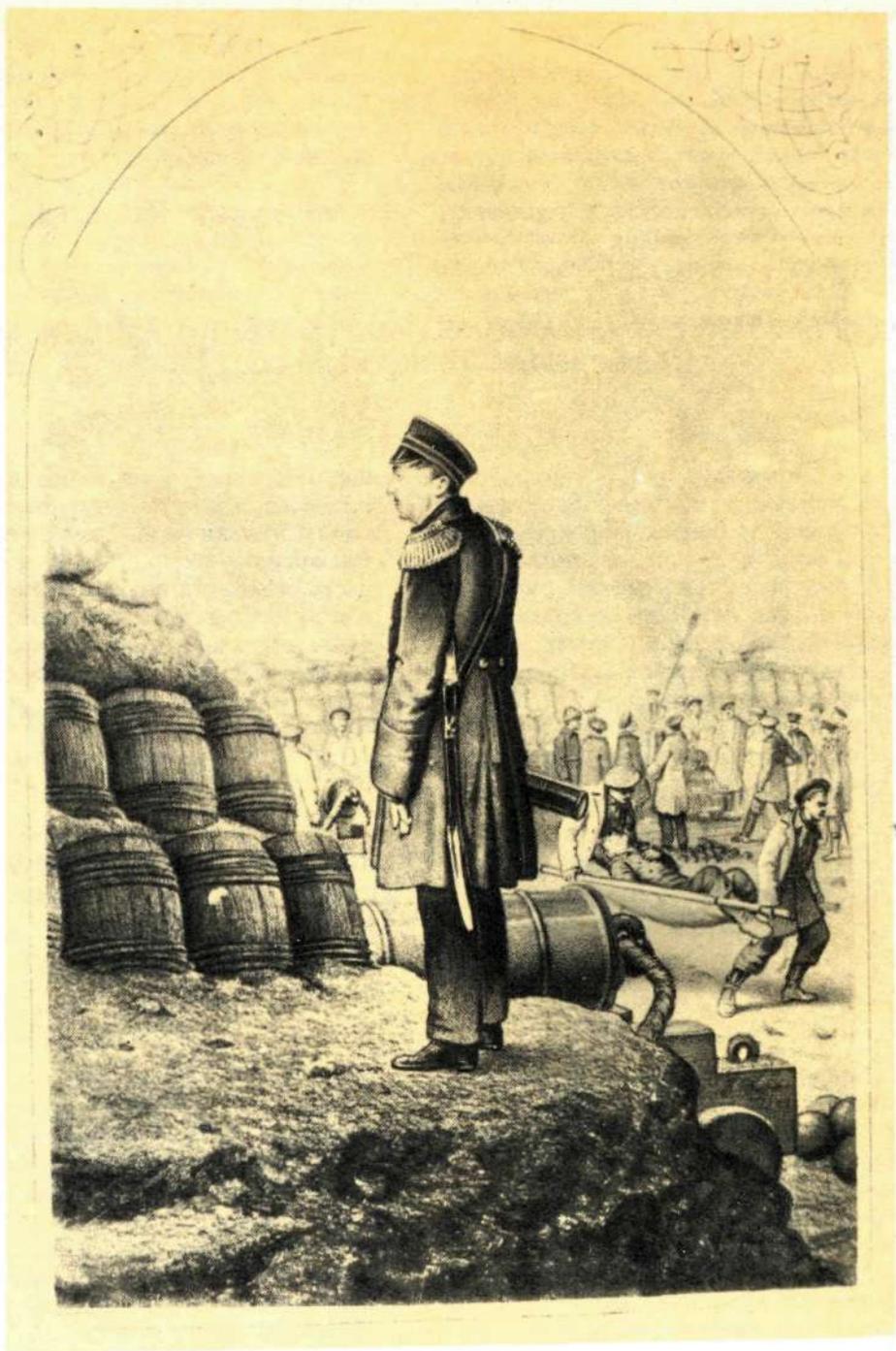
НАХИМОВ Павел Степанович — флотоводец, адмирал. Окончил Морской кадетский корпус. Командовал корветом «Навари», фрегатом «Паллада», затем бригадой, дивизионом и эскадрой кораблей. Служил на кораблях Черноморского флота под командованием М. П. Лазарева. В Крымскую войну (1853—1856) командовал эскадрой Черноморского флота, разгромившей турецкую эскадру в Синопском сражении. С февраля 1855 г. фактически возглавлял героическую оборону Севастополя.

Нижние чины, отличившиеся при обороне Севастополя

Лагерь русских войск у Силистрии

П. С. Нахимов

ПРИКАЗ П. С. НАХИМОВА ОТ 14 СЕНТЯБРЯ 1854 г.

Неприятель подступает к городу, в котором весьма мало гарнизона; я в необходимости нахожусь затопить суда вверенной мне эскадры и оставшиеся на них команды с абордажным оружием присоединить к гарнизону. Я уверен в командирах, офицерах

и командах, что каждый из них будет драться, как герой; нас соберется до трех тысяч; сборный пункт на Театральной площади.

Тотлебен. «Описание обороны Севастополя», т. I. Спб., 1860—1863 гг.

ПРИКАЗАНИЕ П. С. НАХИМОВА ОБ УСИЛЕНИИ МЕДИЦИНСКОГО НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ

25 февраля 1855 г.

Г. командующий гарнизоном, осматривая отделения оборонительной линии, заметил, что, кроме 4-го отделения, в прочих на линии чины не осматриваются медиками, чрез что допускается развиваться болезням, в особенности чесотке и цинге, почему просит гг. начальников отделений оборонительной линии принять строгие меры, чтоб нижние чины были непременно осматриваемы, как можно ча-

ще, медиками, и не менее двух раз в неделю, для чего могут быть назначаемы медики — на 1-е отделение от Волынского егерского полка и Минского пехотного полка, на 2-е отделение от Тобольского пехотного и Томского егерского полков и флотского ведомства, а на 3-е отделение от Охотского егерского полка и морского ведомства.

ЦГАВМФ, ф. 920, оп. 11, д. 25, л. 11

ПИСЬМО П. С. НАХИМОВА НАЧАЛЬНИКУ ЧЕРНОМОРСКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ ВИЦЕ-АДМИРАЛУ Л. М. СЕРЕБРЯКОВУ О СМЕРТИ ЕГО СЫНА КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТА М. Л. СЕРЕБРЯКОВА

*24 марта 1855 г.,
г. Севастополь*

Милостивый государь, Лазарь Маркович!

Доблестная военная жизнь ваша дает мне право говорить с вами откровенно, несмотря на чувствительность предмета. Согласившись на просьбу сына, вы послали его в Севастополь не для наград и отличий; движимые чувством своего долга, лежащего на каждом русском и, в особенности, моряке, вы благословили его на подвиг, к которому призывал его пример и внушение, полученные им с детства от отца своего. Вы свято довершили свою обязан-

ность, он с честью выполнял свою. Почетное назначение — наблюдать за войсками, расположенными в ложментах перед Камчатским люнетом, — было возложено на него, как на офицера, каких нелегко найти в Севастополе, и только вследствие его желания. Каждую ночь осыпаемый градом пуль, он ни на минуту не забывал важности своего поста и к утру с гордостью мог указывать, что бдительность была не даром — с минуты его назначения неприятель, принимаясь вести работы тихую сапою, не подвинулся ни на вершок.

Несмотря на высокое самоотвержение свое, ни одна пуля его не задела, а всемогущему богу угодно было, чтоб случайная граната была причиною его смерти, в один час ночи с 22-го на 23-е число он убит!!

В Севастополе, где весть о смерти почти уже не производит впечатления, сын ваш был одним из немногих, на долю которых досталось искреннее соболезнование всех моряков и всех, знавших его; он погребен в Ушаковой балке. Провожая его в могилу,

я был свидетелем непритворных слез и грусти окружающих.

Сообщая эту горестную весть, я прошу верить, что вместе с вами и мы, товарищи его, разделяем ваши чувства. Прекрасный офицер, редких душевных достоинств человек, он был украшением и гордостью нашего общества, а смерть его мы будем вспоминать как горькую жертву необходимости для искупления Севастополя...

ЦГАВМФ, ф. 315, д. 1849, л. 3

Воины. Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество.

Кто место свое без указа оставит или друга выдаст или бесчестный бегучинит, то оный будет лишен и чести и живота.

Офицеры суть солдатам, яко отцы детям.

Петр I

В армии полки хорошими будут от полковников, а не от уставов, как бы быть им должно.

При всяком издаваемом повелении всегда за предмет иметь пользу службы, честь и сохранение полку.

Честь всех деяний человеческих должна быть первым подвигом и живым образом всех достоинств, заслуг и добродетелей в почтенных вышними степенями людей.

П. А. Румянцев

Долг военного человека побуждает пецись о сохранении людей. Я худо сплю от сей заботы.

Наибольше отличать прилежных и доброго поведения солдат, отчего родится похвальное честолюбие, а с ним и храбрость.

Г. А. Потемкин

Солдату надлежит быть здорову, храбру, тверду, решиму, справедливу, благочестиву.

Излишнии рассуждения свойственны только школьникам и способностей вовсе не доказывают — способность видна лишь из действий.

Солдату — бодрость, офицеру — храбрость, генералу — мужество.

При строгости надобна милость, иначе строгость — тиранство.

Не надлежит мыслить, что слепая храбрость дает над неприятелем победу, но единственно смешенное с оною военное искусство.

Быстрота и натиск — душа настоящей войны.

Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, токмо тщетны они, ежели не будут истекать от искусства, которое возрастает от испытаниев.

А. В. Суворов

Сколь ни велики сии предметы сами по себе, но останутся бессильными тогда, когда не оживятся они тем воинским духом, который преоборяет все обстоятельства.

М. И. Кутузов

Российский солдат должен знать, что праотцы и предки его для славы своего Отечества... голод, жажду, труды и смерть ни во что вменяли... Все сие он должен хранить в своей памяти, подражать столь достохвальным примерам.

Из «Военного журнала»

Мало, ежели офицер сам не боится, а команда его не имеет равной с ним твердости; у истинно храброго офицера и подчиненные будут герои.

Долг чести, благородства, храбрость и неустрашимость должны быть святы и нерушимы; без них все другие качества ничтожны; храбрость ничем на свете заменить не может: кто в себе не чувствует уверенности, что страх им в деле не овладеет, тот должен немедленно оставить службу и в обществе офицеров... терпим быть не может.

М. С. Воронцов

Воинское звание столь почтенно, что не должно соделываться уделом недостойного человека.

П. И. Пестель

Из трех способов действовать на подчиненных: наградами, страхом и примером — последний есть вернейший.

Я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг.

П. С. Нахимов

Осанистая выстулка, важный взгляд, богатый экипаж, великолепный стол, пышный прием имеют свою цену только в столицах, но в армии вовсе не украшают начальника, и без истинных достоинств скорей заставят над ним смеяться, нежели его уважать. Одни лишь невежды думают, что, дослушавшись до генеральского чина, они силою заставят себе повиноваться.

И одна кампания потеряет целое государство, которое делается жертвою невежества вождей своих войск.

Нет ничего пагубнее, как поверхностные познания.

Генерал должен управлять всеми родами войск. Сила ему недостаточна, чтоб заставить себе искренно повиноваться; надобно ему приобрести уважение своих подчиненных превосходством своих познаний и своих доблестей.

Строгость в службе непременно быть должна, однако ж умеренная, справедливая и бесчеловечная.

Просвещение ума есть важнейшая часть в воспитании каждого военного и гражданского человека.

Ребенок принадлежит не родителям, а Отечеству; Отечество должно быть для него святее всего на свете, все воспитание его должно клониться к тому, чтоб его сделать не только годным, но и отличным слугою своим согражданам, добрым сыном, добрым отцом; без любезных государство обойтись может, а без сынов Отечества — никогда.

Кто сознает собственное свое достоинство, тот не может не быть храбрым, кто привык сознательно повиноваться, тот не растеряется в бою.

Надо поощрять храбрость, ибо хотя и говорят некоторые, что храбрость без ума ни на что не надобна, но военному человеку и ум без храбрости ни на что не нужен.

Военная история очищает рассудок от бесплодных пустых теорий, из книг в голову набитых... и возвышает дух воинов, представляя им деяния великих мужей и поощряя к подражанию оным.

Из «Военного журнала»

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ВТОРАЯ
ПОЛОВИНА
ДЕВЯТНАДЦАТОГО
ВЕКА

радиции и обычаи русской армии со времен Петра I имели устойчивый характер. Высокий моральный дух солдат, понятия о долге и чести воинской даже

в тяжелые периоды российской истории олицетворяли собой силу и непобедимость армии.

Истинные ценности не девальвируются временем. Мы бережно храним то, что досталось нам в наследство,— верность долгу и чести воинской. Армия прежде всего, конечно, сила вооруженная, но она и сила духовная. Воин защищает не только свою Родину, но и ее культуру, ее историю, то есть свои национальные и духовные ценности.

Трудным испытанием для России явилась Крымская война. Исполняя свой долг перед Родиной, русские солдаты, матросы и офицеры своей кровью и жизнью расплачивались за политические и экономические просчеты царизма, за нерешительность и косность военного командования.

Отразившая все пороки крепостничества и самодержавия, Крымская война вместе с тем продемонстрировала здоровое национальное начало русской армии, явила образцы боевого братства и верности своему долгу. Это относилось не только к легендарным защитникам Севастополя, но и к воинам Кавказского корпуса. Это о них, простых солдатах, уважительно отзывался прославленный боевой генерал Н. Н. Муравьев: «У нас людей не мучили бесполезною, насильственной и искусственной выправкою... Рекруты, выступавшие в поход с суконными ранцами и в рекрутской одежде, получив ружья во время походов и движения, скоро приняли бодрость старых солдат и нигде от них не отставали: таков был дух солдат Кавказского корпуса... У нас не было места унынию, недоверчивости и несмелости, поражающих рекрут в других полках, что наводит робость и на старых солдат и, наконец, делает войско совершенно неспособным к какому-либо военному действию. Это уже доказано многими несчастными опытами, но все еще не исправило ложного понятия, вселенного в войсках о воспитании солдат и офицеров. Войска наши были бодры, веселы и готовы на самые большие труды и подвиги».

От того, как поставлено дело воспитания воина, зависит в конечном счете

могущество военного механизма государства, его сила и мощь. Неслучайно в основу военной реформы, последовавшей вслед за Крымской войной, была положена необходимость совершенствования системы обучения и воспитания войск. Помимо реорганизации кадетских корпусов и создания военных гимназий, военных и юнкерских училищ большие преобразования претерпел воспитательный процесс в военно-учебных заведениях.

В благородном деле подготовки офицерского корпуса самое активное участие принимали выдающиеся ученые того времени, авторитетнейшие педагоги. К тому периоду относится и образование центра русской педагогической мысли — Военно-педагогического музея и педагогических курсов по подготовке преподавателей и воспитателей для военно-учебных заведений.

Все это благотворным образом влияло на дальнейшее развитие системы обучения и воспитания в русской армии. «Никто не ожидает от юнкерских училищ людей широкообразованных, но всякий вправе ожидать от них людей честных, хороших офицеров, глубоко проникнутых долгом и самоотвержением на благо нашей Родины, — характеризовал генерал П. Бобровский первых выпускников юнкерских училищ. — ...Над всем воспитанием юнкеров должно утвердить ясно поставленные цели их будущей деятельности, всегда помня, что судьба воспитываемых и обучаемых юнкеров призывает их к постоянному труду, сопряженному с лишениями, к обязанностям, соединяемым с самопожертвованием, и к занятиям по обучению солдата не только эволюциям на плацу и в манеже или грамотности в казарме, но и всему тому, что составляет основу и дает силу воинской дисциплине, порядку и военной чести».

Ко второй половине XIX в. относится деятельность выдающегося военного теоретика и педагога М. И. Драгомирова, труды которого легли в основу создания русской военной педагогики как науки.

Велико было влияние передовых идей Драгомирова на развитие чувства воинского долга и чести в среде русского офицерства. Просветительская деятельность военного мыслителя будоражила умы, побуждала к пересмотру сложившихся стереотипов в системе обучения и воспитания, выработке новых, созвучных времени подходов к этой важной области.

Одной из заслуг М. И. Драгомирова явилось возрождение суворовской «Науки побеждать», которая, по его словам, оставалась в России непонятой целых 60 лет. Драгомиров неустанно заботился о том, чтобы суворовские заветы о бережном отношении к человеку, о близости солдат и офицеров читались и выполнялись. «Армия, в которой офицер пользуется доверием солдат,— говорил М. И. Драгомиров,— имеет на своей стороне такое преимущество, которое не может быть приобретено ни численностью, ни совершенством техники, ни чем-либо иным. Это высшая степень совершенства армейского организма».

М. И. Драгомиров и его последователи исходили из того, что военное могущество прямо зависит от воспитания воина. «Какие бы ружья, пушки, корабли мы не имели,— писал автор одного из военно-педагогических трудов того времени,— но если мы к ним не в состоянии приставить людей с соответственно развитой волей, душой и сердцем, то успеха мы все равно иметь не будем».

Воинский дух народа не отвлеченное понятие, это его нравственная готовность к защите своей Родины. Настоящий воинский дух может присутствовать в армии только тогда, когда он живет в народе. Ни самая совершенная военная организация, ни талант полководца не могут сами по себе дать вооруженной силе надлежащий воинский дух, если его нет в народе. Только сам народ способен придать государственной власти соответствующую энергию и силу и требовать высокой готовности своих войск. Если же народ не заботится о развитии в себе воинского духа, то он никогда не сможет вдохновить собственную армию, а значит, и не вправе будет ждать от нее победы.

Наши предки всем примером своей деятельности призывают нас помнить о долге перед Родиной. Чем дальше, тем более глубоко понимаем мы значение их великих свершений в деле защиты Отечества. Мы с гордостью вспоминаем сегодня тех русских генералов и офицеров, кто по мере сил своих пытался поднять значение воинского долга и чести, кто искал наиболее эффективные пути повышения морального духа, а следовательно и боеспособности родной армии. И быть может, именно сейчас мы по достоинству можем оценить труды наших предшественников.

О ДУХЕ ОБУЧЕНИЯ ВОЙСК

...Главным ... является то, чтобы солдаты были не машины, но люди, сознающие собственное свое достоинство. Кто сознает собственное свое достоинство, тот не может не быть храбрым; кто привык сознательно по-виноваться, тот не растеряется в бою, даже и в том случае, когда пере-бьют всех его начальников.

Возвысить личность каждого солдата возможно (о каком войске ни шла бы речь) только в том случае, если эта личность будет уважаема, если солдат подчинен всегда одинаково строгому закону и, наконец, если дисциплина будет всеми правильно пониматься. Но одной заботы о нравственной стороне каждого солдата недостаточно: сверх того, надо еще, чтобы и каждый предмет, входящий в состав солдатского образования, кроме своей специальной цели, имел непременно в виду развитие духа в солдатах. <...>

По порядку обучения, принятому во всех европейских армиях, вслед за обучением фронту идет применение к местности и засим маневры. Указать солдатам, как должно в рассыпном строю пользоваться местностью, неоспоримо полезно. Для такого рода упражнений довольно каких-нибудь 5 или 6 уроков. Нельзя того же сказать о маневрах с противником. С первого брошенного на них взгляда они кажутся вполне основательными и, по-видимому, даже подходят весьма близко к бою; кажется, недостает только пуль в стволах для того, чтобы был действительный бой. Вглядевшись

в этот вопрос поглубже, увидим, что маневры с противником вовсе не служат близким подражанием боя, напротив того, превратно его представляют, и не только не полезны, но едва ли не вредны для армии, которая много ими занимается. Чему учатся солдаты при таких упражнениях? *Укрываться* от неприятельских выстрелов, *не брать* трудно доступные места, мало оборонять и скоро уступать легко доступные позиции; *отступать* при столкновении с сильнейшим неприятелем; *отступать*, когда обойдут их фланг; *отнюдь не сходить* близко с неприятелем; при атаке *останавливаться* в самую решительную минуту, когда в бою и без того невольно хочется остановиться, и т. п. Одним словом, маневры приучают солдат скорее к малодушию, чем к молодечеству и быстрому неустойчивому стремлению вперед к победе. Такое обучение опасно, и беда, если солдаты вспомнят его в бою и сделают по приобретенной ранее привычке.

Другой характер имело обучение нашего великого Суворова, который на ученьях, даже равняя войска, не позволял никому осаживать назад, желая внушить солдату, что никогда и ни по какой причине он не должен и помышлять о том, что может податься назад, хоть на один вершок.

Нельзя ли в наше время учить войска *в том же роде*, как учил их Суворов, армия которого была всегда непобедима?..

«Военный сборник», т. XIX. Спб., 1861

ДОМАШНИЕ МЕРЫ ВОСПИТАНИЯ СОЛДАТА

Воспитание солдата имеет целью поставить в ряды армии людей, основательным образом подготовленных к тому, чтобы побеждать неприятеля. Какими же качествами, физическими и нравственными должен обладать солдат, чтобы выполнить свое назначение? Этот вопрос во все времена разрешался довольно однообразно военными авторитетами. Мориц Саксонский, например, говорил, что «тайна побед заключается в ногах солдат». Он хотел сказать, что на войне успех бывает на стороне более быстрого и более энергического противника, т. е. сильнейшего нравственно. Наполеон I положительно высказал, что «во всяком боевом деле три четверти успеха зависят от нравственной стороны и только одна четверть от материальной», т. е. победа достается сильнейшему нравственно. В наше время Ле-Конт, автор обзора итальянской кампании 1859 года, так определяет значение солдата и требования от него: «солдат должен занимать средину между человеком и вещью». Или, вернее, по словам г. Леера: «военный должен быть способен, в бою, мгновенно превращаться из человека в вещь и из вещи в человека». Способностью к таким превращениям может обладать только человек сильный нравственно. Г. Драгомиров, сказавши, что австрийцев победили в 1866 году не игольчатые ружья пруссаков, а те люди, у которых ружье было в руках; упомянув, что нужно хлопотать не столько о хорошем вооружении, сколько о том, «чтобы человек был, по возможности, совершеннее», дает еще большее значение нравственной стороне в ряду качеств, требуемых от хорошего солдата...

Следовательно, во все времена в ря-

ду качеств, требуемых от хорошего солдата, на первом плане стояли качества нравственные, почему и в деле воспитания его нравственное развитие должно играть первую роль. Эта роль нравственного развития не отнимает значения развития физического, достигаемого правильным обучением солдат; напротив, она предполагает его, как нечто безусловно необходимое, как азбуку военного дела. Взглянем на окружающую нас действительность, чтобы дать себе отчет, на сколько и как в деле воспитания солдата она осуществляет последний вывод. Взглянем на меры, принимаемые нами для того, чтобы сделать нашего солдата «возможно совершенным человеком», человеком «сердца и добра». Все эти меры мы подразделяем на правительственные и домашние. К первым мы отнесем реформы новейшего времени: отмену телесного наказания, введение нового положения о дисциплинарных взысканиях, новую судебную реформу, новейшие изменения в уставе о рекрутской повинности и т. д. К мерам домашним мы отнесем: грамотность, законность во всех отношениях старшего к младшему (как противоположность прежней патриархальности) и разумную справедливость в домашнем суде и расправе. Последние меры мы назвали домашними потому, что они получают свой характер от самых близких, так сказать, домашних начальников, и по своей кажущейся мелочности в большей части случаев ускользают от контроля правительственного. {...}

Рассмотрим теперь значение других домашних мер воспитания солдата, мер, вытекающих из повседневных отношений солдата к его ближайшим начальникам. Мы разумеем обучение

солдата, определение взысканий с него за проступки и т. п. Мы живем в такое время, когда о палках и фухтелях, как о средстве взрастить или научить чему-либо солдата, забыли и думать. Но это не значит, что в деле обучения солдат мы отрешились от всех грехов старого времени. Нет, мы и до сих пор еще не вполне сознали, что, обучая солдата в манеже, на плацу или на скамье школы, мы учим не ребят, а своих сослуживцев (что мы начинаем сознавать это, видно отчасти из того, что самое приветствие «здорово, ребята» встречается реже. Теперь говорят: «здорово, солдаты, здорово, уланы, драгуны» и т. п.). Мы и до сих пор, при том же обучении, не совсем отрешились от системы запугивания, от желания становиться пред подчиненными на ходули — на ходули отцов пред детьми. Сколько жалких сцен разыгрывается подчиненными и начальниками, воспитанными в старом духе, можно видеть в ожидании смотра, когда солдат начинает суетиться и волноваться, когда и сам начальник меняется в лице и дрожит, словно совершил что-либо преступное. Смотр, начавшийся при таких условиях, выходит не редко хуже домашних учений. Какая тому причина? Почему ближайший начальник потерялся пред старшим? Потому что он сам привык рассчитывать на такие эффекты при своем появлении среди своих подчиненных. Потому что он сам любит выставить напоказ свою личную (прежде, для мягкости, говорили «отеческую») власть и силу, оставляя в стороне влияние, которое он может и должен иметь, как представитель требований закона. Все это вредно действует на воспитание солдата, заглушает в нем чувства человеческие, мешая развитию в нем той самоуверенности, без которой солдат будет, по духу, вечным рекрутом, как на учебном плацу, так и в виду неприятеля...

Нет никакого сомнения, что наше положение о дисциплинарных взыска-

ниях имеет одну цель: исправление виновного посредством таких мер взыскания, которые, по меткому выражению г. Бараниуса, «заставляют виновного вдуматься в свой поступок». Но верно и то, что мере исправительной по сущности можно придать характер карательный одним тоном ее определения, доказывающим, что при определении взысканий начальник играет роль прежде всего исполнителя приговора, а уже потом судьи, а не наоборот. Вредное влияние этой роли иногда увеличивается еще тем, что при определении значения известного проступка и взыскания за оный мы любим руководствоваться не одним тем сознанием, которое вытекает из вышеопределенной цели взысканий, но и настроением своего духа, вдохновением. «Поставить на три дневки без очереди», — говорят в первом случае солдату, встреченному на улице с расстегнутым крючком воротника. «Ступай и не попадайся больше», — говорят в другом случае человеку, уличенному в плутовстве, и т. п.

Конечно, ни одно положение не может установить точной нормы взысканий за каждый проступок в отдельности. Но мы и не доказываем необходимости ее. Мы желаем только наглядно показать, на сколько правильное и разумное применение положения о взысканиях к делу может зависеть от личности, от степени развития ближайших начальников, и как необходимо сим последним, в таких случаях, строго взвешивать каждый свой шаг, могущий иметь огромное влияние на неустановившиеся еще прочно нравственные воззрения нашего солдата...

Приняв в соображение все предыдущие выводы, мы поймем, почему в деле воспитания солдата нам, поставленным в близкие к нему отношения, следует хлопотать не о внушении ему своим присутствием робости и смущения, а о том, чтобы мы своим присутствием сообщали ему спокойствие и доверие; следует задабривать не чаркой водки, не ласковым возгла-

Отдых в деревне во время маневров

сом «ребята», но разумною справедливостью; следует учить солдата грамоте не для того, чтобы процент грамотных был больше, не для того, чтобы солдат мог быть со временем школьным учителем, и т. п., но для того, чтобы, отыскав способнейших, научить их понимать нас (без этого понимания офицеры всегда будут головою, плохо

приросшею к туловищу, следовательно, и плохо управляющею движениями его), доверять нам и сделать их вместе с тем проводниками правильных воззрений на права и обязанности солдата в остальную массу наших младших сослуживцев.

«Военный сборник», № 5. Спб., 1868

СВИДЗИНСКИЙ

ЗАМЕТКИ О РАЗВИТИИ ВОЕННЫХ ПОЗНАНИЙ И ОБЩИХ ВОЕННЫХ ПРИНЦИПОВ В СРЕДЕ ОФИЦЕРОВ НАШЕЙ АРМИИ

Военная литература затрагивает и решает много вопросов, касающихся обыденной военной жизни; из нее офицер может вынести решение многих недоразумений, и она же возбуждает в нем интерес ко многим сторонам военного дела, направит ум к специальным занятиям и возбудит любовь к военному званию, так как разработка вопросов с чисто военным характером, составляя умственный пищу для человека, непременно отзовется на его симпатиях, как сфера его духовной деятельности. Поэтому распространение чтения военно-литературных произведений в среде наших офицеров необходимо. Между тем такое чтение вообще развито мало. Некоторые, наиболее популярные книги еще читаются; те же сочинения, которые требуют полного умственного напряжения и специально военных познаний, пребывают в пыли на полках библиотеки. Военные журналы далеко не возбуждают того общего интереса, которого иногда по важности затрагиваемых вопросов они заслуживают. Иные, и это случается очень часто даже не в армейской среде, никогда не заглядывавшие на страницы этих журналов, легкомысленно о них отзываются — сухая, дескать, материя; отделы внутренних и иностран-

ных обзоров зачастую остаются не разрезанными... Следствием этого — незнание многими вещей, прямо относящихся к войскам.

Числительный состав нашей армии в мирное и военное время, организация ее, материальные средства, запасы — все это китайская грамота для некоторых; не говорю уже о подобном же знакомстве с силами других европейских государств. Равнодушные к этим сведениям подчас поразительно, но еще поразительнее встречающееся иногда полное незнание прямых служебных обязанностей. Встречаются ведь офицеры, военные познания которых не идут дальше строевого устава; полевая служба в мирное время знакома им плохо, а устав о сторожевой службе часто совершенно неизвестен. Конечно, лиц, столь равнодушно относящихся к службе, с каждым днем становится меньше, а с уменьшением их увеличивается наше доверие к собственным силам и уверенность, что армия наша не уступит в боевых качествах ни одному из европейских государств. Но для достижения таких результатов необходимо помнить, что успех зависит от количества труда и уровня специально военных познаний в среде офицеров, а задача, предстоящая им

СВИДЗИНСКИЙ Эдмунд-Леопольд Фердинандович — генерал-лейтенант. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Александровское военное училище и академию Генерального штаба. Офицерскую службу начал в 1867 г. подпоручиком в 98-м Дерптском пехотном полку. Занимал ряд командных и штабных должностей, преподавал военные дисциплины в Елисаветградском кавалерийском юнкерском училище, командовал 11-й пехотной дивизией.

в мирное время,— стремление к возможно большему самообразованию. Это стремление уже проявилось усиленным трудом отдельных лиц и начинает входить в массу. <...>

Но для того, чтобы требовать известных познаний, нужно дать средства приобрести их. Образование, получаемое офицерами, с каждым годом увеличивается; но наше школьное воспитание представляет столь мало залогов для самостоятельного труда, что надеяться на самостоятельное изучение военного дела со стороны молодых офицеров невозможно, и неизбежно приходится вести таковые занятия под руководством опытных и знающих лиц. Эта необходимость становится еще очевиднее, принимая во внимание чисто практический характер нашего дела. <...>

Военные беседы принадлежат также к средствам для увеличения военного образования офицеров. Беседы эти могут принести действительную пользу только при известных условиях. Прежде всего, нужно стараться, чтобы они имели живой, жизненный характер; в них следует избегать школьных вопросов, вроде начал элементарной тактики. Такое изложение одним из офицеров непременно в глазах других принимает вид менторства, которое неохотно признается в лице товарища, не получившего высшего военного образования. При удачном выборе тем можно воспользоваться беседами для ознакомления массы офицеров с текущими вопросами военной литературы и со всеми распоряжениями центрального управления армии. Так, например, одному офицеру можно поручать следить за отделами иностранных обзоров военных журналов, другому — за отделами внутренних обзоров, третьему — разбирать более выдающиеся статьи других отделов тех же журналов, четвертому — делать извлечения из появляющихся вновь или уже существующих военных сочинений, пятому, знающему иностранный язык,— чтение и передачу содержа-

ния какого-нибудь иностранного сочинения и т. д. и т. п. Предметами бесед могут быть также вопросы обычной полковой жизни: обучение солдат, хозяйство рот и т. п.; наконец, вопросы, касающиеся общих офицерских учреждений...

При таком характере беседы, без сомнения, представят интерес, да притом подобные темы не затруднят никого, и составление бесед можно будет сделать обязательным для всех. Последнее необходимо ввиду того, что каждая беседа, главным образом, приносит пользу самому лектору, который, разбирая известный вопрос, по необходимости прочтет указанные ему источники и ознакомится с литературой вопроса.

Занятия офицеров, кроме своей прямой пользы, принесут еще ту выгоду, что внесут в жизнь военного общества интерес к военному делу, сблизят их духовный мир, определят общие стремления и, наконец, нравственно свяжут военнослужащих между собой, так как дадут им возможность постоянно сходиться для разумного времяпрепровождения.

При известных благоприятных условиях занятия эти могут служить для офицеров развлечением в длинные зимние вечера и избавят их от подавляющей скуки. Члены нашего военного общества, члены отдельных частей до последнего времени нередко жили особняком или маленькими кружками, несмотря на то, что чувствовали потребность общей жизни, потребность выяснения корпоративных, общих интересов. Но офицеры не имели возможности группироваться для совместного времяпрепровождения; вне службы жили врозь, на службе же взаимные отношения, ограничиваясь формальной стороной, не касались духовной жизни членов общества. Следствием такого положения вещей была невыносимая скука, приводившая часто к самым плачевным результатам.

Заброшенные иногда в провинциальную глушь, часто не имея ничего

общего с местным населением или неудовлетворяемые партией преферанса и пережевыванием городских новостей, офицеры пытались, без сомнения, создать одну общую семью из своего общества, но все попытки их разбивались за неимением средств и учреждений, способствующих слиянию общества в одно целое.

Между тем сплочение общества, создание прочных общественных отношений и поддержание нравственной связи, основанной на взаимной солидарности в стремлении к общим целям, необходимо для процветания военного дела, а отсутствие таковых отношений порождает легкое отношение к военному званию и домогательство либерализма. Только в тесно сплоченном обществе может явиться общая любовь и преданность к военному делу, выработаться общее понятие о чести и достоинстве военного звания и явиться солидарность между отдельными членами. Отдельные лица будут тогда помнить не только о своем личном достоинстве, но и о достоинстве всего военного общества, а достоинство это будет основано на серьезном и разумном отношении к званию военного. Только прочная корпорация может связать прибывающую молодежь с старослужащими; без существования корпоративного начала каждый из молодых офицеров, не видя перед собой определенных общих взглядов на личные отношения каждого военного ко всему военному обществу, вырабатывает свои собственные понятия о доблести военного звания и чести мундира и, руководствуясь только личными воззрениями, часто делает промахи.

Понятно, какую важность представляют для военного сословия такие учреждения, которые связали бы общество в одно целое, в которых были бы заинтересованы все военные и которые дали бы возможность сгруппировать духовные интересы военнослужащих. Такими учреждениями, бесспорно, являются военные

собрания и суды общества офицеров.

Потребность в военных собраниях сознавалась уже давно; во многих местах открывались военные клубы на разных основаниях; там и сям делались разные попытки, энергически поддерживаемые начальством; наконец, в прошлом году появился приказ по военному ведомству, в котором устройство военных собраний делается обязательным для всех отдельных частей войск, причем введен общий устав и установлена взаимная солидарность всех военных собраний, так как каждый офицер, состоящий членом в одном из собраний, имеет беспрепятственный вход во все другие.

Дальнейшая судьба этого учреждения всецело зависит от сочувствия к нему общества офицеров. Систематические занятия и военные беседы дают уже залог жизни собраний; но для того, чтобы учреждение это процветало, необходимо, чтобы офицеры посещали его независимо от обязательных сборищ. А это, разумеется, зависит от личных желаний и сочувствия офицеров. Особенно важно подобное сочувствие вначале, когда собрания еще не привились к жизни военнослужащих и когда удобства, которые можно извлечь из этих собраний, еще сомнительны для многих офицеров. Необходимо, чтобы офицеры нашли в собрании как ответы на занимающие их в обыденной жизни вопросы, так и приятные семейные развлечения в минуты отдыха. Первое достигается устройством хорошей библиотеки и читальной, в которой офицер мог бы получить все необходимые справки и узнать новости как из мира военного, так и из общественной жизни. Нужно отвлечь офицеров от полковых канцелярий, куда обыкновенно собираются для разных справок, толков и проч. А для этого читальная зала должна заключать, по возможности, все сведения, которые заключаются в канцелярии. Тут должны находиться: 1) приказы по военному ведомству; 2) циркуляры глав-

Чины лейб-гвардии гренадерского полка

ного штаба; 3) приказы и приказания по округу; 4) приказы по дивизии; 5) приказы по полку; 6) газеты и журналы; 7) все уставы; 8) положение о взысканиях, налагаемых мировыми судьями; 9) расписание о квартировании войск; 10) справочная книжка для офицеров; 11) справочный календарь; 12) военно-энциклопедический словарь; 13) общая энциклопедия и словарь иностранных слов; 14) карты всех главных европейских государств; 15) наконец, на открытых полках — более капитальные военные сочинения.

С тою же целью при собраниях следовало бы сосредоточить делопроизводство офицерского капитала и там же, по возможности, производить выдачу офицерам жалования.

Для удовлетворения другого условия жизни собраний — доставления офицерам возможных развлечений — необходимо позаботиться выбором в число старшин хотя одного, достаточ-

но предприимчивого в этом отношении лица, так как в делах такого рода необходима энергия и инициатива. Литературные, музыкальные и танцевальные вечера, устраиваемые в полковых собраниях, могут быть весьма оживлены, если в них будет семейный оттенок, без чопорности и мелких соперничеств. Увеселения такого рода, если ими заняться как следует, вносят много удовольствий в семейный быт офицеров и привяжут массу молодежи к своему полковому кружку, а отсюда и к началу этого кружка — военной службе. Человек всегда остается человеком, и никакая специальность не поможет заглушить в нем потребности общечеловечности и семейных удовольствий. Человек привязывается к тому кружку, в котором он разделяет радости и горе и отдыхает после трудов; и чем кружок этот больше гармонирует с сферой его деятельности, тем более он привязывается к этой деятельно-

сти, особенно если последняя имеет характер корпоративный; никакие силы не свяжут отдельных лиц сильнее, как общность личных интересов, взаимных радостей и удовольствий.

Разумно веденные военные собрания, доставляя офицерам возможность группироваться для совместных развлечений, бесспорно, повлияют на развитие товарищества, а также на сплочение военных между собою и на вселение в них любви к военному званию. Не нужно только забывать, что всякий излишек неизбежно отразится в пресыщении и что увеселения не могут быть целью военных собраний, а служат только средством для достижения главной задачи — слить военнотружущих в одно прочное общество, внутри которого они могут найти удовлетворение возможно большему числу своих потребностей.

Военным собраниям предоставляется также задача удешевить жизнь офицеров. С этой целью устраиваются общие столы и буфеты с возможно низкими ценами. Они приносят офицерам много удобств, особенно в лагерное время, но главная задача — удешевление жизни — ими не вполне достигается. Конечно, обеды, предлагаемые в общих столовых, лучше обедов, приготовляемых нашими доморощенными поварами, но для многих офицеров дело в цене, которая при всей своей относительной дешевизне довольно высока; низкие цены буфетов также не могут служить средством для удешевления быта тех, которые обыкновенно чужды трактирной жизни, а посещая собрание, невольно делают некоторые расходы... Обстоятельства эти привели многих к ложному заключению, что полковые собрания не удешевляют жизни офицеров, а, напротив, вводят их в излишние расходы и, способствуя развитию кутежей, расстраивают бюджет офицеров. Это, конечно, несправедливо. По нашему мнению, собрание не должно ставить себе целью удешевление жизни офицеров, а только удешевление цен на разные про-

дукты и доставление удобств; не следует, например, слишком уменьшать плату за обед в ущерб его качеству.

Товарищеские пирушки нельзя исключить из собраний: они, отчасти, даже способствуют сближению офицеров между собою; разорительно же они влиять не могут, так как чувство меры будет всегда господствовать в собрании, если все офицеры будут помнить о достоинстве своего клуба и необходимости соблюдения в нем всех приличий порядочного общества. Необходимо, чтобы все правила собрания были в точности соблюдаемы и никогда никому не делалось послаблений, дабы каждый знал, что никакие исключительные обстоятельства не могут служить ему оправданием в случае нарушения чести и достоинства собрания. Тогда все офицеры оценят значение военных клубов и будут заинтересованы в поддержке их на высоте общеофицерского учреждения; отдельные же лица будут помнить, что нарушение должных приличий в собрании равносильно нарушению долга чести, и недостойные члены, лишаясь права входа в клуб, вместе с тем лишаются права быть членами военного общества. <...>

Офицерские суды чести и офицерские собрания, без сомнения, весьма много способствуют развитию общего единого духа в среде военнотружущих. Принципы, вырабатываемые этими учреждениями, сводятся к вопросу о достоинстве и чести военного звания, а вопрос этот, в свою очередь, неразрывно связан с понятием о долге, «с добросовестным и усердным исполнением лежащих на офицере обязанностей». «Верность до последней капли крови, непоколебимое мужество, непреклонная решительность, повиновение, доведенное до самоотречения, безупречная правдивость, безусловное сохранение служебной тайны, полная готовность жертвовать собою для исполнения своего долга — вот доблести офицерского звания».

Стремление к распространению этих доблестей в массе офицеров со-

ставляет цель военного общества; это стремление должно отличаться настойчивостью, не зависеть от времени и лиц, а безусловно исходить из самого понятия о достоинстве военного. Армия составляет основу и мощь государства; она представляет живое тело, постоянно обновляющееся притоком живых народных элементов; она не представляет кастовой замкнутости, и интересы ее неразрывно связаны с интересами государства. Все сословия равно призваны нести бремя военной службы, всем же равно открыта дорога подвизаться на поприще этой службы... Военное сословие не имеет ничего враждебного гражданскому обществу, и корпоративная связь военнотружущих не должна вырождаться в пренебрежение к прочим сословиям. Напротив, офицер должен оказывать уважение всякому званию и вести себя с одинаковым достоинством со всеми классами общества, причем в отношении людей, стоящих ниже его по образованию, не должен опускаться до уровня их нравов, а напротив, стараться поднять их до собственной высоты.

«Чувство чести требует, чтобы офицер во всех случаях умел поддержать достоинство своего звания на той высоте, на которой должно находиться достоинство этого класса общества, несущего на себе священную обязанность защищать престол и Отечество. Офицер должен посещать только такие общества, в которых господствуют добрые нравы; он никогда не должен забывать, особенно в публичных местах, что он не только образованный человек, но что, сверх того, на нем лежит обязанность поддерживать достоинство своего звания. Поэтому он должен воздерживаться от всяких увлечений и вообще от всех действий,

могущих набросить хотя малейшую тень даже на него лично, а тем более на весь корпус офицеров; он не должен предаваться ни вину, ни азартным играм, не принимать на себя никаких обязательств, могущих его скомпрометировать, как, например, не играть на бирже и не принимать участия в коммерческих предприятиях сомнительной честности. Вообще, в заботах об улучшении своего материального положения офицер должен прибегать лишь к таким средствам, законность которых не подвергнется ни малейшему сомнению. Наконец, офицер не должен легко давать свое честное слово».

Слово офицера всегда должно быть залогом правды, и потому ложь, хвастовство, неисполнение обязательства — пороки, подрывающие веру в правдивость офицера, вообще бесчестят офицерское звание и не могут быть терпимы. Офицер должен отличаться уважением к законам государства и к личным правам каждого гражданина; ему должны быть известны законные средства для ограждения этих прав, и он же, не вдаваясь в донкихотство, должен быть всегда готов помочь слабому. Малодушие и трусость должны быть чужды офицеру; при всех случайностях жизни он должен мужественно преодолевать встречающиеся препятствия и держаться выработанных убеждений, чтобы всякий видел в нем человека, на которого можно положиться, которому можно довериться и на защиту которого можно рассчитывать. Повиновение законам и дисциплине должно доходить до самоотречения; в ком нет такого повиновения, тот не достоин не только звания офицера, но и вообще звания военного.

ДРАГОМИРОВ

АРМЕЙСКИЕ ЗАМЕТКИ

Не силою быют, а умением

Со введением общеобязательной воинской повинности весьма и весьма нелишнее подумать о том, приготовлены ли мы, офицеры, к тому положению, которое эта повинность создаст нам? Нельзя скрывать от себя того, что мы служим еще до сих пор под влиянием старых понятий — если не вполне, то в весьма значительной мере. То золотое время, когда офицер служил за фельдфебелями, унтер-офицерами, рядовыми, считавшими время своей службы в этих должностях десятками лет, когда пяти-, шестилетний солдат считался чуть не молокососом, прошло безвозвратно; а между тем в нашей среде это замечают далеко не все. Как часто случается на вопрос о причине какого-либо упущения получать в ответ: «Я приказывал». Подобный ответ обнаруживает убеждение, будто обязанность офицера только приказывать, а воспитывать в исполнительности — не его дело. К каким грустным и даже роковым разочарованиям может привести подобный взгляд в трудных обстоятельствах при молодом составе армии, объяснять нечего. Никого нельзя винить за такой взгляд, потому что он есть следствие предшествующих условий службы; но и нельзя не желать его изменения, потому что сами условия службы изменяются, и не хорошо будет, если окончательный переход к новому порядку застанет нас врасплох.

Прежде для солдата офицер был

«барин»; этим определились их отношения и сфера деятельности, слагавшиеся во многом совершенно помимо и даже вопреки закону писанного. Это проявление в военной сфере принципов нашего прежнего общественного склада находило могущественное подспорье в долгих сроках службы, при которых рекруты, поступавшие притом в ничтожном числе в массу старых солдат, учились своему делу преимущественно от товарищей, под руководством унтер-офицера и при весьма скромном участии в этом деле старших офицеров.

Теперь бытовые условия нашего общества изменились, да и в воинском организме переворот полный: весьма мало учителей, весьма много учеников, обучение усложнилось до того, что делавшееся прежде годами теперь нужно поспевать делать месяцами, иногда днями. При таком положении верно одно: *если офицер не сделает, то и никто не сделает*. Он не имеет права ожидать от солдата исполнительности, пока сам не воспитает его в последней. Говорим это не в смысле нерасположения солдата к исполнительности, которое предстояло бы сломить, но в смысле полного неведения с его стороны того, что он должен и как исполнить. Это неведение и неспособность восприятия доходят иногда до пределов маловероятных, и вот их-то нужно побороть ввиду неопытности унтер-офицеров и недостатка учителей.

Выход из подобного положения один: офицеру нужно непрерывно и настойчиво работать; сначала для того, чтобы сформировать унтер-офицеров и учителей, а потом для того, чтобы неустанно следить за деятельностью этих малоопытных и непрерывно меняющихся его помощников. Он постоянно должен помнить, что в разъяснениях уставать нельзя; что он рискует быть непонятым не только с двух, трех раз, но иногда и с двадцати. Чего он сам не сделает, не объяснит и не укажет, того никто за него не сделает, не объяснит и не укажет, о чем речь бы ни шла: о том ли, чтобы у солдата были... аккуратно обернуты портянки, или о том, в каких случаях он, стоя на часах, обязан прибегать к употреблению оружия.

Да, в наше время офицер должен много, непрерывно и без отдыха работать, если хочет быть достойным своего звания; в наше время он не только военный чин, но нечто большее: он общественный деятель в гражданском смысле слова, потому что призван играть, и не последнюю, роль в народном воспитании. Человеку, прослужившему под его руководством четыре, пять лет и возвратившемуся в среду народа, пригодятся и там привычки исполнительности, точности, порядка, одним словом, дисциплины; и не лихим словом помянет за них тот человек своего руководителя. Те, которые думают, что дисциплина нужна только в военной службе, сильно ошибаются; и жаль того народа, который ею не проникнут. Разница между военной и гражданской дисциплиной в силе напряжения, но не в духе или основе ее. **Разве это не дисциплина,**

когда в собраниях требуют (а где общественная жизнь развита, то и достигают), чтобы члены говорили один за другим, а не все разом; когда отдельные оттенки мнений подчиняются известной программе, определяемой руководителем, в литературе и в жизни; когда вы не считаете возможным прийти, например, в гости в домашней одежде? Все дисциплина, с ее вечным подразделением на область обязанностей и область наружного обряда. Слова нет, в воинском организме проявления ее резче, отступления от оной наказываются строже; но при коротких сроках службы и при нынешней системе взысканий это может только воспитать человека, но не сломить его, т. е. подготавливает его самым действительным образом к усвоению дисциплины гражданско-общественной. А нуждается ли у нас в этом не только низший, но в особенности высший класс, может решить всякий, если только отнесется к вопросу прямо и искренно, без каких-либо предвзятых коньков. Такой взгляд на дисциплину в общественном строе и на усвоение ее при помощи войска многим, вероятно, покажется странным; но покажется не в силу существа дела, а в силу недоразумений и предубеждений. Этим многим воинская дисциплина рисуется до сих пор так, как будто она столь же полно обязывает одних, сколько развязывает других; будто она все еще проявляется во всеоружии палок, шпицрутенгов и безграничного произвола, т. е. именно того, что уже давно признано не охранительной силой дисциплины, а разрушающею к ней

ДРАГОМИРОВ Михаил Иванович — генерал от инфантерии, военный теоретик и педагог. С золотой медалью окончил академию Генерального штаба. Как лучшему выпускнику академии ему была предоставлена возможность поехать за границу для ознакомления с постановкой военного дела в странах Западной Европы. Позже получил в академии должность адъюнкт-профессора по кафедре тактики. В русско-турецкую войну 1877—1878 гг. — командир дивизии, в которой он с успехом применил на практике разработанные принципы обучения и воспитания войск. После войны возглавил академию Генерального штаба. Под его руководством академия превратилась в крупный центр военно-теоретической мысли России. Известны труды Драгомирова по военной истории, тактике, обучению и воспитанию войск.

примесь. Этим многим, судящим под впечатлением прежних порядков, неизвестно, что дисциплина стала силой, столь же обязывающей, сколько и обеспечивающей от неправых посягательств; столь же облекающей властью, сколько и сдерживающей произвол. Повторяем: с общеобязательной повинностью офицер — не воинский чин только, но и общественный деятель; армия — не вооруженная сила только, но и школа воспитания народа, приготовления его к жизни общественной.

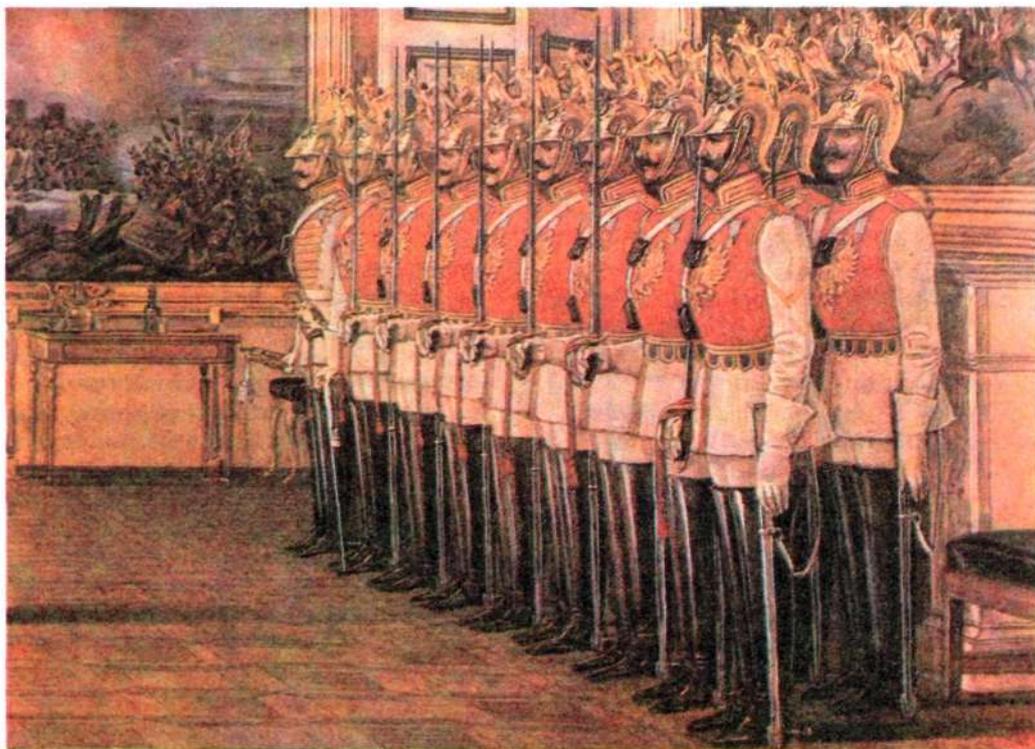
Велика и почтенна роль офицера, понимаемая таким образом, и тягость ее не всякому под силу. Много души нужно положить в свое дело для того, чтобы с чистой совестью сказать: «Много людей прошло через мои руки и весьма мало было между ними таких, которые от того не стали лучше, развитие, пригоднее для всякого дела. Ни одного я не сделал негодяем; ни одного не заморил бестолковой работой или невниманием к его нуждам; ни в одном не подорвал доверия к собственным силам. Все привыкли подчинять свою волю достижению одной общей цели по сознанию долга, а не из-под палки; из неграмотных столько-то сделал грамотными; из незнающих никакого мастерства — столько-то портными и сапожниками».<...>

1

В зависимости от назначения солдата для боя, занятия с ним представляют два главных отдела: 1) развитие в человеке зачатков долга, самоотвержения и самообладания, вложенных в него природою; 2) передачу ему разных материальных навыков, делающих его более способным к защите и к нанесению вреда врагу. Первому отделу приличествует название *воспитания*, второму — *образования* солдата. Излишне распространяться о том, который из них должен быть признан важнейшим: мы нисколько не сомневаемся в том, что из двух солдат — одного проникнутого дол-

гом, но кроме кулака и дубины ничем действовать не умеющего, и другого, владеющего в совершенстве самым современным оружием, но долгом не проникнутого, — всякий понимающий дело предпочтет, не колеблясь, первого последнему. Понятное дело, что лица подобных крайних свойств в жизни не попадают и составляют логическое отвлечение, к которому мы прибегли для того только, чтобы до очевидности выяснить основное руководящее положение иерархизации отделов подготовки, заключающееся в том, что *воспитание солдата должно быть поставлено выше образования*, и потому должно обращать на себя преимущественное и ежеминутное внимание его руководителей. Понятно также и то, что в жизни воспитание от образования не отделяется, а ведутся они совместно и одновременно, но, ввиду сказанного, они должны быть поставлены так, чтобы в быту солдата, в занятиях его, в службе, наконец в отличиях, качества, даваемые воспитанием, брали верх над теми, которые дает образование.

Цель воспитания выражается в двух словах: нужно, чтобы солдат был *надежен*, т. е. правдив, и исполнял свои обязанности всегда одинаково, как на глазах у начальника, так и за глазами. За редкими исключениями, рекрут поступает именно с такими предположениями, нужно только в нем поддерживать и развить их. Достигнув этого, вы сделали половину дела, так как раз есть исполнительность, будет и исполнение; остается только показать, что нужно исполнять. Средство достигнуть этого одно: с первых же шагов службы солдата следить неустанно за тем, чтобы он ничего не делал спустя рукава, т. е. требовать от него точного исполнения всего показываемого, не гонясь на первых порах за быстротою и ловкостью, и поверять его именно тогда, когда он менее всего может ожидать проверки. Только таким путем можно на первых же порах определить, на

Каравул лейб-гвардии конного полка в Зимнем дворце

кого из рекрутов можно положиться и кто из них, по слабости ли характера или по другим недостаткам, нуждается во внешней поддержке, чтобы утвердиться в исполнительности.

Мы придаем этому определению нравственной устойчивости каждого солдата сверх воспитательного и другое важное значение: ротный командир, давший себе этот труд, не пожалеет впоследствии, потому что будет иметь на счету кандидатов на все назначения, которые приходится делать в роте. А это первая обязанность каждого начальника — знать, кто из чинов, ему подведомых, и на что способен. Прежде слишком долго приходилось служить вместе с одними и теми же людьми, и ротный командир узнавал их поневоле; но теперь такое знание не придет, если самому о нем не позаботиться...

Курс солдатского воспитания представляют уставы: службы внутренней

и гарнизонной. Они должны быть усвоены возможно более основательно и, разумеется, более в их сущности, чем в обрядовой стороне. Последней мы придаем серьезное, но не перво-степенное значение, и настаиваем на том, что изучение существенных обязанностей должно быть поставлено на первом плане. Думаем так, основываясь на опыте, который показал, что обязанности, поставленные на одну доску с обрядом, сопровождающим их исполнение, были этим последним почти совершенно вытесняемы из сознания. И это естественно, потому что обряд говорит глазу, легко усваивается и легко поверяется, между тем как существенные обязанности не имеют ни одного из этих качеств: их нельзя ни поставить в шеренгу, ни пропустить церемониальным маршем, ни концентрировать в несколько приемов, исполняемых по коротеньким, заранее составленным, командам.

В человеке первым поражается и подкупается глаз, и потому нужно помнить, что глазу говорит только внешность дела, а не сущность его. Хотя и говорится, что по платью встречают, а по уму провожают, но в жизни платье часто так нравится, что по оному не только встречают, но и провожают. То же случается и с обрядом по отношению его к тем обязанностям, сущность которых можно выразить словом и поведением, а не внешним каким-либо приемом.

Ввиду громадной важности знания устава о службе внутренней, нельзя не пожелать распространения его в войсках наравне со строевыми уставами, чтобы всякий чин получил, наконец, возможность определительно знать, что он должен делать и чего с ним не должны делать, потому что только это может дать прочный внутренний порядок. Рассчитывать в этом деле на усвоение путем рутины нельзя: это путь верный, но медленный, т. е. при коротких сроках службы совершенно неприменимый.

Оба сказанных устава равно важны в воспитательном отношении и усвоение в них каждым солдатом того, что до него относится, составляет первостепенную необходимость, *сколько бы это ни потребовало времени*, даже если бы таковое пришлось отнимать от занятий образовательными предметами. Внутренняя служба относится к гарнизонной, как общевоспитательная подготовка к применению усвоенного воспитанием в данном случае. Стоя в карауле, солдат не только учится служить, но и впервые действительно служит. Стоя на часах, он впервые предоставляется самому себе, как относительно того, кого он в этом случае должен слушать и кого не смеет слушать даже из тех, кому в остальное время обязан беспрекословным повиновением, так и относительно употребления оружия по *личной* оценке обстоятельств, а не по чьему-либо приказанию. Все это дает помянутым уставам, в их сущности, характер *закона* в высшем значении этого слова.

Часовые лейб-гвардии Павловского полка в Зимнем дворце

В отношении к ним все прочие уставы имеют не более как характер учебных инструкций, прохождение которых, по нужде, не только может быть ограничено, но иногда даже и совершенно пропущено. Между тем, как в сказанных уставах ничего урезать нельзя из того, что солдат знать должен, даже если бы подготовку рекрута пришлось начать и окончить в один день.

Обрядовая сторона внутренней службы заключается в соблюдении воинской вежливости и приличного вида, а гарнизонной службы, сверх того,— в точном исполнении установленных приемов смены, отдания чести и т. п. Все это легко усваивается и точно исполняется именно таким солдатом, который имеет верное понятие о существенной стороне своего назначения...

Приемы воспитания внешние, но укрепляющие духовную сторону солдата, суть: сквозные атаки, ученья под артиллерийскими выстрелами и обстреливание. Хотя эти приемы, за исключением последнего, применимы только в массе, но и они дают практику в самообладании каждому солдату отдельно, и потому упоминаются здесь, т. е. при разборе отделов одиночной подготовки. Польза их применения признается пока немногими; но за них говорит и то уже, что до сих пор *против* них не было сделано ни одного возражения сколько-нибудь состоятельного. Приводим одно из них, имеющее из собою хотя заслугу некоторого остроумия. Заключается оно в том, что будто бы несообразно искать укрепления нематериальных качеств солдата посредством материальных приемов. Возражение это просто объясняется тем, что сделавшие его не отдавали себе никогда отчета в свойствах человека, между которыми одно из главнейших заключается в строгой зависимости духовного его настроения от физического его состояния, а также от механических навыков. Эта зависимость открывается при самом даже поверхностном наблюдении и составляет аксиому: голодный человек зол или уныл; обученный стрельбе будет, при равных прочих условиях, спокойнее в бою необученного; обученный бьет в свалке штыком и прикладом самоувереннее необученного; занимавшийся гимнастикой, не задумываясь, преодолевает такое препятствие, которое замедлит, а иногда и совсем остановит не занимавшегося ею, и т. п. Кажется, нетрудно заметить, что во всех приведенных примерах акт чисто *физический* имеет последствием видоизменение *духовного* строя. После этого предоставляем читателю судить: можно или нет рассчитывать на действительность материальных приемов в деле укрепления нематериальных качеств солдата. «Никакая инструкция не поможет в деле, требующем физического навыка»; а кавалерийская

или пехотная атака, равно свист пуль и гранат именно требуют такого навыка, потому что первая действует на зрение, а последний на слух еще прежде, чем дойдет дело до вреда действительного. <...>

8

...Сознанию (как и физике) необходима постоянная пища, заключающаяся гораздо более в логичности действий, нежели в логичности слов. В особенности это верно в применении к солдату, так как он гораздо чаще исполняет волю других, нежели свою собственную. Как бы ни мало был развит человек, все его действия предшествуются внутренним, инстинктивным, но неминуемым «почему?». Чем чаще и постояннее он получает прямой и ясный ответ на этот вопрос из самого дела, тем более крепнет и развивается его сознание.

Это первый результат системы развития делом более, нежели словом. Второй и не менее важный ее результат — *укоренение в солдате веры в то, что начальник требует от него дела, и только дела*. Это лучшее пособие дисциплине в мирное и единственная ее опора в военное время, когда вера в силу приказания заменяется силой приказания в меру доверия, внушаемого начальником. Бывшие в делах не отвергнут, вероятно, этого положения.

Сказанное, вероятно, многим покажется гонением на изустное преподавание; но это неверно. Еще раз повторяем, мы не против слова, но только против его злоупотребления, против создания целых отделов теоретического преподавания, не имеющих никакого практического смысла; против заранее составляемых смотровых ответов, заучиваемых вместе с вопросами. Мы, напротив, в пользу самого обширного его применения, но только там, где это действительно необходимо, и притом так, чтобы это устраняло всякую возможность долбления: чтобы солдат на вопросы от-

вечал свое, понятное, а не бессознательно заученное. И в этом отношении великий пример дает нам тот же Суворов. Не уставал он сам и через других говорить с солдатом; любил озадачивать самыми, по-видимому, дикими вопросами; но заучивать солдату приходилось мало, потому что нельзя было никогда знать вперед, о чем он спросит. Приходилось, следовательно, заботиться о понимании, а не о затверживании книжных ответов: пример, глубоко поучительный для инспектирующих начальников, которые постоянно должны думать о том, чтобы их вопросы не складывались в какую-нибудь одну закаменелую форму. Подчиненный весьма чуток к подобным вещам и скоро подмечает, можно или нет вместо понимания показать долбление, которое ведь легче.

Сверх того, мы придаем большое значение тому, чтобы офицер ни одного случая не пропускал поговорить с солдатом, задать ему один, другой вопрос; для сообщения солдату навыка отвечать быстро, толково и с соблюдением воинских приличий это единственное средство. В действительности его можно убедиться на денщиках, которые выбираются не из лучших людей, а между тем отвечают гораздо толковее многих солдат, более их способных. И это достигается без всякого усилия, мимоходом, вследствие одной близости менее развитого человека к более развитому. Не-

множко более сердца, немножко более внимания к солдату со стороны офицера, и успех верен. Офицеру следует поступать так не только в интересах службы, не только во имя великой идеи товарищества, но и в своем собственном интересе: в бою солдат идет от сердца за тем офицером, которого он знает и который его знает и понимает. Поздно учиться говорить с солдатом тогда, когда нужно уметь *словом* посылать его на смерть. Отдать приказание коротко и ясно, подбодрить словом, взглядом — великое и трудное искусство, которое большинству дается только практикой. <...>

14

...Офицер должен постоянно помнить ту могущественную зависимость исполнения от тона команды, которая открывается самому поверхностному наблюдению. Изъявление воли в строю предполагает быстрое и энергическое ее исполнение; об этом можно дать знать только тоном, а не словами: последние определяют только *что* следует исполнить, но в них и намек нет на то, *как* исполнить. Слово обращается только к сознанию, *тон* только к воле солдата; нужно, следовательно, чтобы и первое и последний были налицо, потому что с пониманием без воли точно так же мало сделаешь, как и с волей без понимания. <...>

—II—

11

Сбережение людей — святейший долг каждого начальника; и в этом деле после пищи и помещения важнейшую роль играет соблюдение того условия, чтобы попусту не морить людей, т. е. чтобы время, назначаемое на работу, на нее действительно и уходило, а не на бесплодные ожидания или на равнение, двадцать раз возобновляемое. И в этом деле свойства массы берут свое: лишнее утом-

ление то же, что и недостаток пищи; оно находит свои жертвы, для которых становится бременем, переходящим за предел сопротивления. Бесплодное утомление — лишний расход; недостаток пищи — слабый приход; свести концы с концами можно только в госпитале или на кладбище. Недаром де Брак говорил, что в зависимости от того, умеет или не умеет начальник дать своим людям и коням

Пехотинцы

вовремя отдохнуть и поесть, часть или проходит благополучно сквозь все невзгоды кампании, или тает и исчезает, даже не побывав ни в одном деле. Суетня, дерганье, ерзанье бьют вернее пули. *Нужно в мирное время приучить никуда не торопиться и никуда не опаздывать; в военное поздно усваивать эту привычку.* И в этом случае как опять не вспомнить пруссаков, у которых опоздать на какой бы то ни было смотр считается только дисциплинарным проступком, а прийти ранее чем за четверть часа до назначенного времени — преступлением. Человек создан из мяса и костей, а не из железа (да и железо не все выдержит); требуйте от него усилий, даже и тяжелых, во имя дела, но только во имя дела.

Но за пределами дела — сбережение самое педантическое: ни лишнего шага, ни лишней минуты ожидания. Нужно помнить только, что в массе малейшее движение помножается на

тысячи, на десятки тысяч раз, дабы сразу видеть, какую в ней страшную потерю работы представляет бесполезная трата времени или мускульной силы. Заставить 1000 человек даром подождать 15 минут — значит отнять у отдыха этой массы не 15 минут, но 250 часов; заставить пройти бесполезно 15 шагов — значит израсходовать мускульную силу, соответствующую 10 верстам... Мы не говорим, конечно, о тех случаях ожидания, которые считаются в год единицами и предшествуют большим маневрам; они, как и все единичное, значения иметь не могут; но налагаем на те, которые повторяются в иных частях чуть не ежедневно, совершенно без всякой цели и надобности, а просто потому, что в голову не приходит подумать о том, какими последствиями подобные ожидания могут отразиться на некоторых из ожидающих. Чтобы это было виднее, советуем прибегать к тому же умножению: чет-

верть часа ежедневного ожидания в течение 200, положим, дней дают потерю времени на каждого человека 50 часов, или двое с лишком суток, а на 1000 человек 2083,3 суток. «Одним больше, одним меньше, не все ли равно?» Вероятно, подумают, если не скажут некоторые. Для тех, которые не попадают в это число, конечно, все равно. Человек, командующий массой себе подобных, поставлен в роковую необходимость примириться с безвременною гибелью некоторых из них; и благо ему, если, пройдя в этой роли даже недолгий путь, он может, положив руку на сердце, сказать: «На моей душе много существ, безвременно погибших; но с чистой совестью могу сказать, что я ни одним не пожертвовал во имя безделья и сделал все доступное слабому моему пониманию, дабы по возможности ограничить эту жертву...»

<...>

14

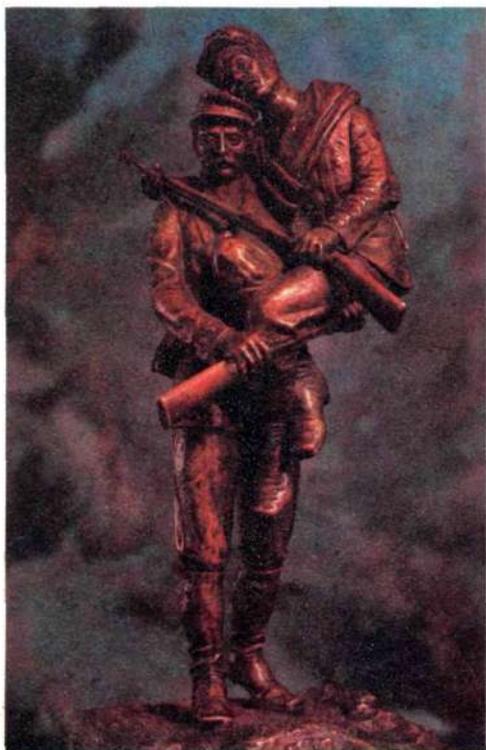
Сначала посеи, потом дай время прорасти; только после этого смотри, что проросло и как, и принимай меры исправления, если не так проросло или совсем не выросло. Что выйдет, если, посеяв, будем каждый день расковыривать землю и смотреть не проросло ли? Выйдет то, что или прорастет чахло, или и совсем не прорастет. Излишняя забота о том, что результата не будет, может убить его точно так же (если не более), как и полная о нем беззаботность.

Верное относительно растительных насаждений, не менее верно и относительно всех прочих. Возьмем, например, наше дело: следует указать, что должно быть сделано; нужно и смотреть, чтобы было сделано; но нужно же сначала дать время сделать, а потом смотреть. Если этого нет, если смотрят отнимут много времени, то на ученье останется мало времени. При подобном положении трудно ожидать солидной подготовки, а можно получить только показную.

Ефрейтор

Мало того: стесняется круг самостоятельности каждого начальника, а вместе с тем утрачивается и чувство ответственности. И тогда являются между офицерами, даже не из младших, такие, которые, получив замечание о неисправности их части, готовы сослаться в оправдание на свою личную исправность, т. е. такую, которая может быть поставлена в заслугу только солдату-рядовому, но даже не десяточному, не говоря уже о начальниках повыше. Такой взгляд на свое положение и обязанности в начальнике прискорбен невыразимо: он указывает, что человека в прямом его деле вели так, что он или утратил понятие о громадной разнице между солдатской и начальничьей ответственностью, или же и никогда такого понятия не имел. Солдат ни за кого, кроме себя, не отвечает; начальник, начиная со старшего в звене, — прежде всего за других и потом уже за себя

Вынос раненого из боя

отвечает. Эта разница так велика, что случались люди, дрянные в частной жизни, никуда не годные в смысле личной ответственности и незаменимые в смысле ответственности за других: до такой степени эти два рода ответственности различны по своей натуре. Нужно ли говорить о роли, которую играет начальничья ответственность в военное время? Нужно ли говорить о настоящей необходимости в мирное время блюсти за тем,

чтобы не только ее не вытравлять, а напротив, всеми мерами укреплять и развивать в сознании начальников? <...>

17

В военном деле все основано на единодушии, товариществе; учим людей стрелять, колоть для того, чтобы они действительно могли выручать друг друга; учим строям для того, чтобы они в массе не толкались, не мешали, а помогали друг другу. Все тактические формы имеют ту же цель. Ввиду этого, все, способствующее развитию товарищества, должно быть поощряемо; все препятствующее — внимательно устраняемо. На деле это, к сожалению, не так: не редкость встретить полки, в которых между полковым управлением и ротами существует полнейший антагонизм; идет глухая, но непрерывная война и по учету провианта, и по командированию в полковые мастерские портных и сапожников, и даже, наконец, — кто бы мог это подумать! — по назначению людей в полковые учебные команды. Подобное положение едва ли можно признать нормальным и желательным; и так как оно не составляет исключения, то с полным основанием следует заключить, что причина его не в людях, а в установившейся системе, не вполне соображенной со свойствами людей. <...>

«Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1856—1880 гг.», т. II. Спб., 1881

ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ СТАТЕЙ, ВЫЗВАННЫХ ПОСЛЕДНИМИ ДВУМЯ КАМПАНИЯМИ

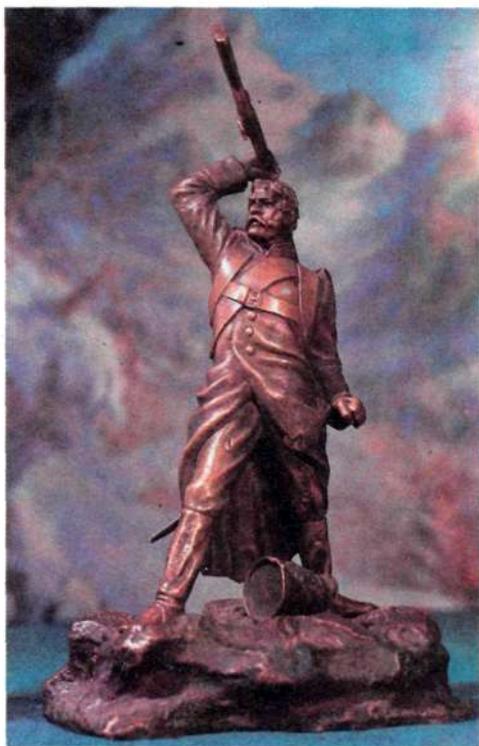
...Внутреннюю основу военного дела составляет начало товарищества, так как оно основа и воинского организма. *«Не думай о себе, думай о товарищах; товарищи о тебе подумают»* — вот первая воинская заповедь. В ней корень долга и самоотвержения, не вынужденных, но от сердца идущих; в сознании ее единственный

залог того, чтобы войско было *одним телом, имело одну душу*. Это значение товарищества сознавалось всегда, что доказывают самые наименования частей *compagnie* (товарищество), *дружина* и т. п.; доказывает также великое значение, придаваемое товариществу там, где внешняя опасность постоянна.

Начало товарищества есть сила составная из двух сил, равно присущих человеку, хотя между собою и противоположных: *самоотвержения и самосохранения*. Это видно даже из самого определения товарищества, первая половина которого требует самоотвержения («не думай о себе, думай о товарищах»), а вторая оправдывает эту жертву, показывая, что в ней заключается удовлетворение и личному инстинкту самосохранения («товарищи о тебе подумают»).

Первая составная, т. е. самоотвержение, давая человеку силу приносить себя в жертву даже до смерти, в применении к делу борьбы с врагом вызывает понятие о взаимной выручке как о святейшем законе, вызывает решимость между победой и гибелью не признавать середины, т. е. производить дерзость и упорство в достижении целей: человеку, проникнутому желанием «положить душу свою за други своя», нечего быть нерешительным, нечего унывать в самых отчаянных положениях — ведь хуже того, на что он сам себя обрек, неприятель ничего ему сделать не может. Но то же самоотвержение, в крайнем своем выражении, приводит и к безумным жертвам, к бесплодной гибели: давая человеку силу стремиться на опасность, оно отучает его взвешивать не только меру опасности, но даже задаваться вопросом о том, как легче ее преодолеть. Одним словом, самоотвержение, будучи представителем нравственной энергии, воли, в последнем своем выражении исключает хитрость, сноровку, т. е. ум. Материальный представитель высшего выражения воли — штык.

Вторая составная — инстинкт самосохранения, производящий эгоистическую заботу о себе, стремление выйти поскорее из борьбы, преувеличение опасности, впечатлительность к неожиданностям. Понятно, куда стремится эта сила, сама по себе, в конечном выражении; но в сочетании с первой она вызывает заботу о том, чтобы дело борьбы облегчить для

Солдат в бою

себя, затруднить для противника при помощи искусства и различных материальных приспособлений; вызывает, одним словом, деятельность ума. Самоотвержение презирает опасность, самосохранение преувеличивает ее: при взаимодействии этих сил получается в результате оценка ее в меру действительную и стремление приискать средства к преодолению ее с возможно меньшими для себя усилиями и потерями. Материальный представитель этой составной — огнестрельное оружие.

Кажется, излишне доказывать, что ни одна из этих сил исключена быть не может, ибо другая не представляет всех условий для победы над врагом; все дело заключается в стройном, гармоническом их сочетании: как в обучении войск, так в действии их, так, наконец, в исследовании явлений войны и боя. Это тоже равновесие воли и ума, только в другом выражении, которое Наполеон признает выс-

Рядовой саперного батальона

шим даром в полководце. Припомним, что он же предпочитает, если сказанного равновесия нет, перевес воли над умом обратному. И если это предпочтительно даже в полководце, то и говорить нечего, что безусловно желательно на всех средних и особенно низших степенях воинского товарищества. Самоотвержение и потому должно иметь верх, что оно не имеет другой цели, кроме указанной к достижению; между тем как у самосохранения есть своя собственная цель — избавиться от опасности.

Но так как исследователи военных вопросов большею частью дают свои выводы без внимания к этим основным силам и к невозможности исключения которой-либо из них, то и получается обыкновенно односторонняя апология или чисто в пользу самопожертвования, или чисто в пользу самосохранения...

Принимая за доказанное, что нельзя упускать из виду ни самоотверже-

ния, ни самосохранения, выводим, что руководящая мысль воспитания и образования может быть выражена так: *способствовать развитию самоотвержения и его производных всем строем воспитания и образования, не исключая, однако ж, и самосохранения в тех его проявлениях, которые* (как применение к местности, хорошее фехтование и стрельба, разные средства создания неприятелю препятствий) *способствуют легчайшему достижению цели в бою.* Затем все должно быть устремлено на пригнетение вредных проявлений этой последней силы в бою, как: преувеличение опасности, впечатлительность к неожиданностям, быстро наступающее за началом боя уныние, недоверие к своим силам и т. под. Это дух обучения; объем же его определяется аксиомой: «что бесполезно на войне, то вредно вводить в мирное обучение», выводимой из закона силы привычки над человеком, влияние коей в особенности могущественно в те минуты, когда человек находится в беспокойном состоянии духа...

Если товарищество есть основная сила воинского организма, то прежде всего следует подумать о том, чтобы не только не препятствовать его укоренению, но всеми мерами тому способствовать: как между людьми одной части, так и между частями. На этом основании ранжир внутренний или нравственный в роте, эскадроне, батарее должен быть предпочтен внешнему: ни малейшей разницы между расположением в строю и дома; рядом строятся и живут дружные между собою, а не близкие по одному только росту люди. Звено, десяток — не номинальные только, а действительные организмы, из которых слагаются организмы высшие; начальники их ответственны в строю и вне оно; избираются в должности по характеру, знанию дела и по мере уважения, снисканного у товарищей и начальников; состав частей изменяется, по возможности, реже; мелких переводов никаких — ни для уравнивания рядов,

ни по другим причинам внешнего свойства. Одним словом, признать, наконец, что войско должно быть органически срастающейся, а не механически сплачиваемой массой, и к участию в этом великом акте срастания призвать те внутренние симпатические инстинкты человеческой природы, которые теперь не обращают ничего внимания и погибают бесплодно. При таком составе строя внутреннее сцепление будет даже в новонабранной массе; а чувство товари-

щества не может не дать всех своих плодов; драться бок о бок с человеком, к которому лежит сердце, или с таким, у которого с вами общего один только рост,— не одно и то же.

В силу того же начала товарищества необходимо подумать о том, чтобы устранить все поводы к антагонизму между частями, а не плодить эти поводы...

«Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1858—1880 гг.», т. I. Спб., 1881

ВЛИЯНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НАРЕЗНОГО ОРУЖИЯ НА ВОСПИТАНИЕ И ТАКТИКУ ВОЙСК

...Копоть казарм, пыль плац-парадов навевает совершенно другие мысли, формирует совершенно другие взгляды, чем те, которые возникают при обстановке, где впереди — неприятель с гранатой, пулей и штыком; где сцена — безбрежное поле, на котором каждую минуту, в каждом лесу, овраге, деревне можно наткнуться на врага. Нравственная сторона человека выводится из равновесия; напряжена так, как ни в одной области мирной деятельности человека напряжена не бывает.

Чувство самосохранения говорит: «удались от зла и сотвори благо»; долг твердит: «если уважаешь себя, делай свое дело»; наконец, чувство необъяснимое, но совершенно человеческое неодолимо стремится, если не всех, то избраннейших на опасность; стремится сделать то, чего от человека нельзя требовать, что он дает произвольно, по вдохновению, развивая страшное величие и самоотвержения... Тут сразу становится ясно, что для уничтожения врага нужна стройность в душе гораздо больше, нежели в формах, и горе тому, кто не запасся первою в мирное время...

А в мирное время обыкновенно ею не запасаются, напротив, неизбежно так не портит войска, как война. Вывод странный, но совершенно логи-

чески вытекающий при условии известных отправных точек...

Это-то убеждение — высказывается ли оно или гнездится в сердце бессознательно — обнаруживает ту уже степень развития мирных упражнений, на которой они *из подготовки к войне обращаются в нечто самостоятельное*, имеющее само в себе цель. При этом взгляде на дело становится понятным, что всякий насильственный возврат к действительному военному делу представляется совершенною новостью, громадным шагом вперед...

В сущности, это не более как возврат к тем вечным и неизменным принципам, которые от века осуществлялись войною и которые кончатся только с миром.

...Увлечение подготовкой к холодному удару приводит к афоризму: «не смей рассуждать», увлечение стрельбою — к сентиментальному стремлению заставить рассуждать человека, т. е. заставить его рассказывать наизусть о том, сколько дыр в замочной доске и т. п., и все это под предлогом «развить» его. В том и в другом приводятся неизбежно к треничкам, к шагистике; в первом — принимая это слово в прямом, во втором — в переносном смысле. В 1-м забывая, что у человека есть голова, во 2-м забывая, что болтать

о деле еще не значит уметь его делать.

...Солдат, исполняющий малейшее движение не иначе, как по приказанию, есть нравственный труп, который пропадает, как только его предоставили самому себе, и напротив, солдат, предоставленный слишком самому себе, отучается подчиняться приказанию, т. е. теряет способность обращаться мгновенно в автомата, когда это необходимо для успеха дела.

...Успех развития умственного и нравственного, независимо от метода занятий, обуславливается преимущественно манерой обращения; следовательно, является необходимостью разрешить и этот вопрос, который прежде разрешали слишком несложно.

Итак, со введением нарезного оружия изменяются: 1) понятия о характере воспитания солдата; 2) понятия об отношениях к нему. Те и другие имеют преимущественно в виду воспитать солдата так, чтобы он вошел в общее дело не изуродованным нравственно и физически, но, напротив, укрепленным. Одним словом, задача представляется в следующей форме: вести солдата так, чтобы он, узнав свою специальность, не перестал быть энергическим и толковым человеком. Но в эти отношения само собою входит сознание необходимости удовлетворить и прочим нуждам единицы, и вопросы воспитания солдата для его цели и разумного сбережения его становятся нераздельны. <...>

Умение преодолевать встречаемые преграды и пользоваться ими

...Некоторым кажется, что вернейший залог к умственному развитию солдата заключается в изустном объяснении ему всего касающегося его специальности, даже и того, что само собою разумеется. Обобщая эту кажущуюся истину, вообразили, что все дело в теоретическом преподавании, и готовы учить солдата чуть не астрономии...

Другие, привыкнув объясняться с солдатом больше на пантомимах, находят, что и «добра из этого не выйдет», что дисциплина упадет, если солдат будет *все знать* и проч. и проч. Кто из них прав, кто виноват? Как обыкновенно в жизненных явлениях бывает, оба правы и оба виноваты, и истина заключается в синтетическом примирении противоречий, а не в исключении одного из них как несущественного. Первые правы, говоря, что солдат рассуждать должен; но они не видят, что неуясненное стремление развить в нем эту способность прямой дорогой ведет к уничтожению в нем способности, не менее необходимой, срастаться в массы. Вторые правы, требуя, чтобы он был безусловно послушным орудием в руках начальника; но они забывают, что для дела это необходимо и полезно *только в известные минуты*; забывают, что обращаться в постоянный режим полезное временно не значит помогать делу, а вредить ему, ставя человека в положение, противное его натуре; забывают, что способность обращаться в деятельного и предприимчивого автомата возникает только тогда, когда человек *сам* в состоянии сознать всю важность и необходимость этого; когда он, наконец, предшествующими отношениями к массе, которой составляет часть, заинтересован считать ее дело своим делом. Те и другие виноваты, наконец, тем, что не видят громадного влияния того, *что человек делает*, на то, *как он думает*, другими словами: что работающий дельно в практической сфере не может думать неделно в теоретической...

Итак, *умственное развитие солдата должно быть достигнуто рациональным направлением практической его деятельности*; только тогда оно будет прочно. Все остальные средства развития составляют только пособие указанному главному и должны быть предоставлены личной пытливости солдата. Обязанность начальников доставить все средства к удовлетворению этой пытливости, но ни в каком

случае не предупреждать ее объяснениями того, о чем солдат и не думал спрашивать; познания, втираемые последним путем, — тепличный, а не натуральный цветок, и плода от него ждать нечего.

Некоторым, может быть, покажется, что сам солдат никогда и ни о чем не спросит: опасаться этого — значит сомневаться в человеке; станьте в вер-

ные отношения к солдату, ведите дельно практику и можете быть уверены, что не оберетесь вопросов. Только тот солдат не имеет пытливости, которому работа его опротивела своею бесцельностью и который дрожит перед начальником...

«Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова 1858—1880 гг.», т. I. Спб., 1881

ПРЕДИСЛОВИЕ К УЧЕБНИКУ ТАКТИКИ

...Дело преподавателя, преданного своему делу, вооружить слушателей спасительною осторожностью против безусловных выводов; их нужно приучить задаваться относительно самого даже общего теоретического положения вопросом: а не может ли быть случая, когда положение, прямо ему противоположное, будет верно?..

При решении задач не должно никогда упускаться двойкой цели: первая определяется содержанием решения задачи; это дело ума; вторая — манерою ведения занятий, которая действует на волю обучаемых. Должно вести занятия так, чтобы не подрывать у занимающихся веры в себя. Если этого нет, наилучший руководитель не только не поможет, но напортит; что толку в том, если он научит, как располагаться для боя, для отдыха, как принимать сторожевые меры, и в то же время задерживает, запугивает человека? Правда, он ему ум несколько подготовил, а волю подорвал. Но у запуганного человека и ум, как бы он ни был развит, плохо действует. В нашем деле подобная наука хуже невежества: потому хуже, что успех в военном деле зиждется на воле; ум подсказывает только легчайший путь к успеху.

В людях, назначаемых для такого дела, в котором так называемое благо-разумие есть зачастую не более, как малодушие, а безумная, по-видимому, решимость является самым разумным и осторожным поступком, воспитание характера, воли должно быть поставлено выше всего и прежде всего. И по-

тому при разборе задач не торопиться разносить, если решение не пришлось вам по вкусу; а лучше прослушать внимательнее доводы, на основании которых оно принято. И если после таких объяснений окажется, что в принятом решении нет ничего противоречащего свойствам войск и отставляется оно с убеждением и знанием дела, предлагать поправки не как исправление ошибки, но только как другой способ решения.

Только равнодушие к делу, грубое невнимание к свойствам войск, наконец, хлыщеватое поползновение спорить только из-за удовольствия поспорить делают разнос вполне законным и оправдываемым. Руководитель должен вооружиться терпением, самоотвержением и уважением к чужим мнениям; он должен радоваться малейшим проблескам оригинальной мысли, уметь поддерживать и развивать их. Без этих качеств он не годится в руководители...

Независимо преподавания теории, обучающий должен стараться расположить слушателей к тому, чтобы они сами выдерживали свою мысль в сфере боевых и военных положений, *а особенно в готовности на смерть*. Никакого труда не стоит, идя или едучи куда-либо, задаваться по дороге вопросами: как бы я расположился для обороны этого оврага, высоты, деревни, роши, моста? Как бы я их атаковал? К каким бы работам прибегнул для усиления позиции? Если неприятель появится с фронта, с тыла, с фланга, что сделаю? Приучить свою

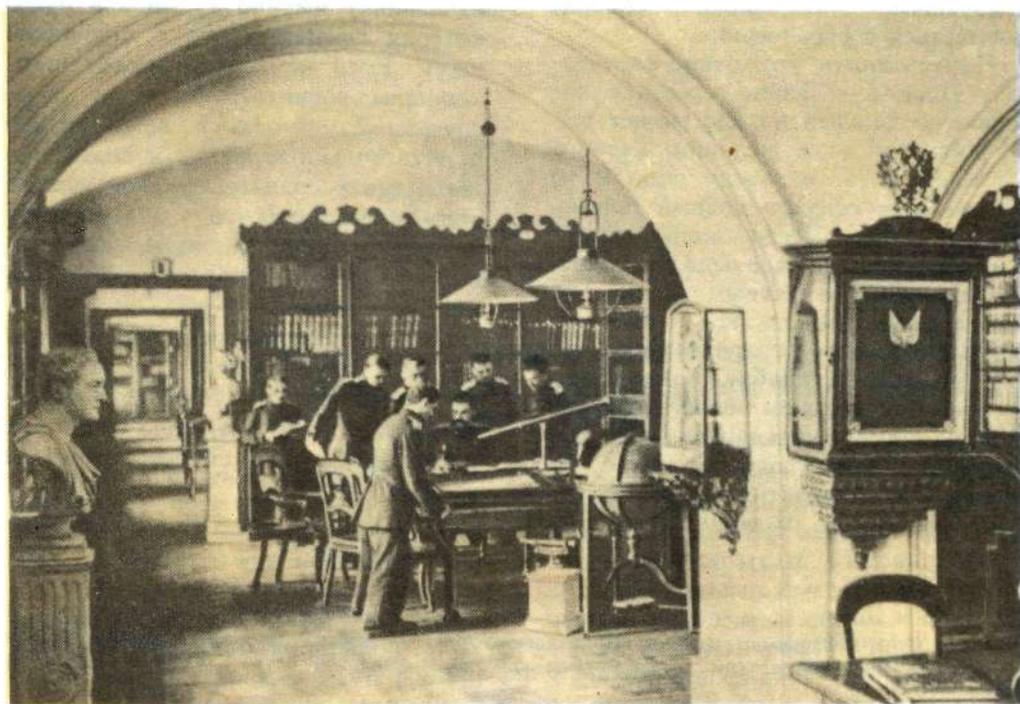

Гордосте Своятскою почка и всего Руб
йского воинства, Архангу Иванову Дра
W. JASVOIN S^TPETERSBOURG.
олмирову, — отъ скраснаго оунокатника
Александра Водура. Петровскаго, въ знакъ почтания
26 июля 1879 — 26 июля 1899.

М. И. Драгомиров

Библиотека

мысль к готовности на смерть составляет условие капитальной важности в военном воспитании; в бою только тот бьет, кто не боится погибнуть; для человека, воспитавшего себя таким образом, нет неожиданностей: ибо более того, на что он сам себя обрек, неприятель ничего с ним сде-

лать не может. И только при этом условии выручка своих в бою обращается для человека в высший непререкаемый военный догмат, а дерзость и упорство в достижении цели станут делом естественным...

М. Драгомиров. «Учебник тактики». Спб., 1879

ДАЦЕВИЧ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ СОЛДАТ

...Что касается его *воспитания*, то прежде всего обратим внимание на следующее: оно должно сообразовываться с образованием.

Надо помнить, что звание *воспитателя* солдата — звание серьезное, которое не каждый из нас может выполнить при всем желании. Главное достоинство воспитателя одно и то же во всех сферах: добрый пример прежде всего. Часто видим людей, хорошо знающих свое дело, безусловно развитых и честных, но тем не менее легко относящихся к умственным проявлениям солдата, через что они впадают в ошибку, предполагая в своем подчиненном недостаточность понимания совершающихся перед ним явлений. Такие люди ни более, ни менее, как непрактичны, что и отзывается вредно на общем ходе вос-

питания; только практика жизни между солдатами, изучение их быта дают начальнику именно ту нить в руки, которая связывает его с подчиненными. Если не всякий может быть хорошим воспитателем, то в этом случае на помощь к нему может прийти только *терпение* и *снисходительность* к солдату, так как всякий должен помнить, что в большинстве случаев мы сами виноваты, если солдат чего-либо не понимает или исполняет неправильно.

Снисходя к слабостям подчиненного, не следует, однако, делать послабления там, где это может принести вред, а, напротив, надо стараться искоренить зло соответственными взысканиями.

Коснувшись власти начальника,

ДАЦЕВИЧ Владимир Иванович — полковник, получил образование в Одесском реальном училище и Елисаветградском кавалерийском юнкерском училище, служил в 33-м драгунском Измайловском полку.

кстати будет сказать о ней несколько подробнее, дабы видеть, чем действительно она выражается по отношению к наложению взысканий.

Постоянно приходится слышать, что наши дисциплинарные взыскания не соответствуют *своему назначению*. Но в чем заключается такое *назначение* — этого не всякий доискивается.

Никакие строгие меры не уничтожают зла, если существуют причины его. Что же касается недостаточности взысканий, то в этом отношении следует обратить преимущественное внимание на *форму* их применения у нас; *существующие* дисциплинарные взыскания часто заменяются *изобретаемыми*, следовательно, незаконными. Возьмем, например, арест. Наибольшее число проступков и упущений по службе встречается тогда, когда и сама служба бывает серьезнее, т. е. при летних лагерях, а следовательно,

и наказания налагаются сравнительно чаще. Обратимся, например, к нарушению спокойствия во фронте. Его нарушают нижние чины, по большей части слабые во всех отношениях фронтовики, и их-то приходится арестовать, т. е. отнимать время, которое для них дороже, чем для остальных. Может быть, некоторые скажут, что можно арестовать с *исполнением служебных обязанностей*? Но тогда арест обратится в ничто, так как все, и арестованные и неарестованные, будут работать одинаково с утра до вечера, в будни и в праздники.

Отсюда является необходимость изобретения наказаний, *превышение* власти, что всегда так или иначе вредно отражается на общем ходе воспитания. Таким образом, по нашему мнению, дисциплинарный устав должен подлежать *необходимой переработке* в указанном нами смысле.

«Военный сборник», № 11. Спб., 1880.

ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ ПЕХОТЫ, ОТ ПОСТУПЛЕНИЯ НА СЛУЖБУ НОВОБРАНЦЕВ ДО СОВМЕСТНЫХ ЗАНЯТИЙ ВОЙСК В СОСТАВЕ ТРЕХ РОДОВ ОРУЖИЯ

...Ныне все почти согласны в том, что одной воинской выправки солдату недостаточно: необходимо его воспитать и преподать ему некоторые сведения (то и другое прежде приобреталось исподволь, путем продолжительной службы), без знания которых он непригоден ни для деятельности

в мирное время, ни для боевого употребления. Упомянутый выше устав этому отделу занятий посвятил лишь один параграф, а именно 10-й, в котором говорится: «С третьей недели начать молодым солдатам чтение законов (по два раза в неделю), до рядовых относящихся, употребляя на

это каждый раз не более получаса (о дисциплине, христианских обязанностях, нравственности, наградах на службе, о порядке внутренней службы, обязанности часового из гарнизонной службы, что получает от казны деньгами и вещами). Читать внятно, с расстановками; по прочтении поверять, понято ли прочитанное, и если нет, то объяснить». Редакция этого параграфа — *читать о христианских обязанностях, нравственности* и пр., настолько неопределенна, что и при желании сделать что-либо полезное в этом смысле терялся самый расторопный, энергический и деятельный ротный командир. Первое затруднение — это естественный вопрос, откуда заимствовать это чтение, так как специальных для того сборников, насколько нам известно, не существовало и ныне не существует? Если по Своду военных постановлений, то это не представляется возможным за отсутствием в ротах упомянутых законов; да, наконец, и самое чтение, если бы оно оказалось удобным, не принесло бы ни малейшей пользы, если принять во внимание, что в Своде *о христианских обязанностях, нравственности* и пр. говорится слишком немного, да и это немного скорее относится к кругу обязанностей начальников отдельных частей и полковых священников, чем к каждому отдельно взятому солдату. Требуется читать внятно и с расстановками, по прочтении поверять — понято ли прочитанное, и если нет, то объяснять; но кто именно должен взять на себя этот далеко не легкий труд — нет никаких указаний.

С другой стороны, указания, упомянутые в § 10-м, относительно развития в людях понятий о дисциплине,

нравственности, христианских обязанностях, о правах и обязанностях их на службе ограничены столь узкими рамками (по часу в неделю), что этот наиболее существенный отдел воспитания и образования солдата не мог иметь ни должного развития, ни соответственной постановки и значения. Кто не сознается из нас, что на указанные вопросы мы смотрели как на излишние и ненужные, и тратить время на это считалось бесполезным. Правда, в принципе многие сознавали необходимость чего-то большего, чем изо дня в день механическое проделывание ружейных приемов; смутно чувствовалась необходимость учить солдата для дела, развивать его ум, воспитывать его в духе воинской дисциплины, но от сознания до дела слишком далеко: мы не только не знали, как взяться за это дело, но и не отдавали себе ясного представления, в чем и как должна проявляться наша деятельность на этом новом пути. Рутинная всегда брала верх, и мы продолжали учить солдата тому, что под давлением настоящей минуты приводило к ближайшим и более осязательным результатам. На этом основании строевая подготовка поглощала все наше внимание. Бывали, впрочем, случаи увлечения и другими отделами солдатского образования. Кому не известно из нас, что отсутствие точных указаний, чему и в каком объеме следует обучать нижних чинов, давало более или менее широкий простор инициативе каждого начальника, личным взглядом которого устанавливалось в части то или другое направление в занятиях с нижними чинами и определялась важность того или другого отдела солдатского образования, не по существу дела, а по

МАУ Николай Иванович — полковник Генерального штаба. С 1889 г. — командир 14-го пехотного Олонецкого полка. Начал офицерскую службу в 145-м пехотном Новочеркасском полку, занимал ряд командных и штабных должностей в Виленском военном округе. После окончания академии Генерального штаба был начальником штаба 3-й гвардейской пехотной дивизии и 10-й пехотной дивизии.

привычке к нему и умению взяться за него руководящего занятиями? По этому поводу автор «Армейских заметок», между прочим, говорит: «Придет, например, человеку в голову, что заучивание номенклатуры частей ружья удивительно способствует развитию ума солдата, и ее начинают долбить с увлечением, достойным лучшего приложения. Покажется ему, что ружейные приемы составляют краеугольный камень подготовки солдата, и обучение начинается с них, хотя рекрутская школа предписывает начинать с гимнастики, фехтования и приготовительных упражнений к стрельбе; покажется, что, не замедляя шага до размера прежнего тихого, нельзя научить солдата ходить в ногу обыкновенным человеческим шагом, и его замедляют, хотя тихий шаг давно уже отменен. Одним словом — всякий молодец на свой образец: что кому нравится, тот на то и налегает, занимаясь остальным только для очистки совести. Истекает срок предварительного обучения — и новый «старый» солдат начинает служить с знанием, например, ружейных приемов, но без умения взять прицельную линию; он переговорит названия самых мелочных частей ружья, но не сумеет его порядочно разобрать, вычистить и собрать. Нам кажется, — говорит далее автор «Армейских заметок», — пришло время серьезно подумать о том, чтобы подобные случаи не повторялись, так как благодаря им легко может быть, что солдат и в отпуск уйдет, узнав только аксессуары своего дела, а не суть его».

Нельзя обойти молчанием еще одного вопроса, бесспорно много влиявшего на успех одиночных занятий — это вопроса об учителях. В § 9-м, ч. 1 устава о строевой пехотной службе, между прочим, говорится, что на дядек следует возлагать, по возможности, полное образование молодых солдат, т. е. нравственное, одиночное и строевое, а не передавать последних в руки разных учителей. Отсюда ясно, что на дядьку смотрели,

как на учителя, наставника и воспитателя молодого солдата. Между тем теперь всем стало ясно, что воспитать молодого солдата и развить его для потребностей мирного и военного времени — задача настолько серьезная, что она не под силу даже молодому, малоопытному офицеру, следовательно, о дядьках тут не может быть и речи. Вследствие этого некоторое время даже думали: есть ли вообще какая-либо надобность в удержании и ныне дядек? По нашему мнению, они, безусловно, необходимы, и вот почему: молодой солдат, прибывший в место нового служения, сразу вступает в совершенно незнакомую для него обстановку, где, считая себя беспомощным и одиноким среди новых, чужих ему людей, он, по естественному чувству желания снискать их расположение и снисхождение к его понятному незнанию и неумелости, легко может обратиться к таким нижним чинам, которые нарочно подыскивают это знакомство и сближение, чтобы выманить от него какие-нибудь выгоды, вовсе не думая, конечно, о его пользе. Ротный командир и даже ближайший начальник — отделенный унтер-офицер часто, при всем желании своем, не могут предупредить новобранца от такого вредного сближения и если замечают его, то слишком поздно, когда явились уже вредные последствия. Отстранить это вредное влияние на новобранца некоторых из старослужащих солдат, наставить его в деле жизни с новыми своими товарищами и показать практические приемы, до службы и обыденной жизни относящиеся, могут только выборные из роты люди, которые, как по своим нравственным, так и служебным качествам, стоят на хорошем счету у начальства и пользуются уважением и доверием товарищей. Люди эти с давних времен известны нашему солдату под именем «дядек». Хотя ныне, при кратких сроках службы, это название не вполне подходит к молодому составу людей, тем не менее крайне затруднительно приискать им

другое, столь укоренившееся и пользующееся в армии уважением название, как дядька. Что касается высказываемого иногда мнения, что дядьки являются единственными, понятными для солдата учителями, которым в этом отношении следует даже отдать предпочтение перед офицерами, то эта мысль опытом вовсе не оправдывается; равным образом нельзя не согласиться, что офицер или ротный командир, знающий свое дело, во всяком случае лучше всякого нижнего чина, и знакомый с уровнем понятий своих учеников, может быть более понятен для них, а следовательно, более полезен, нежели малоразвитый дядька, который не только крайне мало знает, но и это знание не всегда может высказать в удобопонятной форме. В настоящее время дядек нет, а есть учителя. <...>

Привлечение ротного командира к непосредственным занятиям с молодыми солдатами весьма важно во многих отношениях; но главное всего — это *сближение его с людьми*. Нет лучшего и более действительного средства к достижению указанной цели, как только что приведенное выше участие командира в занятиях с людьми. Сближая их взаимно, подобное общение естественным кратчайшим путем ведет к результатам, которые иначе недостижимы и в десятки лет: люди узнают своего ротного, а сей последний — людей в какие-нибудь два-три месяца.

С другой стороны, указанные занятия, ведя к сближению ротного командира с молодыми солдатами ежегодного контингента, дают ему средство наметить заблаговременно тех из них, которые по своим нравственным качествам, развитию и способностям могли бы в будущем занять унтер-офицерские должности и направить их для сей цели в полковые учебные команды. При таком выборе легче избежать ошибок и тех последствий, которые обыкновенно сопряжены с удалением людей, не ответственных своему назначению,

но пользующихся уже унтер-офицерским званием.

В чем же главным образом должна проявляться деятельность частных начальников, привлекаемых ныне к воспитанию людей? Как довести последних до возможной степени совершенства в военном деле без ослабления их душевных и физических сил? Первое и самое существенное — это *управлять их волею*. Чтобы правильно управлять волею людей, необходимо знать те пружины, которыми она приводится в действие, нужно знать их нравственные и физические способности, их склонности, характер, нужно иметь полную с их стороны доверенность. Без этого все усилия к образованию людей не приведут к желаемым результатам.

Обладая здравым умом, сметливостью и понятливостью, наш солдат скоро и легко привыкает к требованиям службы и раз усвоенное, особенно с показа, не забывает... Эти врожденные качества нашего солдата, будучи укреплены в нем правильным и внимательным воспитанием, природный смысленный ум и редкая восприимчивость, специализированные в военном смысле, могут сделать нашего солдата одинаково крепким, сознательно настойчивым и опасным противнику во всех случаях его боевой деятельности как на глазах, так и за глазами начальства. Для достижения этого необходимо прежде всего, чтобы частные начальники, начиная с младших офицеров, при обучении нижних чинов и обращении с ними вникали в их характер, оценивали их умственную развитость и по возможности соображались с их природными способностями, так как один более понятлив и рассудителен, другой — менее; склонности одного добрее, лучше, другого — порочнее; с одним нужна строгость, с другим — кротость, ласка и терпение. Следует помнить, что если солдат, особенно молодой, не исполняет чего-либо или исполняет дурно, то это происходит, за весьма редкими исключениями, не

от нерадения, а по вине обучающего, от недостатка вразумительно поставленных требований; помочь этому можно только терпеливым и кротким объяснением того, что он должен делать, а не взысканиями. Кто из гг. офицеров даст себе труд вдуматься в это, не одним только холодным и всегда расчетливым рассудком, но с сердечностью и теплотою души, тот усмотрит, что для пользы дела далеко не достаточно одного формального отправления своих обязанностей, но нужно кое-что больше. Нам кажется, что только указанным выше обращением, вниманием, теплым участием к положению солдата, удовлетворением его нужд, поданием собою примера в перенесении трудов и опасностей, заботливостию и попечением о больных и слабых, а также благоразумною твердостью можно снискать доверие и любовь и приобрести неограниченную над ними власть. Вот цель, к которой должно стремиться каждому офицеру, мало-мальски сознающему свое высокое назначение; средство же к тому единственное — это тесное сближение с солдатом и постоянное с ним общение. Слова нет, это тяжело, но это долг, это наша священная обязанность, которую мы добровольно на себя принимаем, а потому должны нести безропотно, с полною охотою и сердечностью. <...>

Следует помнить, что от первоначального воспитания молодого солдата зависит нравственный закал и боевой дух роты, ее готовность на все жертвы, одним словом, все то, что составляет залог успеха на войне. Кому же, как не ротному командиру, ближе всего это дело? Кто может соперничать с ним и оспаривать его священное право вложить свою душу в тех, во главе которых ему придется идти в бой? «Знать солдата, — говорится в приказе по войскам Виленского военного округа 1876 года за № 61, — уметь говорить с ним, понимать его нужды и удовлетворять их с отеческой заботливостью, вложить

в него свою душу, развить в нем понятие о долге службы и воинской чести и сделать его разумным и полезным орудием в смысле боевой единицы — вот та программа, исполнение которой, по долгу службы и по праву, ныне всецело ложится на ближайшего командира. Только при таком отношении к делу возможна та искренняя любовь и преданность подчиненных к своему начальнику, перед которыми, в минуту тяжких боевых испытаний, нет ничего невозможного; часть, воспитанная в таком духе, достойна уважения, как и тот командир, который сумел довести ее до такого состояния».

Есть еще одно обстоятельство, весьма важное во всяком образовательном деле, а следовательно, и в военном — это регулярность и постепенность занятий. Ничто не нарушает так системы и порядка занятий, как отсутствие этих двух данных, или, что то же, предоставление этого вопроса усмотрению обучающего. Как бы ни были подробно выработаны программы, обучающий прежде всего отнесется с большим вниманием к тем отделам обучения, которые или легче, или отвечают его симпатиям. Никто не станет отрицать, что это так было, так есть, так и будет, пока не явится, к общему обязательному руководству, оценка относительной важности каждого из предметов обучения. Первый опыт такой оценки применен к полковым учебным командам в положении о приготовлении рядовых к унтер-офицерскому званию (приказ по Военному ведомству 1875 года № 52). В § 20-м этого положения указывается число уроков в неделю на каждый предмет обучения, а именно: закон божий — 1, чтение и письмо — 4, арифметика — 2, воинские уставы — 3, устройство войск — 2, сведения из законов — 1, о ручном огнестрельном оружии — 1, о сбережении здоровья — 1 и чистописание — 1. К сожалению, столь полезная мера, как означенное распределение уроков, не пошла далее полковых учебных ко-

манд. Принимая же во внимание, что если подобную меру признано полезным применить к этим командам, где сосредоточиваются наиболее способные и развитые люди, где обучение ведется сведущими и опытными офицерами, где, наконец, ежеминутно возможен контроль начальника части, то, казалось бы, мера эта приобретает еще большее значение в таком деле, как одиночная подготовка нижних чинов вообще, а молодых солдат в особенности; не следует упускать из вида, что по затруднительности контроля 16 рот в полку и по другим причинам весьма возможны увлечения тем или другим предметом обучения, не столько по важности или трудности его изучения, сколько по привычке и склонности к нему обучающего; естественно, при таком отношении к делу новобранцы будут крепки в излюбленном предмете и малосведущи или вовсе не подготовлены в других предметах. Для устранения этого, повторяем, необходимо нормальное распределение занятий, т. е. такое расписание, которое бы указывало, числом уроков, относительную важность каждого из предметов обучения. Применяясь к этому нормальному распределению занятий, начальник части определяет, что в какой день должно быть исполнено в ротах: далее этого идти не следует, чтобы не связывать по рукам ротного командира. Поясним нашу мысль примером. Положим, начальник части, руководствуясь означенным нормальным распределением занятий, будет указывать таковые для рот по часам. Не говоря про то, что подобная мелочность не отвечает высокому положению начальника части, она, сверх того, может стеснить до некоторой степени и командира роты, обязанного точным выполнением данного ему расписания.

Может случиться так, что в часы, назначенные командиром полка для занятий гарнизонной службой, командир роты будет отвлечен по делам службы или вообще по какой-либо причине не в состоянии будет отлучиться из квартиры, тогда и занятия или не осуществятся, или пройдет кое-как, без его непосредственного участия. Может быть и так, что в одни и те же часы молодым солдатам будет назначена гарнизонная служба, а старослужащим, положим, теория стрельбы; то и другое настолько важно, что было бы в высшей мере желательно личное участие ротного командира в означенных занятиях, но по необходимости, вследствие совпадения их, он по обязанности исполнит свой долг в отношении молодых солдат и упустит теорию стрельбы. Нам кажется, что избежать этого можно только тогда, если начальник части, руководясь упомянутым выше нормальным распределением уроков, будет определять лишь, чем именно следует заниматься в ротах в тот или другой день...

Повторим вкратце наше общее положение: нормальное распределение уроков, показывающее относительную важность каждого предмета обучения, столь же необходимо в системе занятий, как, например, и программы. Оно должно быть преподано к обязательному руководству начальникам отдельных частей, кои и назначают, на основании этого расписания, чем следует заниматься каждодневно в ротах. Ротные командиры, неуклонно исполняя во вверенных им частях все указанные занятия, распределяют таковые по часам, в зависимости от местных и других условий.

Н. Мау. «Воспитание и обучение пехоты, от поступления на службу новобранцев до совместных занятий войск в составе трех родов оружия». Варшава, 1882.

БУТОВСКИЙ

О КАЗАРМЕННОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ И О ВНУТРЕННЕМ ПОРЯДКЕ В ВОЙСКАХ

(Заметки ротного командира)

...По нашему глубокому убеждению, причина, неблагоприятно влияющая на казарменную жизнь, заключается преимущественно в *бессодержательности казарменного вечера*, а потому наполнение этого вечера чем-нибудь не только полезным, но и занимательным для солдат должно отразиться на них в высшей степени благоприятно.

В самом деле, куда девать солдату свой длинный и скучный вечер? Строевые занятия кончаются в четыре часа, в некоторых полках практикуется от шести до семи часов вечера грамотность. Во всяком случае, между занятиями и ужином, который обыкновенно бывает в восьмом часу, или же между строевыми занятиями и грамотностью солдат вполне успевает отдохнуть и привести в порядок свою одежду. Что же ему остается делать между 7-ю и 10-ю часами? Стоит побывать в эти часы в роте, чтобы увидеть следующую картину: в больших комнатах, сообщающихся арками, тускло горят ночники; кончилась переключка, и люди расходятся по своим койкам; спать еще рано; чаепитие было в пять часов, в семь часов ужин, после ужина пьют чай только особенные любители. <...>

Обыкновенно в роте имеется несколько шутников, которые каждый вечер повторяют одни и те же шутки и остроты сомнительного содержания, возбуждающие какой-то формальный, невеселый смех. Если фельдфебель любитель пения, то по его настоянию образовывается в роте хор, и это есть максимум, до которого могут идти запрещенные развлечения казарменного вечера.

К сожалению, мы должны сказать, что, как ни скучен приведенный сейчас вечер, его можно поставить в образец внутреннего порядка в роте. В самом деле, чего требовать от солдат, которые не уходили без спроса со двора, все были на переключке и трезвыми легли спать, запасаясь силами к завтрашнему учению; но мы полагаем, что самый опытный и предусмотрительный начальник не может ручаться, что у него в роте будет постоянно такой порядок: праздность и скука казарменного вечера очевидно ищут исхода; этот исход иногда проявляется даже в более или менее серьезных проступках; и вот перед нами открывается картина другого казарменного вечера: люди, уволенные со двора, не все явились вовремя; некоторые из людей отлучились из

БУТОВСКИЙ Николай Дмитриевич — генерал-лейтенант. Образование получил в Петровско-Полтавской военной гимназии и Павловском военном училище. Служил в лейб-гвардии Павловском полку. С 1898 г. командовал 116-м Малоярославским пехотным полком; в 1904 г. получил в командование 2-ю Туркестанскую резервную бригаду. В 1907 г. был назначен начальником 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии.

роты самовольно; в роту была скрытно пронесена водка; вы проходите через роту и слышите какую-то суету: очевидно, что-то прячут; это «что-то» иногда оказывается женщиной...; ее окружает масса скучающих солдат. Охотников до таких развлечений среди одолевающей скуки много, и к числу их часто принадлежат честные и исправные в других отношениях солдаты, ибо этот сорт развлечения дает патент на молодцеватость. А между тем отсюда недалеко до воровства и промотания казенного имущества, чтобы выручить деньги на запретные развлечения; здесь сторожит солдата сифилис, иногда в самых злостных формах, увеличивающий процент неспособных к службе людей; здесь легко солдату впасть в дисциплинарные проступки в пьяном виде, в которых часто попадают весьма хорошие и честные люди, и т. д.

Итак, кроме мер, практикующихся для поддержания внутреннего порядка, наполнение казарменного вечера чем-нибудь полезным и занимательным должно считаться одним из главнейших способов для поднятия казарменной нравственности.

Опыт неоднократно доказывал, что увеличивать обязательные занятия можно только до известного предела; время таких занятий колебалось между $4\frac{1}{2}$ и $5\frac{1}{2}$ часами, причем всякое набавление шло в ущерб интенсивности, а потому переходило во вред. Отсюда следует, что назначать обязательные вечерние занятия было бы крайней ошибкой, но разрешить их в виде легких, необязательных упражнений для желающих было бы весьма полезным. Упражнения эти, кроме извлекаемой из них пользы, должны быть непременно занимательны для привлечения большего числа участвующих.

Остается, следовательно, решить, какого рода занятия могут быть отнесены к предлагаемому типу.

Полезным в смысле военном может быть только занятие содержания военного; в общем смысле, помимо сво-

его содержания, оно уже потому будет иметь воспитательное значение, что займет дурно растрачиваемое время; занимательным же оно может быть только тогда, когда будет представлять живое, легкое изложение в форме популярного чтения или беседования. К такому типу могут быть отнесены: чтение и устные рассказы из военного быта, преимущественно художественные или написанные с нравственной целью; популярное изложение сражений, подвигов частей и лиц, сцен из жизни полководцев и проч.

Как на более желательный род занятий можно указать на тактические занятия с желающими унтер-офицерами в присутствии желающих же рядовых.

Полезны также и невоенные чтения, к которым могут быть отнесены: духовно-нравственные популярные беседы... сведения по военной гигиене и проч.

Для облегчения такого рода занятий можно было бы производить их побатальонно в помещении одной из рот и поручить ведение военных занятий обер-офицерам батальона по очереди...

Обстановка занятий, как нам кажется, по возможности должна быть не слишком официальной, свободной от принужденности и натянутости: люди должны вставать при появлении руководителя или другого начальствующего лица и затем садиться рядом с ним вокруг нескольких вместе составленных столов; руководитель должен поощрять любопытство в людях, охотно отвечать на предлагаемые вопросы и осторожно останавливать тех из людей, которые неумело обратятся к нему или позволят себе чем-нибудь нарушить порядок, как это нередко случается при новом непривычном деле...

Остается еще сказать о некоторой частной пользе, которую принесут предполагаемые вечерние занятия в войсках. Каждый солдат, как член замкнутой среды, в высшей степени

любопытен; это чувство ищет удовлетворения и получает его вне казарм в виде каких-нибудь пустых сплетен, сбивающих его с толку. Развитие такого чувства в людях, чему способствует вечерняя праздность, нам кажется вредным относительно благонадежности воззрений, потому что начальник не может следить за каждым уволенным со двора человеком, где и как удовлетворяет он это чувство. Введя вечерние занятия в войсках, вы дадите любопытству праздного человека систематическое удовлетворение, и оно уступит место любознательности. <...>

Теперь перейдем к тем мерам, которые способствуют поддержанию внутреннего порядка в войсках. Вообще известно, что мера для предотвращения зла наиболее полезна тогда, которая не палиативна, т. е. если, не залечивая верхушек зла, она влияет непосредственно на его корень. Так, начальник, формально относящийся к требованиям дисциплинарного устава, т. е. не оставляющий проступков своих подчиненных без взысканий, но худо знающий их как людей, не искореняет зла. Такой начальник будет карать только одни отпрыски зла, выражающиеся в отдельных проступках, нисколько не подозревая, что корень, например, гнездится в дурном выборе им же назначенных унтер-офицеров.

Вообще взыскания, налагаемые без должного внимания, не только представляют палиативную меру, но и бывают в большинстве случаев несправедливыми. Положим, например, что Иванов прекрасный солдат, а Петров очень дурной; оба они попадают в равных проступках и оба сажаются в карцер. Прежде чем сажать Иванова в карцер, следовало бы подумать о том, что проступок сделан им по нечаянности, что он по характеру своему даже неспособен к таким проступкам и что, наконец, он человек самолюбивый, для которого выговор больше значит, чем карцер для Петрова. Кроме того, карцер может озло-

бить Иванова, вселить в нем чувство о несправедливости к нему начальства, словом — может испортить его. Таких примеров масса, и их невозможно перечислить.

Итак, хорошим начальником может быть только тот, кто хорошо знает своих подчиненных как людей, и только такому начальнику удастся выслеживать и уничтожать корень развивающегося зла. Опыт показал, что одни карательные меры весьма мало влияют на уменьшение проступков против дисциплины и нравственности. В этом случае полезнее всего влиять на дух в роте, т. е. постараться выдвинуть хорошие элементы и обессилить дурные. Это может быть достигнуто, конечно, не сразу, а через известный промежуток времени, когда явится возможность переменить ротную администрацию.

Известно, что во всяком обществе, в том числе и в солдатском, всегда бывают господствующие взгляды, дающие тон всей жизни этого общества. Характер таких взглядов вполне зависит от вожаков данного общества, которыми в солдатской среде являются унтер-офицеры; а потому на приготовление в унтер-офицеры должно быть обращено главное внимание начальника...

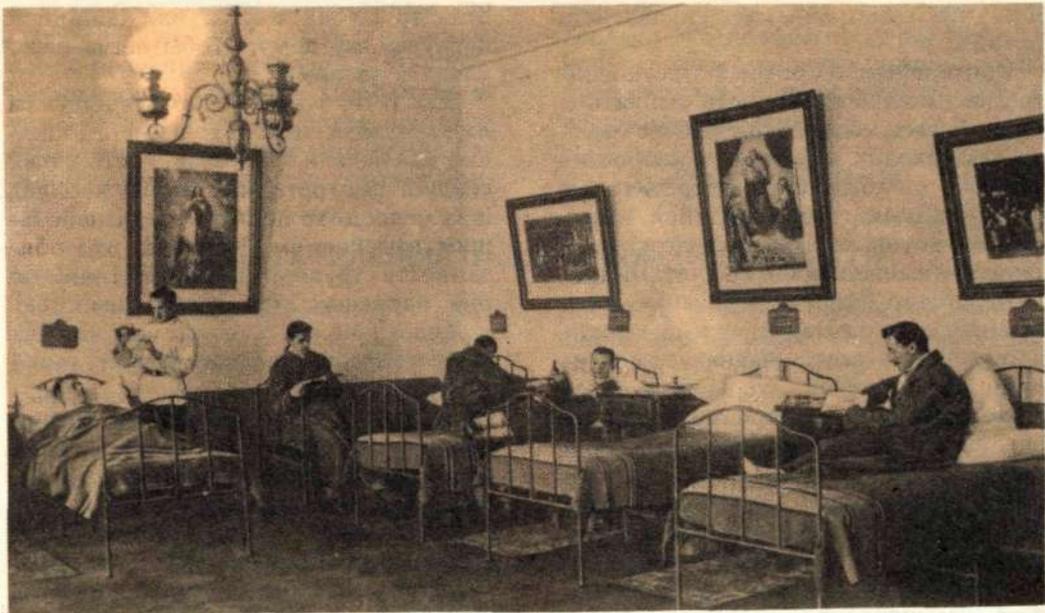
Итак, мы уже сказали, что ротная администрация, состоящая из унтер-офицеров с фельдфебелем во главе, играет первостепенную роль в поддержании казарменной нравственности; если эти люди хороши, то дурной элемент в роте, в лице неисправимых людей, будет находиться под постоянным давлением и будет, так сказать, обессилен. Важнейшую роль, конечно, играет фельдфебель; он должен обладать не только исполнительностью, но и известной долей инициативы. Живя постоянно с людьми, легче их знать, чем видя их только во время занятий, а потому по необходимости приходится иногда собирать через фельдфебеля такие сведения, от которых зависят важные распоряже-

Спальное помещение юнкеров

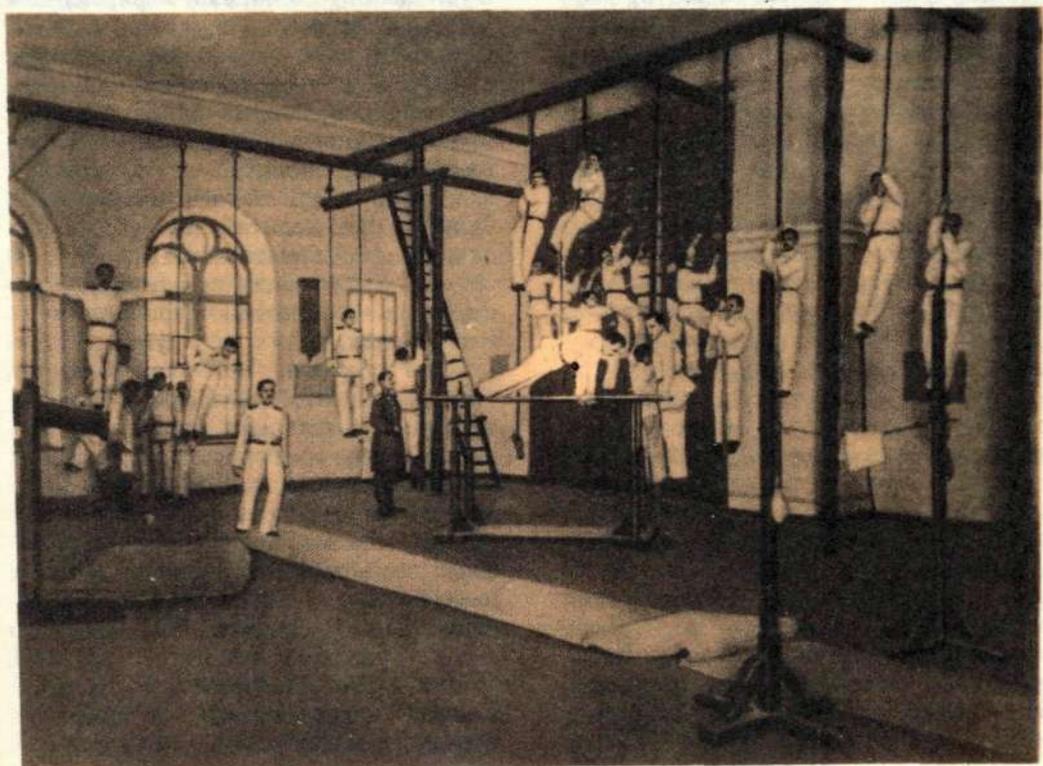
Утренний туалет

Лазарет в военном училище

Занятия гимнастикой

ния по внутреннему управлению ротой...

Каптенармуса ротный командир всегда имеет возможность выбрать и приготовить, но при этом выборе иногда происходит крупная и непростительная ошибка: если встретится в роте человек, занимавшийся дома каким-нибудь торговым делом, мастерски обращающийся со счетами или даже просто бывший целовальник, то его иногда неопытный ротный командир не задумывается назначать каптенармусом, надеясь, что у такого человека все будет в порядке. Порядок будет действительно образцовый, но в большинстве случаев будет образцовым и воровство. Не лучше ли назначать на эту должность человека даже неопытного, но скромного и честного, которого всегда можно легче проверить, чем первого...

Когда ротный командир может сказать по совести, что он знает свою ротную администрацию и доволен ею, то ему остается только бороться с дурным элементом, по существу своему весьма незначительным, именно с единичными неисправимыми людьми. Опасны ли эти люди для нравственности хорошей роты? Нисколько, ибо в хорошей роте все смотрят недружелюбно на этих людей и все склонны порицать их дурные поступки. Каждый поступающий новобранец замечает, что с этими людьми начальство обращается строго, товарищи их не уважают, что им вообще живется хуже, чем другим людям, и поэтому он не станет их слушать и подражать им. Значит, ротному командиру останется только заняться исправлением этих людей, а если невозможно, то отнятием у них возможности делать проступки. Для этого весьма полезно к каждому из таких людей приставлять дядьку из хороших рядовых, который следил бы за его поведением, провожая его в баню, со двора и во всякие другие места вне казарм. В караул таких людей следует посылать не иначе, как с дядьками же, которых можно назначать за разводящих и

ставить их на посты, ближайшие к караульному дому, чтобы легче было следить за ними.

Для того, чтобы облегчить дядькам их труд, можно менять их через каждые две недели. На обязанность дядек следует смотреть, как на служебную, и за недосмотр подвергать их небольшим взысканиям. Конечно, это обязанность трудная и неприятная, но она оправдывается необходимостью.

Дядька может в случае надобности и отлучиться, но при всякой такой отлучке должен передавать поднадзорного человека взводному унтер-офицеру или отделенному ефрейтору, чтобы такой человек никогда не оставался без присмотра.

Запрещение отлучаться со двора, как дисциплинарное взыскание, нам кажется мерою, не вполне удачно придуманною не только в нравственном, но и в гигиеническом отношении: раздражая человека, наталкивая его на самовольную отлучку, она вместе с тем лишает его свежего воздуха и усиливает однообразие казарменной жизни. Поэтому мы стоим за беспрепятственное увольнение со двора даже ненадежных людей, но не иначе, как в сопровождении дядек.

Когда дядьки, приставляемые к ненадежному солдату, а также его взводный и отделенный начальники будут за него ходатайствовать, надзор следует немедленно снять и, ободрив такого человека ласковым обращением, вновь не налагать надзора до первого значительного проступка.

Опыт показал, что такая мера не только предотвращала проступки, но иногда и исправляла людей. Отстаивая эту меру, мы готовы признать, что она ложится на поднадзорного гнетом, но разве этот гнет можно сравнить с тою массой дисциплинарных взысканий, ведущих к исправительным ротам, которые обрушатся на ненадежного человека, если мы оставим его без присмотра.

Мы, кажется, упомянули о всех главнейших средствах, способствующих поддержанию внутреннего по-

рядка в роте, но опять повторяем, что средства эти не вполне достигают своей цели при бессодержательности казарменного вечера. Прибавьте к указанным средствам более широкое нравственное общение между офицером и солдатом; внесите условия пра-

вильного воспитания в войсках, насколько это возможно, и вы найдете в них могущественного помощника на пути не только к нравственному, но и к военному развитию.

«Военный сборник», № 1. Спб., 1883

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ КОМАНДИРА РОТЫ

...О том, как воспитывать роту, какие нужно употреблять для этого приемы, нельзя найти указаний ни в каких «инструкциях» и «наставлениях», которые, можно сказать, указывают только одну дорогу к цели, предоставляя все остальное личной инициативе обучающего. Как пройти эту дорогу с наименьшей потерей времени и сил, как преодолеть препятствия, а иногда и сделать обходы — все это зависит от личных достоинств ротного командира. Если бы все дело заключалось только в твердом знании уставов и в рутинном применении их на практике, то не надо было бы требовать от ротного командира ни особенного ума, ни таланта, ни высоких нравственных качеств, ни даже образования; простой смысленный фельдфебель мог бы с успехом управлять ротой. Сделать разбор обучаемому материалу, проследить достоинство известных приемов для передачи людям служебных познаний, не говоря уже о воздействии на нравственные свойства людей, может только человек, развитой и притом любящий солдата и преданный своему делу.

Итак, на достоинства ротного командира, играющие такую важную роль в деле солдатского воспитания, должно быть обращено самое серьезное внимание...

Редко приходится видеть молодого ротного командира, начинающего свое дело с тщательного изучения нравственных свойств людей или, так сказать, с основания службы, которое наиболее должно интересовать начальника; привыкнув только к строевым успехам, он и здесь пытается

выказать свои способности преимущественно на строе. Он иногда вовсе упускает из вида состояние служебного духа в роте и за это нередко платится большими неудачами; случаи пьянства, самовольные отлучки, нарушения дисциплины, неисправности в караульной и в прочей службе скоро покажут ему, что труднейшая часть дела заключается вовсе не в строе: научить хороших людей строю можно в несколько месяцев, но радикально изменить дух в роте можно только в течение нескольких лет; вообще, передать людям служебные познания гораздо легче, чем исправить их нравственность: рота, в которой какой-нибудь пьяница пользуется влиянием и даже принимается за идеал солдатской лихости, где хитрость, скрытность, умение провести начальство считаются положительными качествами, где простой честный солдат считает себя обойденным начальством и приниженным товарищами, где взгляд на службу может быть выражен словами: «не попался — значит прав» и т. д., такая рота требует продолжительной ломки, и задача начальника может считаться выполненной только тогда, когда во главе людей станут его собственные питомцы, т. е. унтер-офицеры из подготовленных им самим новобранцев; а такая замена может совершиться только через два года.

Мы, конечно, не отвергаем возможности улучшить распушенную роту и в короткое время; но старого солдата, а тем более унтер-офицера перевоспитать трудно, а заменить его некем, ибо в такой роте все порядочное ока-

зывается забитым и негодным для начальнической роли.

Вышеприведенная рота представляет конечно крайность; молодым офицерам часто приходится получать очень хорошие роты; но здесь вопрос только во времени: один ротный командир может сразу натолкнуться на деморализацию, а другой может встретиться с нею через год, когда старые унтер-офицеры будут без должного внимания заменены новыми. Последнее относится, конечно, к тому из молодых ротных командиров, который в течение целого года будет интересоваться только строевыми успехами людей и за одни эти успехи будет производить их в унтер-офицеры.

Итак, односторонность субалтерн-офицера может привести к следующим упущениям: 1) как человек, не посвященный во внутреннее управление ротой, он является в роли ротного командира не достаточно сознающим важность этого управления, и 2) будучи приведен к этому сознанию силой обстоятельств, он делает много ошибок, свойственных неопытному человеку.

Здесь кстати заметить, что нравственность роты отражается более или менее и на ее строе: распушенные унтер-офицеры не могут быть хорошими помощниками в строевом обучении. Иллюзия субалтерн-офицера заключается в том, что он, сам того не сознавая, работает на готовой почве, и если имеет хороших помощников, способствующих его успехам, то обязан этим ротному командиру. Упадок строя в роте в большинстве случаев свидетельствует и об упадке ее нравственности.

Имея в виду высказать несколько замечаний по поводу воспитательных задач командира роты, мы прежде всего коснемся материала, с которым ему приходится иметь дело, или, так сказать, предмета воспитания. Начнем с новобранцев...

Опыт показал, что род занятий человека до поступления на службу и

связанное с ним обращение в известном общественном слое играют весьма важную роль в нравственном воспитании солдата; что касается национальности, то она имеет значение разве только в смысле восприимчивости, зависящей от особых свойств характера и от большего или меньшего знания русского языка. <...>

Ознакомившись с материалом, которым комплектуется рота, попытаемся указать, как должен воспользоваться им ротный командир для поднятия нравственного уровня в роте. Первым и самым существенным делом является в этом случае удачный выбор и подготовка учителей для ожидаемых новобранцев. Если вы не имели времени достаточно ознакомиться с ротой, не торопитесь выбирать этих людей: лучше пусть они будут слабее подготовленными, но зато хорошо выбранными. Этот выбор настолько важен, что для него стоит пожертвовать другими интересами роты; если у вас найдется хотя один хороший взводный унтер-офицер, непременно назначайте его старшим учителем, а лучших отделенных — младшими; через это вы, конечно, несколько потеряете в обучении взвода и отделений, которые попадут в худшие руки, но зато через полгода вдесятеро выиграете, поставив в строй хорошо обученных новобранцев. Главная же выгода предстоит в будущем, когда из этих новобранцев вы получите желаемых унтер-офицеров...

При обучении учителей главное внимание должно быть обращено не только на сообщение им обязательных познаний, по которым они должны держать испытание, но и на выработку в них умения обращаться с незнающим человеком, ибо можно отлично знать, но не уметь передавать другому свои познания. Наконец, учитель может прекрасно рассказать вам из «рекрутской школы», как он должен обращаться с новобранцем, но тут же может стать в тупик, если вы поставите перед ним ученика. Здесь нужна хотя маленькая предва-

рительная практика, но отнюдь не на новобранцах, которым жутко от нее придется, а на старых солдатах: вы ставите перед учителем солдата или, лучше, старшего учителя и приказываете ему до тех пор не исполнять команд, пока они не будут толково объяснены. Это лучший способ для развития в учителе не только находчивости, но и терпения.

Считаем нужным заметить, что, употребляя выражения «учитель» и «дядька», мы разумеем под ними одно и то же лицо. Некоторые ротные командиры находят нужным приставлять к новобранцу два лица: учителя — в качестве преподавателя уставов, который приходит заниматься только в урочные часы, и дядьку — одного из надежных старых солдат, который следит за каждым шагом новобранца в неурочное время. Мы позволим себе усомниться в пользе такой меры: она прежде всего лишает учителя возможности изучить индивидуальные особенности новобранца; как следствие этого, является неуместная строгость в обращении с человеком, вовсе ее не заслуживающим, и слабость — с человеком, которого следует подтянуть; во-вторых, новобранцы усваивают устные служебные познания не только во время урока, но и в свободное время, разговаривая со своими дядьками; поэтому «надежный рядовой», приставляемый к новобранцу в свободные часы, не всегда оказывается полезным человеком. Еще можно заметить, что выбрать из роты семь вполне надежных по нравственности людей, которые только одни были бы при новобранцах, гораздо легче, чем выбрать 14; иногда такой выбор просто невозможен.

По прибытии новобранцев ротный командир должен поскорее видеть их для того, чтобы лично сделать им несколько наставлений, касающихся не только внутреннего порядка, но и сбережения здоровья. По возможности лично следует объяснить им их отношения к дядькам и рассеять тот страх перед строгостями службы, вну-

шаемый им на родине, который долго держит их в возбужденном состоянии, — следует с первого же шага дать понять новобранцу, что его никто пальцем не тронет, если он будет исправно содержать себя. Относительно здоровья не мешает объяснить, как строго относится закон к членовредительству, за которое не только не увольняют на родину, но приговаривают к весьма тяжким наказаниям.

Для избежания злоупотреблений следует переписать в первый же день все состоящие на новобранцах собственные вещи... Все деньги, приносимые новобранцами с родины, ротный командир должен, как известно, отбирать от них, записывая в книжки, и, по мере надобности, выдавать на руки по мелочам. Это нужно сделать немедленно, иначе окажется, что новобранцы раздадут часть своих денег землякам или купят малозначущих в солдатском обиходе вещей. Еще хуже или, лучше сказать, безнравственнее, если новобранцы окажутся заимодавцами своих дядек, которые, наверно, прикажут им скрывать это от ротного командира, т. е. с первого шага станут учить их лгать...

При размещении новобранцев в роте мы стоим за полное общение их со старослужащими, но только в таком случае, если в роте хороший служебный дух; в противном же и даже в сомнительных случаях их следует насколько возможно изолировать от старых товарищей. Никакой надобности нет распределять их по взводам рядом со старослужащими, если вы сомневаетесь в хорошем влиянии. В этом случае можно отделить какое-нибудь подходящее помещение, вынести оттуда койки старых людей и занять его только одними новобранцами и их дядьками. Вы этим, конечно, не устраните знакомства новобранцев со старослужащими, но хотя отчасти обеспечите первым спокойный вечер, избавите их от тех ненадежных соседей, которые на сон грядущий всегда любят пофилософствовать, развивая своих новичков-то-

варищей в совсем невыгодную для службы сторону.

Приступая к воспитанию вновь прибывших людей, вы должны постоянно иметь в виду не только нравственную и умственную, но и физическую его сторону, которая состоит не в одних физических упражнениях, но главным образом в заботах о здоровье человека; поэтому следует позаботиться не только о том, что поименовано в уставе внутренней службы, как, например, содержание себя в чистоте, посещение бани и проч., но и кое о чем другом, чему научит опыт.

Первые заболевания, насколько мы могли заметить, в большинстве случаев заключались в расстройстве желудка, происходящем от непривычки к новой пище и особенно к новой воде; поэтому следует позаботиться, чтобы новобранцы употребляли воду в умеренном количестве и по возможности пили бы чай. Далее, головокружение во время занятий, которое редко бывает у старых людей и очень часто у новобранцев, доктора объясняют не только нервным напряжением, происходящим от избытка старания, но и дурным питанием. Последнее наводит на мысль, что новобранцев, при ослаблении надзора за кухней, обижают порциями. Для устранения этого мы приказывали обыкновенно дядькам есть из одних чашек с новобранцами, пользуясь одинаково густыми щами, но отнюдь не разрезывать порции на мелкие кусочки, как это вообще принято, а есть каждому свою; при несоблюдении последнего новобранцы, по своей застенчивости, будут питаться одними щами, уступая кусочки говядины дядьке. Все подобные заботы о новобранце замечаются им гораздо больше, чем мы об этом думаем. Раз новобранец заметит, что начальник о нем заботится, у него является доверие к начальнику, устанавливающее между учеником и обучающим ту нравственную связь, без которой дело воспитания немислимо.

Распределение новобранцев по дядькам тоже требует некоторого со-

ображения: менее благонадежных людей мы находим нужным собирать в одну партию и назначать к ним самого требовательного учителя, преимущественно опытного, который, как говорится, не давал бы им спуска даже в мелочах. Такие люди друга друга испортить не могут, а, будучи развиты по партиям, принесут несомненный вред своим скромным и наивным товарищам. Назначив к ним строгого дядьку и снабдив его известными наставлениями, нужно следить, чтобы он педантично держался этих наставлений, особенно в свободное от занятий время, когда новобранцы друг с другом делятся впечатлениями; особенно нужно преследовать всякие задевающие самолюбие насмешки над скромностью, над избытком старания, которыми очень ловко умеют пользоваться так называемые «бывалые» люди...

Дальнейшая парализация дурного влияния будет заключаться в вашем личном обращении с людьми, о котором скажем ниже.

При разбивке остальных людей следует наблюдать, чтобы люди одной губернии, т. е. земляки, непременно были бы вместе; это важно, во-первых, потому, что они через это меньше будут скучать; во-вторых — более способные из них будут помогать своим товарищам, а земляк гораздо скорее поймет земляка, чем чужого, хотя бы последний говорил на одинаковом с ним наречии. Чухонцев следует также собирать в одну партию, и, за неимением между дядьками их земляка, следует поручить их самому добродушному учителю, который бы занимался с ними полшутя: опыт показал, что малейшая строгость с этими людьми, пока они не обжились в казармах, приводит их в состояние идиотизма, а, наоборот, ласка вызывает радостное чувство благодарности и необыкновенную, лихорадочную охоту к занятиям. Эти в высшей степени скромные люди считают за особенную честь человеческое с ними обращение и, как бы в благодарность за

это, готовы всеми силами стараться. Стоит посмотреть, с каким напряженным вниманием слушает чухонец ласковое объяснение приемов, кивая в такт объясняющему головой, и с какой гордостью смотрит он на товарищей, когда ему удастся раньше других верно исполнить прием.

Вообще перед началом занятий следует во все войти, устроить по возможности все удобства жилья для новобранца, чтобы он спал на чистом и удобном матрасе, чтобы имел одеяло, подушки, несколько перемени чистого белья; чтобы платье, которое он принес с собой, было бы поскорее отобрано и заменено казенным для избежания занесения заразы и проч. Иногда бывают случаи крайней бедности, в которых следует немедленно подавать помощь человеку, ссужая его небольшими деньгами для приобретения необходимых вещей. Только такими заботами вы можете доставить спокойствие человеку, освоите его с новой обстановкой и уже затем можете требовать от него внимания во время занятий.

Первые несколько дней занятий с новобранцами чрезвычайно важны в смысле первого и, конечно, самого сильного впечатления, которое производит на них вступление в область военного дела. Самое вредное, если это дело с первых же шагов покажется им трудным или, как они сами выражаются, «мудреным». Ничто так не пагубно в деле преподавания, как разочарование ученика в своих способностях.

Чтобы не запугать новобранцев, мы обыкновенно назначали в первый урок что-нибудь самое легкое, чтобы их можно было сейчас же похвалить. Вообще похвала поднимает дух людей, дает им уверенность в своих силах. Вместо первых словесных познаний, заключающихся в довольно сложном определении знамени, присяги и проч., мы в первый урок заставляли новобранцев отвечать: в которой они роте, батальоне и полку служат, как разделяются эти части

и проч., чередуя эти познания с легкими гимнастическими упражнениями. Мы строго следили за дядьками, чтобы они не сердились за дурной ответ, и через это урок выходил веселым: если который-нибудь из новобранцев забывал название части, товарищи добродушно улыбались и подсказывали. Когда людям давали оправиться, они весело гуляли по роте и рассказывали друг другу заученное. К концу урока уже все новобранцы знали почти целый отдел из «Познаний, обязательных для каждого рядового».

...Не следует забывать, что мы всю службу обязаны хлопотать о том, чтобы наши люди имели бодрый и веселый вид; что же может послужить основанием этому виду, если новобранцы с первых уроков станут угрюмыми и апатичными к делу?

Установив известные отношения между новобранцами и их дядьками, придав занятиям такой характер, при котором строгость в требованиях не переходила бы в гнет, ротный командир постепенно знакомится с индивидуальными наклонностями каждого из обучаемых, которые уже с первых недель обнаруживаются как вообще в поведении человека, так и в большей или меньшей охоте, с которой он принимается за службу. Такое ознакомление крайне важно: оно покажет начальнику, с кем и как ему нужно обращаться. Едва ли можно назвать хорошим начальником того, который держится в обращении со всеми подчиненными одинакового тона: иных, особенно развязных людей, нужно осаживать известной официальностью в обращении; других, напротив, следует поддерживать приветливостью, ласковым словом, частой похвалой; иной подумает: «что мне дядька! меня ротный командир любит, заступится за меня»... и на этом основании позволит себе всевозможные отступления; другой скромный, или, как солдаты говорят, «не смелый», может остаться совершенно в тени, если вы не разовьете в нем

смелости особенным к нему вниманием. Следует также заметить, что не все люди одинаково чувствительны к обращению с ними начальника: есть люди крайне самолюбивые, которые принимают близко к сердцу не только замечание, но даже холодное обращение с ними начальника, и есть такие, которых, как говорится, ничем не проймешь. Первые представляют чрезвычайно благодарный материал для воспитания: с ними можно сделать все, что угодно, не прибегая ни к каким строгим понудительным мерам; со вторыми с первых же шагов иногда приходится прибегать к понудительным мерам, которые впоследствии могут быть заменены нравственным влиянием; а это последнее иногда дается начальнику не сразу, а через какие-нибудь случаи в жизни солдата, которые нередко представляются в служебной практике.

Прежде чем говорить о таких случаях, нужно заметить, что разница в обращении с хорошими и дурными людьми не должна класть отпечатка на заботы о их нуждах: справедливость требует одинаково заботиться как о хороших, так и о дурных людях в отношении к их общим нуждам, как, например, пище, одежде, здоровью, жилью и проч. Только при такой справедливости начальник становится любимым и может рассчитывать, что его ласковое слово имеет цену в среде подчиненных. <...>

Заручившись расположением людей, вы можете вполне рассчитывать, что они будут стараться ради вашего доброго слова и будут считать за наказание ваше холодное обращение с ними.

Итак, узнав каждого из новобранцев, обучающий посредством разницы в обращении с ними с самого начала старается покровительствовать хорошим наклонностям в людях и вместе с тем производит давление на дурные, а в крайнем случае прибегает и к наказаниям; при этом, в интересах самого дела, он пользуется всяким случаем, где можно выказать участие

к человеку и доказать ему свою о нем заботу...

Наше личное мнение всегда склонялось к тому, чтобы отдавать предпочтение безукоризненной нравственности и наибольшему усердию, так как этими качествами лучше всего обеспечивается надежность будущего унтер-офицера. Недостаток развития можно пополнить, но недостаток искреннего усердия неисправим; без усердия немислима хорошая исполнительность; а мы всегда готовы предпочесть в унтер-офицере исполнительность развитию, если придется выбирать одно из этих достоинств: исполнительный унтер-офицер может все сделать, педантично придерживаясь ваших указаний; развитой — может иногда без этих указаний обойтись, но за то требует постоянного контроля, который не всегда оказывается возможным.

Оставаясь верными такому взгляду, мы в большинстве случаев воспитывали унтер-офицеров из тех простодушных и почти всегда неграмотных хлебопашцев, которые отличаются наилучшей нравственностью и наибольшим усердием. Человек, который добился унтер-офицерского звания, просяживая ночи за азбукой, будет несравненно больше им дорожить, чем тот, кому оно достанется почти без труда. На должность фельдфебеля, требующую значительной инициативы, выбирается, конечно, наилучший унтер-офицер, который, кроме исполнительности, отличался бы и выдающимся развитием. <...>

* * *

Если все новобранцы, за весьма немногими исключениями, старательны, чувствительны к мельчайшим замечаниям и вообще с большой охотой относятся к службе, то этого далеко нельзя сказать о старослужащих. Избыток старания у новобранцев иногда свидетельствует только о степени их возбужденности и не всегда может быть принимаемым за постоянную черту характера человека:

опыт показал, что иногда наилучший новобранец, войдя в колею старого солдата, становится апатичным к службе и норовит работать только там, где его могут заметить. Такое положение ясно указывает на необходимость известных воспитательных мер, направленных к развитию в старослужащем солдате охоты к своему делу.

«Много и почти исключительно занимались тем, чтобы солдат знал свое дело и мог его исполнять, но тем, чтобы он и желал его исполнить, не занимались». Это правдивое и, можно сказать, знаменательное замечание принадлежит эрц-герцогу Иоанну, автору статьи «Муштровка или воспитание?».

Мысль о том, что солдату необходимо охотно относиться к своему делу, получила важное значение сравнительно в недавнее время, когда муштровка или, так сказать, ремесленная сторона военного искусства значительно сузилась и уступила место развитию.

Мы решаемся утверждать, что солдат, поступая на службу, не приносит с собой решительно никакой охоты к тому необычному для него делу, которое его заставляют исполнять; вся она находится в полной зависимости от воспитания, которое он получает, состоя на службе.

В самом деле, взглянем на общее положение солдата, чтобы исследовать, нет ли в его жизни или в домашнем воспитании некоторых общих причин, побуждающих его не только охотно служить, но и любить развиваемое в нем искусство. К сожалению, опыт глубоко убедил нас в том, что таких причин в действительности не существует. Оставьте солдата без воздействия на его нравственные свойства, без разумного преподавания, внушающего интерес к искусству, и вы получите в результате человека, буквально ненавидящего службу, тоскующего по родине и от скуки занимающегося пьянством и развратом. Как на одну из побуждающих к служ-

бе причин, некоторые указывают на призвание человека к военному делу, но оно принадлежит единичным личностям, которые не всегда выдерживают столкновение с неблагоприятной обстановкой. Далее, всем известно, что русский простолудин является во всех случаях образцовым носителем своей присяги; но глубоко ошибаются те, которые приписывают этой присяге охотное исполнение хорошим солдатом всех лежащих на нем обязанностей: присяга, которую еще до поступления на службу внушила солдату его семья, традиции его родины, та реальная, если так можно выразиться, присяга, которую солдат действительно носит в своем сердце и имеет в мыслях, целуя крест и евангелие, заставляет его охотно и даже с видимым увлечением умирать за родину, делает из него надежного охранителя важных постов; но она никаким образом не может заставить человека полюбить, например, стрельбу, одиночную выправку, гимнастику, а тем более разные военные формальности, которые подчас бывают надоедливы.

Еще более ошибаются те, которые полагают причину охотного отношения солдата к службе в перспективе некоторых служебных преимуществ, выпадающих на долю лучших нижних чинов; такой, сравнительно низкой, причины не существует для старослужащих уже потому, что служебная карьера рядового вполне заканчивается через два года по поступлении его на службу; но однако есть рядовые, не ожидающие никаких служебных повышений, но охотно и даже с самоотвержением исполняющие до последнего дня своей службы самые скучные и надоедливые служебные требования.

В чем же заключается истинная причина охотного отношения солдата к своему делу? Она заключается в нравственном и умственном развитии, которое солдат получает, состоя на службе. Этим развитием обуславливается существование прочной во-

енной семьи, которую солдат любит и охотно принимает все ее обычаи. Начальник, вызвавший к жизни такую семью, становится главой и приобретает наилучшее орудие власти — нравственное влияние, при котором совесть и самолюбие подчиненных заставляют их так относиться к своим обязанностям, чтобы не заслужить упрека. Однако безупречное отношение к обязанностям службы, обусловливаемое общей нравственностью, нисколько не делает из солдата мастера своего дела; можно с большой охотой и добросовестно прослужить всю службу и в конце концов не быть твердым в своем искусстве; мало того: наилучший солдат, исполняя с удовольствием все служебные требования, все-таки будет смотреть на них, как на нечто пустое, ничего не стоящее, в сравнении с тем серьезным делом, которое он бросил на родине. Из этого следует, что нравственное развитие порождает в солдате охоту вообще ко всей службе, независимо от ее содержания; умственное развитие, получаемое солдатом в военной школе, этого сделать не может, но зато дает осмысленную охоту к некоторым занятиям, представляющим умственный интерес.

К сожалению, весьма редко можно встретить на практике вполне разумную военную школу, построенную на прочной нравственной почве; в большинстве случаев встречаются односторонности: либо увлечение искусством игнорирует общую надежность солдата по отношению к черной работе и ко всем формальностям, либо наоборот.

Наблюдая за проявлением в солдате охоты к своему делу, мы можем указать на следующие два ее вида, наиболее встречаемые в войсках: 1) один солдат с удовольствием, а иногда даже и с самоотвержением готов исполнить всякое поручаемое ему дело, совершенно не интересуясь его содержанием; он с одинаковой охотой идет в караул, на учение, стреляет, носит для роты дрова, исполняет всевоз-

можные формальности — и все это делает с удовольствием просто потому, что, во-первых, он сам человек выдержанный, а во-вторых, в роте такой дух, который не допускает иного отношения к службе. Словом, про такого человека можно сказать: примерный, надежный во всех отношениях исполнитель, но дурной стрелок, ненаходчив в цепи и вообще теряющийся во всех тех случаях, где нужно приложить свой собственный ум; 2) другой солдат охотно относится только к некоторым предметам обучения, но зато интересуется их содержанием и увлекается развитием в себе искусства; между тем он каждый раз вздыхает и жалуется товарищам на утомление, когда приходится идти в караул, на ученье, на работу; стоит небрежно на часах, любит неподозволительные развлечения и относится иронически ко всем военным формальностям; словом, представляет из себя человека, про которого можно, например, сказать: негодяй, но отличный стрелок и молодец во всех случаях, где требуется находчивость.

Который же из этих видов охоты к службе следует считать более удовлетворительным? Что касается нашего мнения, то мы всегда готовы предпочесть первый второму: хорошим людям легче сделать мастерами своего дела, чем безнравственными мастерам хорошими людьми; но и первый вид охоты к службе представляет большой недостаток воспитания: разумная военная школа должна заботиться одинаково как о нравственном, так и об умственном развитии солдата, приводя их в гармоническое соединение; высшая и конечная цель такой школы — разумная исполнительность, сопровождаемая умением, а при высшем развитии — и самопочином.

Теперь обратимся к быту солдата и попытаемся проследить действие на его ум и характер некоторых воспитательных мер, зависящих от личного усмотрения начальника. Рассматривая солдата как члена военной семьи,

мы прямо можем сказать, что даже хороший человек будет, безусловно, дурным солдатом, если он не любит своей роты. Только человек, привязанный к своей семье, может дорожить ее добрым именем и относиться с искренней охотой ко всякой работе на пользу этой семьи, хотя бы даже такая работа, сама по себе, несколько его не интересовала. Наоборот, всякая работа, даже отвечающая призванию, может прийти человеку не по сердцу, если ее результатами поддерживается хорошая репутация совершенно чужих людей, хотя, впрочем, увлечение искусством допускает и исключения.

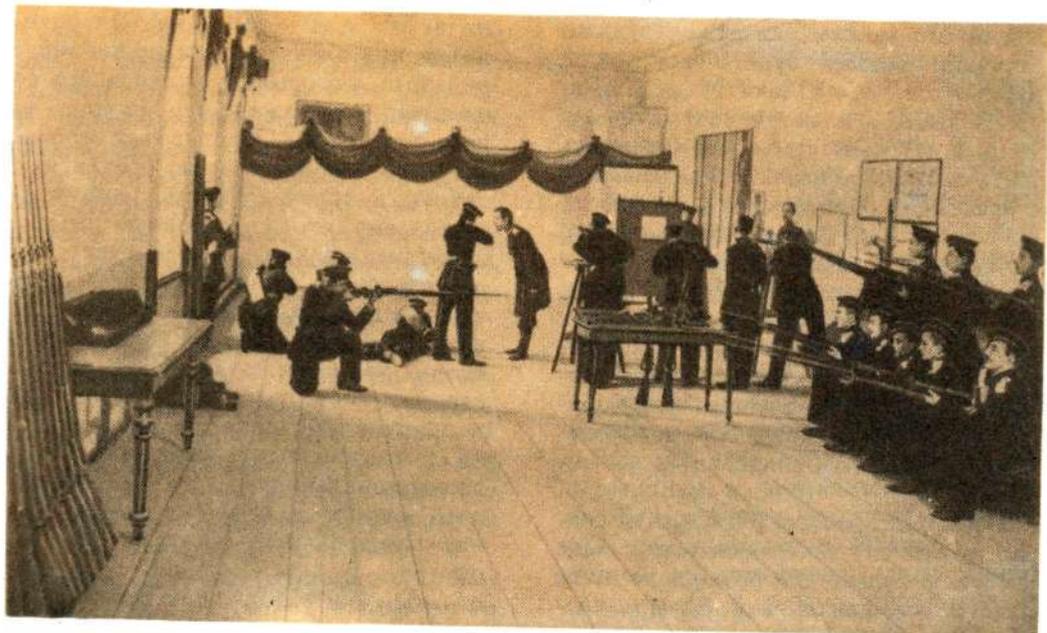
Итак, еще раз повторяем, что солдат может охотно относиться вообще к службе только для роты, если он ее любит; все факты, как бы противоречащие этому положению, имеют в основании самые непрочные и притом низменные побудительные причины: привычка угождать старшему, выражающаяся в старании только на глазах у начальника, боязнь наказания и прочее. Отсюда следует, что, воспитывая солдата, прежде всего нужно поставить его в такое положение, чтобы хорошему человеку хорошо жилось в своей роте и было бы за что любить ее; достигнув этого, вы будете иметь дело не с угнетенным человеком, жалующимся на свою судьбу, а с настоящим солдатом, представляющим прекрасный материал для развития в нем не только любви к искусству, но и лучших военных наклонностей.

В чем же заключается та хорошая обстановка, которая заставляет солдата любить свою роту? Она заключается в хорошем нравственном духе роты, о котором мы говорили в предыдущей статье, в хорошо организованной ротной администрации, приветливо принимающей вновь прибывающего солдата под свое покровительство и окружающей его заботами и справедливостью. В самом деле, представим себе человека, оторванного от семьи и брошенного в круг совершен-

но чужих для него людей. Он находится под впечатлением прощания с родными, которые провожали его со слезами, воображая, что он идет на какую-то муку,— и вдруг этот человек встречает приветливую обстановку, заботы и справедливость, напоминающие ему его собственную семью; всматриваясь далее, он замечает, что все строгости военной службы касаются только испорченных людей и что всякий солдат имеет возможность своим хорошим поведением вполне оградить себя от каких бы то ни было неприятностей; он постепенно сходится с товарищами, привязывается к своим начальникам, начинает любить свой мундир и сопряженные с ним известные формальности и с полной охотой отдается общему делу — службе. Наоборот, представим себе, что тот же человек попадает в руки дядьке, который выманивает у него деньги, обедает в казенном довольствии, хуже обращается с ним, чем с его товарищем, с которого взял большую взятку; представим его окруженным старослужащими, которые норовят выпить на его счет, смеются над его старанием и вообще над службой, учат его разным хитростям и прочее. Представим еще, что этому человеку решительно не на кого надеяться, ибо его ротный командир так далек от него, что составляет о нем мнение на основании заявлений тех самых дядек, которые с ним несправедливы. Он сразу замечает, что в роте хорошо живется не хорошим людям, а только тем, которые умеют хитрить и подделываться к старшим. Возможно ли, чтобы при такой обстановке солдат мог полюбить свою роту?

Мы, конечно, взяли крайность: редко можно встретить роту, соединяющую в себе все приведенные недостатки, но достаточно даже одного из них, чтобы возбудить антипатию к военной семье во вновь прибывающем солдате.

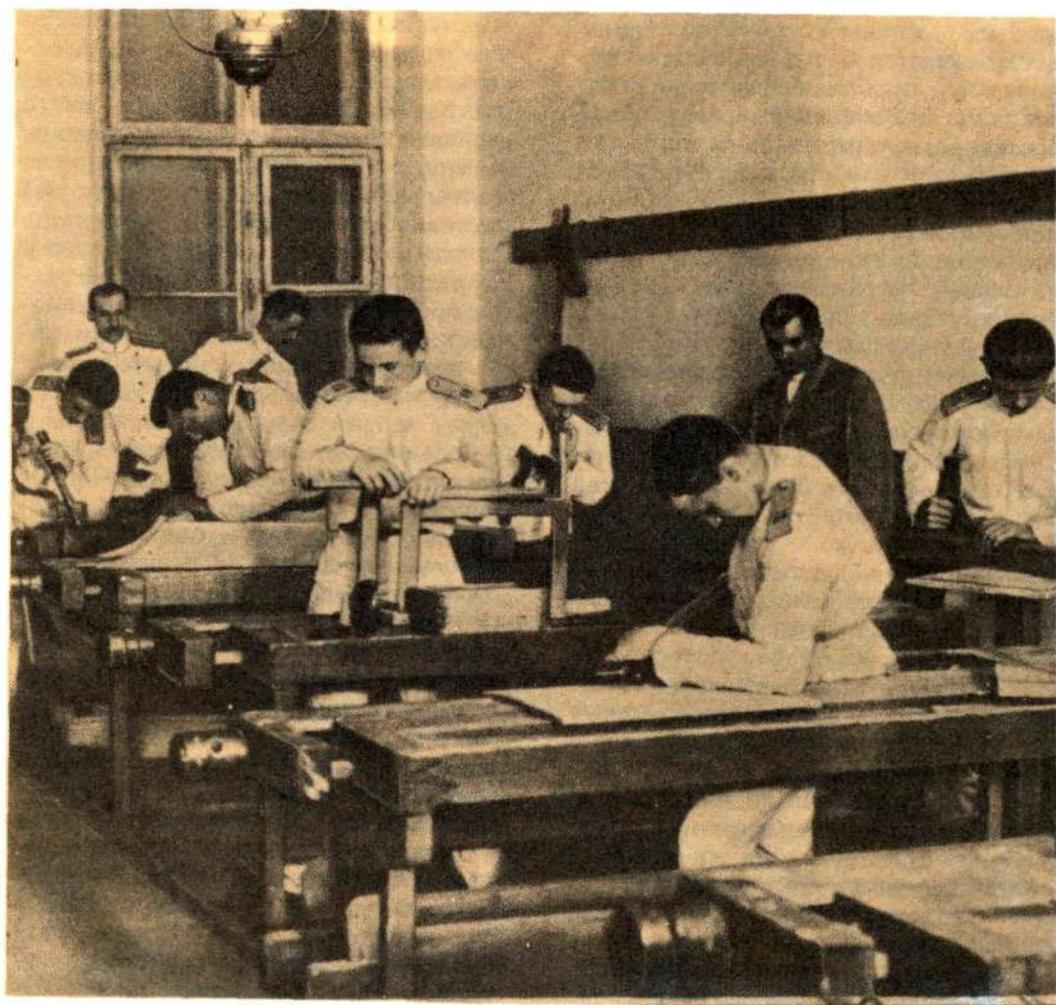
В предыдущей статье мы коснулись тех воспитательных мер, которыми,

Стрелковая подготовка

Чистка оружия

Юнкера в столярной мастерской

как нам кажется, достаточно уже обеспечивается благоприятная обстановка для прибывающего в роту новобранца; но хороший нравственный состав роты, при котором только и возможна общая охота к службе, составляет, сам по себе, только удобную почву для развития военной школы; последняя нуждается в особых воспитательных мерах, которые должны сопровождать преподавание: надо, чтобы общая охота к службе мотивировалась бы не одной привязанностью солдата к роте, но и умственным интересом; для этого необходимо, чтобы эта охота получила разумное приложение и была бы обращена к главным целям обучения, иначе солдат, с удовольствием исполняя службу, никогда не догадается, что от него требуют не только технического исполнения разных приемов, но и сознательного искусства, которое он должен любить и сам в себе развивать. Мы наблюдали поразительные примеры неумелого преподавания: хорошие, старательные солдаты, которые лихо отчеканивали прикладку и бойко рассказывали о причинах неверности выстрелов, выйдя на стрельбу, совсем не могли примениться к ветру, к солнечному освещению, сваливали прицел, дергали за спуск и вообще не умели правильно приложиться. Анализируя это явление, интересное в психологическом отношении, можно прийти к такому выводу: обучаясь стрельбе, эти люди не усматривали в ней конечной цели своих упражнений и в действительности вовсе ею не интересовались; значит, самые приемы обучения направляли внимание людей только на ближайшие цели, заключающиеся в красивом исполнении приемов и в бойкости устных ответов. Оттого эти люди совершенно растерялись, очутившись перед настоящими мишенями.

Для того, чтобы человек не стал в тупик перед каким-нибудь предметом, недостаточно уметь технически определять этот предмет и знать те приемы, которыми в известном слу-

чае нужно воспользоваться; для этого необходима еще практика воображения, т. е. чтобы человек предварительно развил в себе представление о разных положениях по отношению к этому предмету; а это возможно только при живом интересе, который должен быть развит в обучаемом по отношению к главной цели обучения. Солдат, думающий только об эффекте, производимом красивыми приемами и бойким устным ответом, и потому не привыкший воображать себя перед настоящей мишенью, не говоря уже о неприятеле, выйдя на стрельбу, в большинстве случаев не обнаруживает никакой находчивости; он точно приступает к совершенно незнакомому делу и не знает, о чем больше беспокоиться: о том ли, чтобы попасть своею пулею, или о том, чтобы не обнаружить неловкости в приемах; инстинкт подсказывает ему последнее, ибо за это приходилось много раз отвечать, и пуля пускается на ветер...

Чрезвычайно важно, чтобы офицер, обучая солдата, производил бы на него впечатление своим собственным мастерством: если вы видите, что солдату не повинуется ружье и что он перестает верить в него, то докажите ему на себе, что ружье можно заставить повиноваться. Если вы будете доказывать это словами, то они будут мало убедительны для солдата, и он в ответ на них будет только вздыхать; если же вы мастерски возьмете ружье в свои руки и тут же, в доказательство, попадете из него, то непременно заметите, что это солдата развеселит, уверит его в возможности попадать, и после того он будет ловить каждое ваше слово, как совет опытного мастера.

Много еще можно сказать о неумелом преподавании, но и этого уже довольно, чтобы вывести заключение, что, даже при охотном отношении солдата к военной школе, неумение заинтересовать его главными целями обучения ведет к развитию в человеке одной только наружной бойкости, которая сама по себе составляет

для обучаемого как бы главную цель, вполне удовлетворяющую его служебное самолюбие. Признавая громадную заслугу за начальником, добившимся в своей роте хорошей нравственности, мы все-таки назовем его человеком слишком односторонним, если на этой ступени остановится его воспитательная деятельность. Нельзя сказать хорошим людям: «Вот вам руководства, учитесь по ним, слушайте ваших полуротных и взводных командиров», а на свою долю оставить только общий надзор за тем, чтобы преподавание шло согласно с инструкциями; таким надзором вы даже у ближайших начальников отнимете инициативу, заставляя их твердо держаться буквы устава, не внося в преподавание ничего живого, увлекательного, что могло бы вызвать сознательную любовь к искусству. В этом случае, чем лучше ваши люди, тем они пунктуальнее будут исполнять ваши узкие требования, считая неуместным какой бы то ни было выход из вашей программы.

Нам кажется, что самый верный способ возбудить в людях сознательный интерес к делу заключается в самом широком покровительстве частной инициативе; пусть лучше будут мелкие уклонения от уставов, если вы замечаете, что педантичные требования муштровки убивают в людях сознание; но дорожите каждым проблеском такого сознания, делайте для него снисхождения, иначе вы никогда не добьетесь искусства...

Начальник, опасющийся вызывать своих подчиненных к самопочину, доказывает этим, что он не умел дать им хорошего служебного направления и потому боится вредных уклонений. Такое положение представляет, по нашему мнению, отсутствие не только частной инициативы, но и дисциплины; нет ничего легче, как ограждать интересы службы требованием одной узкой исполнительности, которую по недоразумению иные считают дисциплиной; но беда в том, что такая дисциплина притупляет под-

чиненных, что она одинаково забивает в людях как дурные, так и хорошие наклонности...

Увлечись делом, работая со связанными руками, решительно невозможно; такая работа обыкновенно заключается только в отбывании учебных часов, причем все помыслы подчиненного бывают обращены не к главной цели занятий, а к тому, чтобы не вышло какой-нибудь ошибки, которая не нравится начальнику.

Итак, если вы хотите, чтобы ваши подчиненные были не только узкими исполнителями, но и настоящими мастерами своего дела, не требуйте от них, чтобы они непременно шли к известной цели по излюбленному вами пути; пусть каждый из них думает, соображает, избирает свой собственный путь; пусть даже делает ошибки — они во всяком случае будут меньше тех упущений, которые являются следствием узкой исполнительности. Наблюдая за ходом дела, вы всегда будете видеть, которые из подчиненных идут прямо к цели, которые уклоняются от нее и, наконец, которые, по недоразумению или дурному умыслу, идут к фальшивой или к непозволительной цели. Заметив неточности, вы всегда можете осторожно исправить их, не оскорбляя самолюбия подчиненного и не убивая в нем искреннего увлечения делом. Постоянно ставя в заслугу подчиненному все сделанное им сверх ваших указаний, все лично им придуманное для пользы дела, вы можете воспитать в самом апатичном человеке способность к самопочину; в лентяе вы можете заставить заговорить самолюбие...

Иногда начальник, увлекаемый внутренней стороной воспитания, не придает должного значения внешнему виду солдата и тем уклоняет его от военного типа. Красивый, стройный вид корпуса, веселое выражение лица, щеголеватость в одежде, бойкость в манерах, веселая и всегда приветливая интонация голоса и точно написанная на лице готовность момен-

тально исполнить всякое приказание — эти драгоценные черты лучшего военного типа, свидетельствующие о присутствии в человеке военной жилки и производящие прекрасное впечатление на массу, могут вовсе исчезнуть в современном солдате, если из него будут вырабатывать только сурового мастера своего дела.

Положим, нельзя утверждать, что только те люди оказываются храбрыми, у которых развиты хорошие военные манеры: храбрость иногда живет в глубине души человека, составляя продукт домашнего воспитания, а еще чаще — родовую или национальную особенность. Замечательно, что такой храбрости ничто не может убить в человеке, даже самые дурные условия воспитания. Никогда она не скрывается в мирное время и часто скрывается под такими отрицательными достоинствами человека, которые производят самое неприятное впечатление на начальника: неспособность, лень, уныние, полное равнодушие к службе и дурное поведение иногда соответствуют необычайной храбрости, приводящей всех в удивление...

Такой храбрости, составляющей природное достоинство человека, конечно, не может дать ему никакая система воспитания; но мы все-таки верим в возможность развить в человеке военную лихость, бесстрашие перед мелкими опасностями и, наконец, готовность не отставать от людей, увлекающих массу своей решимостью идти навстречу смерти.

Мы положительно утверждаем, что внешний лихой вид солдата, который известными воспитательными мерами свободно можно довести до рефлексивного выражения во всех манерах человека, играет очень важную роль в критические минуты боя. Солдаты не станут читать в такие минуты того, что происходит у их товарищей в душе; им прежде всего бросится в глаза общий молодецкий вид массы, и этого уже довольно, чтобы масса не дрогнула.

Мы полагаем, что и на мирной деятельности солдата не может благотворно отражаться суровый, грустно-задумчивый и вообще наводящий уныние вид его товарищей. Для избежания этого недостатка в людях начальник должен покровительствовать всяким солдатским забавам, развивающим лихость и веселье: играм, песням, вольной гимнастике, любительским спектаклям и даже вечером с танцами, если их удобно устраивать. Надо, чтобы солдат непременно гордился своим внешним красивым видом, своим мундиром, характерными манерами той части, в которой он служит, и вообще своей молодцеватостью. Как приятно видеть даже со стороны brave и оживленные лица солдат, блистающие довольством своего положения.

Надо пользоваться всяким удобным случаем, чтобы вызывать веселость в солдатской среде: самого некрасивого и неуклюжего человека непременно нужно хвалить при всякой его попытке проявить чем-нибудь свою молодцеватость; после утомительных учений, когда часть возвращается домой, следует непременно вызывать песенников, заставлять играть музыку, если она была на ученьи. Неприятно смотреть, когда люди возвращаются с ученья, повесив головы; то ли дело, когда в голове колонны загремит веселый марш или удалая солдатская песня, слышен аккомпанемент бубна и тарелок, а иногда и лихой посвист. Солдатские песни, особенно старинные, исполнены глубокой поэзии, благотворно действующей на душу солдата; слава предков, воспеваемая в этих песнях, волнует молодые сердца мечтаниями о высоких подвигах. Вообще солдатская песня имеет большое воспитательное значение. Это хорошо понимал и отлично пользовался покойный генерал Скобелев.

Иногда начальник, заботясь о развитии выносливости в солдате, совершенно забывает о том, что она зависит не от одних физических дан-

Хор песенников

ных, но и от состояния духа человека, который всегда можно поднять покровительством разным солдатским забавам. Мы считаем одною из серьезных обязанностей ротного командира посещение им роты в свободное от занятий время для содействия развитию солдатских увеселений. Достаточно начальнику высказать равнодушие к солдатскому пению, чтобы в роте никогда не составилось хорошего хора; никогда люди не станут выдумывать веселых игр, если ротный командир будет считать это вздором, и т. д. Суровое отношение командира роты к этим предметам сообщается прежде всего унтер-офицерам, и от этого происходит, например, следующее: молодые солдаты вздумают побегать, попрыгать, затянуть песню, как вдруг раздается грозный голос взводного: «Не балуйте, ребята! вишь с ума походили! чему обрадовались?..» Люди сконфузятся, притихнут,— точно проступок какой сдела-

ли,— разойдутся по койкам, начнут вздыхать и зевать, рассказывать в сотый раз какую-нибудь старую сказку, и каждый будет думать: «Господи! какая скука в казармах!..»

Другое дело, когда ротный командир покажет, что он интересуется солдатскими забавами, что они ему доставляют удовольствие. Достаточно только намекнуть об этом, чтобы все поднялось на ноги, чтобы те же взводные, которые останавливали людей, сами стали принимать участие в играх. Тогда сразу явится спрос на хорошие голоса, на ловкость и находчивость в играх, на опрятные шутки и прочее.

Для всякого начальника, желающего изучить нравственные свойства своих подчиненных, чрезвычайно важно и даже необходимо видеть их иногда нараспашку, в живом, непринужденном разговоре, в природных манерах, в свободном обращении друг с другом во время игр. Мы прямо

скажем: начальник, наблюдавший солдата только на одних занятиях или в тех случаях, когда люди принуждены держать себя более или менее официально, сильно ошибается, когда решается утверждать, что он знает своего солдата как человека; только вольное обращение людей друг с другом, которое очень легко наблюдать во время игр (солдаты в этом случае увлекаются, как дети, и насколько не стесняются начальника), может открыть вам многое в характере человека, чего вы никак не можете заметить при официальной обстановке.

Нам, пожалуй, могут заметить, что начальник, допускающий, чтобы люди его не стеснялись, сам смеющийся удачным шуткам солдат, бесцеремонно произносимым в его присутствии, и прочее, что такой начальник подрывает свое значение, ослабляет дисциплину; но неужели нам следует вечно быть суровыми, никогда не улыбнуться солдату и удивляться, что этот неблагодарный человек не только не считает нас своим отцом, но даже не видит в нас близкого к себе человека? Чем может ослабляться здесь дисциплина? Достаточно сказать: «Смирно!» — чтобы вся играющая толпа замерла; достаточно приказать что-нибудь, и оно будет исполнено так же, как и при других обстоятельствах, но только с несравненно большим удовольствием; стоит заговорить с солдатом серьезно, чтобы он в ту же минуту переменял свои шутки на официальные ответы: «Точно так» и «Никак нет». Словом, нам кажется, что вышеприведенное замечание может сделать только человек, не имеющий ясного представления об истинной дисциплине или, вернее сказать, человек рутины.

Независимо от вольных развлечений, придумываемых самими солдатами, следует вводить и систематические развлечения в виде какого-нибудь полезного чтения, развивающего в солдате хорошие идеалы. Такие чтения полезно устраивать с ту-

манными картинками, которые, кроме наглядности, представляют сами по себе приятное зрелище для солдата.

Чем больше солдат будет иметь удовольствий у себя в казармах, тем меньше будет тянуть его на сторону...

Нам остается еще отнести к задачам воспитания тот такт в обращении с субалтерн-офицерами, который должен выработать в себе ротный командир, имея в виду сделать из них действительных помощников, а не людей, более или менее равнодушных к интересам роты. Этот такт особенно важен в обращении с молодыми офицерами, которые вообще ретиво принимаются за службу и по неопытности делают много ошибок.

Каждый молодой офицер, начинающий пробовать свои силы на служебном поприще, невзирая на запас научных сведений, иногда на практике совершенно теряется, не умея подойти к солдату: он может отлично знать все предметы, которые преподаются солдату, может громко и отчетливо командовать; но его робкие, нерешительные манеры, неумение разговаривать с солдатом, непривычка быстро замечать и исправлять неточности, наконец, просто незнакомство с характером солдата и его бытом — все это ведет к тому, что люди отстают в обучении в сравнении со своими товарищами, занимающимися у простого, но опытного унтер-офицера.

Преследуя ближайшие интересы роты, заключающиеся, например, в спешной подготовке к какому-нибудь смотру, иногда ротный командир старается устранить такого офицера от занятий, как человека, мешающего скорому ходу обучения. Такое устранение, конечно, делается в деликатной форме, причем обыкновенно внушается офицеру, что его роль преимущественно заключается в наблюдении, а не в той черной работе, которая может быть исполнена одним унтер-офицером. В таком поступке ротного командира мы усматриваем крупную и трудно исправимую ошибку. Надо прежде всего заметить,

что каждый молодой офицер в высшей степени заинтересован своими первыми служебными успехами, о которых он, наверно, мечтал еще до поступления в полк; ему хочется поскорее испытать свои способности и получить о них одобрительный отзыв от старших товарищей; его самолюбие может быть вполне удовлетворено таким отзывом; достигнув хорошей репутации, он потом старается сохранить ее, словом, становится хорошим офицером. Теперь представим себе, что у этого человека вдруг отнимают дело и вместо него рекомендуют какое-то наблюдение, которое и без того уже принадлежит многим начальствующим лицам, обязанным следить за ходом обучения в ротках. Такое наблюдение требует, конечно, еще большей опытности, чем самое преподавание; поэтому для молодого офицера оно является в высшей степени щекотливой обязанностью: он предпочтет лучше вовсе не делать никаких замечаний, чем не попадать в такт ротному командиру. Такое положение обыкновенно сводит обязанности субалтерн-офицера к хождению без пользы взад и вперед по роте, к усиленному курению папирос во время занятий и к дурной привычке занимать ротного командира разговором. Еще хуже, если усердному молодому офицеру, задавшемуся, например, выполнением какой-нибудь слишком широкой программы, ротный командир станет внушать, что служба вовсе не имеет тех серьезных сторон, на которых он думает сосредоточить свой труд, а что вся она заключается в выполнении известных мелких требований, которые только и могут доставить офицеру хорошую репутацию. Такое положение сразу отнимает у человека охоту трудиться, разбивает в нем веру в высокое значение офицера в войсках и вообще приводит к легкому взгляду на службу.

Вполне признавая все неудобства, происходящие как от неумения молодого офицера обращаться с солдатом, так и от слишком большого увле-

чения его теорией в ущерб практике, мы все-таки горячо ратуем за то, что всяким искренним увлечением офицера своим делом следует очень и очень дорожить, иначе он отвернется от дела и тогда уже трудно будет воспитать в таком офицере хорошего помощника. Нам кажется, что в первое время такого офицера не только не следует останавливать, но, напротив, нужно постоянно давать ему понять, что вы в высшей степени довольны его службой; следует уничтожить в нем последний остаток неуверенности и затем уже осторожно, не задевая самолюбия человека, давать ему практические советы. Допустим даже, что неопытный офицер несколько задержит обучение, но не надо забывать, что оно в десять раз выигрывает, когда он приобретает опытность, а развитому человеку, да еще при желании, опытность дается очень легко.

Вообще при обращении с офицером следует постоянно иметь в виду его самолюбие, которое у воспитанных людей в высшей степени чувствительно. Если вы, например, отнесетесь к непрактичному увлечению такого человека с некоторой иронией, а тем более с явной насмешкой, то одна гордость уже может оттолкнуть его от дела; но не надо также забывать, что самолюбивого человека гораздо легче привлечь к делу, чем всякого другого; это можно сделать как собственным примером, так и вообще действием на самолюбие офицера: ваше собственное трудолюбие и тот серьезный тон, с которым вы будете относиться вообще к службе, в состоянии вызвать те же качества и у самолюбивого человека, обязанного рядом с вами работать. Далее, дав заметить офицеру, что вы интересуетесь его способностями к делу, вы всегда можете вызвать в нем стремление доказать на деле эти способности; наконец, чрезвычайно ценятся офицерами ваши постоянные заботы о их хорошей репутации, ваше стремление выдвинуть офицера за его

труды, а также восстановить испорченную репутацию, если офицер этого заслуживает. Не только служебная порядочность, но и нравственный долг офицера по отношению к вам заставит его в этом случае принять близко к сердцу ваши собственные интересы, заключающиеся в хорошей подготовке роты. При таком положении, вопреки вкоренившемуся обычаю, можно даже привлечь офицера к участию во внутреннем управлении ротой, т. е. сделать из него настоящего помощника ротного командира.

Редко можно встретить настолько невоспитанного, а следовательно, и несамолюбивого офицера, на которого нельзя повлиять вышеприведенными мерами: у самого дурного человека всегда найдется известный запас

совести для того, чтобы ответить добром на участие; в самом вызове такого ответа заключается прекрасная воспитательная мера, имеющая значение в общем развитии человека.

Нам кажется, что ротный командир, жалующийся на бездеятельность своих офицеров, в большинстве случаев оказывается сам в том виноватым, хотя надо заметить, что отношение к службе субалтерн-офицера очень много зависит и от общего состояния служебного духа в полку: офицер, вырабатывающий свой взгляд на службу в дурном товарищеском кругу, не так легко поддается влиянию ротного командира, как это бывает при хороших общих условиях...

«Военный сборник», № 12. Спб., 1884; № 2, Спб., 1885.

МУШТРОВКА КАК ЭЛЕМЕНТ ИСКУССТВА

По поводу примечаний М. И. Драгомирова к статье «Муштровка или воспитание?»

...Высшая и конечная цель военного воспитания — искусство побеждать неприятеля; в этом искусстве, как и во всяком другом, есть *навык*, достигаемый целесообразной муштровкой, и есть умственное *развитие*. Навык без развития дает ремесленника, который при соответствующем развитии становится художником; одно же развитие без навыка представляет один из самых верных путей к дилетантизму.

Поэтому задаваться вопросом «муштровка или воспитание?» и затем приходиться к конечному тезису «не муштруйте, а воспитывайте!» — значит отымать у воспитания существенную его часть — навык, т. е. приготавливать в военном человеке не искусного исполнителя, а только человека, имеющего понятие об этом исполнении. Человек с навыком — все-таки ремесленник, который может исполнять чужие планы, а человек без всякого навыка, а только с одним развитием, не исполнит даже и своего ...

Мы сами горячо ратуем за воспитание, но мы всегда имели в виду и разумную муштровку и даже писали о том, как надо муштровать. Нам никогда и в голову не приходило упразднить хороший тип солдата посредством вытеснения муштровки; мы только хотим, чтобы этот лихой человек не действовал бы как фридриховская машина, а был бы в своей маленькой области человеком разумным, инициатором. Всякий смысленный человек должен наконец понять, что это вполне совместимо. Развитие без соответствующей муштровки дает в результате не солдата, а своего рода философа — тип весьма уродливый в военной службе. Это надо установить раз навсегда, иначе произойдет путаница в понятиях.

Муштровка имеет огромное значение не только в первоначальных шагах обучения, но и вообще в военном искусстве, причем она относится к начальнику еще больше, чем к солдату: спутавшийся солдат путает самого себя, да еще разве затолкает

товарищей, а спутавшийся начальник путает сотни и тысячи. Путаница в бою происходит в тех *неслучайных* действиях (их не особенно много), исполнение которых должно быть намуштровано до рефлекса, иначе внимание начальника, которое должно быть всецело отданным случайностям минуты, будет постоянно отвлекаться водворением порядка в строю. Начальник, команды которого не исполняются рефлексивно и который настолько не вымуштровал самого себя, чтобы не ошибаться в перестроениях и командах, будет постоянно связан в бою.

Человек высокоразвитый, но не вымуштрованный в качестве начальника, может быть в сражении только советником, составителем плана, обозревателем чужого исполнения — всем, чем хотите, только не исполнителем.

Попробуйте дать такому человеку хоть батальон, и вы увидите чистое безобразие: пока он будет придумывать самые умные команды для умнейшего передвижения батальона, которые у муштрованного начальника относятся к области рефлекса, всякий набежавший в голове план, даже гениальный, будет немедленно расстраиваться. Мы видели таких самомнительных умников и были свидетелями, как они путали на маневрах, сбивая не только себя, но и часть: у людей навик ворочаться под правую ногу, а они командовали под левую; навик «кругом марш!», а они командовали «кругом» и т. д. Часть людей ворочалась, а часть продолжала идти. Каково же вспотевшим и усталым

людям толкать друг друга ранцами благодаря отсутствию муштровки в военном воспитании их отменно развитаго начальника?..

И так вместо тезиса «не муштруйте, а воспитывайте!» мы приходим к другому тезису: *и муштруйте, и воспитывайте, но только — сначала себя, а потом солдата...*

Оказывается — сколько бы вы ни старались, вы никого и никогда храбрым не сделаете: храбрыми будут только те, которым это дано.

Мы можем точно и достоверно сказать, что храбрость не воспитывается, т. е. она воспитывается, только не в военной школе, а где-нибудь глубже — в семье, в роде, во всяком случае, там, где складывается детство человека. Тут могут быть даже этнографические причины.

Казалось бы, что, не воспитываясь, храбрость не дает и материала для школы, ибо ее в мирное время нельзя даже нащупать, а на поверку выходит, что дает: хорошая школа, вообще воспитывая людей, захватывает и храбрых из них, хотя они ей даже неизвестны. Сделав из храброго солдата члена хорошей военной семьи (роты), вы получаете в нем человека, который в походе будет нянчиться со своими слабыми духом товарищами, и это приносит огромную пользу, ибо отражается на духе всей роты. Стало быть, не воспитывая храбрости в существе, вы все-таки можете дать ей хорошее направление...

Н. Буговский. «О способах обучения и воспитания современного солдата (Практические заметки командира роты)», т. II, изд. 2-е. Спб., 1891

ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ ВОЙСК

Недостаточная самостоятельность частных начальников

Теория давно выработала и установила, что каждый военный начальник должен, в пределах своей деятельности, пользоваться надлежащею самостоятельностью; закон дает большие права начальникам частей и командирам батальонов и рот; с этой стороны нельзя желать большего.

Но на практике деятельность каждого начальника, вследствие установившихся привычек, постоянно и сильно стесняется вмешательством старших. Каждый начальник во всех служебных вопросах должен, по обычаю, соображаться не с одним только строгим смыслом устава или инструкции, а главным образом со взглядами начальства. Отсюда происходит масса переписки, медленность ведения служебных дел и их крайняя неустойчивость, особенно в деле обучения войск: сегодня закон получает одно толкование, а завтра — другое. Подобное шатание мысли подчиненных происходит в силу привычки, которую можно назвать недостатком дисциплины со стороны старших по отношению к младшим.

Военное искусство и официальные инструкции учат: требуйте от подчиненного, что нужно сделать; предоставляйте ему самому решить, как выполнить приказание. На практике же, как может заметить всякий, присутствующий на маневрах, встречается совершенно обратное. Редкое приказание о каком-нибудь действии не сопровождается целым рядом дополнительных приказаний, иногда отме-

няющих друг друга и указывающих, как надо действовать. При малейшей уставной ошибке начальники иногда делают резкие замечания в присутствии подчиненных.

Все эти обстоятельства в корне убивают развитие последовательности и самостоятельности, убивают волю — фундамент военного человека.

Результатом такого порядка вещей является выработка мягких, уживчивых характеров, что в военном, от которого требуется железная непреклонная воля, является не достоинством, а пороком.

Стоит припомнить характеры всех выдающихся военных людей, чтобы убедиться, что это были личности беспокойные, упрямые и имевшие постоянные столкновения...

Такие характеры, по большей части, уходят из всех армий, редкий уцелеет в ней, потому-то и бывает после долгого мира так мало решительных и сильных волею начальников.

При подобном порядке вещей нельзя ожидать, чтобы частные начальники самостоятельно и энергично шли к целям, намеченным инструкциями и уставами, и деятельно работали над развитием боевой подготовки.

Самостоятельность начальников необходимо поставить и поддерживать выше всего; всякий офицер должен быть персоною для всего общества, положение его должно быть в высшей степени устойчивое, авторитет его никем не должен подрываться, если только он делает свое дело.

Вот при каких условиях могут развиться характеры и боевая подготовка армии усовершенствоваться.

Условия строевой службы офицеров

Путем историческим условия службы офицеров сложились не в пользу офицеров строевых. Офицеры всех вспомогательных служб в отношении лучшего производства, больших окладов содержания, более самостоятельного и почетного положения и количества получаемых наград имеют все преимущества перед строевыми офицерами.

Таким образом, офицеры, служащие во всех нестроевых штабах и управлениях, в отношении производства, наград, личной независимости находятся в несравненно лучших условиях, чем строевые. Генеральских и штаб-офицерских должностей в этих управлениях масса, и лица, их занимающие, производятся в чины и получают награды гораздо ранее своих строевых товарищей, хотя эти нестроевые чины не несут тяжести строевой службы и сопряженных с нею расходов, не занимаются столь ныне тяжелым обучением нижних чинов, не имеют постоянной ответственности за подчиненных и личной зависимости от строевого начальства и, по существу, не могут быть даже признаны военными, ибо, проведя от 10 до 25 лет на канцелярском стуле, видят солдата только на улице, да и то сквозь стекла; поля же совершенно не видят.

Все вспомогательные службы армии пользуются значительными преимуществами; так напр., военные инженеры гораздо лучше обставлены, чем саперные офицеры, как в отноше-

нии содержания и производства, так и в особенности в отношении несения ими службы. Чины военно-учебного ведомства могут справедливо быть лучше обеспечены за свой труд лучшим содержанием; но они имеют и лучшее производство. Чины интендантства пользуются также лучшим обеспечением и производством. Офицеры корпуса жандармов имеют материальное обеспечение несравненно лучшее, чем строевые, что и составляет причину, почему всегда находится много желающих принять на себя эту тяжелую и в наши смутные времена даже опасную службу.

Личные адъютанты и состоящие для поручений при лицах и учреждениях настолько обставлены почетно и удобно, что, несмотря на малое содержание, на подобные места всегда множество охотников. Даже чины столичных полиций получают такие оклады, что, несмотря на всю тяжесть и неприятности полицейской службы, старые и заслуженные капитаны артиллерии берут такие места, не видя выхода для себя в строю. Сверх этого, даже в таком корпусе, как Генеральный штаб, все преимущества на стороне нестроевых должностей, какковы столоначальники и начальники отделений, заведующие перевозками, преподаватели юнкерских училищ и т. п.

Сверх перечисленных преимуществ вспомогательных служб есть еще одно, которое никогда не следует забывать и с которым необходимо считаться,— это возможность личных отличий, возможность трудами и способностями создать себе положение. Строевые офицеры могут рассчитывать на подобные отличия только в военное время.

ТЕРЕХОВ Александр Аникитич — полковник Генерального штаба. Офицерскую службу начал в 1871 г. в 1-м Кавказском саперном батальоне, в 1878 г. окончил академию Генерального штаба и принял участие в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Служил старшим адъютантом штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, командовал сотней в 1-м Хопёрском конном полку Кубанского казачьего войска, состоял для поручений при штабе 1-го армейского корпуса, штаб-офицером при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа.

При подобных условиях строевой службы и при установившихся порядках производства, назначений и даже наград, по старшинству и в заранее определенные сроки, весьма естественно, что молодые люди, обеспеченные состоянием, за исключением нескольких привилегированных частей, в строю не остаются, а уходят в адъютанты, для поручений, или же в отставку. Более энергичные силы стараются выбраться через академии на службу более выгодную, часть переходит в гражданскую службу или уходит для частных занятий, часть пристраивается к нестроевым штабам и управлениям, другая к полиции, интендантству и т. п.

Этим объясняется, почему в строю армейских пехотных полков лишь едва $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{5}$ часть офицеров, кончивших курс в военных училищах, и во всех старших чинах половина находится на нестроевых должностях...

В последнее время сделан ряд полезных мероприятий: ротные командиры лучше обеспечены, обусловлены производства в штаб-офицеры и генералы; но надо надеяться, что на этом военное министерство не остановится. Для поднятия значения строевого офицерского состава было бы желательно решительным образом сократить число нестроевых должностей и понизить чины и чинопроизводство на всех нестроевых должностях, ибо совершенно безразлично для пользы административного или хозяйственного дела поручик или полковник состоит смотрителем здания, провиантского магазина и т. д., штабс-капитан или генерал-майор читает алгебру, надворный советник или полковник занимает должность казначея; тогда как теперь возможность производства и при том более быстрого, при лучшем обеспечении и меньшем труде, соблазняет всех оставлять строй, а накопление множества нестроевых штаб-офицеров тяжело ложится на бюджет, а впоследствии на пенсионную кассу.

Для того, чтобы поставить дело воспитания и обучения войск на правильный путь и неуклонно вести его в мирное время, а в военное, с наименьшими усилиями со стороны войск, достичь наилучших результатов, необходим хороший подбор начальников и такая система производства и назначений, которая давала бы возможность выдвигать людей сообразно с силою характера, ума и знаний.

Наша система производства и назначений не может быть признана удовлетворительною. Производство до первого штаб-офицерского чина до сих пор было делом чистого случая или счастья. В гвардейских войсках оно находится в обратной зависимости от служебного труда, именно часть, в которой офицеры менее служат, по дороговизне расходов или другим причинам, имеет более быстрое — лучшее производство; наоборот, часть, в которой офицеры служат дольше и, следовательно, проходят более суровую школу, имеет более медленное — худшее производство. Повышение в чины в гвардии производится исключительно по полковой линии, по старшинству; производство вне очереди не допускается ни за какие отличия, каким бы успехом в командовании ротой или эскадром ни обладал офицер.

Ближайшим последствием производства по полковым линиям выходили такие странности, что из двух офицеров, вышедших в один и тот же выпуск из одного и того же учебного заведения, но в разные полки, через несколько лет службы один офицер в одном полку производился в штабс-ротмистры, а другой в другом в полковники и в то время, когда первый в чине ротмистра командует эскадром, другой в чине генерал-майора является командиром того же полка.

В армии производство до штаб-офицерского чина также было нерав-

номерно. В последнее время военное министерство обратило внимание на этот важный вопрос и с целью его урегулировать издало ряд постановлений, определивших порядок производства из подпоручиков в поручики и из капитанов в подполковники. Правила эти являются одним из важнейших и полезнейших распоряжений по военному ведомству.

Производство полковников в генералы и движение в генеральских чинах делаются еще и теперь по старому закону, почти исключительно не иначе, как по выслуге определенных десятилетних сроков и по старшинству. Даже награды орденами подведены под строго определенные условия выслуги известных лет после последней награды и последовательности их. Вообще весь ход службы мирного времени старших чинов основан исключительно на одной продолжительности службы: характер, энергия, способности, образование, успехи в обучении частей — при производствах и назначениях на строевые должности не имеют той доли влияния, какая была бы желательна.

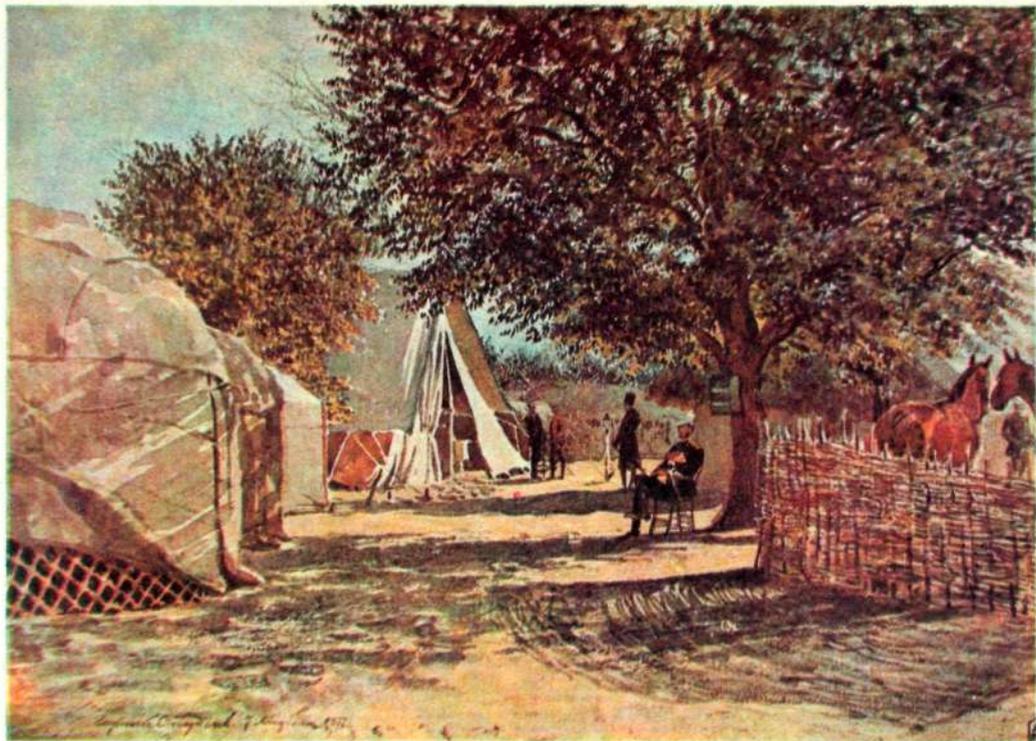
В Крымскую и даже в последнюю кампанию неудовлетворительный состав части начальников обнаружился с полною очевидностью: некоторые были удалены от своих мест, в некоторых случаях пришлось подчинить менее опытных старших более энергичным младшим, чаще же формировались сводные отряды из разных частей и вверялись лицам, на которых имели основания надеяться. После войны, когда из массы офицеров многие выделились своими боевыми способностями, отсутствие выработанных взглядов на необходимость повышения офицеров, сообразно их дарованиям, привело к тому, что эти лица, за исключением двух-трех человек, затерялись в массе и отодвинулись ею на столько, что генералы, получившие в 1877 г. высшие военные отличия (Георгия 3 степ.) и блистательно доказавшие свои способности командовать всеми родами

оружия, до сих пор не командуют дивизиями, и наоборот, много лиц, утративших связь со строем и современными его требованиями, получили назначения.

Не следует, однако, думать, что в случае войны легко заменить неудовлетворительный персонал: тогда выбирать поздно, каковы бы ни были новые начальники, они не будут знать своих частей, ни части их. В долгий же период мира подчиненные легко заметят недостатки своих начальников; а отсутствие веры в начальника, отсутствие сознания того, что он поведет подчиненных к победе и славе, — роковым образом подрывает дух части. Если бы периоды войны и мира чередовались в равной степени, такой порядок не принес бы вредных результатов: война выдвигала бы людей; в мирное время можно было бы довольствоваться ее результатами. Но в том то и дело, что теперь война является в 20—25 лет раз и притом на самое короткое время; переход с мирного на военное положение измеряется неделями, и в разгаре операций нет уже времени выбирать и менять служебного персонала, надо действовать с таким, каков он есть.

В настоящее время военное министерство для устранения замеченных недостатков, для освежения персонала и движения младших чинов разрабатывает закон о предельном возрасте. Но предельный возраст не может быть мал, потому что должен давать возможность выслуги пенсии, в случае его введения сравнительно очень немногие будут уволены в силу этого закона, а самое главное, это то, что закон о предельном возрасте все-таки не обеспечит соответствующего подбора персонала.

Различие человеческих способностей: воли, ума, таланта, наконец, физических способностей должно быть принято в расчет при установлении системы производства. Не всякий офицер может быть удовлетворительным ротным командиром, не всякий хороший ротный командир может

Военный лагерь

быть годным штаб-офицером; еще меньше можно найти в числе штаб-офицеров лиц с кругозором и способностями, необходимыми для командира полка, а тем более для высших командных должностей. Таким образом, для установления системы производства и назначения следует признать за отправную точку различие человеческих сил и способностей и необходимость, вследствие этого закона природы, сортировать офицерский персонал.

Но в то же время при установлении системы производства старшинство должно быть одним из основных его начал. В Германии производство до чина штаб-офицера совершается преимущественно по старшинству. Но при производстве в майоры делается сильная фильтрация, именно производятся только отборные, выдающиеся капитаны и ротмистры. При производстве в штаб-офицерских чинах, по возможности, соблю-

дается старшинство по всей армии. Вторая усиленная сортировка происходит при производстве в генерал-майоры. Большой размер немецких пенсий и возрастание их, начиная с 10 и до 40 лет службы, дает возможность всем обойденным производством выходить в отставку. Насколько сортировка в Германии велика и насколько там уничтожена возможность пристраиваться к нестроевым должностям, видно из того, что в германской армии нет теперь полковника, прослужившего более 4-х лет в чине, и степень производства настолько быстра в старших чинах, что совершенно не походит на нашу...

Вообще наше производство характеризуется случайным и иногда быстрым, иногда медленным движением до чина полковника и медленным производством по общему старшинству и с продолжительными сроками выслуги в высших чинах, причем на соответствующий подбор не обраца-

ется внимания. Прусская же система отличается медленным движением до штаб-офицерского чина, а раз уже характер и способности офицера выяснились, то в старших чинах ему дается быстрый ход, не стесняясь сроками выслуги в чине.

Но и в данном случае мы имеем закон, который, если бы правильно и строго применялся, то дал бы хорошие результаты. Это закон об ежегодных аттестациях.

Практика показывает, что эти аттестации даются слишком слабо и слишком снисходительно, особенно в отношении к полевой подготовке офицеров. Строгим контролем этих аттестаций и ответственностью за неправильность их и обязательством процеживать массы при повышении в чины можно было бы достигнуть улучшения состава лучше, чем безличным законом о сроках выслуги и о предельном возрасте.

Неудачу применения этого важно-го закона об аттестациях надо искать в отсутствии контроля даваемым аттестациям и ответственности за неправильные. В Германии, где нет ни закона о предельном возрасте, ни установленных сроков выслуги, существует при особе императора особая секретная канцелярия, начальник которой имеет непосредственный доклад у императора. Один начальник дивизии дал неправильную аттестацию штаб-офицеру; когда оказалось, что этот штаб-офицер не мог быть командиром полка, то уволили от должности не только штаб-офицера, но и начальника дивизии.

Во всех иностранных армиях, и особенно в германской, тщательно

выбирающих начальствующий персонал, пенсионный устав дает возможность по выслуге довольно коротких сроков службы выдавать увольняемым в отставку хорошие пенсии. У нас и сроки гораздо больше, и пенсии меньше, и главное — нет у большинства старших даже и мысли о возможности перейти на скромную пенсию и жить на нее. Несмотря на громадную и очевидную необходимость уменьшить наличный состав чинов, постоянной службы не несущих, меры, предпринятые с этой целью военным министерством, были не поняты нашим обществом. Увольнение в запас многих не имевших должностей лиц, старших чинов, было истолковано не как мера государственной необходимости, а скорее как последствие личной суровости.

Между тем, как бы пенсии увеличены не были, по нашим условиям быта, все-таки многие старшие в известном чине будут оставаться на службе, несмотря на то, что их младшие обгонят.

Нет никакого сомнения, что одновременно с решительным сокращением числа нестроевых должностей, уменьшением ранга чинов на нестроевых должностях, улучшением производства на строевых должностях и установлением выбора офицеров для повышения в чины мы будем неминуемо приведены к возвышению пенсионных окладов и к установлению более дробных сроков выслуги, не ограничиваясь только двумя сроками, 25 и 35 годами, как теперь.

А. А. Терехов. «Вопросы воспитания и обучения войск». СПб., 1889

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА ОФИЦЕРОВ

В № 62 «Разведчика» (за 1891 г.) в статье «Занятия в летних сборах (из приказов командующего войсками одного из военных округов)» мы читаем:

«Один из офицеров N стрелкового полка отошел от своего взвода в сторону, когда конница вошла в его ряды».

«Гг. офицеры! Если хотите, чтобы солдаты исполняли честно и от сердца, сами исполняйте! А кто слишком нежен для столь грубой работы, не стесняйтесь уходить: *ведь вы срочной службой не обязаны*».

Округ в статье не назван и подписи под приказом нет, тем не менее по тону и духу всякий, конечно, угадал автора — авторитетнейшего генерала нашей армии, к словам которого все давно привыкли прислушиваться. Поэтому стоит остановиться на выписанных словах, и особенно на подчеркнутом мною окончании всей фразы.

Не подлежит сомнению, что генерал, отдавая такой приказ, знал, что говорит. Из слов его можно сделать два заключения: 1) что офицер, к которому относилось замечание, не был обязан срочной службой, 2) что офицер и не должен быть обязан срочной службой, для того, чтобы не

чувствующий себя на месте в военном мундире *для пользы службы* мог уходить. Но, к сожалению, в наш век среди русских офицеров уже есть, а со временем будет еще больше — *обязанных срочной службой* — по 1¹/₂ года за каждый год, проведенный в кадетском корпусе. Что же делать этим, если окажется, что «нежность» их (по снисходительному выражению генерала) не отвечает требованиям военной службы?

Храбрый может презирать слабого с тем же правом, с каким здоровый может презирать больного, чахоточного, напр., потому что слаонервность иногда бывает прирожденная. Правда, и слаонервность можно иногда обуздать воспитанием, как и здоровье, от рождения слабое, можно иногда укрепить, но *не всегда* это возможно, и нет никакого сомнения, что со временем будут у нас такие *нежные* офицеры, каких прежде не было. В кадетские корпуса поступают не сами кадеты, а отдают их родители в то время, когда еще никто не может сказать, что из мальчика выйдет. Это было и прежде, и кадетские корпуса всегда давали трех сортов выпускников: 1) офицеров по призванию, 2) офицеров, равнодушных к службе, и 3) совершенно не-

ШНЕУР Николай Яковлевич — полковник Генерального штаба. Службу в войсках начал в 1868 г. подпоручиком 85-го пехотного Выборгского полка. После окончания академии Генерального штаба в 1875 г. служил старшим адъютантом штаба 39-й пехотной дивизии, проявил себя и на дипломатическом поприще, находясь в распоряжении Болгарской международной комиссии в Константинополе и в должности военного агента (атташе) в Китае. Служил начальником штаба 31-й пехотной дивизии и начальником штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии.

способных, по нравственной нежности, к суровому ремеслу воина и ненавидевших службу. В прежнее время третья категория или сразу из корпуса, или при первой возможности уходили из строя. Равнодушные, приученные, однако, к исполнительности и чувству долга, не портили службы, и тон задавали офицеры по призванию. Вот почему во все времена русские офицеры всегда служили примером храбрости и исполнительности. Недруги нашей армии пробовали одно время обвинять их в невежестве, но в трусости и непонимании долга даже и не пробовали никогда обвинять, до того репутация их в этом отношении была прочно установлена. Теперь может быть не то; обязанные срочной службой, слабые духом, вредные даже как рядовые исполнители, а тем более как начальники, останутся на службе и будут заражать все офицерское общество. Прежде равнодушные могли попасть под влияние только или офицеров тоже равнодушных, или же чувствующих призвание к военной службе, теперь же многие попадают и под влияние

ненавистников военного дела и военного звания. Ведь слабонервность не всегда сопровождается косноязычием.

Прежде на воспитание в кадетских корпусах смотрели, как на награду за прошлую добрую службу отцов, теперь смотрят как на задаток за будущую службу самого воспитанника.

Против обязательной выслуги известных лет за воспитание в академиях возражать нельзя, потому что поступающие в эти заведения находятся в возрасте, когда выбор карьеры делается уже сознательно, но авторитетное замечание известного генерала, приведенное выше, должно бы, кажется, убедить и самых упорных в той истине, — если она еще требует доказательств, — что лучше иметь меньше офицеров, но вполне надежных, чем массу неспособных. Пример ведь заразителен.

Не лучше ли вернуться вовремя к старому взгляду на значение первоначального военного воспитания?

«Армейские вопросы», вып. II. Спб., 1893.

МАКАРОВ

ЗАМЕЧАНИЯ С. О. МАКАРОВА ПО ПОВОДУ ПРОЕКТА ПОЛОЖЕНИЯ О МОРСКИХ ПРИЗАХ

28 сентября 1890 г.

Определяемое морским призовым правом денежное вознаграждение военных чинов за совершаемые ими

военные заслуги не подходит к духу русского воинства.

Призовое право занесено к нам с

Запада, но корень его не соответствует почве.

Каждый военнослужащий во время войны призван, чтобы по мере своих сил бить неприятеля всеми зависящими от него средствами. Если деятельность его и его подчиненных будет признана достойной поощрения, то начальство найдет, каким образом вознаградить отличившихся, но никто из военнослужащих в своих собственных соображениях не должен руководствоваться никакими денежными расчетами.

Русский воин идет на службу не из-за денег, он смотрит на войну как на исполнение своего священного долга, к которому он призван судьбой, и не ждет денежных наград за свою службу. Отучать его от этих правил — значит подкапывать тот принцип, на котором зиждется вся доблесть русского солдата.

Я всегда смотрел на дело таким образом, и в минувшую войну (русско-турецкая война 1877—1878 гг. — *Ред.*) я захватил под неприятельским берегом 9 парусных судов, но, чтобы не вносить в среду служивших под моим начальством деморализующих разговоров о денежном вознаграждении, я все 9 судов уничтожил под не-

приятельским берегом, хотя не было никакого затруднения привести их в русский порт. Мои действия должны были произвести впечатление на турецких каботажных моряков и затруднить перевозку грузов между турецкими портами. Этих результатов я достигал гораздо больше, сжигая корабли в виду турок, нежели отводя их к русскому берегу для получения призовых денег.

Я считаю, что от призовых денег командиры судов не будут ни храбрее, ни искуснее, ни предприимчивее. Тот, на кого в военное время могут влиять деньги, не достоин чести носить морской мундир. Что же касается судовых команд, то можно ручаться, что они всегда пойдут за своими начальниками, а где нужно, то безропотно встретят смерть. Соразмерять заслуги этих людей дробными расчетами рублей и копеек неправильно и даже оскорбительно.

Вследствие всего вышесказанного я нахожу, что право на денежное призовое вознаграждение военнослужащих, как несовместимое с доблестью, присущей русскому воинству, следует отменить...

ЦГАВМФ, ф. 17, оп. 1, д. 96, л. 2—3

ПРИКАЗ С. О. МАКАРОВА ПО ЭСКАДРЕ О БОРЬБЕ С ПРОСТУДНЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

3 мая 1898 г.

Прошу обратить внимание на большое заболевание простудными формами и принять все меры, чтобы люди, ходящие на вооружение, были одеты соответственно погоде и чтобы без нужды людей не ставить в такие условия, при которых они легко простужаются. Сбережение здоровья ниж-

них чинов есть важнейший долг не одних командиров, но и всех офицеров, и каждый в кругу своих обязанностей должен принимать все меры к тому, чтобы сохранить здоровье порученных ему людей.

ЦГАВМФ, ф. 417, д. 18329, л. 332об.

МАКАРОВ Степан Осипович — вице-адмирал, флотоводец и ученый. Окончил Морское училище. Впервые в русском флоте применил самодвижущуюся мину-торпеду. С 1890 г. младший флагман Балтийского флота; с 1894 г. командующий эскадрой Средиземного моря. Предложил построить ледокол («Ермак») и совершил на нем арктические плавания. С 1899 г. главный командир Кронштадтского порта. В начале русско-японской войны 1904—1905 гг. командовал Тихоокеанской эскадрой. Автор свыше 50 научных работ по различным отраслям военно-морского дела и океанологии.

ПРИКАЗ С. О. МАКАРОВА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДОСУГА ЛИЧНОГО СОСТАВА ЭСКАДРЫ

23 мая 1898 г.

Придавая особо важное значение бодрому духу в командах и ловкости нижних чинов, прошу принять в этом отношении все возможные меры. Желал бы чтобы на судах были заведены хоры песенников, а если возможно, и балалаечников, а также отобраны танцоры.

Необходимо вводить игры, разви-

вающие ловкость, как, например, старая и теперь забытая игра в рыбку, с концом, поданным сверху на самой просторной части палубы, так чтобы люди могли подступать со всех сторон. Дело это надо устроить, заведя необходимую принадлежность, и игру эту надо поощрять.

ЦГАВМФ, ф. 17, оп. 1, д. 180, л. 42

ПИСЬМО С. О. МАКАРОВА Ф. К. АВЕЛАНУ С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ СОЗДАТЬ КОМИССИЮ ПО ВЫРАБОТКЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ УЛУЧШЕНИИ НА КОРАБЛЯХ БЫТОВЫХ УСЛОВИЙ ДЛЯ МАТРОСОВ

19 октября 1900 г.

...При осмотре мной крейсера «Громобой» я был поражен отсутствием всяких удобств для жизни матросов на наших новых судах. Офицеры помещены роскошно, нижние же чины живут в различных коридорах, казематах и других помещениях, случайно оставшихся не занятыми под машины и пушки. В этих местах для удобства нижнего чина ровно ничего не сделано, и по всему судну имеются лишь низкие рундуки для сиденья длиной 264 фут. На этих рундуках может поместиться вплотную один к другому 130 человек, а команды на судне 800. Если спустить висячие столы и поставить скамейки, то это загородит проход, и, кроме того, сиденье за подвесными столами очень неудобно.

Также я был поражен тем обстоятельством, что в казематах для бдюймовых орудий не имеется ни стеклянных рам в портах, ни иллюминаторов.

Стеклянные рамы не могут дать света, потому что орудийный щит закрывает их совершенно, но нет ника-

ких причин, почему в верхней палубе не проделано по два или по три иллюминатора для каждого каземата, и, таким образом, казематы совершенно лишены света, которого они из-за орудийных щитов не будут иметь и при открытых портах.

Во время нашего продолжительного плавания видел множество иностранных кораблей. В помещениях их так удобно обставлена жизнь матросов...

Какая огромная разница между удобствами помещения команды на судах, которые строились 15 лет тому назад, и теперь. Между тем люди с тех пор стали более развитыми и, следовательно, нуждаются в комфорте не менее, чем прежде...

Вполне уверен, что можно, не попускаясь боевыми качествами судна, достичь в них удобного устройства для жизни нижних чинов. Теперь, когда значительная часть команды почти всю свою службу проводит на кораблях, удобства нижнего чина на судне необходимо...

ЦГАВМФ, ф. 417, д. 21285, л. 1—2

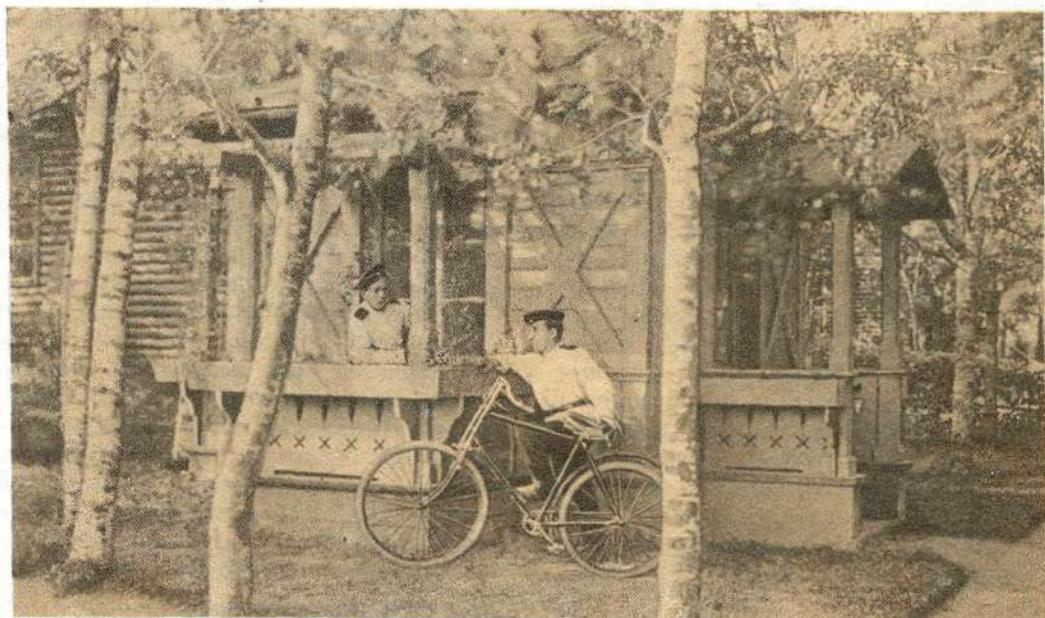
Кадеты Морского кадетского корпуса

У ворот училища

В лагере в часы досуга

ПРИКАЗ С. О. МАКАРОВА ОБ УЛУЧШЕННОМ СПОСОБЕ ВАРКИ ЩЕЙ

1 мая 1901 г.

...Отсутствие офицерского надзора ведет также к дурному качеству приготовляемой пищи. По случайности у одного кока щи получались хорошие, у другого дурные. Коков подвергали взысканиям, но тут нужно не взыскание, а наука. Нельзя требовать от человека, чтобы он знал то, чему его не учили, и трудно рассчитывать, что офицер покажет коку, как готовить пищу, если он сам этого не знает.

В Черноморском флоте хорошие коки встречаются чаще, и черноморские щи всегда славились своим прекрасным вкусом. Еще пять лет тому назад назначенная мной комиссия

под председательством флагманского врача Кнорре изучала черноморский способ варки щей, и с тех пор во многих командах он введен...

При сем присовокупляю, что настоящим приказом устанавливается лишь способ приготовления щей, а не раскладка количества продуктов, которая зависит от имеемых средств и хозяйственных соображений.

Всем, участвовавшим в разработке вопроса о варке командных щей, и в особенности доктору Новикову, объявляю мою сердечную благодарность.

ЦГАВМФ, ф. 417, д. 21370, л. 5—7.

ПРИКАЗ С. О. МАКАРОВА О ПРИНЯТИИ НЕОБХОДИМЫХ МЕР ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ С МАТРОСАМИ

21 июля 1902 г.

За последнее время произошло несколько смертных случаев с нижними чинами вследствие различных причин. Так, два матроса с вельбота начальствующих лиц, шедшего на буксире портового судна «Ижора», утонули вследствие того, что вельбот опрокинулся. На крейсере 1 ранга «Паллада» утонул матрос, упавший с палубы при окраске приподнятой шестерки. На эскадренном броненосце «Ретвизан» убились два человека, работавшие на подвесках во время пребывания в доке. При этом лопнул конец, которым держалась подвеска, и, кроме двух убитых, двое других получили тяжкие ушибы. На крейсере 1 ранга «Светлана» утонул человек вследствие того, что у борта крейсера затонула баржа с углем. На броненосце береговой обороны «Чародей-

ка» мотылем придавило человека, который также умер.

Все эти случаи заставляют меня обратить внимание командиров судов на тщательный надзор за тем, чтобы принимались необходимые меры предосторожности. Командиры обязаны внушить своим подчиненным, что нравственный и служебный долг каждого офицера неусыпно следить, чтобы при работах принимались необходимые предосторожности, дабы уменьшить число несчастных случаев, имеющих иногда печальный исход. Каждый, даже мелкий случай, ведущий к тяжелым последствиям и потому не доходящий до сведения начальства, не должен оставаться без расследования, дабы кому следует было сделано необходимое внушение.

ЦГАВМФ, коллекция приказов, д. 1441, л. 245

**ЗАПИСКА С. О. МАКАРОВА О НЕДОСТАТКАХ В БОЕВОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА, ПРИНЦИПАХ
КОМПЛЕКТОВАНИЯ ФЛОТА ЛИЧНЫМ СОСТАВОМ И ЕГО ОБУЧЕНИЯ
В СВЯЗИ С ПРОЕКТОМ 20-ЛЕТНЕЙ ПРОГРАММЫ СУДОСТРОЕНИЯ**

16 января 1903 г.

...Балтийский флот назначается для военных действий в Балтийском море, и когда будет объявлена война, то флоту придется исполнять некоторые стратегические задания.

В той организации, в какой он находится теперь, он никаких стратегических задач исполнить не может, ибо для исполнения всякой задачи требуется прежде всего единоначалие, а такового в Балтийском плавающем флоте, безусловно, не существует. Каждый отряд работает независимо для своей специальной цели, и общей связи между плавающими в Балтийском море судами не имеется.

Если начнется война, то нужно прежде всего реформировать весь Балтийский флот и дать ему некоторое хотя время свыкнуться с новой организацией. Без такой предосторожности флот не будет представлять из себя ничего дельного, и даже исполнение простых задач будет делом чрезвычайно трудным.

Рассмотрим, в какой степени возможно образовать из Балтийского флота боевую эскадру с специальным назначением быть в полной готовности для боя, и чтобы вместе с тем не остановилось приготовление специалистов.

Для этой цели надо уменьшить до минимума все учебные отряды...

Нашу молодежь легко заставить работать, надо только, чтобы они видели, что результаты их работ приносят пользу. Но если приходится делать такую съемку, результаты которой потом сотрут за ненадобностью, то самый серьезный человек отнесется к такой работе без должного внимания.

Кадеты 1 и 2 роты могут быть расписаны по боевым судам эскадры.

Чем раньше молодой человек увидит действительную службу, тем лучше.

Корпусные суда специально приспособлены для учебных целей, и служба на них по необходимости до некоторой степени отклоняется от службы боевых судов. Молодому человеку, желающему быть полезным офицером, необходимо показывать настоящие боевые суда, а не специально учебные. Надо, чтобы он с юных лет привыкал к действительной службе и участвовал бы в работе по приготовлению судов к бою. На боевом судне он приобретет больше полезных познаний, чем на судне учебном. И перед глазами в течение лета он будет видеть не педагогов, в руках которых он находится целую зиму, а людей, работающих по подготовке флота к бою...

При распределении новобранцев часть их идет в специальные школы, а часть в школы строевых квартирмейстеров. Первые из них строевыми унтер-офицерами не будут, тогда как вторые все будут строевыми квартирмейстерами и будут начальниками над остальными, которые останутся в звании рядовых.

Для пользы службы надо, чтобы производство в квартирмейстеры делалось за службу, а не за науку, тогда как при теперешней организации в унтер-офицеры производят за науку. Принцип совершенно неверный и в служебном отношении вредный. Кроме того, унтер-офицер учится на одном судне, а поступает унтер-офицером на другое, которое он совершенно не знает. По этой причине в первое же время он не может иметь должного авторитета между рядовыми, что точно так же вредно в служебном отношении...

ЦГАВМФ, ф. 17, оп. 2, д. 83, л. 1—26.

ПРИКАЗ С. О. МАКАРОВА О НАЛОЖЕНИИ ВЗЫСКАНИЯ НА ОФИЦЕРА ЗА САМОУПРАВСТВО ПО ОТНОШЕНИЮ К РАБОЧЕМУ

22 марта 1903 г.

На одном из судов, изготовляемых портом к плаванию, обнаружен случай самоуправства офицера по отношению вольнонаемного мастера-вого.

Сделав распоряжение о взыскании с виновного, я одновременно ставлю

в известность, что не могу допустить повторения подобных незаконных действий, ввиду чего впредь буду относиться ко всем подобным случаям с надлежащей строгостью.

ЦГАВМФ, коллекция приказов,
д. 1439, л. 84

ПРИКАЗ С. О. МАКАРОВА ОБ ОЗНАМЕНОВАНИИ 50-ЛЕТИЯ СИНОПСКОГО БОЯ

17 ноября 1903 г.

В дополнение приказа моего... предписываю 18 ноября, в день 50-летия Синопской победы, в учебных заведениях морского ведомства в Кронштадте, а также во всех экипажах, отрядах, командах и школах занятий не

производить и на работы нижних чинов не высылать. Утром во всех командах объяснить значение и подробности Синопского боя.

ЦГАВМФ, коллекция приказов,
д. 1437

ВЗГЛЯДЫ М. Д. СКОБЕЛЕВА НА ВОЕННОЕ ДЕЛО

Требования от офицера и начальника

Михаил Дмитриевич требовал от офицера знаний, храбрости, энергии и исполнительности. Конечно, это не ново. Но для нас интересно, как и в какой степени выражались эти требования.

В приказе, отданном по войскам Ферганской области перед началом зимних занятий, между прочим говорилось: «Всех гг. офицеров прошу побольше читать, что до нашего дела относится». В этом отношении Ми-

хаил Дмитриевич сам служит нам лучшим примером. «Даже на войне, в Журжеве, в Бии, в Зимнице; точно так же, как в траншеях под Плевной,— Скобелев учился и читал беспрестанно. Он умел добывать военные журналы и сочинения на нескольких языках, и ни одно не выходило у него из рук без заметок на полях. Учился и читал Скобелев при самых иногда невозможных условиях: на биваках, на походе, в Бухаресте, на валах батарей под огнем, в антрактах жаркого боя. Он не расставался с

книгой — и знаниями делился со всеми. Он рассказывал окружающим его офицерам о своих выводах, идеях, советовался с ними, вступал в споры, выслушивал каждое мнение. Быть при нем значило то же, что учиться самому...»

В приказе по 4-му армейскому корпусу, отданном после лесного маневра, сказано: «Отдавая должную справедливость усердию *большинства* гг. офицеров 2-й бригады 30-й дивизии, я, однако, по долгу службы предостерегаю их, что современный бой требует основательного осмысленного знакомства во всем, касающемся формы строя, применения к местности и дисциплины огня, в чем сделано было много промахов. Тем тяжелее мне было видеть эти серьезные промахи, что гг. офицеры означенных полков еще недавно имели случай на опыте в бою убедиться, как нерасчетливо ныне кидаться в атаку, не подготовив ее огнем артиллерийским и ружейным с соответствующих позиций, дистанций и по должной цели».

Что касается личного поведения начальника и офицера в бою, *их храбрости*, то взгляд на это Михаила Дмитриевича лучше всего выразился тогда, когда, при его опытах переправы через Дунай в 1877-м году, один новичок военного дела в дипломатическом мундире обратился к нему с вопросом:

— Неужели вы не боитесь?

— Видите ли, душенька, — отвечал Михаил Дмитриевич, — вы имеете *право* быть трусом, солдат — *может* быть трусом, офицеру, ничем не командующему, инстинкты самосохранения извинительны, ну а от ротного командира и выше трусам нет

никакого оправдания... Генерал трус, по-моему, анахронизм, и чем менее такие анахронизмы терпимы, тем лучше. Я не требую, чтобы каждый был безумно храбрым, чтобы он приходил в энтузиазм от ружейного огня. Это — глупо! Мне *нужно* только, чтобы всякий исполнял свою обязанность в бою.

Взгляд на значение младших начальников в бою выражен Скобелевым в следующих словах приказа: «В современном бою батальоны и роты приобрели безусловно *право на самостоятельность* — *инициативу*; значение гг. субалтерн-офицеров и унтер-офицеров, не говоря о батальонных и ротных командирах, стало слишком первенствующим. И те, и другие должны постоянно, и в военное, и в мирное время, воспитывать сознание своего боевого значения.

В бою необходимо, чтобы гг. офицеры сохранили полную энергию, *самообладание* и *способность самостоятельно решаться при всяких обстоятельствах*. Тогда пехотный фронт будет неодолим, части останутся в руках у начальника и избегнется суета и бестолковая трескотня — всегда предвестники неудачи.

Никогда, как бы тяжело ни пришлось, не следует забывать, что для успеха начальник должен *водить* свою часть в бой, а не *посылать* ее, что он и при этом должен сохранить полное самообладание — *броситься в штыки вовремя*, т. е. с самого близкого расстояния, дабы преждевременным разбегом не ослабить силу удара и впечатления».

М. Д. Скобелев требовал от своих *подчиненных*, чтобы к данному им делу и боевым задачам они относи-

СКОБЕЛЕВ Михаил Дмитриевич — генерал от инфантерии. Окончил академию Генерального штаба. Участник Хивинского похода 1873 г. С 1876 г. военный губернатор и командующий войсками Ферганской области. В русско-турецкую войну 1877—1878 гг. командовал казачьей бригадой, дивизией, отличился в боях под Плевной, в сражении при Шипке. Успешные действия войск под командованием Скобелева создали ему большую популярность в России и Болгарии. В 1878—1880 гг. командовал корпусом, в 1880—1881 гг. руководил 2-й Ахалтекинской экспедицией.

М. Д. Скобелев

лись с полным напряжением своих сил, отдаваясь ему всецело. Он требовал от подчиненных дела, прежде всего дела, только степень усердия и способности к боевой деятельности служила для него мерилom для оценки, наград и повышений. Человеку способному и дельному он прощал многое и никогда не забывал отдать *должное* своим подчиненным как от себя, так и высказать их заслуги перед высшим начальством. Поэтому все достойные офицеры считали за особенное счастье служить под его начальством и по первому его слову всегда были готовы ринуться на самые опасные и рискованные предприятия, не останавливаясь ни перед чем. Личный пример генерала, его отвага и деятельность неутомимая много способствовали этому.

«Скобелев возьмет все, что есть у подчиненного, и даже больше и заставит его идти вперед, совершенствоваться, работать над собою».

Михаил Дмитриевич никогда не смешивал дружбу со службой. «Товарищ в антрактах, на биваках, в редкие периоды отдыха — он во время дела являлся суровым и требовательным до крайности. Тут уже ничему не было оправдания... Не было своих, не было и чужих. Или нет, виноват, своим — первая пуля в лоб, самая труднейшая задача, самые тяжкие лишения. «Кто хочет со мной — будь на все готов».

Удивлялись, что М. Д. дружился с каждым офицером. Еще бы. Прапорщик, по-товарищески пивший вино за одним столом с ним, — на другой день умирал по его приказанию, подавая первый пример своим солдатам. Дружба Скобелева давала не права, а обязанности. Друг Скобелева должен был следовать во всем его примеру. Там, где постороннего извиняли и миловали — другу не было ни оправдания, ни прощения».

В частной жизни Скобелев умел быть юношей с юношами. Он умел понимать шутку и первый смеялся ей. Даже остроумные выходки на его счет нравились ему. Совсем не было следа тупоумного богдыханства, которое замечалось в различных китайских идолах того времени... «Здесь все товарищи», — говорил он за столом — и, действительно, чувствовался во всем дух близкого боевого товарищества, что-то задушевное, искреннее, совсем чуждое низкопоклонства и стеснений. К нему иногда являлись старые товарищи — остановившиеся на лестнице производства на каком-нибудь штабс-капитанстве...

— Он с нами, — говорил один из них, — встречался, точно вчера была наша последняя пирушка... Я была вытянул руки по швам... А он «ну, здравствуй...» И опять на ты...

Разумеется, все это — до службы. Во время службы редко кто бывал требовательнее его. А строже нельзя было быть. В этом случае глубоко ошибались те, которые воображали, что короткость с генералом допускает ту же бесцеремонность и на службе.

Тут он иногда становился жесток. Своим он не прощал служебных упущений. <...>

Воспитание войск

«Не формы, — говорил Скобелев, — а дух войск, не книжный расчет, а гений, не поспешное мирное обучение, а война — вот что формирует и армию и вождей». Он остался верен этому взгляду до конца, стараясь всегда развить в солдате отвагу, преданность делу, находчивость, самоотвержение.

Только человек, у которого развито сознание собственного достоинства, может сознательно нести во имя Отечества те жертвы и трудности, которые требует от солдата война, только такой человек как на войне, так и во время мира будет постоянно на высоте требований от современного солдата цивилизованного государства.

Говоря об отношении Скобелева к солдатам, нельзя упустить того, с какою настойчивостью развивал он в них чувство собственного достоинства. Он в этом отношении гордился ими — и было действительно чем гордиться. Раз как-то на глазах Скобелева один из командиров ударил солдата.

— Я бы вас просил этого в моем отряде не делать... Теперь я ограничиваюсь строгим выговором — в другой раз должен буду принять иные меры.

Командир стал было оправдываться, сослался на дисциплину, на глупость солдата, на необходимость зуботычин.

— Дисциплина должна быть железною. В этом нет никакого сомнения, но достигается это нравственным авторитетом начальника, а не бойней... Страм, полковник, страм! Солдат должен гордиться тем, что он защищает свою Родину, а вы этого защитника как лакея бьете... Гадко... Нынче и лакеев не бьют... А что касается до

глупости солдата — то вы их плохо знаете... Я очень многим обязан здравому смыслу солдат. Нужно только уметь прислушиваться к ним...

Скобелев признавал и проповедывал все важное значение исполнительности на войне и всячески развивал ее в своих подчиненных.

«Вверенная мне дивизия сего числа, — пишет Скобелев в приказе по 16-й дивизии 78 г. № 3, — выступила против приказа часом позже; не входя в разбирательство причин подобного равнодушного отношения к делам службы, я на первый раз ограничиваюсь строгим выговором всем начальникам частей и прошу их на будущее время избавить меня от печальной необходимости напоминать им о значении исполнительности на войне.

Молодцам-стрелкам 3 и 4 стрелковых бригад мое искреннее и душевное спасибо. Приказ этот прочтеть во всех ротах».

«Мы все должны помнить, — читаем в другом приказе, — что на взаимной помощи зиждется победа, а потому в бою, когда кровью добывается успех и слава, нельзя быть зевакой никому.

Обрушится ли враг на одну часть, соседи должны броситься ей на выручку, *не ожидая приказаний*, присоединив, где возможно, к действиям взятия и обход противника, опять по собственной инициативе, соображаясь лишь с общою целью боя, средствами и обстоятельствами.

Не могу не выразить желанья, что на будущее время необходимо добиваться на маневрах более взаимной помощи войск разных родов оружия, а также более знакомства пехоты и ее артиллерии с кавалерией и обротно».

Добиться в бою взаимной выручки частей и родов оружия только напоминанием об этом — нельзя; это достигается воспитанием мирного времени. «Куначество» является могущественным к тому средством. Скобелев старался всячески поддерживать

этот обычай в своих войсках. Это видно из следующего приказа:

«Сего числа вступал в г. Сливно 61 пех. Владимирский полк; его, совершенно по собственному внушению, угощал у земства 3 батальон 117 Ярославского полка, по русскому обычаю, товарищеской чаркой.

Я был глубоко тронут, услышав, что первая чарка была выпита владимирцами за здоровье храброй, братской 30 пех. дивизии, кавалерии и артиллерии корпуса.

Да послужит товарищеское, братское внимание ярославцев к владимирцам примером для прочих частей корпуса.

В боевом куначестве частей следует искать главный залог побед. Им славилась старая кавказская армия, которая служила и будет служить доблестным для нас примером. Кавказское предание куначества частей, перенесенные на новую почву, привились и в туркестанском военном округе, способствуя и там братскому соревнованию между частями на пользу и славу Отечества, тем обеспечивая во всех частях войск уверенность в выручке своих перед неприятелем во что бы то ни стало, часто даже не ожидая приказаний.

Обращаю внимание гг. начальников частей на всю важность для боевой доблести 4-го армейского корпуса воспитания всех частей, от роты, эскадрона, батареи до дивизии и артиллерийской бригады, в духе неразрывной боевой связи, уважения друг к другу и готовности, в решительные минуты, всем пожертвовать для товарищей.

Я с своей стороны выражаю уверенность, что в частях корпуса сохраняются те основы боевого *братства куначества*, которые создались в кровные, славные дни испытания 1877—78 годов.

Я бы желал, чтобы сегодняшний пример не прошел даром и на будущее время части не пропускали друг друга незамеченными, а оказывали бы товарищеское внимание, в какой бы

форме оно не выражалось, причем желательно, чтобы роты соответствующих номеров приветствовали друг друга.

Приказ этот прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, парках и командах».

Требования от солдата на походе выражены в следующих словах приказа: «На походе самовольно отсталых я не допускаю. Солдат может отстать или по приказанию начальника, или по болезни, как в том, так и другом случае не без ведома ротных, сотенных, эскадронных и полубатареинных командиров, которые всегда должны иметь в памяти подробные расходы людей вверенных им частей.

Со всех самовольно отсталых строго взыскивать.

На походе особенно избегать людям без крайней необходимости топтать ноги».

Начальник, допускающий в своих войсках грабеж, насилие над жителями и пленными, кладет самые пагубные основы для нравственного разложения войск и залог их верного поражения неприятелем.

Рядом приказов и наставлений Скобелев борется с проявлением малейших зародышей названных язв.

Приведем некоторые из них:

«1) Приказ по авангарду действующей армии 10 января 1878 г. № 12. «Поздравляю вверенные мне храбрые войска с занятием второй столицы Турции. Вашей выносливостью, терпением, храбростью приобретен этот успех.

Великий князь главнокомандующий приказал мне благодарить всех. Порадовали вы ... всю Россию.

Отдавая вам должную справедливость, не могу, однако, вам не высказать, что за последние дни я заметил некоторую распушенность. На вчерашнем переходе из Хаскиоя было слишком много отсталых; я даже заметил некоторых из нижних чинов, которые, забывая честь мундира, оставляли ряды с целью грабежа.

Штурм высот

Обращаюсь ко всем начальникам частей, ко всем господам офицерам, ко всем честным солдатам вверенных мне доблестных войск и напоминаю им, что на вас, счастливых, авангард действующей армии, обращены взоры всей России, всего мира...

Сохраним во всей чистоте славу русского имени и славу полков, поддержанную в эту войну ценою крови.

Предупреждаю все чины вверенного мне отряда, что за всякую самовольную отлучку от частей, не говоря уже о мародерстве, пьянстве и преступлениях, предусмотренных законами военного времени, виновные будут преданы полевому суду».〈...〉

Дисциплина

Вступая в командование войсками, действующими в Закаспийской области, генерал Скобелев писал: «...считаю священным долгом напомнить доблестным войскам, ныне мне вве-

ренным, что основанием боевой годности войска служит строгая служебная исполнительность, дисциплина. Дисциплина, в полном значении этого слова, быть там не может, где начальники позволяют себе относиться к полученным им приказаниям небрежно. Это должно отзываться на отношении нижних чинов к долгу службы. Строгий порядок в лагере, на бивуаках, строгое исполнение всех, даже мелочных требований службы, служит лучшим ручательством боевой годности части...»

Требую безусловной исполнительности — раз приказание или задача дана вполне определенно, Скобелев допускал, даже настаивал, чтобы исполнитель «рассуждал» в пределах данной и необходимой ему свободы. В следующих словах приказа, отданного по поводу одного маневра, выразилось это требование: «Начальник авангардной позиции, с прибытием моим в вверенный ему участок, пере-

стал почему-то заниматься своим делом, забыв, что главная его задача — распоряжаться по обороне позиции *самостоятельно*, а не прислушиваться к мнению присутствующего начальства. Вследствие сего упущены были им из виду весьма важные приказания и т. д. ...»

Полезно ли требует не раболепного исполнения желаний начальника, не бессмысленного потворства им, а освещения обстановки в форме докладов-советов, конечно, тогда еще, пока начальник не пришел к определенному решению, передаваемому категорически. «Однажды, при обсуждении какого-то вопроса, кто-то из подчиненных сказал Михаилу Дмитриевичу:

— Я по дисциплине не смею возражать вам.

— Какая дисциплина. Теперь не служба... Обыкновенно недостаток знаний и скудоумие прикрываются в таких случаях дисциплиной...

Он терпеть не мог людей, которые во всем безусловно с ним соглашались.

— Ничего-то своего нет. Что ему скажешь — то для него свято. Это зеркала какие-то.

— Как зеркала?

— А так... Кто в него смотрится, тот в нем и отражается.

Еще больше оскорблялся он, если это согласие являлось результатом холостства.

— Могу ли я с вами не соглашаться, — заметил раз как-то майор. — Вы генерал-лейтенант!

— Ну так что ж.

— Вы меня можете под арест.

— Вот потому-то на вас и ездят, что у вас не хватает смелости даже на это.

«У нас всякого оседлать можно, — говорил Скобелев. — Да еще как оседлать. Сесть на него и ноги свесить. Потому что своего за душой ничего, мотается во все стороны... Добродушие или дряблость — не разберешь. По-моему, дряблость. Из какой-то мокрой и слизкой тряпки эти люди

сделаны. Все пассивно, косно. По инерции как-то — толкнешь идут, остановишь — стоят...»

Истинная дисциплина заключается не в форме, а в духе. Особенно русскому солдату ничто так не противно, как вечная формалистика, натянутость. Скобелев это отлично понимал и, где только возможно, старался избавить солдат от излишней формалистики, так, например, под Плевной, при обходе им траншей, хотя бы и в период прекращения перестрелки, солдатам приказано было не вставать.

Отношения к нижним чинам

Задачи, возлагаемые начальником на войска, его приказания будут ими исполняться от всей души тогда, когда они доверяют тому, кто повелевает ими. *«Верьте мне, ребята, как я вам верю, и тогда скоро мы опять во славу русского народа заработаем спасибо Отечества».*

Осмысленность требований, справедливость и забота о солдате — основания, на которых зиждется это доверие. Михаил Дмитриевич писал: *«Прошу всех гг. офицеров вверенных мне храбрых войск проникнуться убеждением, что неустанная заботливость о солдате, любовь к нему, делом доказанная, лучший залог к победе».*

Таким отношением вне боя и в мирное время внушает начальник доверие и любовь к себе. Но как достигнуть этого в военное, когда многие и в будущих войнах будут поставлены в необходимость вступать на театр военных действий не со своими войсками, когда придется иногда принимать их пред самым боем, когда придется закреплять связь войск с начальником отряда на самом театре военных действий? Кроме общего доверия и уважения подчиненных, для действительно боевого начальника необходимо еще боевое доверие. Это последнее слагается из примеров личной храбрости начальника и его умения водить войска к победе...

Скобелев пользовался всяким удобным случаем, чтобы благодарить войска за их труды. Приказов и рассказов об этом мы найдем множество. Приведем некоторые примеры. Когда главнокомандующий посетил отряд Скобелева на Зеленых горах под Плевною, то Скобелев отдал следующий приказ: «Третьего дня его высочество главнокомандующий изволил меня посетить, подробно расспрашивал о вверенной мне дивизии, с которою его высочество связан воспоминаниями бессмертной обороны Севастополя и сражения 24 октября 1855 года. Приписываю высокою, оказанную мне главнокомандующим честь молодецкой службе войск 16-й пехотной дивизии и выражаю убеждение, что счастливым, кои будут достойны командовать в боях эту славную дивизию, всегда будет присуще почетное место в рядах армии».

При вступлении в Адрианополь он пишет: «Поздравляю вверенные мне храбрые войска с занятием второй столицы Турции. Вашею выносливостью, терпением, храбростью приобретен этот успех.

Великий князь главнокомандующий приказал мне благодарить всех. Порадовали вы ... всю Россию».

При утверждении Скобелева командиром 4-го армейского корпуса был отдан такой приказ:

«Его императорскому величеству угодно было утвердить меня в звании командира 4-го армейского корпуса.

Более года тому назад судьба соединила меня с вами.

Я научился вас уважать и в кровавые дни плевненских испытаний, и посреди победных кликов от Балкан до Царь-града, и в продолжительное, многострадальное стояние ваше в виду св. Софии.

Везде проявили вы примеры той непоколебимой стойкости и того строго исполнения долга, которые всегда составляли дорогое достояние нашей армии, созидая и в Европе, и в Азии русскую славу на страх и на зависть врагам...»

Подобные приказы привязывают солдат к начальнику и поднимают их дух.

Оценивая заслуги одной части, благодаря ее при удобном случае, мы внушаем и другим уверенность, что и их труды не останутся без внимания. У Скобелева встречаем множество приказов в этом направлении. Приводим приказ, отданный по случаю возвращения Туркестанского отряда из Закаспийского края в Аму-Дарьинский отдел:

«После невероятных трудностей почти неисполнимого перехода Туркестанский отряд вошел в пределы Ахал-текинского оазиса в полной боевой готовности и перед открытием военных действий вступил в состав вверенных мне войск.

В наступательном движении к Геок-Тепе и далее к Асхабаду, а также в боях вокруг Геок-Тепе при осаде и штурме этой крепости, быстро сроднившись сердцем с боевыми товарищами-кавказцами, туркестанцы на деле показали, что они те же молодцы, какими я их знал во время моей службы в Средней Азии.

После первых боев с неприятелем я узнал родной фронт, узнал те боевые сноровки, тот порядок, какие привык видеть: под Хивою, Махрамом, Наманганом, Андижаном, Балыкчами и на снежных вершинах Памира.

В трудный день 12 января горсть удалых туркестанских войск вновь вписала славную страницу в скрижали наших среднеазиатских войн.

Расставаясь ныне с дорогими сердцу туркестанскими войсками, благословляю их в дальний и небезопасный путь. Уверен, что и грозная пустыня им опять окажется по плечу.

Благодарю всех гг. офицеров и нижних чинов за честное исполнение долга присяги и службы. Благодарю в особенности начальника Туркестанского отряда полковника Куропаткина. С ним судьба породнила меня боевым братством со штурма Андижана, в траншеях Плевны, на верши-

Оренбургские казаки на отдыхе

Солдаты Кексгольмского полка у реки

Привал во время форсированного марша

нах Балканских гор и ныне в дни тяжелых боев под Геок-Тепе».

Когда Скобелева благодарили, когда он был награждаем, он часто при удобном случае говорил солдатам:

— Я вам, братцы, обязан! Это вы все сделали... Мне за вас дали мои кресты!..

Скобелев любил солдата и в своей заботливости о нем проявлял эту любовь. Его дивизия, когда он ею командовал, всегда была одета, обута и сыта при самой невозможной обстановке. В этом случае он не останавливался ни перед чем. После упорного боя он, немного отдохнув, уже был на ногах. Зачем? Чтобы обойти солдатские котлы и узнать, что в них варится. Никто с такою ненавистью не преследовал хищников, заставлявших голодать и холодать солдата, как он. Скобелев в этом отношении не верил ничему. Ему нужно было самому, собственными глазами, убедиться, что в котомке у солдата есть полтора фунта мяса, что хлеба у него вволю... Во время Плевненского сидения солдаты постоянно у него даже чай пили. То и дело при встрече с солдатом он останавливал его.

— Пил чай сегодня?

— Точно так, ваше-ство.

— И утром, и вечером?

— Так точно.

— А водку тебе давали?.. Мяса получил сколько надо?

И горе было ротному командиру, если на такие вопросы следовали отрицательные ответы. В таких случаях Михаил Дмитриевич не знал милости, не находил оправданий.

Не успевал отряд остановиться где-нибудь на два дня, на три, как уже рылись землянки для бань, а на утро солдаты мылись в них. Он ухитрился у себя в траншеях устроить баню, как ухитрился там же поставить хор музыки... Зимой части отряда на свои средства он купил полубки.

Солдат любит и ценит милостивое отношение к нему, умелый разговор,

шутка начальника для него награда. Этим можно добиться от солдата многого.

«Все время после занятия Зеленых гор, вплоть до падения Плевны, Скобелев дружился и, как говорят, на короткую ногу сходился с своими солдатами. В этом не было заискивания популярности, нет. Его органическая потребность тянула его к солдату, он хотел изучить его до самых изгибов его преданного сердца. Он не ограничивался бивуаками и траншеями. Сколько раз видели Скобелева, следующего пешком с партиями резервных солдат, идущих на пополнение таявших под Плевной полков. Бывало едет он верхом... Слякоть внизу — снег сверху... Холодно... Небо в тучах... Впереди на белом мареве показываются серые фигуры солдат, совсем оловянных от голодовки, дурной погоды и усталости.

— Здравствуйтесь, кормильцы! Ну-ка, казак, возьми коня.

Скобелев сходит с седла и присоединяется к «хребтам». Начинается беседа. Солдаты сначала мнутя и стесняются, потом генералу удается их расшевелить, и, беседуя совершенно сердечно, они добиваются до позиций. В конце концов, каждый такой солдат, попадая в свой батальон, несет вместе с тем и весть о доступности белого генерала, о любви его к этой серой, невидной, но упорной, сильной массе. Войска таким образом, еще не зная Скобелева, уже начинают платить за любовь любовью.

Или, бывало, едет он — навстречу партия «молодых солдат».

— Здравствуйтесь, ребята!

— Здравия желаем, ваше-ство...

— Эко молодцы какие! Совсем орлы... Только что из России?..

— Точно так, ваше-ство.

— Жаль, что не ко мне вы!.. Тебя как зовут? — останавливается он перед каким-нибудь курносом парнем. Тот отвечает.

— В первом деле верно Георгия получишь? А? Получишь Георгия?

— Получу, ваше-ство!..

— Ну, вот... Видимое дело, молодец... Хочешь ко мне?

— Хочу!..

— Запишите его фамилию... Я его к себе в отряд.

И длится беседа... С каждым переговорит он, каждому скажет что-нибудь искреннее приятное.

— Со Скобелевым и умирать весело! — говорили солдаты. — Он всякую нужду твою видит и знает...»

Скобелев всегда готов был принять к сведению разумное мнение даже и простого солдата.

Говоря об осаде Геок-Тепе, Михаил Дмитриевич между прочим рассказывал следующий факт:

«Текинцы во время своих ночных нападений взбирались на бруствера моих траншей и, находясь таким образом над головами моих стрелков, стоявших во рвах, рубили их сверху, причем не было никакой возможности защищать их; однажды вечером, обходя аванпосты, я услышал, как один солдат говорил своему товарищу: «Генерал напрасно ставит нас ночью во рвы, так как текинцы взбираются ночью на брустверы и рубят нас в то время, когда мы не можем защищаться; если бы он ставил нас шагов на 10 назад, так текинцам пришлось бы спускаться в траншею, где мы бы могли безопасно рубиться». Это было откровением для меня, говорил Скобелев. Был отдан приказ и на следующее утро сотни неприятеля лежали во рвах. Солдат, подавший эту блестящую мысль, был награжден Георгиевским крестом».

Закончим эту главу следующими словами: «Солдаты очень любили и боготворили своего корпусного командира, т. е. Скобелева, за его ласку и веселый нрав. И действительно, Скобелев почти никогда не пропускал без расспросов встречавшегося на пути солдата своего отряда. Встретив какого-нибудь солдатика и поздоровавшись с ним, Скобелев часто вступал с ним в беседу, спрашивал его о том, что у них делается, как их кормят; спросит его про се-

мью, давно ли получал письма с родины и проч. И странно: в то время, когда обыкновенно в таких случаях у солдатика, что называется, душа уходит в пятки и от него кроме автоматических «никак нет» и «точно так», со Скобелевым, напротив, солдат чувствовал себя совершенно свободно, легко; точно это не генерал, не командир корпуса, а обыкновенный свой ротный и, притом, любимый сердцем, и скорее товарищ, чем начальник».

Поддержание духа в войсках

Как истинно военный и боевой генерал, Скобелев заботился прежде всего о поддержании духа войск. В приказе по 4-му армейскому корпусу мы находим:

«На марше к р. Друти в двух полках некоторые роты показались мне не в том молодецком виде, в котором я привык их видеть: недоставало той маршевой сноровки, того богатырского вида, которым справедливо могли гордиться эти полки во время марша от Шейнова к Константинополю.

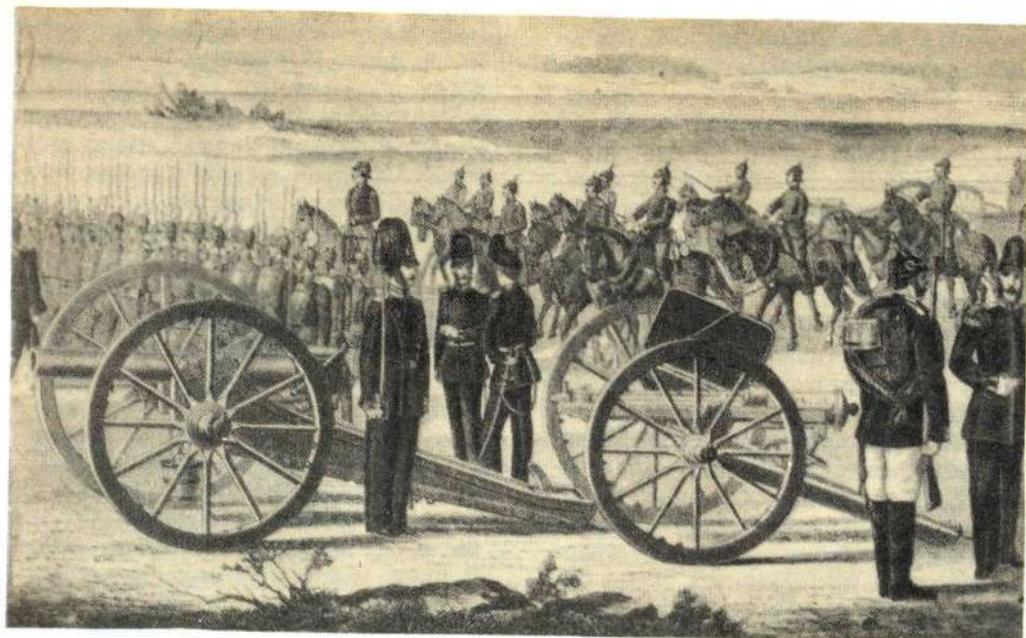
Зная, как всем нам дорога и прошедшая, и будущая слава войск корпуса, я не сомневаюсь в том, что нижеследующий сердечный совет моего боевого опыта будет принят с должным вниманием.

Вышеупомянутые случаи произошли, на мой взгляд, оттого, что по недосмотру гг. начальствующих лиц люди не вовремя опустились, раскисли...

Известно, что на войне нравственный элемент относится к физическому, как 3 : 1.

Вследствие этого внимание гг. офицеров должно быть обращено на поддержание нравственного элемента в части, этого трудно объяснимого понятия, называемого духом части, как на походе, так и в бою.

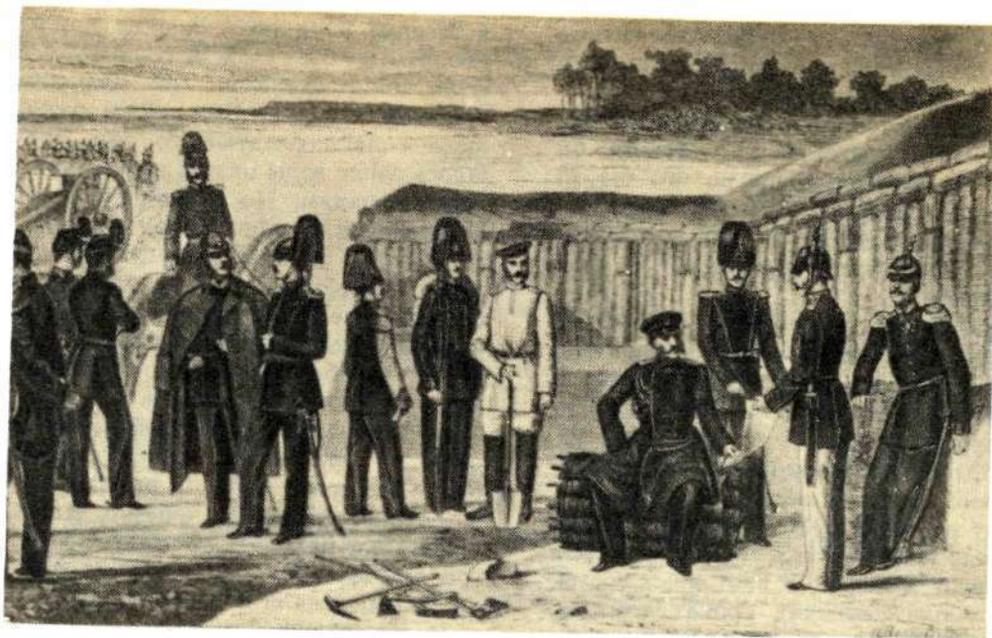
Трудно дать указание, как подметить, в каком настроении часть в данную минуту.

Артиллерия в период русско-

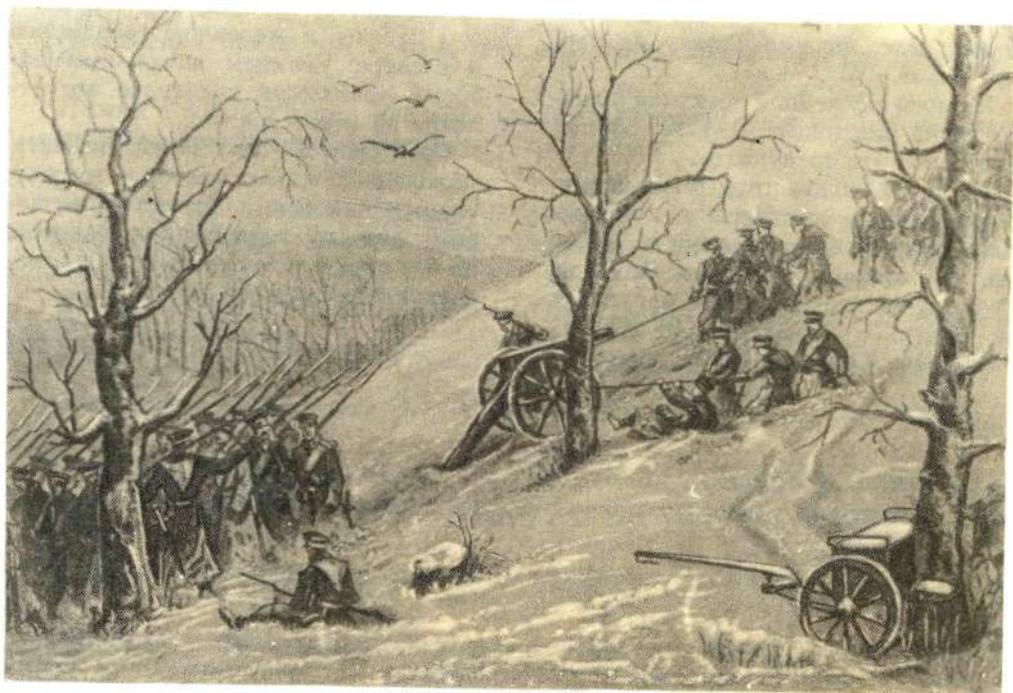

Через Балканы

турецкой войны 1877—1878 гг.

Спуск орудий с позиции

Это как все на войне, зависит от обстоятельств, ибо на войне только обстоятельства сила.

Несомненно, раз офицер подметил, что пульс части бьется слабее, он обязан принять меры во что бы то ни стало восстановить дух части.

Какие средства он подыщет? Это дело каждый молодец решает на свой образец.

Насколько я понимаю, в русской армии для этого можно опираться или на сердце, или на дисциплину в строгом ее проявлении. Иногда на то и другое вместе.

Мы видим в подобную минуту Суворова, который велит рыть себе могилу на Альпах. Но Суворов имел за собою Измаильских ветеранов и был, главное, Суворов. В настоящее время, т. е. при коротких сроках службы, еще более нежели прежде приходится иногда на походе и в бою существенно опираться на всю строгость уставных форм и быть до крайности требовательным; однако же требовательным может быть только тот, кто сам подает пример исполнения долга. Во всяком случае влияние на нравственную сторону лиц и частей, в военном деле, должно стоять на первом плане.

Из моей служебной практики и лично мною виденного могу гг. офицерам сообщить следующее:

1) В 1873 г. авангард Мангышлакского отряда, выступив с колодцев Карашек, имел двухдневный запас воды. По причине слишком большой глубины колодцев он не мог поить на колодцах Кынырь, в 40 верстах от колодца Карашек, и вынужден был

в течение ночи идти еще на другие колодцы в 40 верстах от Кынырь, где вода тоже оказалась на слишком большой глубине. Под зноем палящего солнца следующего дня пришлось запас воды отдать артиллерийским лошадям. Последние 10 верст до колодцев Ак-Мечеть пехоту, которая легла в полном изнеможении от зноя, усталости и жажды, пришлось поднять насильно помощью казаков и затем *дотащить* до колодцев Ак-Мечеть, прибегнув к церемониальному маршу с барабанным боем.

2) 18 июля 1877 года под Плевною один из батальонов нашей пехоты был приведен в порядок производством ученья ружейных приемов. Когда неприятель находился не далее 45 шагов, батальон держал на караул. Турки не выдержали и повернули.

3) На штурме Ловчи одному из батальонов вследствие случившейся, всегда в бою возможной, паники произведено было перед турецким редутом ученье ружейных приемов.

Словом, не поблажкою, не попусчением беспорядка на марше и в бою достигается та нравственная напряженность, которая служит залогом победы, а железною твердостью и главное: умением начальника вовремя произвести внезапное впечатление на нервы части.

Средством к этому можно назвать: молодецкое слово *молодца*, музыку, песни и, наконец, поддержание уставного порядка, хотя бы *ценою крови*, но без предварительного пиления, ненавистного русскому солдату».

«Армейские вопросы», вып. I, Спб., 1893

Никакие строгие меры не уничтожат зла, если существуют причины его.

В. И. Дацевич

Болтать о деле еще не значит уметь его делать.

Относительно масс безусловно верно то, что где больше читают, там больше и думают.

Что бесполезно на войне, то вредно вводить в мирное обучение.

Нужно в мирное время приучить никуда не торопиться и никуда не опаздывать; в военное поздно усваивать эту привычку.

Руководитель, преданный своему делу, не должен бояться и сам учиться... Необходимо искренне сознавать свои ошибки, а не притворяться безгрешным.

Немного более сердца, немного более внимания к солдату со стороны офицера, и успех верен.

Сбережение людей — святейший долг каждого начальника.

Отдать приказание коротко и ясно, подбодрить словом, взглядом — великое и трудное искусство, которое большинству дается только практикой.

Если офицер не сделает, то и никто не сделает.

Армия, в которой офицер пользуется доверием солдата, имеет на своей стороне такое преимущество, которое не может быть приобретено ни численностью, ни совершенством техники, ни чем-либо иным.

Офицер — не воинский чин только, но и общественный деятель; армия — не вооруженная сила только, но и школа воспитания народа, приготовления его к жизни общественной.

Войско должно быть органически срастающейся, а не механически сплачиваемой массой... а чувство товарищества не может не дать всех своих плодов; драться бок о бок с человеком, к которому лежит сердце, или с таким, у которого с вами общего один только рост,— не одно и то же.

Не думай о себе, думай о товарищах; товарищи о тебе подумают — вот первая воинская заповедь.

Успех в военном деле зиждется на воле; ум подсказывает только легчайший путь к успеху.

В бою только тот бьет, кто не боится погибнуть; для человека, воспитавшего себя таким образом, нет неожиданностей... И только при этом условии ... дерзость и упорство в достижении цели станут делом естественным.

Что в военном может быть презрительнее страха, который парализует и ум, и волю?

Выше всего ... стоит готовность страдать и умирать, т. е. самоотвержение ... оно дает силу претерпеть до конца, принести Родине жертву высшей любви.

М. И. Драгомиров

Нравственным развитием обуславливается существование прочной военной семьи, которую солдат любит и охотно принимает все ее обычаи.

Надо, чтобы солдат непременно гордился своим внешним красивым видом, своим мундиром, характерными манерами той части, в которой он служит, и вообще своей молодцеватостью.

Внешний лихой вид солдата ... играет очень важную роль в критические минуты боя. ...Прежде всего бросится в глаза общий молодецкий вид массы, и этого уже довольно, чтобы масса не дрогнула.

Муштровка... относится к начальнику еще больше, чем к солдату; спутавшийся солдат пугает самого себя, да еще разве затолкает товарищей, а спутавшийся начальник пугает сотни и тысячи.

И муштруйте, и воспитывайте!.. Но только — сначала себя, а потом солдата.

Н. Д. Бутовский

Офицер должен быть персоною для всего общества... авторитет его никем не должен подрываться, если только он делает свое дело.

Требуйте от подчиненного, что нужно сделать; предоставляйте ему самому решить, как выполнить приказание.

Необходим хороший подбор начальников и такая система производства и назначений, которая давала бы возможность выдвигать людей сообразно с силою характера, ума и знаний.

А. А. Терехов

Если хотите, чтобы солдаты исполняли честно и от сердца, сами исполняйте! А кто слишком нежен для столь грубой работы, не стесняйтесь уходить...

Лучше иметь меньше офицеров, но вполне надежных, чем массу неспособных. Пример ведь заразителен.

Н. Я. Шнеур

Денежное вознаграждение военных чинов за совершаемые ими военные заслуги не подходит к духу русского воинства ... Русский воин идет на службу не из-за денег, он смотрит на войну как на исполнение своего священного долга, к которому он призван судьбой, и не ждет денежных наград за свою службу... Тот, на кого в военное время могут влиять деньги, не достоин чести носить морской мундир.

Нашу молодежь легко заставить работать, надо только, чтобы они видели, что результаты их работ приносят пользу... Чем раньше молодой человек увидит действительную службу, тем лучше.

Офицер, который, выйдя из училища, перестает учиться, не может называться надежным офицером.

С. О. Макаров

Начальник, допускающий в своих войсках грабеж, насилие над жителями и пленными, кладет самые пагубные основы для нравственного разложения войск и залог их верного поражения неприятелем.

Дисциплина должна быть железною. В этом нет никакого сомнения, но достигается это нравственным авторитетом начальника, а не бойней.

Необходимо, чтобы офицеры сохранили полную энергию, самообладание и способность самостоятельно решаться при всяких обстоятельствах.

Для успеха начальник должен водить свою часть в бой, а не посылать ее.

Неустанная заботливость о солдате, любовь к нему, делом доказанная, лучший залог к победе.

На взаимной помощи зиждется победа.

Не формы, а дух войск, не книжный расчет, а гений, не поспешное мирное обучение, а война — вот что формирует и армию, и вождей.

Сохраним во всей чистоте славу русского имени и славу полков, поддержанную ... ценою крови.

М. Д. Скобелев

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

НАЧАЛО
ДВАДЦАТОГО
СТОЛЕТИЯ

На рубеже XIX—XX вв. выявился целый ряд проблем и противоречий в обучении и воспитании войск русской армии. Появление новой военной техники, введение всеобщей воинской повинности, сокращение сроков службы подняли вопрос о состоянии грамотности в русской армии. Передовые военные руководители хорошо понимали, что только грамотная армия может основательно и серьезно овладеть новыми приемами обучения. Значительно возросла в этой связи роль офицера. «Делавшееся прежде годами теперь нужно поспевать делать месяцами, иногда днями, — констатировал генерал М. И. Драгомиров, — ... если офицер не сделает, то и никто не сделает». На плечи офицерского состава легла тяжелейшая ноша. С одной стороны, задачи общеобразовательного, общекультурного характера, с другой — задачи повышения качества боевой подготовки войск.

Надо заметить, что в реализации офицерским корпусом этой сложной программы отчетливо обозначились две тенденции.

Первая из них — исторически традиционная для русской армии — заключалась в исключительном самопожертвовании, когда все силы отдавались благородному делу воспитания и обучения, когда именно офицеры своим самоотверженным трудом превращали армию в школу нации, в школу грамотности, возвращая из своих рядов в общество грамотных, образованных граждан, наделенных такими высокими понятиями, как честь и достоинство, дух войскового товарищества и уважения друг к другу. «Побольше сердца, господа, в отношениях особенно к молодому солдату, если хотите, чтобы и его сердце открылось вам навстречу. В бою ведь на одной казенщине далеко не уедете, — говорилось в одном из приказов командующего Киевским военным округом, — кто не бережет солдата, не достоин чести им командовать».

Противоположной тенденцией, обозначившейся в среде офицеров в этот период, было проявление невежества, косности, духа казенщины в вопросах обучения и воспитания войск. Многие передовые офицеры и генералы подмечали эти негативные процессы и пытались разобраться в них. «С течением времени комплектование офицерского корпуса все более затрудняется, — до-

носил военный министр Куропаткин.— С открытием большого числа новых путей для деятельности лиц энергичных, образованных и знающих в армию идут наряду с людьми, имеющими призвание к военной службе, также неудачники, которым не повезло на других дорогах, люди, не имевшие возможности окончить даже 6 классов гимназического курса».

Здесь надо заметить, что изменение системы военного образования после проведения военных реформ, с одной стороны, сделало поступление в офицерский корпус более доступным для разных слоев общества, с другой — привнесло в офицерскую среду многие болезненные проблемы, характерные для развития русского общества на этом этапе. «Пехотные и кавалерийские полки получают офицеров преимущественно из юнкерских училищ,— с грустью отмечал один из современников.— В юнкерские училища поступают в большинстве кое-как окончившие 4 класса гимназии и выдержавшие очень немудрый экзамен. Эти молодые люди — слабохарактерные, не способные к работе и недостаточно развитые; в военную службу они идут потому, что всякая другая деятельность, обеспечивающая их существование, для них закрыта. Таким взрослым неудачникам, по моему убеждению, не место в армии».

Немаловажным моментом в этой связи было и явно недостаточное материальное обеспечение среднего офицерства. Такое положение, безусловно, оказывало влияние на нравственный климат в офицерской среде и сказывалось на отношении к службе.

Эта противоречивая картина сложилась в армии к началу XX в. незадолго до русско-японской войны. Кроме того, имели распространение плац-парадные настроения, показуха и шапкозакидательство, разлагавшие воинский коллектив и подрывавшие честь русского офицера и воина. Однако история развития военной мысли свидетельствует, что передовые представители русской армии продолжали на практике отстаивать положение о решающей роли нравственной силы на войне. «Там, где человек любит свою Родину, любит свою часть,— подчеркивал М. И. Драгомиров,— там он не задумывается жертвовать собою для их блага».

Генерал Михневич считал, что «духовное начало на войне имеет даже преобладающее значение». Крупный военный теоретик А. А. Незнамов боль-

шое внимание уделял нравственному фактору в подготовке к войне. Дух воинов, способность к самопожертвованию ставились им чрезвычайно высоко.

Русско-японская война поставила новые проблемы перед военной теорией и практикой, потребовала пересмотра взглядов на вопросы воинского долга, чести, взаимоотношений между солдатами и офицерами. Изучение опыта войны было проникнуто искренним желанием извлечь правильные уроки, найти основные причины поражения русской армии и флота.

Армия в определенной мере лицо нации. Следовательно, все процессы, происходящие в обществе, его недуги и болезни отражаются и на армии. Бюрократизм и протекционизм, присущие государственному строю самодержавной России, накладывали отпечаток на деятельность высшего командного состава. Отсутствовала система переподготовки, большие изъятия были в практике назначения на командные должности и порядке прохождения службы офицерами и генералами. Незадолго до войны М. И. Драгомиров пророчески указывал в своем докладе царю, что «между старшими войсковыми начальниками, начиная с бригадных командиров, все еще много таких, которые в мирное время бесполезны, а в военное время будут вредны».

Генерал М. В. Грулёв, командовавший во время войны Псковским пехотным полком, с горечью замечал: «... отсутствие инициативы и самостоятельности, пассивная роль нашего командного состава, полагавшего возможным руководить войсками в бою только на основании нехитрого кодекса «слушаю» и «как прикажете», — кто не сознавал у нас этого недуга задолго еще до злощастной войны?»

Вскрывая недостатки в обучении и воспитании войск, передовые офицеры того времени призывали учить армию тому, что необходимо на войне. «Обучение действиям войск в бою — вот цель, к которой должно все стремиться и с которою должно все сообразовываться, — писал А. А. Незнамов. — Мы большую часть времени губим на тонкости уставных учений, на выбивание высоких процентов, на гарнизонную службу, на смотры и подготовку к ним».

Русско-японская война обнажила все противоречия государственного и военного механизма России. Вместе с тем исторический материал свидетельствует об исключительном мужестве, проявленном на полях сражений русскими офицерами и солдатами, об их безграничной самоотверженности, верности своему воинскому долгу. Согласно официальной статистике, с ноября 1904 г. по сентябрь 1905 г. процент убитых, раненых и пропавших без вести среди офицеров составлял 30 %, а среди солдат — 20 %, при этом процент убитых доходил до 4,1 среди офицеров и 2,5 среди солдат. «Наши офицеры, за немногим исключением, вели себя доблестно, — констатировал генерал Куропаткин, — теряли большой процент убитыми и ранеными (значительно больше, чем нижние чины)».

Стремление передовой части русских генералов и офицеров противопоставить казенщине и бездуховности, царившей в период русско-японской войны, величие долга и чести воинской свидетельствует о том, что при проявлении любых пороков самодержавия армия всегда оставалась носителем высокой чести, нравственности и долга.

БОРИСОВ

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

По мере того, как повышается степень общего, военного и специально-тактического образования офицеров армии, офицер Генерального штаба все менее и менее может довольствоваться теми знаниями общеобразовательного, военного и тактического характера, которые ему дает ныне академия Генерального штаба, к сожалению, мало-помалу обращающаяся как бы в военный университет.

Уступая университетскому студенту в общем образовании, артиллеристу, инженеру, юристу, геодезисту, топографу в их специальностях и сравнившись в знании тактики с работающим пехотинцем, офицер Генерального штаба, прослушавший в академии *краткие* курсы русского и иностранных языков, политической истории, статистики, геологии, международного права, судебных законов, астрономии, геодезии, артиллерии, фортификации, а также загроможденный курс тактики, знает как бы все, в сущности же, по недостатку специализирования, ни за что не может взяться как *мастер своего дела*, и кончает тем, что в течение долгой, изнуряющей нравственно (надо применяться к различным характерам начальников) службы в роли правителя канцелярии, иначе ведь назвать ны-

нешнюю должность начальника штаба нельзя, переходит в ряды войск (командир полка) и в чине генерал-лейтенанта, *не менее* генералов, вышедших из других специальностей, занимается пробой пищи, увеличением экономических капиталов частей дивизии, сбережением мундирной одежды и прививанием войскам сморковых сноровок...

Офицер Генерального штаба есть специалист в стратегическом искусстве, в *полководчестве* и поэтому нужен только там, где требуется применение этого искусства, в котором офицер Генерального штаба должен быть исключительным специалистом, ибо он изучает это искусство теоретически, он в нем исключительно практикуется в мирное время, подготавливаясь к войне. Генеральный штаб должен быть в *полководчестве* мастером своего дела и по солидности своей работы — незаменимым...

Сократив число офицеров Генерального штаба, т. е. вообще число должностей Генерального штаба, на которых исключительно и носится мундир этого корпуса, мы предъявляем к ним требование — быть исключительным специалистом в полководчестве и притом специалистом не академически-зубрежным или только

БОРИСОВ Вячеслав Евстафьевич — генерал-майор. Окончил Константиновское военное училище и академию Генерального штаба. Занимал в основном штабные должности: старший адъютант штаба войск Южноуссурийского отдела, войск Уральской области, 11-й Кавказской дивизии, начальник штаба 25-й пехотной дивизии, затем получил в командование 116-й пехотный Малоярославский полк. С 1904 г. — обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба, а в 1909 г. — генерал-квартирмейстер штаба Виленского военного округа.

отвергающим или воспринимающим выводы сообщений, журнальных хроник и инструкций, а быть специалистом-исследователем, идущим вперед, совершенствующимся...

Самостоятельное же изучение возможно лишь на изучении фактов, смотря на всякого рода теоретические трактаты как на пособия, как на обмен мнений, но отнюдь не как на источник сущности нашего искусства, на источник, внимательного изучения которого будто бы достаточно для

того, чтобы даже слегка понимать стратегию истинную, а не геометрическую, где операционная линия, база и объект составляют основу полководчества.

Факты же не должны быть изучаемы с передачи другими (такие факты есть тоже только пособие), а должны исследоваться лично по первоисточникам...

«Варшавский военный журнал», № 1.
Варшава, 1899

НОВЫЙ ПУТЬ СОВРЕМЕННОГО ОФИЦЕРА

— II —

Офицеры и нижние чины

Если руководитель прежних времен являлся только специалистом своего дела, то с введением всеобщей воинской повинности он превратился в чернорабочего. Трехлетний срок службы предъявил к нему новые требования, и ныне он — «подвижник», он не только учитель, он воспитатель армии, он принял участие в великом деле воспитания народа...

Отсюда понятно, сколько величия духа, труда, знания, энергии и, наконец, любви к своим младшим братьям требуется ныне от современного руководителя.

Каков должен быть нравственный облик офицера-воспитателя?

Офицер, чтобы оправдать выдающееся свое положение, должен выдвигаться из толпы. До установления сословного равенства одна принадлежность к высшему сословию и блеск его положения уже доставляли ему почет и уважение. Ныне он может занять то же положение только в силу редкого благородства своих побуждений и возвышенности нравственной природы.

Офицеру необходимо выделяться теми нравственными качествами, на которых основывается личное величие бойца, ибо с ним связано обаяние над массой, столь желательное и необходимое руководителю.

Твердость воли и неустрашимость — эти два требования остались

неизменны. *Воля — характер* для офицера сделались более необходимыми, чем прежде, так как новые требования от руководителя тесно связаны с самодеятельностью — инициативой, на что слабовольный, бесхарактерный претендовать не может.

Верность слову, не только клятва, всегда отличала офицера. Измена слову — фальшь, низость недостойна звания его.

Нигде *жажда славы* и истинное честолюбие, а не тщеславие, так не важны, как в офицерском кадре...

Любящий славу не может быть не самолюбив, но его самолюбие не мелкое, не то, которое вызывает в нас зависть и заставляет нас раздражаться возвышением даже ближайшего товарища. Начальник же, не щадящий самолюбия своих подчиненных, подавляет в них благородное желание прославиться и тем, без сомнения, роняет их нравственную мощь.

Обладать *честью*, во все времена, было признано необходимостью для офицерского кадра. При всех остальных хороших служебных качествах офицер не может быть терпим, если он неразборчив в добывании средств к жизни и марает мундир. Кто не может возвыситься до истинного понимания чести, тот пусть лучше откажется от звания офицера, необходимейшему и первому требованию которого он не удовлетворяет.

Честь — святыня офицера, она — высшее благо, которое он обязан хранить и держать в чистоте. Честь — его награда в счастье и утешение в горе.

Честь закаляет мужество и облагораживает храбрость.

Честь не знает ни тягостей, ни опасностей; делает лишения легкими и ведет к славным подвигам.

Честь не терпит и не выносит никакого пятна.

Офицер должен уважать человеческие права своего собрата — нижнего чина, опорой его достойной поведения должна быть справедливость, она сдерживает зависть, ведущую нас на низшие поступки.

Кроме перечисленных нравственных качеств, требуемых от офицерства, последнему необходимо сознательное, любовное отношение ко всем солдатским добродетелям. Ему, как специалисту военного ремесла, легче понять, зачем необходимы и строгая дисциплина, и взаимная субординация, и прочный войсковой порядок, стройность и т. д., и потому хороший офицер не только являет пример исполнительности во всем, что требуется солдатским режимом, но и вкладывает всего себя в это дело.

Только при таких условиях офицер может расположить к солдатскому режиму нижних чинов...

Горе стране, если, уходя со службы, солдат выносит отвращение к солдатским рядам вместо возбуждения или закрепления здорового, героического духа и с ужасом думает о том времени, когда ему снова придется вступить в эти ряды.

Проявление в войсковых частях общего духа, стремящегося к увеличению благосостояния части и к подавлению низких стремлений отдельных лиц, всецело зависит от духа и стремлений офицерского состава.

Всегда и везде следует помнить, что в организме армии роль сердца выполняет офицерский корпус. (...)

Армия — это дуб, защищающий Родину от бурь. Он распространил свои корни по всей стране и всасывает ими народные соки, этот дуб живет нацией, которую, в свою оче-

ГАЛКИН Михаил Сергеевич — полковник Генерального штаба. Окончил Петербургское юнкерское пехотное училище, командовал взводом, полуротой, ротой и батальоном в 27-м пехотном Витебском полку, учился в академии Генерального штаба, затем служил на штабных должностях до старшего адъютанта штаба Одесского военного округа, участвовал в русско-японской войне, позже преподавал военные дисциплины в Александровском военном училище.

редь, оберегает. Армия и нация подобны дереву и почве, первая прикрывает, вторая питает.

Армия — это громадный резервуар, куда собираются на время живые воды страны. Какими они выходят? Такими же, какими вошли? Нет. Более очищенными, более прозрачными? Нет. В каком же состоянии?

Увы... часто загрязненными. Если резервуар так неисправно выполняет свою работу, то не следует бояться сказать, что он плохо устроен. Надо найти средство превратить его в фильтр, который бы нес очистительную работу. Надо добиться того, чтобы народ, окунувшись в военную службу, вышел оттуда стальным, войдя туда железным.

Военная служба пока не дает этого благодетельного закала, поспешим ввести недостающий для этого элемент. Для этого необходимо, чтобы офицеры были проникнуты патриотической мыслью о необходимости явиться в роли *духовных и нравственных воспитателей армии*. <...>

...Ремесленничество — явление, за немногими исключениями, общее в нашем офицерском корпусе. Формальная сторона службы процветает, моральная — отсутствует.

Проследите трудовой день современного офицера. Утро он проводит на занятиях, но как? Придет, поздоровается с нижними чинами, посидит в ротной канцелярии, выкурит несколько папирос, неоднократно сверится с часами: «Не пора ли кончать?», прикажет унтер-офицеру заниматься с нижними чинами, и только.

На вечерних занятиях та же картина, но еще более унылая, тут офицерское томление еще ярче, еще рельефнее. И так день за днем тянется серенькая, будничная армейская жизнь... Вечная жалоба на чрезвычайную утомительность занятий, вечное недовольство, резонерство и критика начальства.

Я не говорю о тех войсковых ча-

стях, где офицер вкладывает душу свою в дело обучения и воспитания нижних чинов. Но по большей части это является результатом усиленного внушения начальников частей, а никак не личного, сознательного и твердого убеждения, что иначе учить современную армию немислимо.

Я уже слышу, как со всех сторон говорят: позвольте, а время где для исполнения апостольского труда офицества? Весь день уходит на обучение.

Верно, но это обучение не что иное, как солдатская муштра, доведенная до предела, мы позволяем себе сомневаться в полезности затраченной массы труда с исключительно этой только целью.

Новобранца прежде учили четыре месяца, ныне и этот срок сократился. Но вот вопрос: что же делает армия остальные годы службы нижнего чина?

Она пережевывает старое во имя укрепления и развития той же солдатской муштры...

Неужели кто-нибудь станет отрицать, что они не развивают, а убивают дух, благодаря унылой монотонности их, в которых нравственный багаж нижнего чина остается в неприкосновенности, и нет попыток и желания разобраться в нем, нет сознания настоятельной необходимости этой духовной работы!

Я не верю, чтобы можно было считать серьезным препятствием для превращения офицера-ремесленника в офицера-воспитателя расписание существующих занятий. Поработайте над ним, и время найдется, было бы только желание, сознание, что так нужно, а главное, любовь к избранной специальности...

Офицер большого гарнизона так поглощен личными своими интересами, различного рода делами, в которых прожигание жизни составляет главное, что он у себя в войсковой части не родной, а гость, он смотрит на службу, как на отбывание неизбежной и до известной степени неприят-

ной обязанности; наоборот, в маленьких городках, уездных, заштатных, он целый день крейсирует в районе своего полка, совершая рейсы из собрания, где питается и воспринимает общественную жизнь, в роту, где занимается.

В редких частях войск можно найти доказательства, опровергающие сказанное; эти части, во всяком случае, исключения, а не общее правило.

Раз изменились условия политической и общественной жизни, изменился взгляд на армию, естественно, и военно-воспитательные задачи вооруженной силы должны идти по новому плану, в котором нравственное воздействие, работа духовная над нижним чином должна занять подобающее место, а не в виде вспомогательного придатка к нынешней солдатской муштре. <...>

VI

...Если Драгомиров более тридцати лет назад доказывал, что появление в армии офицера-воспитателя, исполняющего социальную роль, неизбежно, то ныне приходится сказать, что указанная деятельность — единственная, и офицерам-ремесленникам современный мундир не по плечу, и лучше снять его и отойти в сторону.

Условия для деятельности в нашей армии офицера-воспитателя крайне благоприятны. Новобранцы прибывают в казармы в возрасте, легко поддающемуся всякому влиянию; громадное большинство их является на службу с полной готовностью и охотой исполнять все нужное. Офицерский состав пользуется авторитетом в силу своего образования...

Отвечая на вопрос: подготовлен ли офицер-воспитатель к исполнению своих обязанностей, мы говорим: нет. И в этом значительная доля вины падает на нашу военную школу. Она не дает офицеров нужного типа. Школа далека от армии и не соединена, а разъединена с ней, между казармой и школьной скамьей юнкера плотина,

которую необходимо уничтожить. Школа и армия не идут рука об руку, первая вечно опаздывает и никогда не в курсе современных требований, предъявляемых бытом и службой войск, которые прогрессируют с головокружительной быстротой, школа же двигается по пути усовершенствования медленно, часто останавливаясь и оставаясь в положении покоя. Движение школы равномерно поступательное, движение армии равномерно ускоренное. Необходимо эти две данные соединить, слить в один организм, чего ныне нет...

Никто не говорит, что училище должно дать армии вполне готовых офицеров-воспитателей, но подготовить их к восприятию этой роли они обязаны. Военная школа должна положить основы этого военного воспитания юнкера, дальнейшая служба, практика сделают остальное...

В военно-учебных заведениях подготовка нравственной стороны обязанностей офицера занимает очень мало места. Все внимание обращено на ремесло, на техническую сторону (т. е. на солдатскую муштру), на науку. До последних дней даже идея о необходимости готовить военную молодежь к роли воспитателя отсутствовала.

Будущий офицер, не зная, что часть его обязанностей состоит в развитии ума и сердца подчиненных, сам не приготавливался к исполнению задачи, к которой не был подготовлен своими начальниками и учителями. Молодой офицер даже не подозревал важности этой обязанности и потому не исполнял ее, считаясь лишь с технической частью образования армии. <...>

VII

Рассмотрим теперь, как офицер-воспитатель должен приступить к исполнению своей роли, в какой последовательности необходимо вести эту новую для него работу.

Прежде всего необходимо знать, с кем имеешь дело, т. е. подробно, внимательно изучить порученных людей...

Какая смесь одежд, племен, наречий, какая богатая разновидность убеждений, взглядов, характеров, какое различие нравственного склада в этой горсти людей, которые проводят свою первую ночь на казенной койке в огромных зданиях казарм, где все с первого взгляда кажется пусто, холодно и томительно, скучно и уныло!

Они пришли в казарму, они робко озираются кругом, они не знают, можно ли сесть, походить...

Приходят офицеры, настает мертвая тишина, внимание напряжено, слышен какой-то общий крик — это старослужащие отвечают на привет начальства. Откуда-то проносится ругательство, затем снова наступает покой.

А далее ночь... Не спит новобранец, ему неудобно, непривычно в новой, чуждой обстановке, он крестится, бормочет что-то про себя и временами тяжело вздыхает.

Вдумайтесь в эти первые часы солдатской службы, в эти впечатления, которые выносит рекрут в новом своем положении, проанализируйте его внутренний мир, загляните в душу его, и вы инстинктивно пойдете к нему, разум подскажет, что надо делать с этим взрослым ребенком...

Ободрите его, скажите ему от сердца несколько хороших теплых слов, спросите его, откуда он, что оставил дома, в чем нуждается, нет ли каких просьб, спросите его о домашних делах, нет ли поблизости родных.

Не говорите ему первые дни ничего о службе, не пугайте его обилием предстоящего труда и сложностью обучения, дайте ему оглядеться, осмотреться, пусть он привыкнет, пусть он почувствует, что пришел не в чужое гнездо, а к себе домой, в родную, хотя и новую для него семью. Исполните это разумно, с терпением и любовью, и он ваш.

Он, как молодое дерево, наклонит к вам свои свежие ветки и доверчиво обратит в вашу сторону молодые, только что распутившиеся листья. Вы его покорили, вы затронули его духовный мир, и он вам верит...

Горе вам, если с первого служебного шага новобранец будет недоверчиво относиться и видеть в начальнике своем только строгого формального службиста, способного лишь карать! Он не подойдет больше к вам, он, как улитка, спрячется в свою раковину и от вас скроет свой духовный мир с редкой пронизательностью и умением...

Добейтесь доверия к себе нижнего чина, добейтесь от него постоянной откровенности и тогда спокойно и уверенно с успехом можете продолжать вашу работу. Нужно употребить все силы, испробовать все средства, чтобы нижний чин пошел вам навстречу. Одно из них — грамотность... Грамота — это тот магнит, который притянет к вам молодого солдата и будет цепко держать его у вас...

Если офицер желает вести свою воспитательную работу осмысленно и с успехом, он должен все средства использовать, чтобы возбудить веру к себе нижних чинов. Вера, в свою очередь, является началом привязанности, любви к нему. Покажите молодому солдату следы заботливости о нем, проявите участие к его нуждам, но постарайтесь сделать это с искренностью, без всякого признака фальши (потому что нижний чин чутко и скоро откроет это), и любовь ваших нижних братьев явится. На всех ступенях военной иерархии это вполне возможно и достижимо. Не забывайте солдатской кухни, кто-то имел основание, говоря: «Чрез солдатский желудок идет путь к сердцу его». Обращайте внимание на часы отдыха, его досуга, обставив это возможными удобствами, конечно, без излишнего комфорта и не прибегая к вредному сентиментализму.

Великий воспитатель армии Суворов более века назад проводил эти

принципы в жизнь. «Пойте тише,— предупреждал он, разговаривая ночью с караульными, часто перебивая их речи, и, указывая на спящий лагерь, прибавлял: — Говорите тише, пусть спят витязи!»

Разумеется, речи караульных не могли потревожить спящих богатырей, но на следующий день весь лагерь знал, что сам Суворов говорил шепотом, чтобы не мешать спать людям. Любовь нижних чинов достигается общением с ними. Русский солдат любит, чтобы с ним говорили...

Офицер-воспитатель должен *стать старшим братом солдата.*

Не забывайте — братом, а не панибратом, так как иначе есть полное основание предполагать, что устойчивой, разумной дисциплине грозит опасность. Братство всегда являлось одним из прочных стимулов внутренней связи между начальником и подчиненным. Братья, братцы, други, родные — все эти слова давно вошли в плоть и кровь солдатскую и со времени появления вооруженной силы всегда были при постоянном обращении офицеров к нижним чинам...

«Братья и дружина» — обращались первые русские князья к своему войску. Братцы, ребята, други — обращаются к ним начальники ныне... Суворов для своих чудо-богатырей был всегда «батюшка». Но пусть офицер не забывает, что тот же батюшка писал про себя: «Я строг в удержании здоровья, истинного искусства, благонравия; милая солдатская строгость (т. е. милая солдатам, не противная), а за сим общее братство».(...)

VIII

Нравственное влияние офицера на подчиненных

...Приведу вам программу, которую основатель новой роли офицера Драгомиров много лет назад дал в ар-

мию, с течением времени она изменялась, расширялась, дополнялась и, наконец, вылилась в следующую форму.

Армии необходимы:

1) *Преданность Родине до самоотвержения*, это составляет долг по отношению к Родине. Русский народ, из среды которого взята главная масса нашей армии, издревле отличается преданностью к России... Таким образом, эти чувства уже свойственны новобранцам, и потому в этом отношении задача военного воспитания состоит лишь в укреплении их. Средством к этому служит торжественное приведение к присяге, объяснение ее значения и смысла; беседы с нижними чинами общего и военно-исторического характера...

Таков первый пункт программы военного воспитания, он — основной, краеугольный камень для создания настоящего воина-гражданина...

2) *Дисциплина*... Горе тем, которые думают, что дисциплина нужна только на военной службе, и жаль того народа, который ею не проникнут! Разница между гражданской и военной дисциплиной в силе напряжения, а не в духе или основе его...

Правда, что дисциплина в армии проявляется рельефнее, нарушение ее карается строже, но это может лишь воспитать человека, а не сломать его, подготавливая к гражданской дисциплине, которая будет ему нужна, когда он оставит строй и вернется домой...

Проводниками дисциплины служат: равномерность требований по службе, строгое различие проступков от упущений и сообразное со степенью вины наложение дисциплинарных взысканий и, наконец, нормальные отношения начальствующих лиц к солдатам...

3) *Вера в нерушимость* (святость) приказа. Нижнему чину ни на одну секунду не должно приходиться в го-

лову, что он может не исполнить приказания начальника. Вместе с тем ни на минуту же не упускайте из виду, что приказывать со смыслом может лишь тот, кто сам научился исполнять службу не по форме лишь, а по духу. Иначе будьте уверены, что ваше приказание нижние чины будут считать одной формальностью, и если исполнять их, то во всяком случае не от сердца. Исполнительность, личный пример во всем и везде — это устои, поддерживающие ваш служебный и нравственный авторитет; погиб он, погибли и все военно-воспитательные труды начальника.

4) *Храбрость* (решительность, неустрашимость)... Развитию храбрости до некоторой степени способствует наблюдение за тем, чтобы никто из солдат не впадал в состояние трусости, а если бы это и случилось, необходимо вывести его из этого состояния, отнюдь не запугивая.

5) *Решимость безропотно переносить труды, холод, голод и нужды солдатские.*

В каждом человеке есть запас скрытых сил, которые он проявляет в известные, трудные минуты его жизни и деятельности. Решимость переносить лишения зависит от сознания святости долга и приказания начальника.

Могучее средство — личный пример начальников, разделяющих тяжелые минуты с солдатом...

б) *Чувство взаимной выручки*, т. е. «сам погибай, а товарища выручай». Развитию его в мирное время способствуют: чувство принадлежности к данной войсковой части, воспоминания о совместных боевых трудах, чувство землячества...

Каждая войсковая часть имеет известные традиции, боевые и мирного времени. Они, так сказать, создают физиономию части, те каналы, по которым направляются поступки. В них отражается результат воспитания войск, а потому они подлежат ведению военной педагогики. <...>

...Приступая к развитию мозговой деятельности порученных вам нижних чинов, ни на минуту не упускайте главных оснований, завещанных армии М. И. Драгомировым: 1) *сообщать понемногу одну, много — две мысли*; 2) *избегать книжных слов*; 3) *при малейшей возможности прибегать к примеру, еще лучше, к показу*; 4) *брать из преподаваемого не все сплошь, а в порядке важности, применяя к солдатскому быту и службе.*

Теперь перейдем к тем средствам, которые находятся в распоряжении офицера для его умственного влияния на нижних чинов. Одно из них уже было указано — это *беседы с людьми...*

Следующее, более серьезное средство для умственного воздействия — это устройство чтений для нижних чинов. Опять мы стоим перед вопросом: на какие темы?.. Мы можем указать на следующие группы их:

а) *Темы военные и патриотические.* История полка, бригады, батальона, история города, провинции (приноравливаясь к тем местностям, откуда большинство молодых солдат); подвиги героизма на поле брани, внушенные преданностью к знамени и любовью к Родине.

б) *Темы гражданские.* Уважение к закону; обязанности каждого гражданина к Родине и первая из них — защищать ее; необходимое следствие этой обязанности — военная служба.

в) *Темы экономические.* Заметки о земледелии и промышленности края, очерки продуктов и богатства ими в России. Алкоголь и растлевающее его действие, необходимость борьбы с ним. Очерки элементарной гигиены и медицины домашней, приуроченные к солдатскому быту.

г) *Темы нравственные.* Уважение к военному мундиру, идеи, символ коих — знамя.

д) *Война*. Чем она была прежде, и какой она должна быть ныне?..

е) *Природа, ее явления и жизнь...*

Здесь набросана лишь схема будущей солдатской энциклопедии; каждая группа, разумеется, подлежит изменениям, дополнениям, сокращениям в зависимости от местных условий, контингента набора, времени и других данных...

Солдатская библиотека в ротах, эскадронах, сотнях, батареях имеет случайный характер, в большинстве хаотический в зависимости от личного вкуса и интересов командного элемента; во многих частях этих библиотек и совсем нет или они представляют какие-то жалкие остатки. Необходимо привести это дело в систему, и в этом отношении высшее начальство должно идти навстречу...

В руках армии ныне появилось новое средство, народившееся, как результат изменений взглядов на обучение и воспитание вооруженной силы. Это военно-периодическая печать и, главным образом, солдатские газеты, которые ныне издаются при многих округах и появляются одна за другой.

Эти органы печати могут принести большую пользу, давая нужный материал, логически и постепенно подбирая его, строго придерживаясь хотя бы указанных групп тем...

Рассмотрим организацию чтений.

Первое условие — добровольный лектор, а не по приказанию начальства... Среди офицеров не все обладают способностью быть лекторами. Нужен дар слова, хороший голос с богатой градацией тонов, нужны известные театральные приемы, нужна, словом, способность внушения, гипнотизирования слушателей. Естественно, что на такие роли не могут претендовать все, начиная с правого фланга.

Как часто приходится усиленно сдерживать зевоту, подавляя в себе до известной степени раздражение, когда слушаешь монотонный, сухой голос лектора, который, уткнувшись в книгу, извлекает из нее бесконечные

страницы, изредка возводя очи к небу... Час чтения миновал, а пользы — нуль. Другое дело лектор-доброволец. Он любит это дело, понимает его и способен к нему...

Другое, не менее важное условие — кратковременность чтения: 1/2, много 3/4 часа. Опытном установлено весьма прочно, что слушать большой промежуток времени тяжело, мозговая деятельность напрягается, люди устают и появляется признак рассеянности, характерные признаки коего шум, кашель, порой шепот и даже говор.

Третье условие, так сказать, декоративная часть чтения — иллюстрирование туманными картинками, просто картинками, приборами, предметами, взятыми из природы и пр. Чем больше этого материала, тем лучше. Глаза приковываются, смотрят, а мозг в это время делает краткую передышку и опять может работать.

Наконец, четвертое условие — подходящий язык для изложения. Нижним чинам нужно читать умело. Не подделывайтесь под народный язык — это требует большого искусства, и все шансы, что у вас будет много фальшивых нот, что на нижнего чина действует скверно. Избегайте лишь книжных слов, туманных, отвлеченных мыслей. Стройте фразы простые, короткие, избегайте длинных периодов...

Немного терпения, любви, и дело пойдет, лишь бы вы прониклись сознанием важности его...

Пусть же современный руководитель проникнется идеей, что *армия трудами тысяч офицеров-воспитателей должна обратиться в огромный дом нравственного и умственного развития и гигиены, оставаясь в то же время школой чести, доблести, дисциплины, здорового, надежного патриотизма*. Армия должна возратить народу своих детей, братьев, отцов, которых он доверчиво дал ей в полное распоряжение, хотя и временно. И люди эти должны вернуться к сохе лучшими, чем они были. Тогда внутренняя связь между армией и нацией будет надежна, прочна, будет неру-

шима, и ни одного тяжелого вздоха не раздастся в хате простолюдина, который благословит своего сына с облегченным сердцем на службу в армию, уверенный, что не зло, а семена добра принесет он с собой домой.

Это не идеальная теория, которая недостижима. Нет, это возможно выполнить, но при громадной духовной работе современных офицеров-воспитателей.

Оставьте же ваши возражения на недостаток времени, на непосильную работу и пр. Эти возражения слыш-

ком мелки, чтобы иметь за собой основания противодействовать апостольскому труду, который Родина требует от вас. Они служат лишь достаточно наглядным доказательством, что вам это подвижничество не по сердцу или вы не проникнуты сознанием возможности и необходимости принять участие в этом труде. Тогда снимите мундир, отойдите в сторону, не мешайте тем, кто с любовью и верой в успех начнет это великое дело!..

М. Галкин. «Новый путь современного офицера». М., 1906

К ПОЗНАНИЮ АРМИИ

Армия и общество не два мира, не два различных верования. Много лет назад, когда офицерская корпорация действительно была строго замкнутой кастой, а нижний чин служил под знаменами 25 лет, армия была обособлена, как бы отделена стеной от прочих слоев общества, но теперь этих условий налицо нет, стена рухнула. Армия все ближе и ближе подходит к народу, офицер постепенно близится к типу воина-гражданина. Разница в культуре, в образовании и воспитании офицера и гражданина былых времен существовала и была резко выражена, но за последние 40—50 лет, кто же станет отрицать, этого уже нет.

В армии былых времен, 25-летней срочной службы, простолюдин, оторванный от сохи, вступив в ряды, уже не возвращался к своей кормилице-земле как рабочая сила; прибыв на родину, он зачислялся в ряды состоящих на покое. Современный воин, отслуживший свой короткий трехлетний срок, вновь берется за плуг с тем, чтобы в годы военных бурь переменить его на ружье. Крестьянство для него — вся жизнь, казармы — эпизод, недолгий, не оставляющий яркого следа, рельефного отпечатка. Это коренное различие армии старого типа и армии современной. Эпоха рекрутских наборов изъела определенную связь крестьянской хаты и казармы,

необходимость ее не ощущалась. С первого дня всеобщей воинской повинности обстановка резко изменилась. Солдат к крестьянину предъявил известные обязанности, казарма и хата по пути единения духовной и материальной связи встретились, вошли в соприкосновение и далее уже не расставались или, по крайней мере, расставаться были не должны без ущерба боевой мощи армии. Как следующий этап развития воинской повинности, появились сокращенные сроки службы, т. е., другими словами, накопление запаса или подход, хотя и медленный, к народной армии. Естественно, что взаимоотношения пахаря и воина должны были выражаться все более и более в рельефной форме. То, над чем так долго работали в прежнее время в казарме, частью должно было перейти в деревню, в хату, в виде первоначальной подготовки будущих новобранцев. Подготовка эта должна была коснуться его тела, а там, где культура народа позволяла, коснулась и души. И чем мощь населения плодотворнее, тем армия нового типа была устойчивее, сохраняя в часы испытаний наивысшую нравственную стойкость. Вот тот эволюционный путь, по которому шла вооруженная Европа последнее пятидесятилетие.

Шла ли по тому же пути Россия? Не совсем, как мы увидим ниже.

Каковы взаимоотношения армии и интеллигентных слоев нашего общества? Последним не хватает познания своей армии. Они малоосведомлены о нашей вооруженной силе, мало ее знают; отсюда налицо равнодушие, а кому нужно — даже пренебрежение. Мало знаний, неоткуда появиться и уважению к армии; нет уважения, нет и не может быть и любви к ней. Лучшим доказательством отсутствия у интеллигенции познания армии служит работа нашей Государственной думы по военным вопросам, в особенности в первые годы ее существования. То, что пришлось слышать и читать по этому поводу, было настолько бледно, несодержательно и основано очень часто на таком, сомнительного достоинства, материале, что производило удручающее впечатление. В наших гражданских учебных заведениях до сего времени нет и помина о вооруженной силе государства, и громадное количество наших будущих граждан в этом отношении воспитывается в полном невежестве. О высших гражданских учебных заведениях и говорить не приходится; до армии ли тут и ее познания, когда еще не так давно политиканство играло столь выдающуюся роль? В итоге — нет работы на школьной скамье, нет и в общественных слоях. Минувшие юбилейные года: Полтавы, Отечественной войны, 300-летия Дома Романовых как будто дали толчок к познанию своей армии, конечно, в микроскопической дозе. Но миновали дни торжеств — и снова сон, глубокий сон. И это очень печально, это одно из данных, в силу которых много насущных вопросов бродит по России в ложном или тенденциозном освещении, не помогая разобраться в том, где же наконец правда, а, наоборот, чаще всего с известной целью затемняя ее. Если бы нашим будущим гражданам, хотя бы кратко, в конспективном изложении, были сообщаемы основы быта и службы армии, это много бы помогло пробудить их сознание, направить его в сторону чистого пат-

риотизма и национализма. Семена веры в свою армию упали бы не на бесплодную почву, а принесли бы с собой богатую жатву, в виде познания своей родной вооруженной силы, а отсюда один шаг до уважения ее и любви...

Причин отсутствия познания армии много. В России налицо огромные пространства, где можно не встретить ни одного воина; наоборот, целые районы с инородческим населением набиты войсками до отказа, а коренных русских интеллигентов там же минимальное количество (Привислинский край, Финляндия и пр.). Ясно, что инородец смотрит на нижнего чина, как на элемент совершенно чуждый, и не стремится интересоваться им. Обиднее всего, что на низах, в крестьянской хате, в большинстве семена уважения и любви к армии есть. Как часто на маневрах, зайдя в хату, встречаешь старослуживого; с какой любовью вспоминает он годы, проведенные в своем родном полку; он знает его, с воодушевлением перечисляет различные эпизоды службы, перечисляет бывшее начальство, осведомляется, где кто служит, и пр. и пр. Слушая его, чувствуешь, что духовная связь этой хаты с бывшей казармой не прервана, она чувствуется в каждом слове рассказчика, и невольно думается: ведь их здесь тысячи, толкните эту силу вперед, пусть они внизу явятся проповедниками по пути познания армии, пусть старики поют, а молодые слушают и, быть может, плоды могут быть зрелые, а главное — нужные нашей родной армии.

Широко повела Германия работу по познанию армии. В Германии нет уголка, где не блестела бы прусская каска. Немец-гражданин наизусть перечислит все полки пехоты, безошибочно укажет места их расквартирования. У нас же обыватель весьма часто путает артиллериста с пехотинцем, а любая барышня не отличает доктора от офицера Генерального штаба.

Уважение, которое питает немец к своей вооруженной силе, настолько велико, что его можно подметить в любой черточке ежедневного обихода. Возьмите любой путеводитель по Берлину, и в числе достопримечательностей обязательно поименовано: в 12 часов дня турист должен идти на главную гауптвахту и смотреть смену караула. На площади играет оркестр, тут же продаются открытки с видами казарм, военных эволюций и проч.

Несколько лет назад мне пришлось осмотреть поля сражения 1870—71 гг. в Эльзасе, и я был поражен. В любой табачной лавке можно было приобрести план и толковый путеводитель ближайшего поля сражения. Бывшие места сражений — ныне художественные музеи на вольном воздухе. Например, в окрестностях Меца поля буквально усеяны памятниками: армия поставила своим павшим воинам, корпуса своим, дивизии своим, полки своим. И памятники один лучше другого. И бродят немцы по полям с непокрытыми головами, в благоговейной тишине, отдавая должную дань тем, кто кровь свою отдал на алтарь отечества. Это ряд паломнических мест, куда со всей Германии стекаются на поклонение. В маленьких деревушках все к услугам туристов, удобные гостиницы, продовольствие, экипажи и везде бесчисленное количество открыток, альбомов, путеводителей, карт, планов и проч. И все это, разумеется, находит сбыт; иначе практичный немец не рисковал бы трудовой копеей...

Знаете ли вы, что германский морской журнал — узкоспециальный — насчитывает 150 000 подписчиков?

Пять лет назад во Фриденау (около Берлина) открывается грандиозная военно-морская колониальная выставка.

Ряд павильонов, разбросанных на обширном плацу, служит наглядным пособием для немца к познанию своей армии, убеждая его, что вооружен-

ная сила, численностью в миллион, имеет право на существование и тяжелое бремя, которое несет германский народ, принужденный содержать всю эту громаду штыков и сабель, печальная, но настоящая необходимость. Реальная сила армии здесь налично...

Питание солдатского мозга также не оставлено на выставке без должного внимания. Целый павильон занимают крупные книжные фирмы Германии; они демонстрируют солдатские газеты, журналы, календари для нижних чинов, сборники патристических и боевых песен, собранных по полкам, изящно изданных. Масса таблиц, рисунков, пособий к изучению военного дела. Немец с гордостью осматривает свои владения с полным убеждением, что армия делает свое дело и деньги даром не пропадают. Такова работа интеллигенции в Германии по вопросу о познании армии, в которой, как мы видим, энергичное участие принимает державный вождь армии и флота.

Спустимся вниз, посмотрим, как относятся к армии низшие слои. Приходилось ли вам бывать в Германии в период призыва новобранцев? Вы встречаете на улице молодого парня; шляпа его разукрашена национальными лентами, в петлице розетка из тех же цветов. Физиономия самодовольная, гордая, улыбающаяся. Это призванный: он вытянул жребий и ему объявлено, что он попал в ряды армии; он доволен и готов знакомым и незнакомым объявить о своем новом назначении. Его поздравляют, все угощают, стараясь оказать новому воину почет и уважение. Поистине завидная картина. В общем итоге сверху вниз и снизу вверх — у всех один девиз: любовь, уважение и почет своей родной армии. Познание вооруженной силы возведено в систему; она стройно зиждется на прочно выработанных жизненных началах. Да если бы этой системы, проведенной в жизнь, не было, разве офицерский корпус германской армии мог

занимать такое доминирующее положение, какое он в действительности занимает?

Во Франции под гнетом небывалого поражения 1870 года народ встрепенулся. Видя, что целостность и мощь государства тесно связаны с силой армии и флота, весь народ во всех слоях принял энергичное участие в возрождении военного могущества. Под впечатлением пережитой войны началась созидательная работа, и прежде всего общественным слоям понадобилось «познание армии», без чего труд был бы бесплоден. В начальных школах ученикам внушается значение идеи отечества, знамени, значение армии, необходимость дисциплины, формируются школьные батальоны с военной организацией, со своим вооружением, знаменем и оркестром музыки. Дело это из года в год развивалось и крепло. В следующей учебной инстанции — средней школе программа данных об армии еще шире: здесь целый курс. По мере сокращения сроков службы под знаменами изменяются и расширяются сведения по военному делу, преподаваемые в школах, и с того момента, как Франция перешла к 2-летнему сроку, в Париже тотчас же образовалась междуведомственная комиссия, которая неустанно работает над вопросами о правильной постановке во всех мужских учебных заведениях подготовительных воинских упражнений...

Несколько лет назад в некоторых городах Франции начали устраивать лекции на военные темы, читаемые офицерами в университетах; профессора немедленно откликнулись на это благое дело и прочли ряд сообщений по общим вопросам в военных собраниях. Эти лекции имеют тройную цель:

1) Сообщать и поддерживать интерес в студентах к военному делу и армии, где им придется служить солдатами или офицерами.

2) Расширить кругозор офицеров армии.

3) Разрушать отчужденность между воинами и гражданами.

В январе 1908 г. ректор университета в г. Лилле написал следующее письмо командиру первого корпуса:

«Подполковник Coquelin de Lisle сообщил мне о вашем желании организовать ряд лекций для студентов университета на военные темы, которые будут прочтены офицерами. Не сомневаясь в полном сочувствии, с которым студенты встретят подобное предложение, я убежден, что подобные лекции будут способствовать укреплению чувства долга по отношению к Франции и республике...»

Первая лекция была на тему: причины нашего поражения в 1870 году.

С той же целью в 1908 году в высшей школе социальных наук (Ecole des hautes etudes sociales) были организованы лекции на следующие темы:

Социальная роль офицера.

Современные сражения.

Военное могущество и демократия.

Современная армия и т. п.

Из этих даже кратких данных видно, что интеллигенция Франции, а равно и низы ее сделали много для познания своей армии...

О Японии я говорить не буду; странно доказывать, что «познание армии» составляет священную обязанность гражданина этой страны. Помните ли вы рассказ японского офицера, как он уходил на войну? Вот что сказал ему отец, подавая на прощание чашку саке: «Не заботься о том, что оставяешь дома; отдай все свои мысли святому делу, на которое идешь. Отец не боится потерять тебя... Умирая за родину, ты прибавишь новый цвет к нашему семейному дереву...»

И дальше описание, как провожал народ своих воинов на войну: «Всюду, где мы проходили, толпы народа, собиравшиеся на нашем пути, низко кланялись знамени и приветствовали его громкими криками. Часто, когда мы проходили вблизи селений, толпы детей высыпали нам навстречу и провожали нас криками и пением, а старые, сторбленные женщины протяги-

вали нам руки, перебирая четки, и громко молились за нас. Вы идете за всех нас, славные воины; великий Будда сохранит и направит вас...»

Этих штрихов вполне достаточно, чтобы уразуметь, что в Японии почет, уважение, любовь к своей родной армии достигли кульминационного пункта, которому можно лишь позавидовать.

Каков же итог моего краткого наброска? Германия, Франция, Австрия, Япония давно познали всю необходимость сближения воина и пахаря; они работают не покладая рук в этом направлении, идя навстречу новым условиям жизни современных армий. И с грустью приходится констатировать, что Россия идет в хвосте и даже не вступила на этот путь, который властно указала жизнь.

Пусть говорят, что русский по природе не раб меча, а раб сохи, что в крови его нет достаточной воинственности; пусть так, хотя с этим можно спорить долго и много. Но если даже признать эти печальные дефекты, то надо с ними бороться, и то, что трудно дается естественным путем, может с успехом быть добыто искусственными привычками.

В современные дни наша интеллигенция так много требует от армии, а что она дает взамен! Пренебрежение, равнодушие и, будем правдивы и скажем, порой — даже неприязнь. Спрос и предложение в этом отношении представляют неразрушимую пропорцию. Идеал сильной духом, мощной мозгом и телом армии может быть выражен формулой: «народ, отдавая своих сынов в армию железными, мечтает вернуть их обратно стальными». Идеал этот недостижим при тех отношениях, которые существуют между интеллигенцией и армией, при почти полном отсутствии «познания армии» со стороны всех общественных слоев. И одна из крупнейших и благороднейших задач лучших русских людей и заключается в устранении изложенных неблагоприятных данных.

Что же можно сделать в этом отношении? На первом плане должна быть работа семьи. Немыслимо продолжать вести первые шаги воспитания, так как это делает большинство матерей. Русская мать должна привить своему ребенку любовь к Родине; она должна показать сыну своему ясно и наглядно, что русский солдат не враг Родине, что трудами его создана современная географическая карта России, что много пота и крови ушло на собиранье земли русской, что русский героизм имеет за собой такие блестящие страницы, перед которыми умиляются и преклоняются со слезами уважения и любви. Раз в семье будут брошены такие семена, могучее дерево вырастить не трудно. К глубочайшему нашему несчастью, наши русские семьи в этом отношении далеки от идеала; под влиянием политического сумбура последних дней семья пошатнулась, появились признаки всеобщего отрицания и критицизма, и армия, та армия, которая стойка и могущественна, которая не дала расшатать громаду-Россию, та армия главным образом и подверглась порицанию. Я не проповедаю всеобщей милитаризации, прекрасно сознавая, что мы не римляне древнего мира и не японцы современной эпохи, но нужно признать, что работа над детьми в семье, в смысле познания армии, уважения, любви к ней, дает в настоящее время не положительные, а отрицательные результаты. И так дальше продолжаться не может, если мы хотим действительной, а не призрачной мощи нашей Родины.

Обратили ли вы внимание на детскую литературу последних дней, на бесчисленное количество книг, брошюр, детских журналов, которые в последние годы книжный рынок выбросил для продажи? Появился целый ряд деятелей, поставивших себе задачей: фальсификацию детской души и систематическое направление детского мозга к отрицанию, дискредитированию всего дорогого, святого.

Над чем прежде молились, теперь отвергают...

Держали ли вы когда-нибудь в руках учебники русской истории, по которым ребенок изучает свою Родину? Как далеки они от национальной чистоты. Уступая необходимости, под давлением чуть ли не крайних репрессий, отводят они несколько страниц памяти героев-воинов, далекие от мысли, чтобы образы их глубоко запали в душу ребенка и пробудили в нем зачатки инстинктивной любви, от которой так недалеко до сознательной. В таких ужасных для страны, ненормальных условиях растет дитя, пока не наступит время пересадить его на школьную скамью.

Здесь картина еще безотраднее: ни одного зерна, ни одного слова о том, что такое армия, каковы ее задачи, что она сделала на благо Родины, кого числить в рядах своих из тех, которые достойны вечной памяти и благодарности потомков, и т. д. И растет школьник, из года в год переходя в следующий класс, в абсолютном невежестве о том, что составляет один из краеугольных камней того фундамента, на котором выросла и окрепла Великая Россия. Откуда же взяться любви, уважению к армии, когда познание ее отсутствует? И в то время, когда вся Европа вот уже многие годы сознала, что надо всеми силами и средствами идти навстречу армии, в то время, как Германия, Франция, Австрия, Япония работают в этом направлении, мы остаемся инертными, равнодушными; мы не хотим верить, что придет время, когда за этот пробел быть может придется горько поплатиться. Школьника постепенно вводят в цикл всевозможных наук естественных, технических, прикладных, математических и пр. Сказал ли ему кто-нибудь, что все эти науки есть в армии, что нет такого отдела, который не нашел бы применения в такой громаде, какой является миллионная армия? Был ли наш школьник средних учебных заведений когда-нибудь на военном заводе, по-

сетил ли он музеи, где наглядно собрана вся удивительная работа вооруженной силы за многие столетия? Видели ли вы школьников на маневрах когда-нибудь? Нет, нет и нет. Откуда же после того взяться «познанию армии», когда вся система воспитания и образования этому не помогает, а препятствует.

А ведь это все будущие граждане, которые, в силу всеобщей воинской повинности, станут со временем в ружье. И тут-то для них открывается новая жизнь. И с удивлением смотрит юноша на все, что происходит перед его глазами в армии. Все чуждо, все незнакомо, все поражает деловитостью, правильной организацией; его удивляют чудеса военной техники, и начинает он понимать, что эта громада законна и имеет право на существование, что народные деньги вложены в громадное предприятие, проценты с которого видны на современной географической карте России...

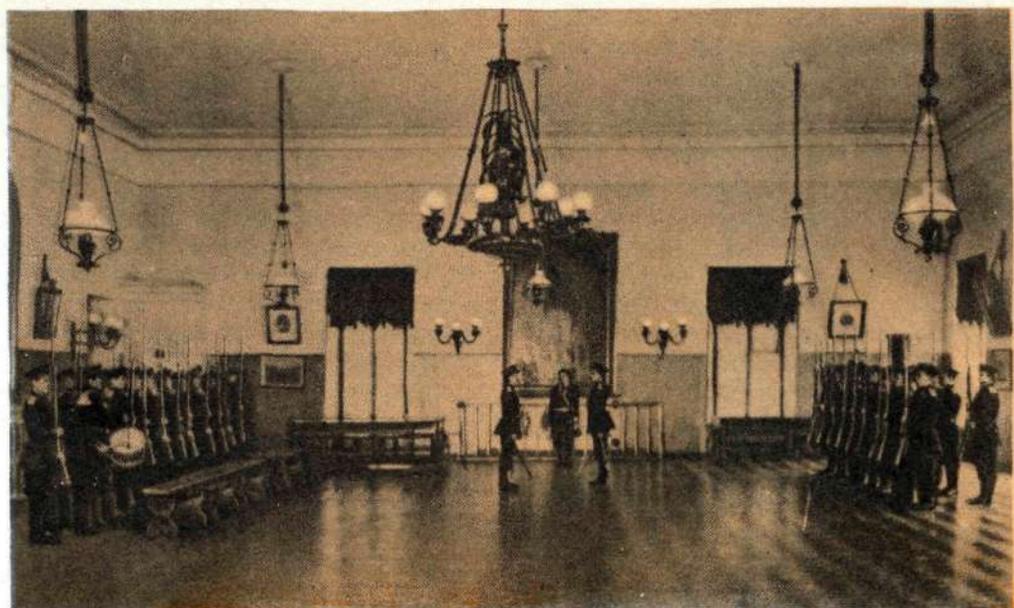
Посмотрим, что делается в высших учебных заведениях. Вы когда-нибудь слышали, чтобы люди, стоящие во главе того или иного высшего учебного заведения, были озабочены, чтобы студенты хотя бы в кратких чертах были ознакомлены с сущностью военного дела? Читал ли им хоть кто-нибудь лекции на темы: 1) Причины поражений в Русско-японскую войну. 2) Техника XX века в армии. 3) Современные армии и пр. и пр.? Нет, они изучают свою специальность, не подозревая, что тут же рядом с ними живет и работает огромный организм. Что же после того удивляться, что ходячее мнение об армии в обществе: *«они там занимаются шагистикой и ружистикой»* — и больше ничего. Грустное и безотрадное явление. А как просто помочь этому делу! В каждом городе, где имеются учебные заведения различных категорий, налицо гарнизон, среди которого всегда найдется несколько человек, которые охотно пойдут навстречу, помогут делу познания вооруженной силы. Что кроме пользы можно ожидать от это-

Увольнение в отпуск из военного училища

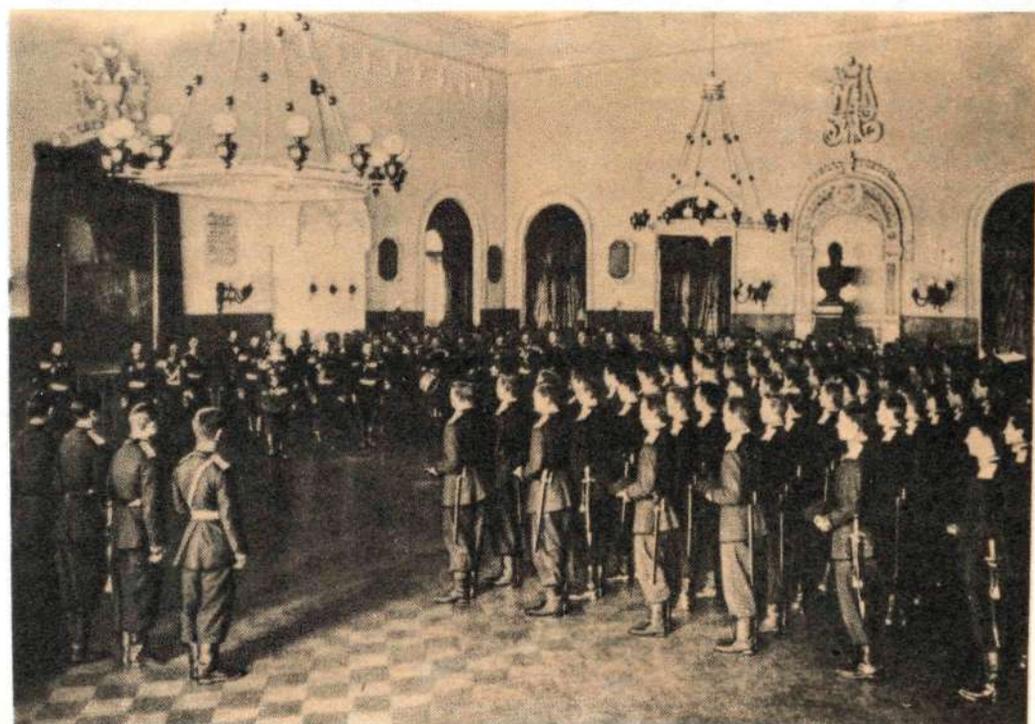
Торжественный молебен в Михайловском артиллерийском училище

Смена караула

Торжественная церемония в актовом зале училища

го? Для проведения этого в жизнь нужен толчок сверху. В последние десять лет у нас стал функционировать ряд обществ, которым в деле познания армии придется сыграть видную роль, а именно: 1) Императорское военно-историческое общество, 2) Общество охранения памятников старины, 3) Бородинское, 4) Общество в память Отечественной войны 1812 года, 5) Скобелевский комитет, 6) Общество ревнителей военных знаний и др. Появление их не случайное; они явились как непосредственный результат отсутствия познания вооруженных сил со стороны общественных слоев. Почти все из перечисленных организаций находятся в руках представителей армии и высших чинов военной администрации. Оберегая святую старину, популяризируя не только страницы общей истории, они естественно затрагивают и военное дело, облегчая ознакомление с ним. Насчитывая в своих рядах многих выдающихся писателей, ученых, лекторов, они тем самым составляют надежный кадр, который плодотворно и многообразно мог бы быть использован как сила, способная сдвинуть с места инертность нашей интеллигенции по отношению к армии; они могут помочь разрушить эту стену, которая ныне отделяет армию от общества. Имея отделы и подотделы во многих городах и местечках, общества эти мало-помалу окутывают Россию сетью тех учреждений, которые могут, должны, а главное, хотят идти навстречу делу «познания армии». Пусть организация многих еще несовершенна; пусть числят они в своей организации кое-какие недочеты: это не беда; время и опыт сгладит эти дефекты. Но все же сила их большая и пользу они могут принести огромную, лишь бы в уставах этих обществ

красной нитью было проведено: «ознакомление широких слоев с родной армией». Пройдут года, и быть может, совокупность труда всех этих организаций даст плодотворные результаты и осветит то, что ныне пребывает во мраке...

Я ни одним словом не обмолвился о подготовке молодежи к военной службе, потому что считаю, что пока в сознании каждого, стоящего наверху и внизу, безразлично на какой ступени общественного служения, не будет ясного, точного, любовного отношения к своему русскому штыку, до тех пор вопрос о предварительной подготовке молодежи к военной службе будет висеть на воздухе, так как ему не на чем базироваться.

Пусть вспомнят несочувствующие этой заметке, что государство, как вообще всякое духовное единство, предполагает гармонию и равновесие всех сторон душевной деятельности — воли, чувства и познания.

Роль государственного разума выполняют законодатели или правители. Чувственным вожеланиям в человеке соответствует в обществе класс людей, занятых производством всякого рода благ и обязанных руководствоваться идеалом сдержанности и умеренности. Наконец, волевою энергию государства представляет особый класс государственных стражей, защитников и охранителей, то есть другими словами — армия. Там, где равновесие между мозгом, волею и чувством нарушено, там государство идет не вперед, а назад. Волевая энергия государства, т. е. армия, для многих общественных слоев еще темна; нет ее должного «познания», над которым можно, должно и нужно неустанно трудиться...

БОНЧ-БРУЕВИЧ

ПАМЯТИ М. И. ДРАГОМИРОВА

...Через все военно-научные труды Михаил Иванович всегда проводил одну и ту же мысль, что в военном деле, скорее волевым, чем умовом, на первом месте стоял, стоит и будет стоять человек. Исходя отсюда, он требовал, чтобы в основе каждого военного предприятия всегда лежала осведомленность о состоянии этого главного элемента, чтобы дальнейший путь развития военного искусства проистекал из усовершенствования человека-воина. Признавая могучее влияние техники, он отводил ей второе место.

Основным вопросом воспитания и образования солдата он ставил требование — *«обратить новобранца в солдата, т. е. специализировать его, не ломая в нем человека».*

До русско-японской войны наша армия была далека от проведения в жизнь этого требования; только кое-где, как оазис в пустыне, проявлялось живое отношение к живому делу; в большинстве случаев наша система воспитания и обучения нижних чинов не была согласована со свойствами человека и едва ли способствова-

ла их желательному усовершенствованию; служба офицеров, как будто нарочито, была направлена к тому, чтобы по мере продолжения ее офицер все более и более терял связь с истинным военным делом. Господа, отыскивающие причины наших неудач минувшей войны в несовершенствах строев и боевых порядков, в плохой разведке, в неумелости начальников и т. п., правы лишь в ничтожной степени: все это было бы у нас благополучно, если бы мы своевременно попробовали дать себе отчет в качествах живой силы, составившей армию от мала до велика...

Суровый рок отнял у нас Драгомирова, но не отнять ему того, что выразил он при жизни во многих уже напечатанных трудах. Эти труды, в их общей сложности, вполне законченны, определены, они могли бы послужить основой в деле дальнейшего рационального усовершенствования нашей армии и всего военного дела.

Так повремените же с оценкой Драгомирова; вслед за оценкой, обыкновенно, следует забвение: подведут итоги и забудут; а между тем для

БОНЧ-БРУЕВИЧ Михаил Дмитриевич — генерал-лейтенант. Окончил академию Генерального штаба и был оставлен в академии на преподавательскую работу. Вел большую научную работу, разрабатывал вместе с генералом М. И. Драгомировым Устав русской армии 1900 г., подготовил к переизданию «Учебник тактики» Драгомирова. Участник первой мировой войны. В 1915—1916 гг. — начальник штаба Северного фронта, а в августе—сентябре 1917 г. — главнокомандующий этим фронтом. Одним из первых генералов старой армии перешел на сторону Советской власти. С ноября 1917 г. — начальник штаба верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко. В 1918—1919 гг. — военный руководитель Высшего военного совета, начальник Полевого штаба РСФСР Республики. Являлся автором и создателем «завесы», сыгравшей большую роль в защите Петрограда и привлечении офицеров и генералов старой армии в Красную Армию. После войны вел научную и преподавательскую работу, имеет труды по тактике и военной истории.

пользы армии и Родины необходимо, чтобы его подлинные взгляды сделали общим достоянием и послужили бы основой к славе родного оружия. Займемся лучше изучением его тру-

дов; по мере сил и способностей продолжим его взгляды — помимо пользы делу, это будет лучшею памятью и оценкой незабвенного Михаила Ивановича...

УЧЕБНИК ТАКТИКИ М. И. ДРАГОМИРОВА

...Попробуем, для памяти о Михаиле Ивановиче, напомнить хотя о некоторых его идеях, к которым почти все были нечувствительны во время его жизни и которые теперь, после его кончины, начинают завоевывать себе неоспоримое господство.

Михаил Иванович давным-давно и неоднократно выражал ту мысль, что *«при современных условиях службы солдата — сформировать его может только офицер, конечно, при помощи унтер-офицеров и учителей, которых сформирует он сам же в предшествующие годы, и будут они ему помощниками в такой же степени, в какой он приложил к ним свою работу — добросовестно, настойчиво, толково»*. В развитие этой идеи, между прочим, он требует от офицеров внимания к малейшим нуждам солдата. По этому поводу он высказал, обращаясь к офицерам: *«...малейший знак внимания с вашей стороны отблагодарится сторицею»*.

Не менее знаменательны и другие слова М. И., обращенные также к офицерам: *«Не пропускайте случайных встреч с людьми, вам вверенными, не спросив их о чем-нибудь или не сказав с ними два, три слова. Не говоря о том, что этим вы приобщаете солдата к великому воинскому братству,— это, вместе с тем, самый действительный путь к его развитию. Нельзя себе представить, до какой степени солдат это понимает. Люди, с которыми вы дадите себе труд так поработать, будут вашими в самые трудные минуты военной жизни и — не выдадут»*.

По мнению М. И., всегда было, что офицер должен быть близок к солдату не только как его учитель и воспитатель, но и в деле разделения с ним

тягостей службы. Он выразил это мнение в одном из своих трудов следующим трогательным обращением к офицерам: *«Дорогие товарищи, молодые господа офицеры, делите с солдатом труды и лишения в мирное время, когда служба вас сталкивает вместе, если хотите, чтобы он был сердцем и душою вашим в военное: солдат не щадит себя для того офицера, который сам себя не щадит на службе. И тогда только самоотвержение солдата установится безграничным»*.

Все эти идеи настойчиво проводились М. И.; но они встречали столь сильное противодействие сначала со стороны приверженцев «муштры во что бы то ни стало», а затем со стороны «офицера-барина», что голос М. И. оставался гласом вопиющего в пустыне; в то же время усердные не по разуму подражатели этих поистине глубоких и передовых идей, основанных на глубоком понимании психологии русского солдата, своими дикими требованиями, якобы в «драгомировском» духе, отвращали многих от истинного понимания идей М. И. Находилось много таких лиц, которые бранили, на чем свет стоит, Драгомирова, подчас даже не будучи знакомыми с его идеями, а только лишь подслушавши вой озлобленных его толковых и бестолковых критиков.

Но вот теперь француз Дюрьи заговорил о том, что так настойчиво отстаивал М. Драгомиров. Труды французца удостоились перевода на русский язык и приняты к сведению в деле воспитания русского солдата. Что и говорить, идеи Дюрьи весьма, весьма почтенны, но в применении к воспитанию русской армии — это не более, как детский лепет...

И как же тут не удивляться тому факту, что идеи, глубоко продуманные русским воином, проникают в жизнь русской армии посредством книжечки французского писателя. Тернистый, странный путь! Но память о М. И. этим, как кажется, ничуть не унижается, потому что все же — *его идея торжествует*.

Припомним и другое, что также установил и выразил покойный М. И. относительно задач военного воспитания. Он вполне определенно высказал, что основной вопрос в этом деле, *«как новобранца обратить в солдата, т. е. специализировать, не ломая в нем человека»*. Развивая эту идею, М. И., между прочим, требует: «в обращении с солдатом не унижать его, а тем более не драться».

Успех в достижении основной, вышеприведенной задачи военного воспитания М. И. видит в таком содержании солдата, которое не истомляет и не надрыгает его физических сил. Исходя отсюда, он советует: кормить солдата по-людски; не изводить на бестолковой работе; в работу втягивать исподволь.

В свое время эта проповедь была воспринята как указание распушенности, о которой и не помышлял М. И.

ГРАМОТНОСТЬ В АРМИИ

...Набранная и даже организованная масса — толпа, а не войско, если она не воспитана и не образована в военном отношении. Воспитание важнее образования, потому что военное дело в значительной степени более дело волевое, нежели умовое. Не зная на сложность природы современного боя, значение воспитания и теперь осталось все-таки первенствующим, так как усовершенствованные способы и средства ведения войны, для применения их и для сопротивления им, требуют от воина большего нравственного напряжения, чем прежде, более простые.

Представьте себе, для примера, со-

и которая была совсем чужда его нравственному облику. Припомните, кто только может, ведь наряду с этими вполне естественными требованиями он предъявлял и другие требования, обеспечивающие рациональную деятельность армии даже в самые тяжелые минуты. Например, он требовал от офицера преданности Родине до самоотвержения, дисциплины, преданности и любви к военному делу; умения держать себя по отношению к солдату и, наконец, он требовал законности отношений, т. е. такого уважения к закону, при котором он, т. е. закон, становится выше личности каждого из служащих. От всех начальников он ждал *«настойчивой постановки требований и непрерывного наблюдения за их исполнением»*.

И вот именно эти-то идеи, глубоко продуманные и всесторонне обоснованные, были сбиты на манер проповеди о *«преступном разгильдяйстве»*; а все те же усердные не по разуму подражатели М. И. и неугомонные критики в конце концов провозгласили: *«Драгомиров развращал войска»*. Не развращал он их, а скорбел своею чуткою душою о том, что не удастся ему спасти их от неминуемого развращения...

временную усовершенствованную скорострельную артиллерию; пусть ее офицеры искусны в стрельбе, а солдаты этой артиллерии прекрасно обучены действиям при орудиях, значение такой артиллерии все-таки будет ничтожно, если ее прислуга не выдержит впечатления разрывающихся над ее головами снарядов противника и побросает свои отличные орудия... Способность же выдерживать впечатление неприятельского огня во многом зависит от качества военного воспитания...

В критические минуты войны, когда именно и решаются вопросы: «победа» или «поражение», значение нрав-

ственной энергии рельефно выдвигается на первое место.

Итак, важнейшим элементом в военном деле оказывается человек; важнейшим свойством человека — его нравственная энергия, обрабатываемая и развиваемая военным воспитанием.

Основной задачей военного воспитания служит вопрос: как новобранца обратить в солдата, т. е. специализировать его, не ломая в нем человека; иначе говоря, эта задача состоит в решении вопроса: как поступать, чтобы не только не подорвать, но, напротив, развить и укрепить нравственную энергию человека-солдата. Такого рода задача составляет основу дела воспитания; ее значение неизмеримо выше значения грамотности. Выдвигая в деле подготовки армии в мирное время эту последнюю на первое место, при безграмотности наших народных масс и современных коротких сроках службы солдата под знаменами, удаляют первую на неподходящее для нее место.

Грамотой и ее производными, при только что отмеченных условиях, не

удастся победить противника, а при отсутствии развитой нравственной энергии каждая армия, наверное, будет бита.

Нравственная энергия, развитая и укрепленная, нужна солдату для одержания победы над противником; победа будет, до известной степени, в руках той армии, в которой солдаты проникнуты решимостью добыть ее, хотя бы ценою собственной гибели, ибо *«тот только может победить, т. е. погубить противника, кто сам способен решиться победить или умереть»*. Решимость на собственную гибель опять-таки в значительной степени зависит от качеств воспитания солдата. Между тем опыты из жизни армии доказывают, что при прочих равных условиях грамотный солдат все не оказывается более самоотверженным, т. е. более способным решиться на гибель.

Таким образом, самое важное в деле военного воспитания — это то, чтобы нравственная энергия солдата была развита до степени готовности — хоть и самому погибнуть, но лишь бы погубить противника...

О ПОДГОТОВКЕ ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА АРМИИ

У дела подготовки офицерского состава армии стоит широко развитое особое военно-учебное ведомство, располагающее всякого рода средствами в полном изобилии.

Совершенно ясно, что задача этого ведомства вообще и каждого военного и юнкерского училища в частности, во-первых, подготовить офицера к боевому делу в соответствии с природой современного боя, дабы офицер на войне оказался толковым и полезным начальником, и, во-вторых, подготовить офицера в военно-педагогическом отношении, дабы он мог выработаться в умелого воспитателя и учителя солдата.

Обе эти задачи сами по себе не остаются неподвижными: они видоизменяются с изменением природы самого боя и тех условий, среди кото-

рых протекает военно-педагогическое дело в армии.

Первая, т. е. природа боя, в настоящее время, как показал опыт минувшей войны, усложнилась до небывалых размеров. Ныне сделалось вполне невозможным изучение в мирное время сложного явления «бой» в его целом, поэтому приходится вместо целого изучать только те простые приемы, из сочетания которых слагается это сложное явление. Такого рода метод изучения усложнил дело и потребовал более сложного образа мышления для уяснения себе в мирное время того, что нужно для военного. Само собою очевидно, что военная школа, по существу дела, должна принять во внимание факт усложнения природы современного боя, изменив свои программы, методы преподавания и

учебники постольку, поскольку это необходимо для равновесия школы с действительной жизнью.

Вторая, т. е. те условия, среди которых протекает военно-педагогическое дело в армии, в настоящее время также приняли особый характер. Важнейшим обстоятельством в деле такой перемены является сокращение сроков службы нижних чинов армии до небывалых пределов.

Дело в том, что при современных коротких сроках службы воспитать и обучить солдата в состоянии только офицер, а не унтер-офицер, да и то только тогда, когда он будет вести это дело по строго обдуманной программе, когда сам он будет в достаточной степени подготовлен к этому трудному делу, когда, наконец, ни одна неделя из службы солдата не будет затрачена зря...

Совершенно очевидно, что и в этом деле военная школа должна пойти навстречу жизни. Она должна включить в свои программы и методы преподавания, т. е. не только то, что нужно офицеру, как начальнику, но и то, что составляет основу его военно-педагогической деятельности в армии.

Правда, потребовать от военной школы, чтобы она создала вполне законченного воспитателя и учителя солдата, было бы несправедливо, потому что на это в военной школе, попросту говоря, также не хватило бы времени; но в одинаковой степени было бы неосновательно вовсе снять с военной школы заботу об этой подготовке.

Вполне законченного воспитателя и учителя солдата в офицере вырабатывает его дальнейшая служба в армии, если только она будет протекать под разумным руководством и надзором соответственно развитых и выработанных начальников.

Таким образом, для равновесия с действительной жизнью военная школа должна принять во внимание факт усложнения природы современного боя и ту новую роль современного офицера, которая вызвана к жизни

сокращением срока службы нижних чинов под знаменами.

В соответствии с этими данными военная школа должна выработать и учебники тактики, потому что именно эта отрасль военных знаний ведает делом боевой подготовки войск и оснований военной педагогики.

Покойный воспитатель и учитель русской армии М. И. Драгомиров оставил после себя прочную память для военной школы в виде своего учебника тактики, переработанного и уравновешенного с усложнившейся природой современного боя и с новыми требованиями военно-педагогического дела. Этот учебник вышел из печати год спустя после смерти его составителя, потому что несколько затянулось дело его издания. Однако по какому-то странному недоразумению часто приходится слышать, что учебник Драгомирова слишком труден для учащихся, но, как оказывается, не тем он труден, что изложен непонятным языком, а тем, что включает слишком трудные идеи, методы и рассуждения.

После таких сетований невольно приходится спросить: да неужели может считаться основательным требование излагать в учебнике только то, что может быть легко доступным для учащихся, а не то, что требуется действительной жизнью и природою вещей?

Неужели основательнее упростить в данном случае учебник тактики Драгомирова, а не принять меры к тому, чтобы средняя школа озабочилась развитием способностей своих воспитанников до той степени, которая ответственности бы возможности воспринимать даже и сложные идеи курса, введенные в него не ради искусственного усложнения, а под влиянием стремления и необходимости согласовать преподаваемое в школе с тем, что требуется неумолимою действительностью?

Над этим-то простым вопросом, как кажется, пора было бы и призадуматься...

I

...Не зная доподлинно основных взглядов Михаила Ивановича, нельзя судить его деятельность, поэтому считаем необходимым привести те из них, которыми обуславливалась интересующая нас сторона его воспитательной работы над войсками.

1) М. И. в вопросе воспитательного воздействия резко разделял всю армию на две группы: нижние чины и начальники (офицеры, генералы).

Первые, т. е. нижние чины, по его убеждению, составляют ту массу, непосредственными усилиями которой достигается решение боевых задач; это, так сказать, сила непосредственная, действительная.

Вторые, т. е. начальники, сила, направляющая войсковую массу к полезной работе.

По убеждению Драгомирова, начальники всех степеней должны стоять близко к массе нижних чинов; они должны знать ее природу — нравственную и физическую, они должны иметь мощное влияние на эту массу и отдельные группы, ее составляющие. Для всего этого каждый начальник, как бы высоко он ни стоял, должен иметь непосредственное общение с серой массой, составляющей подчиненную ему группу. Дело общения с массой нижних чинов в видах воспитательного воздействия Драгомиров резко отличает от способов управления массами в бою и в мирное время: требуя непосредственного общения начальников с массами ради воспитательного воздействия, он не допускал и мысли об отдании приказаний массе непосредственно, т. е. не в порядке подчиненности, определяемой иерархической лестницей...

Драгомиров, действуя на массу непосредственно, являл собою учительный пример для всех начальников, которые, однако, его примеру не последовали, остались вдалеке от серой массы и довели дело до того,

что ни они не знали подчиненной им массы, ни масса их...

Ничего этого не было бы, если бы наши начальники усвоили себе, что между передачей приказаний в порядке подчиненности и воспитательным воздействием на массу — огромная разница; что, передавая приказания в порядке подчиненности, необходимо в вопросах воспитания соприкасаться с войсками непосредственно; ничего того, что случилось, не случилось бы, если бы ради воспитательного воздействия наши начальники, не занимаясь местничеством, по драгомировски, т. е. от души, стремились бы, все без исключения, к сближению с той серой массой, напряжению сил которой полководцы всегда бывали и всегда будут обязаны победой...

Драгомиров требовал от начальников умения разбираться в проступках нижних чинов со служебной точки зрения и в соответствии с проступками налагать дисциплинарные взыскания...

М. Драгомиров пишет: «практика показывает всю необходимость этого разграничения (между главными и второстепенными *служебными* обязанностями), не только в видах соблюдения справедливости, но и для пользы службы, дабы солдат понимал ясно, что непорядочно одеться или упустить отдать честь совсем не одно и то же, что, например, не исполнить *служебного* приказания или заснуть на часах. Солдат, не исполняющий первого, — груб, мужиковат, но еще не преступен; нельзя его гладить за это по головке, но не за что также и казнить; солдат, позволивший себе заснуть на часах, должен быть беспощадно наказан».

Противники Драгомирова полагают, что солдат, подчиняющийся начальнику не за совесть, а за страх наказания или даже за возможность избияния, — дисциплинированный солдат. По Драгомирову всегда было,

что это автомат, мало пригодный к бою в сомкнутой массе и совершенно не подходящий к той дисциплине поля сражения, которая вызвана к жизни природой современного боя...

М. Драгомиров пишет: «нравственное воспитание требует того же, что и физическое, т. е., если хотите, чтобы известный орган развивался, вы делаете им такие упражнения, которые усиливают мускулы органа. Если вы хотите, чтобы офицер и солдат были возможно более способны приводить себя в известное нравственное настроение, старайтесь обставить их таким образом, чтобы это настроение возникало в их душе, по возможности, чаще. Наоборот, должно избегать возбуждения тех настроений, которые противны назначению воина. А что в военном может быть презрительнее страха, который парализует ум и волю? Следовательно, воин должен быть веден так, чтобы чувство страха возникало в его душе, по возможности, реже, ибо кто приучен бессознательно бояться своего, тот уже тем самым в известной мере приучен бояться и неприятеля. Уже из этого видно, что нравственное воспитание и солдата, и офицера коренится в характере отношений его к старшим: чем менее они дают места безответному страху, тем лучше».

Таким образом, Драгомиров стремился фактически вырвать нижнего чина из произвола личности начальника и передать его в устойчивое и могучее влияние закона, для всех равного, ко всем одинаково строгого.

Драгомиров учил, что там, где солдат уверен, что, если он сделал свое дело, его пальцем никто не имеет права тронуть, чувство бессознательного страха развиваться не может; там, где этой уверенности нет, такой страх развивается. Что же может дать эту уверенность? Ее может дать только такое положение, при котором солдат знает всегда наперед, что он должен делать и чего с ним не должны делать; ее может дать такая система, при которой произвол, как со сторо-

ны старшего, так и со стороны младшего, одинаково являются преступлениями; такая система, при которой закон становится выше личности каждого из служащих. Это неизбежное условие нравственного воспитания и начальников, и подчиненных; без него чувство долга выработаться не может, ибо последнее возникает там только, где человек из практики видит, что закон, обязывая его, в то же время обеспечивает от неправых посягательств. При таком значении закона его заинтересован исполнять всякий.

Вот именно на эту дорогу преобладания закона над произволом и стремился вытянуть нашу армию забывенный ее учитель...

II

...Одновременно с воспитанием и обучением серой массы необходимо было непрерывно воспитывать и до известной степени обучать самих начальников, не считая их подготовку законченной. Меры воспитательного воздействия на начальников применялись самые разнообразные: всем стоявшим у дела еще памятно, как М. И. собирал молодых офицеров на вокзалах при своих поездках и спрашивал у них уставы; как он задавал задачи в поле ротным, эскадронным командирам и младшим офицерам во время объездов войск округа; незадолго до смерти он высказал нам, что ему не удалось еще проверить и наладить работу отделенных командиров с их отделениями, и тут же распорядился, чтобы в перерабатываемом учебнике тактики было написано: «господа строевые начальники, попробуйте, производя смотр какой-либо войсковой части, начать проверку с отделений: если вы увидите, что отделения слажены, свободно маневрируют, и если их командиры справляются с ними, в большинстве случаев вы найдете, что и вся часть в строевом образовании — в порядке. Если часть учится слабо, ищите этому причину в недостаточной слаженности

отделений, следовательно, и в недостаточной работе над ними».

В общем, воспитательное воздействие на начальников состояло главным образом в контроле их деятельности и работы над самоусовершенствованием.

Результатом такой постановки дела явилось то, что каждый, даже младший офицер, знал и чувствовал, что войсками округа командует Михаил Иванович Драгомиров, что этот самый Драгомиров рано или поздно, но нагрянет и, не удовлетворившись показною стороною дела, вывернет наизнанку и всю часть, и многих начальников от старшего до младшего.

Всякий знал, что Драгомирова внешним лоском не удовлетворить, что он непременно постарается обнаружить качества начальника в его действительной работе в поле, т. е. во главе управляемой им войсковой части; иными словами, постарается обнаружить на людях, т. е. при подчиненных и при начальниках, как достоинства, так и недостатки поверяемого начальника.

По нашему убеждению, иного контроля и быть не может в том случае, если желают добиться проверки не смотровых, а боевых качеств начальника. Такого рода проверка даст решительные результаты, и ее результаты надолго засядут в ум и сердце поверяемого.

От Драгомирова нельзя было отделаться показною стороною дела, полужазами, смотровою напыщенностью; ему подавая суть дела, он хозяин смотра, он непременно проверит и корпусного командира, и младшего офицера.

«Кому много дано, с того много и спросится», — рассуждал по этому поводу Михаил Иванович и в силу такого рассуждения устраивал проверку тем строже и полнее, чем старше был поверяемый начальник...

Здесь-то и происходило то, с чем никак не могли свыкнуться господа начальники. Многим из них всегда

казалось, что качества их подготовки — вне подозрения, а по Драгомирову всегда было, что это далеко не обстоит так благополучно.

К тому же начальники, особенно из тех, кто постарше, зачастую забирались на такую высоту в своей чрезмерной авторитетности, пышности окружающей их обстановки и вообще в наклонности к разыгрыванию из себя каких-то сатрапов, что лететь с этой высоты вниз под мощным напором громогласной критики и подавляющей простоты в обращении со стороны Драгомирова — было им куда как неприятно...

Ошибочно полагают, что, роняя воображаемый авторитет к делу непригодных начальников, тем самым подрывают авторитет всех вообще начальников. Если бы хорошенечко прислушались к тому, что говорится в солдатской среде, то сразу поняли бы, что солдат отлично разбирается в том, кто такое, например, начальник дивизии А и кто такое Б. Если А на своем месте, то как бы его ни разносил старший начальник, всегда во мнении массы солдат А будет желательным начальником; с уверенностью можно высказать, что солдаты посочувствуют начальнику и даже сознают, что, до некоторой степени, они сами виноваты в том, что их начальника не похвалили. Если начальник не на месте, то хоть и расхвали его старший начальник, все же его действительный авторитет в серой массе будет ничтожен и подчинение этой массы такому начальнику будет только внешним, и лишь до поры до времени...

Драгомиров был человек живого дела; на первом плане он ставил в военном деле человека с его нравственной энергией; в его совершенстве он видел главным образом залог совершенства армии и военного дела, поэтому он прежде всего требовал авторитета личности начальника и в степени совершенства этой личности видел обеспечение способности армии к победе. Отвлеченности в прак-

тическом деле он, по справедливости, ограничивал до возможного минимума.

В заключение этих кратких очерков, касающихся трех главнейших нареканий, возведенных на блестящую и высокополезную деятельность М. И. Драгомирова в армии, считаем необходимым перечислить основные положения его военно-воспитательной школы, которая, к нашему убеждению, только и приложима к подготовке русской армии...

А. Требования по отношению к солдату.

1) Преданность Родине до самоотвержения.

2) Дисциплина.

3) Вера в нерушимость (святость) приказа.

4) Храбрость, решительность.

5) Решимость безропотно переносить труды, холод, голод и все нужды солдатские.

6) Чувство взаимной выручки.

7) Частный почин.

Б. Основы методов воспитания и обучения солдата.

1) Воспитывать и обучать новобранца, а затем и солдата, соображаясь с общечеловеческими свойствами.

2) Сообразовать методы воспитания и обучения с основным свойством ума человека — расчленять на составные части всякий предмет, представляющийся цельным.

3) Сообразовываться с другим общим свойством ума человека, в силу которого у него, что бы ни заставляли его делать, невольно является вопрос: почему? зачем?

4) В обращении никогда не унижать, а тем более не драться.

5) Требования ставить настойчиво и непрерывно наблюдать за их исполнением.

6) Помнить, что солдат человек, и потому для него, как и для всякого человека, ни одна обязанность не должна обходиться без соответственного права.

7) Кормить солдата по-людски.

8) Не изводить на бестолковой работе.

9) В работу втягивать исподволь, не надрывая сил.

В. Условия рационального обучения войск.

1) Войска должно учить в мирное время только тому, что им придется делать в военное.

2) Учить солдат боевому делу должно в такой последовательности, чтобы они из самого хода обучения видели цель всякого отдела образования.

3) Учить преимущественно примером, т. е. показывать, что и как сделать, прибегая к изустным объяснениям только в случаях действительной необходимости.

4) Показывать войскам тактику в поле по приемам, предварительно показав каждый прием начальникам в меньшем масштабе.

Г. Требования по отношению к офицеру, как к воспитателю и учителю солдата.

1) Быть твердым в тех основах, на которых зиждется воспитание солдата.

2) Обладать искреннею преданностью и любовью к военному делу.

3) Помнить, что люди, которые вверены его попечению, не в состоянии применяться к нему, а он к ним должен применяться.

4) В возможной мере быть внимательным к нуждам подчиненных.

5) Выработать в себе правильное отношение к приказанию.

6) Обратит особое внимание на то, чтобы прежде и тверже всего внушить солдату обязанности и только после того обряды.

7) Делить с солдатом тягости службы.

8) Уметь держать себя с солдатом.

Д. Требования, которым должен удовлетворять начальник-офицер.

1) Общее знание теории современного военного дела и, в частности, подробное знание теории и техники, относящихся к тому роду войск, в котором служит.

2) Преданность Родине до самоотвержения, дисциплина, вера в нерушимость приказаний, храбрость, решимость безропотно переносить все тяготы службы, чувство взаимной выручки.

3) Способность ориентироваться в окружающей обстановке.

4) Решимость принимать на себя ответственность за свои действия и распоряжения в тех случаях, когда обстоятельства не позволяют ожидать распоряжений свыше.

5) Частный почин.

6) Привычка представлять себе цель каждого действия.

7) Уверенность в необходимости

служить делу, а не лицам; общей, а не собственной пользе.

Все эти основы драгомировской школы, изложенные в I и II частях учебника тактики М. Драгомирова (изд. 1906 г.), соображены с общечеловеческой психологией, а равно с теми особенностями, которыми характеризуются наши солдат и офицер. Эти основы далеко не все проведены в жизнь русской армии; они единственные, потому что только один М. И. Драгомиров выразил их в общей сводке...

М. Бонч-Бруевич. «Армейские дела и делишки». Сборник статей 1905—1910 гг. Киев, 1911

УВАРОВ

О ВОИНСКОМ ЗВАНИИ И ЗНАНИИ

...У офицеров постоянной службы недостатки военного образования обуславливаются отчасти самой системой военно-учебной подготовки, а больше всего действующим ныне порядком прохождения службы и чинопроизводства. Наша военно-образовательная система не может быть удовлетворительной потому, что мы все еще сохраняем юнкерские училища, хотя наплыв молодежи в военные училища таков, что приходится отказывать в приеме по крайней мере половине желающих. Наши военно-учебные заведения существуют совершенно обособленно от войск и не имеют с ними почти никакой связи... Прием

в военные училища не обусловлен предварительной выслугой в войсках, и только для поступающих в юнкерские училища обязательна предварительная служба в войсках, хотя значение этой меры, в смысле практического ознакомления с войсковым бытом, умалется тем, что вольноопределяющиеся живут в особых помещениях отдельно от солдат.

При таких условиях знакомство с солдатом, его мировоззрением и вообще с войсковой жизнью молодые офицеры могут приобрести только по прибытии в свою часть, но здесь они будут уже начальниками, от которых солдаты, естественно, будут таиться,

поэтому много будет сделано ошибочного, непрактичного, прежде чем молодому офицеру удастся достигнуть этого знания, а по нынешним острым временам какая-либо неосторожность, нерешительность, недостаток выдержки и такта могут вызвать целую катастрофу и погубить не только молодого офицера, но и десятки вверенных ему солдатских жизней. Наши педагоги полагают, что в затруднительных случаях к молодым офицерам всегда придут на помощь с советом и руководством их старшие, более опытные товарищи, ну, а мы считаем такое руководство даже вредным, ибо оно в зародыше убивает способность к самостоятельной деятельности, к проявлению инициативы, которой именно недоставало нашим офицерам в минувшей войне, и несомненно со страшным правом всякого военного начальника на жизнь и смерть людей. Надо, следовательно, не очень полагаться на руководителей, которых в нужную минуту может и не оказаться на месте, а знакомить военную молодежь со службою практически *до получения офицерских погон*. Такое знание будет прочнее, ибо первые впечатления бывают обыкновенно самыми сильными и яркими.

Никто лучше Суворова не знал солдата, а знание это далось генералиссимусу путем долгой 9-летней службы в солдатских званиях.

Сознавая недостатки училищной подготовки, многие молодые офицеры на первых порах стремятся пополнить пробелы своего военного образования самостоятельными занятиями, но, приглядевшись к службе, к товарищам, они скоро убеждаются, что степень совершенства их знаний

почти не имеет никакого значения для служебной карьеры, ибо чиновничество обусловлено наличием вакансий или выслугой лет, независимо от способностей и даже от исправности по службе, что для обыкновенного строевого дела достаточно знать уставы, технику своего рода оружия и усвоить некоторые практические сноровки. После этого всякий интерес к военному искусству пропадает, училищные записки и конспекты забрасываются, научные занятия прекращаются.

Пройдет несколько лет, и офицер основательно забывает, по крайней мере, 3/4 того, чему его учили в училище, посвящая свои досуги не военным наукам, а другим знаниям и занятиям, смотря по личным вкусам и наклонностям... По-прежнему в офицерских библиотеках военные журналы неразрезанными убираются со стола, интереснейшие военные сочинения покрываются многолетними наслоениями пыли, а тактические занятия проходят в томительной скуке, не вызывая ни в ком интереса даже к жгучим военным вопросам. Само начальство относится к этим занятиям почти безразлично, и если обратит внимание на какую-нибудь нелепицу в решении задачи, показывающую полную тактическую безграмотность решающего, то приключение это для автора решения не будет иметь никаких угрожающих последствий и, может быть, даст еще повод поблагодарить за недавно отбытый хороший смотр.

Нередко на этих занятиях вместо критического изучения минувших войн, решения тактических задач и военной игры занимаются чтением вслух уставов, инструкций, «опытов

УВАРОВ Михаил Андреевич — полковник Генерального штаба. В 1886 г. окончил Московское пехотное юнкерское училище и служил командиром взвода, полуроты, роты и батальона в 21-м пехотном Муромском полку. Учился в академии Генерального штаба, был помощником старшего адъютанта штаба Киевского военного округа, преподавал военные дисциплины в Киевском военном училище, служил начальником штаба 19-й пехотной дивизии и командиром 9-й пехотной дивизии.

командования» и т. п. ...Военное развитие большинства наших начальников не идет дальше кругозора ротного командира. Приходится повторять азбучную истину, что для высших должностей нужны и высшие знания. Верный путь к военному знанию указан Наполеоном I. «Если хотите знать, — говорит он, — как даются и ведутся сражения, то изучите 150 сражений, данных великими полководцами. Читайте и изучайте их походы и образуйтесь по ним — вот единственное средство проникнуть в тайны военного искусства». Немногие, однако, натуры способны по собственному почину и воле приняться за такой серьезный и солидный труд из чисто идеалистических побуждений, большинство же людей может взяться за дело только по нужде или по соображениям материального характера. У нас ротный командир, чувствуя себя в положении Макара, на которого валятся все шишки, почитывает хотя бы те же «опыты», прикладные уставы и справочные книжки, дабы в них почерпнуть для себя на всякий случай защитительные аргументы, ну а начальникам выше ротного командира и этого даже не нужно, ибо их, как героя комедии Островского, никто обидеть не может, а сами они могут всякого экзаменовывать и раскритиковать; и, понятно, ни один экзаменатор не спросит того, чего он сам не знает. Таким-то путем создалось в нашей армии скептическое отношение к военной науке и в практической деятельности прочно утвердилась отсебятина, якобы базирующаяся на здравом смысле...

Чтобы побудить наших офицеров на службе работать над самоусовершенствованием себя в военном искусстве, надо внести в это дело начала соревнования с достаточной гарантией правильности и справедливости их применения. Если поставить чинопроизводство офицеров в строгую зависимость от степени совершенства военных познаний, практической пригодности к делу и добросовестности

исполнения обязанностей, то можно надеяться, что интеллектуальная сила нашей армии поднимется высоко и в будущей войне мы не выставим начальников, удивлявших мир своей неосведомленностью. Зависимость между чинопроизводством и служебными качествами офицеров у нас отчасти существует и теперь, ибо офицеры, дурно аттестованные начальством, отставляются от производства в следующий чин, но собственно военно-научные познания в этих аттестациях не имеют почти никакого значения. Порядок составления аттестаций весьма несовершенный, так как оценка способностей офицера производится начальником единолично по субъективным впечатлениям, и нет никакой гарантии за ее правильность и беспристрастие. Поэтому случается, что хорошие способные служаки, не обладающие, однако, гибкостью характера, аттестуются плохо и, наоборот, угодливые бездарности оцениваются выдающимися; бывает также, что офицер, отлично аттестованный при предыдущем начальнике, получает при новом командире неважную аттестацию, а при третьем — снова становится хорошим. Аттестации секретны, а это исключает возможность жалоб на неправильность их, чем дается широкий простор произволу и личным усмотрениям. Впрочем, и нечем было бы подкрепить жалобу, так как единственным документом, характеризующим исправность службы офицеров, является журнал *взысканий*, на них налагаемых.

Конечно, это несправедливо. Надо учитывать в службе офицеров не одни только минусы, но и плюсы, а для этого следует установить особый журнал *благодарностей*, как уже предлагалось в нашей военной печати. Желательно, чтобы аттестации составлялись не единолично, а *коллективно* — при участии всех прямых начальников аттестуемого, начиная с ротных (эскадронных) командиров; это важно в смысле устранения таких

ошибок, которые возможны или вследствие неблагоприятного для аттестуемых стечения обстоятельств, или по недостаточному знакомству начальника с подчиненными. Но самой верной гарантией правильности и справедливости оценки будет *гласность* аттестаций при условии, что офицерам будет предоставлено право обжалования их, а суду общества офицеров части — право окончательного решения вопроса об увольнении со службы неудовлетворительно аттестованных. По тем же соображениям нежелательно бы оставлять за аттестациями их нынешнее решающее значение в отношении чиновпроизводства; они должны иметь характер лишь удостоверения на *допуск к теоретическому и практическому испытанию* при особой экзаменационной комиссии для определения степени военно-научных познаний и практической подготовленности к военному делу, самое же производство в следующий чин надо поставить в зависимость от результатов испытания.

Предлагая установить обязательные теоретические и практические испытания на каждый чин, мы, конечно, далеки от мысли требовать от офицеров постоянного повторения всех наук военно-училищного курса, ибо такая система приводила бы к механическому зазубриванию старых учебных формул и исключала бы возможность самостоятельного прогрессивного совершенствования в военном искусстве, не говоря уже о том, что некоторые из этих наук (например, механика, химия) в практической жизни понадобятся немногим, а для большинства они явятся своего рода учебным балластом. Для служебного же дела важна не энциклопедичность знаний, а специализация их. На служ-

бе, следовательно, необходимо повторение основных военных наук: тактики, фортификации и артиллерии, чтобы быть в состоянии следить за прогрессом военного дела и не отставать от него; необходимы постоянные упражнения по прикладным знаниям (топография и проч.), чтобы сделаться опытным практиком. Для тех, кто чувствует себя способным перейти от деловитости сведущего ремесленника к творческой деятельности незаурядного мастера, необходимо уже серьезное и непрерывное изучение стратегии и военной истории.

«Тактика, инженерная и артиллерийская науки могут быть, подобно геометрии, изучаемы из книг, — говорит Наполеон I, — но знание высших частей военного искусства приобретает лишь навыком и изучением военной истории и походов великих полководцев».

Так как к занятиям высшими военными науками может быть применяем только критический метод изучения, а не догматический, то испытаниям кандидатов на высшие военные должности следует придать характер академических диспутов, а не школьных экзаменов. Разумеется, одними теоретическими испытаниями нельзя ограничиваться, а нужно поверять еще практически, на пробных маневрах и учениях, пригодность каждого кандидата к предстоящей должности. Малое знакомство офицеров со свойствами и особенностями посторонних родов оружия стало в нашей армии явлением хроническим, поэтому надо, до получения командных назначений, обязательно прикомандировывать офицеров, хотя бы на короткий срок, к частям чужих родов оружия...

«Военный сборник», № 12. Спб., 1906

САМОНОВ

МЫСЛИ СОВРЕМЕННОГО ОФИЦЕРА

Предисловие

Не будем усыплять себя покойной внешностью политического горизонта. Обстоятельства последней войны показали нам наглядно, как мгновенно возникают современные войны и как тяжело расплачивается та из сторон, которая в мирное время не сумела подготовиться к войне и использовать результаты прогресса военного искусства.

...Наша армия сейчас должна переживать знаменательный момент реформ и созидания крепкой военной силы, для которой случайности в будущем не имели бы места. Мы думаем, что приложение научных богатств века и в особенности военной техники станут характерной чертой нашей обновленной армии. Опыт войны показал, что главная забота должна быть обращена на воспитание войск и на их обучение.

Нам, офицерам, предстоит огромная работа создать эту обновленную армию, но в основу всей этой колоссальной и серьезной работы мы, офицеры, должны положить главным образом развитие в солдате чувства воинской чести и высокого долга служения Родине на старых, забытых истинах, которыми были одухотворены все победы Петра I, Суворова и Скобелева. Фундамент этот стар как

мир, и истины его вечны и неизменны: его вы найдете в организации легионов Цезаря, полках Наполеона, Суворова, но он, как утраченный секрет, по какой-то роковой случайности забыт нами. Но мы должны его, этот дух, воскресить во что бы то ни стало вновь, одухотворить его своею творческой работой и влить в солдатские головы и души самоотверженный патриотизм, в офицерах воспитать уважение к законности и порядку, а во главе армии должны стать талантливые вожди — военачальники, с твердой и железной волей.

Армия и война

...Военная наука стала достоянием касты, а не достоянием всей армии. Корпус офицеров армии скрывает огромную потенциальную энергию мысли и творческого труда. Дайте его только разумно, и вы увидите, как все в армии быстро двинется, организуется, и армия, побежденная, воспрянет духом и будет совершенствоваться новыми путями военной науки и практики.

Уроки и абиссинской, испанской, греческой и англо-бурской войны прошли для нас даром и выразились в скромных отрывочных трудах, не внеся почти никаких перемен в наше военное искусство. Основные принци-

САМОНОВ Владимир Александрович — подполковник. Получил образование в Тифлисском кадетском корпусе и Александровском военном училище. С 1893 по 1904 г. служил в 24-м Симбирском пехотном полку. С должности командира роты ушел в запас. В феврале 1905 г. вернулся из запаса, служил командиром 3-го железнодорожного батальона.

пы комплектования, обмундирования и административной жизни остались все те же, какие были в последнюю турецкую войну. Коренной вопрос воспитания и образования корпуса офицеров наглядно выражался огромным % офицеров низшего военного образования из окружных училищ.

Программа окружных училищ исчерпывалась строем, гимнастикой, артиллерия — стрельбой, фортификацией, наставлением самоокапывания, а военная техника — лагерем и глазомерною съемкой. Высшее командование армией в лице командиров и генералов поражает своими преклонными годами и отсутствием энергии. Конечно, младший состав офицеров, пройдя школу обучения в таких условиях, научился военному искусству очень мало, а скорее, воспитался на покойном течении дел, на началах военной администрации и тяжелой несуразной хозяйственной части. Все лучшее из строя или вовсе покидало армию, или отбиралось в штабы, управления и канцелярии, где убивало свои силы на писании ненужных бумаг и несуразных литературных донесений по разнообразным формам о благополучном состоянии частей. Никто не искал новых путей и новых начал, и армия, естественно, каменела и не двигалась вперед. Кто служил в строю, тот знает хорошо, что такое полковая жизнь и где центр тяжести ее труда. Полк — это огромная хозяйственная мастерская, где шьют мундиры, шапки, сапоги, высчитывают допотопное свечное довольствие, где офицеры заняты швальнями, хлебопекарнями, вычислением экономической муки, сукна и длины солдатского голенца. Обыкновенно почтенный командир полка большую часть дня сидит за грудой бумаг в канцелярии и беседует с заведующим хозяйством о цене сена, мяса и количестве припека. Огромные нестроевые роты полков, составляющие в армии чуть ли не целый корпус, хлопочут над выделкой колес, фургонов, столов и мебели, забывая, что все это

дешевле и скорее можно купить на базаре и не отнимать от армии способных и обученных солдат, которые, как военные мастера в полку, только вносят разврат и понижение дисциплины. Таким образом жизнь офицеров и солдат складывалась и шла в уродливых формах ненужного труда, уделяя малую долю обучению специально военному искусству. Отсутствие законной ответственности младших офицеров в роте, естественно, создало тип армейского лентяя, ибо всю ответственность и работу в роте несет ротный командир с опытным фельдфебелем Егорычем. При таких условиях вся рота, естественно, держится на Егорыче и живет далекой своеобразной солдатской жизнью, где состояние военного искусства скорее зависит от исправности сапог и запаса 3 сроков мундиров. Однообразная солдатская литература бравадных подвигов прошлого и летучих суворовских слов, естественно, не могла дать пищи солдатскому уму и сердцу. Солдат живет, видит и слышит за стеною казармы многое, что, естественно, при своем развитии не может переварить, и от отсутствия умственной военной пищи тоскует, нудится и в конце концов озлобляется на военную службу. Отсутствие новейших способов развития и обучения нашего солдата делает его одним из самых неразвитых наряду с другими армиями.

Между тем жизнь не стоит — все движется и идет вперед, а в особенности военное искусство и военная техника. Появился бездымный порох — скорострельное ружье — и, конечно, тактика сейчас же изменилась, как это мы видели в англо-бурскую войну, где буры наступали редкой цепью в затылок по 4 человека. Настильность и дальность огня вводят новую обмундировку (хаки). В рядах пехоты появляется «Помпом» пулемет, а «Длинный Том» совершает переворот в артиллерии, и крепостное орудие с верков крепости впервые вывозится в поле. Лорд Кит-

ченер вводит колючую проволоку, которая позднее в Манджурии уже перепораживает долины в 5 верст длиной в четыре ряда. Сама тактика испытывает такую же эволюцию, выдвигая на сцену инициативу личности отдельного стрелка; колонны роты уже не передвигаются массами и цепи не движутся фронтом, а сбегают отдельными стрелками по укрытым склонам и вновь выстраиваются во фронт. Ночные марши операции достигают блестящих результатов, и там, где днем ничего не было, ночью сосредоточиваются целые полки и чуть свет бросаются в атаку. Артиллерия обращается в скорострельную и вместо высот прячется в лощины, в корне меняя принцип стрельбы — массирование орудий на массирование огня и стрельбу по невидимым целям и целым площадям. Роль кавалерии заменяют телефон и телеграф и беспроволочная станция. Главнокомандующий уже не выезжает на позицию, а сидит на месте и создает картину боя по быстрым донесениям телеграфа и телефона. Полевая фортификация обращается в могучее средство безбрустверных окопов с расположением их не на высотах, а у подошвы возвышенностей (сражения при Могисфонтейне)... Стратегия дает новые данные совместного действия армии и флота и их тесной внутренней связи, и войска по горло в воде обходят цинжоунские позиции, в то время как флот обстреливает их с тыла. Стратегия выясняет значение железных дорог и точного математического расчета движения миллионов человеческих масс, где успех движения зависит от расчета глубоких обходов и их разумного применения. Несмотря на все успехи военной науки и техники, принципы военного искусства остаются все те же и штыковой удар, как конечная цель боя, остается вершителем победы. Но выиграть войну зависит от обучения и состояния военного искусства данной армии, о чем очень хорошо выразился римский военный писатель

Вегеций в своих «Военных правилах» (издание 1764 г. Сергия Глебова):

«Великая армия без военных правил есть ничто иное, как собрание человеков, влекомых на убиение».〈...〉

Солдат

Наша Родина обладает здоровым сильным народом, который может дать отличных нравственных и храбрых солдат... Кто служил в строю, тот прекрасно знает, какой отличный материал дают армии новобранцы. Правда, они мало развиты, но они нравственны, добры и представляют тот мягкий воск, из которого можно выработать отменно храбрых и патриотичных до самоотвержения воинов.

...Надо откровенно сознаться, что наш солдат мало любит военное дело, тяготеет к нему и почти вовсе не интересуется своей профессией. Причин к тому много, но главная — это устаревшие основы его воспитания и обучения. Во время его новобранчества ему не дают главного фундамента, чувства патриотизма и основных понятий о государстве и армии, между тем с этого бы и надо было начинать. Тогда он своим простым здравым смыслом понял бы, что государство не может существовать без воинской силы и что долг каждого гражданина — быть хорошим воином и уметь храбро защищать родное государство. В самой службе он видит только одну тягость — муштру, и, когда уходит в запас, он буйно выражает свою радость криком, свистом и пьяным разгулом. Слово «запасный солдат» стало синонимом всякого бесчинства. Манджурская армия страдала от них больше, чем от моровой язвы, и начало ее деморализации началось именно с них и кончилось именно тем, чем всегда кончается деморализация солдата, — бунтом... Недостатки наших солдатских школ вполне наглядно сказываются на солдате, школа его плохо развивает в воен-

ном отношении. Напрасно думают, что наш солдат глуп; он отлично мыслит, но, к несчастью, не в воинском духе. Виноваты в этом мы, офицеры, которые мало трудимся над объяснением и укреплением в нем главных основ нравственности, а переходим сразу, с первых же шагов обучения, на зазубривание на память знаменитых драгомировских памяток и вопросов, как, например, что такое знамя, что такое присяга, но не учим его, что такое Родина, патриотизм, долг, храбрость, подвиг, ибо первые понятия, которые он вызубривает на память, как попугай, логически, как следствие из причины, вытекают из вторых. Все это отлично поняли японцы и начинают обучение солдат именно с понятия о родине, патриотизме, долге, армии и войне. В нашей системе обучения солдата упущена одна черта — воспитание в солдате воинственности и той здоровой радости жизни, без которой немислимо жить суровой солдатской жизнью. Солдатские библиотеки наполнены массой бездарных потуг военных литераторов и слабых пересказов подвигов Суворова, Скобелева, с явным тенденциозным стремлением подделаться под солдатский язык. Солдат это давно оценил, лучше непрошенных авторов, и книг таких он не читает вовсе или крутит из них так называемые «козьи ножки»...

При всех недостатках обучения солдата наш солдат помимо того плохо тренирован, тяжел на ходу, в беге и ловкости, а в последней войне наглядно уступал в ловкости и тренировке япошке. Опять-таки и эта причина, как следствие, вытекает из нашего несуразного наставления «обучения гимнастике», где махание ног, рук, сгибание головы доведено до глупого культа шведских манекенов. Влезание по лестнице, прыгание через веревочку — все это ничего общего с войной не имеет, а потому должно быть немедленно заменено разумной гимнастикой, близкой к бою, т. е. французской борьбой, бе-

ганьем, фехтованием и всеми военными приемами ловкости, которыми японцы ставили в тупик в бою наших хлебобобов. Вся идея гимнастики должна быть вылита в идею штурма, натиска и быстроты, что давно нам указал Суворов, но что мы преступно забыли. Но, конечно, не надо падать духом, горький опыт войны, я верю, вернет нашу армию к идеям великого старца — Суворова.

Я хочу теперь подойти к самому больному месту солдатского быта: его ратному началству — учителям, дядькам, унтерам и знаменитым Егорычам. Хорошие унтера, хорошая рота — вот истина, которую вам скажет каждый ротный командир. Из хороших солдат всегда можно создать дельных и образцовых унтер-офицеров, и создает их не рота, а хорошая учебная команда. Но наши учебные команды не могут этого сделать, и вот почему. При общей неразвитости нашего солдата в учебных командах преподается слишком много теорий, а требование заучивать в долбеж уставы и прочие военные понятия ведет лишь к бессознательному знанию всего проходимого, при незатемненной голове солдата и крепкой его памяти его знания вводят многих из нас в заблуждение. Правда, наши унтер-офицеры многое твердо знают, но, к несчастью, мало что сознательно понимают, так как все это хотя и старательно заучено, но попугайным способом. Наши военные солдатские школы блещут отсутствием наглядных пособий, и в них мало руководствуются с техникой современной педагогики. Все пособия школы сводятся к черной доске, линейке и большим счетам. Между тем введение наглядных таблиц, простых военных карт, чертежей, рисунков, моделей может быстро развивать наших солдат, многое его тогда заинтересует, многое он увидит на примере. Японцы давно ввели у себя учебные современные и военные музеи, где солдаты наглядно видят в моделях пушки, снаряды, карты и рисунки форм чужих армий,

военные суда, изображение сражений, одним словом, все, что дает наглядное понятие о современном военном деле. Все это быстро развивает солдата, расширяет его кругозор, вселяет в нем любовь к своему ремеслу. Таким образом, мы видим, что недостатки неподготовленности наших унтер-офицеров заключаются в несоответствующей военной школе. Дайте ему хорошую национальную школу и снабдите школу собранием наглядных пособий, вы увидите, как быстро создадутся сознательные обучения и отличные солдаты, из которых легко будет комплектовать надежный кадр унтер-офицеров, а в бою могущих вполне заменять офицеров.

...Еще Наполеон сказал: «Дайте мне русского солдата, и я покорю весь мир».

Офицер

...В современной армии солдаты меняются в весьма короткое время и только офицеры составляют ее постоянный кадр. Вот почему создание хорошего корпуса офицеров имеет огромное государственное значение. Благодаря неправильному развитию военно-административной части армии, в прямой ущерб ее строевой службе, еще задолго до войны начался массовый уход офицеров из строя. Каждый офицер, служа в строю, неудержимо стремится или уйти вовсе от службы, или перейти на военно-административную должность, где служба покойнее, содержание больше, а, главное, сохраняется тот же военный мундир и все преимущества строя. По непонятным причинам в некоторых учреждениях существует даже ускоренное производство в чин через три года, и даже несправедливая возможность вернуться в строй, обогнав своих товарищей на два чина. Подобное положение вещей создавало в армии карьеризм в прямой ущерб строевой службе офицеров, что наглядно сказалося на войне, когда батальонами, полками командовали во-

инские начальники, воспитатели кадетских корпусов и разные административные полковники, а бригадами и дивизиями — губернаторы и военные администраторы. Конечно, все они были жестоко биты японцами. Все это привело к тому, что в критический момент японской войны армия осталась без офицеров и в силу тяжелой необходимости ряды ее заполнились неподготовленным элементом запасных офицеров и прапорщиков, в то время как тыл армии был переполнен офицерами-чиновниками. Причина подобного явления заключается главным образом в крайне тяжелом материальном положении службы в строю и медленном производстве. Молодой офицер, прибывающий в часть, окружен самыми лучшими намерениями служить и трудиться на благо армии и Родины, но, к несчастью, с первых же шагов службы он наталкивается на сухой формализм и полное отсутствие живого военного дела. Вся служба его проходит в швальнях, хлебопекарнях, цейхгаузах, обозах, мастерских, солдатских лавочках, что, конечно, имеет мало общего с военным делом, а зарабатывает из него офицера-чиновника и ведет лишь к понижению воинственности, упадку духа и полной отсталости от современного военного дела. Не избегают того же и командиры частей, батальонов и рот, которые 3/4 времени заняты хозяйством, отчетностью, а не воспитанием и образованием солдат для боя по современным требованиям военной науки. Таким образом служба в строю потеряла свою привлекательность и стала достоянием идеалистов или неудачников, ибо все живое, талантливое уходило из строя, видя полную необеспеченность и тихое движение по службе. Корпус офицеров комплектуется у нас из офицеров, прошедших кадетские корпуса и военные училища, но главное ядро армии — пехота комплектуется из окружных училищ. В окружные училища, как справедливо говорит генерал

1908 г.

Выпускъ П-й

КАРТИНКИ

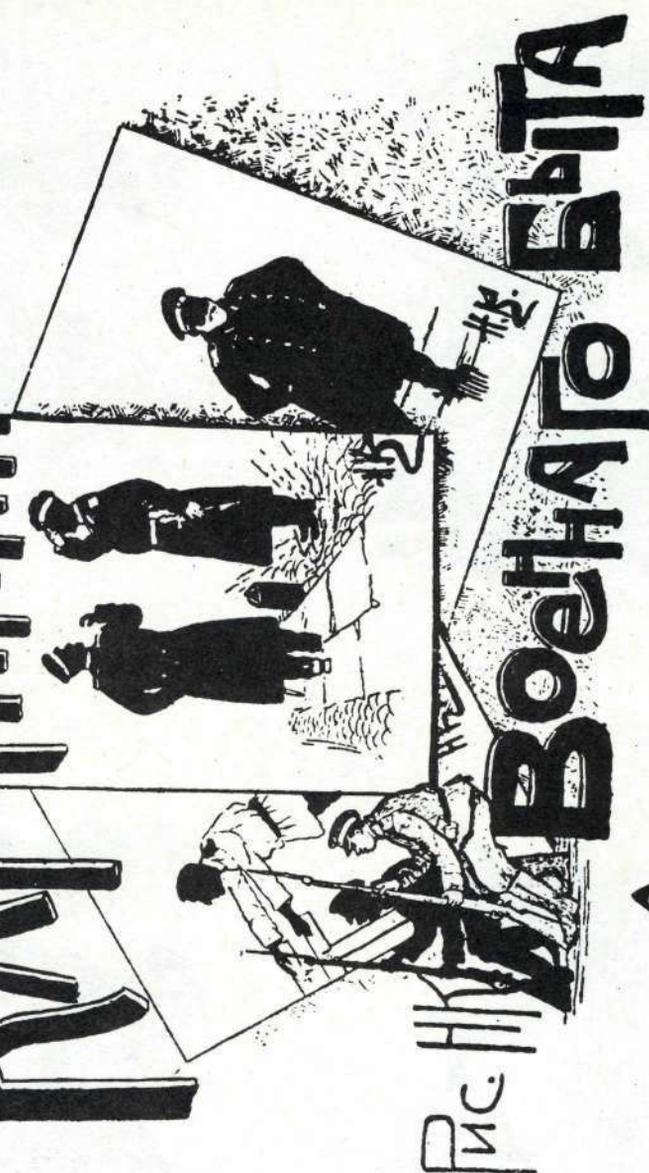
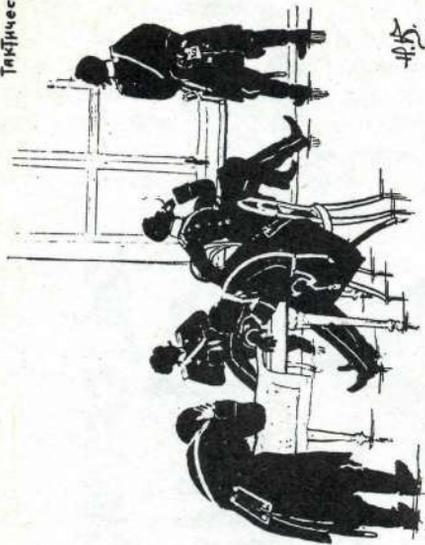

Рис. Н. К.

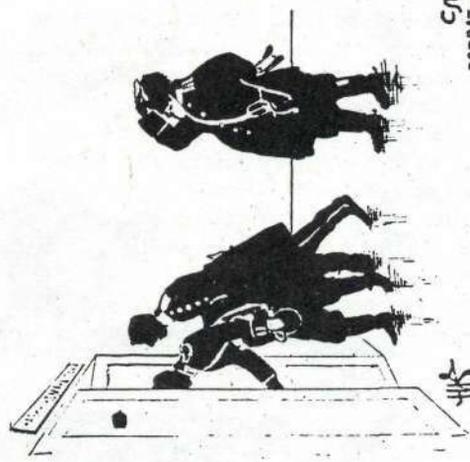
ВЫТА

Давномы снлыэтовъ

Служба.
Тактически занят

45

46

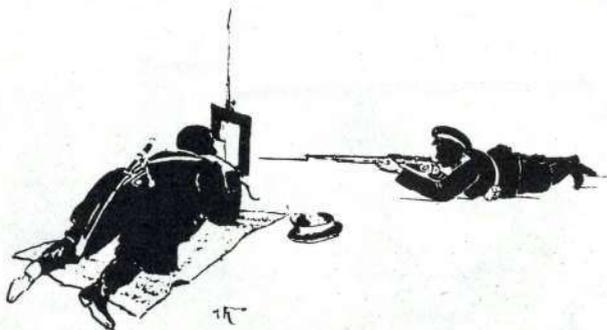
Служба.
передь командирской
комнаты.

Служба.
въ ротной канцеляр.

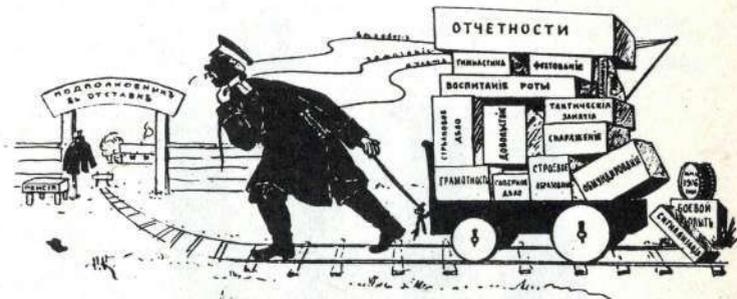

Служба.
на совещении

Служба.

Повёрка лежа

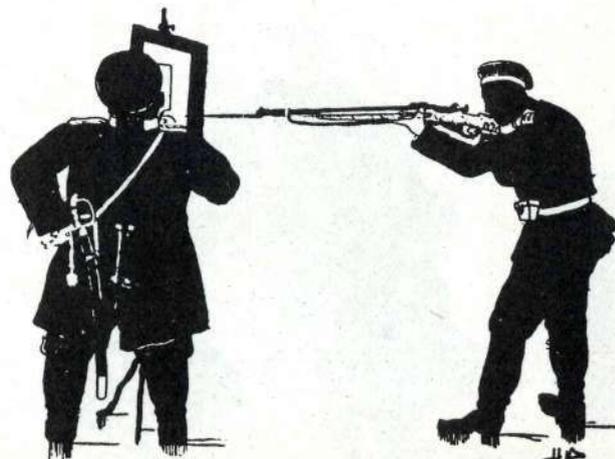

Работа ротного командира

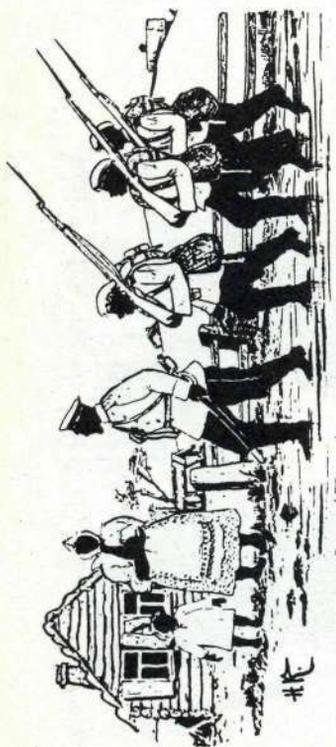
Служба.

Въ ротной школь

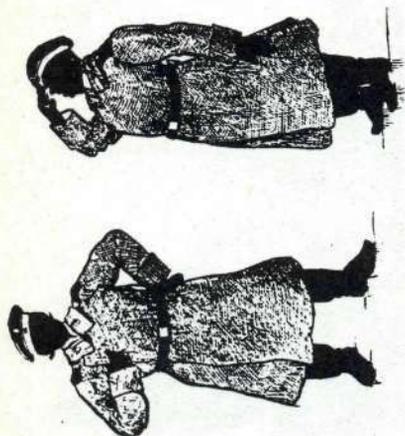

Служба.

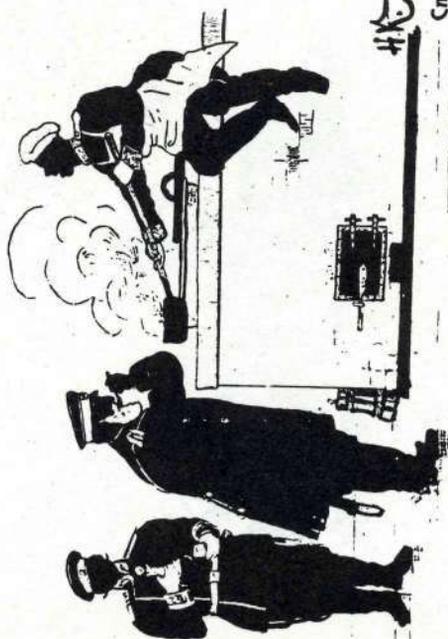
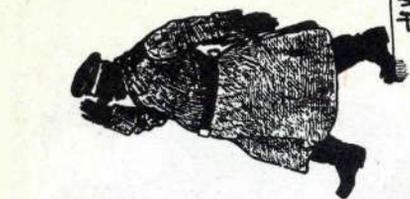
Повёрка прицеливания стоя

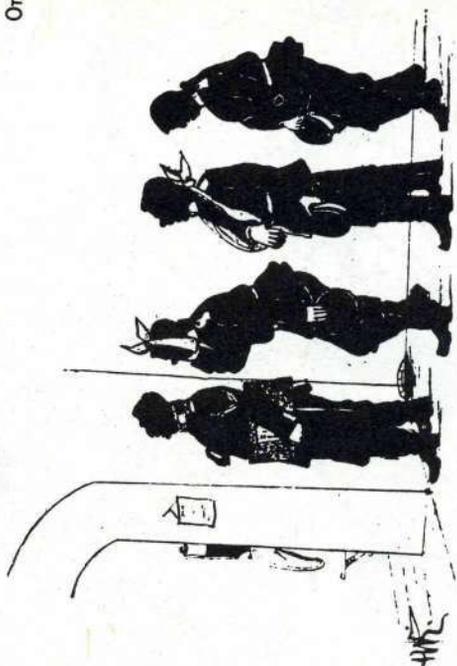
Служба.
На маневрахъ

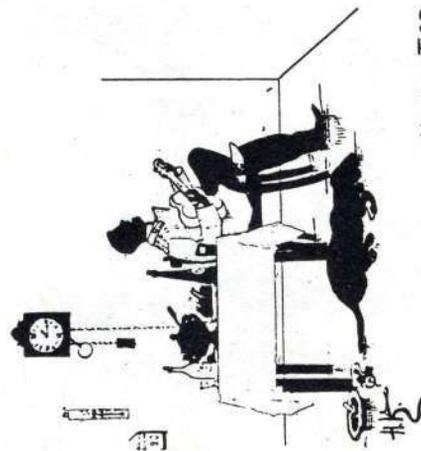
Служба.
Отдание чести

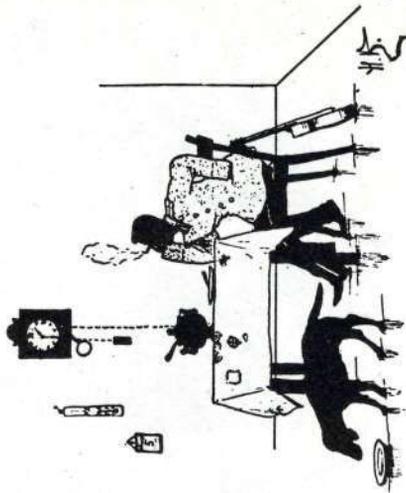
Служба.
Проба пищи

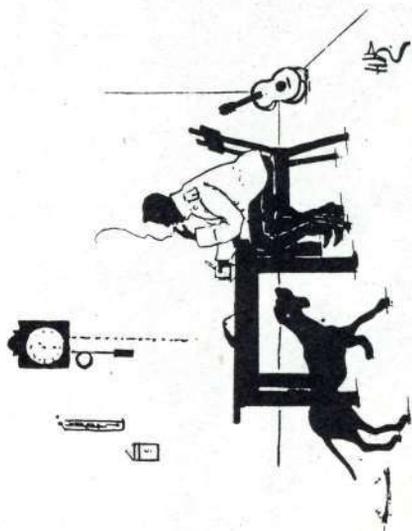
Служба.
Въ окоподокуъ

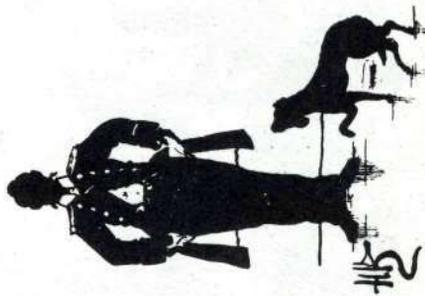
Холодтар жинь
сэ 20-е по 1-е

Холодтар жинь
сэ 1-е по 10-е

Холодтар жинь.
сэ 10-е по 20-е

Холодтар жинь,
передь 20-е

Офицерское собрание.
Корнеты. „Въ кредитъ“

Офицерское собрание.
Штабъ-офицеры. „На наличные“

Денщики.
Варим дома къзъ

Денщики.
6 час. утра

Детишки у семейного.

Съ базара.

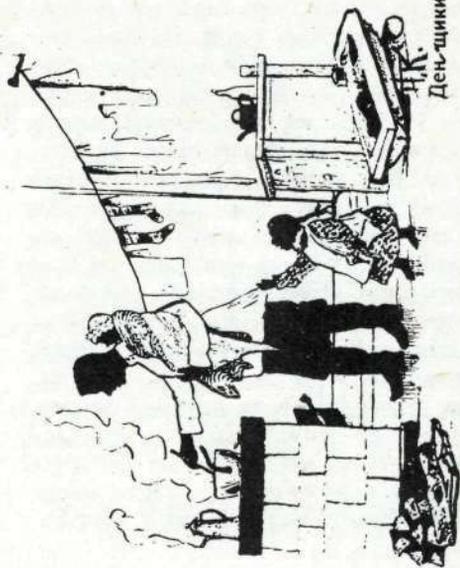
Детишки у семейного.

Нянька.

Детишки у семейного.

У воинского начальника

Детишки у семейного.

Одной прислугой

Мартынов, стекаются неудачники всех профессий: неокончивший реалист, выгнанный классик, недотянувший до конца ученик земледельческого или технического училища — вот обычный контингент, которым пополняются окружные училища. Военным человеком можно или родиться, или воспитаться, но сделаться им вдруг в 2—3 года, как это предположено в окружных училищах, едва ли возможно. Вот почему офицеры окружных училищ, за редким исключением, как по воспитанию, а тем более по образованию, мало отвечают своему назначению. В особенности значение корпуса офицеров важно в современное время. К несчастью, наш офицер, обратившийся в чиновника, материально угнетенный и павший духом, конечно, не может владеть солдатским сердцем, когда он сам тяготится своим положением и часто надевает мундир в силу горькой необходимости...

Офицеры нашей армии, влачащие в неизвестности печальное существование, ожидающие 20 числа и по 10—12 лет сидящие в одном чине, представляют из себя в массе блестящую нищету и, конечно, несомненно приносят мало пользы войску и Отечеству, которое они призваны защищать своею грудью. В настоящее время знаменитые слова германского военного писателя Рюхеля: «Дух прусской армии сидит в ее офицерах» — справедливы более, чем когда-либо.

Сама полковая жизнь идет монотонно и вяло, а перевес хозяйственной части службы приковывает большинство офицеров к канцелярскому столу или цейхгаузу, благодаря этому, ему и в роте мало дела, ибо 3/4 людей разогнаны то на полковые покосы, то в швальни, хлебопекарни, то в склады и на разные работы, просушки и переборки вещей амуниции и всего прочего казенного скарба. Таким образом строевая служба с маневрами, полевыми задачами, походами и естественная военная тренировка, как бы умышленно, изгнана

из строя. Начальство никогда и не требует от офицера, чтобы он был тренирован и имел тот бодрый воинственный вид, который бы наглядно указывал на истинного военного человека. Но упадок в офицерах духа воинственности и горячего патриотизма, естественно, за период мира после русско-турецкой войны 1877 года привел нашу армию к чувству апатии, нелюбви к своей профессии и обратил офицера в военного чиновника, робкого, вялого, без инициативы и с большим страхом ответственности. Постоянная жизнь в клубах за картами, бильярдом выработала в офицере нелюбовь к природе и отдала его от естественной обстановки суровой военной действительности. Постоянное безденежье, естественно, гнетет офицерство; отсюда долги, уныние, стремление к картам, азарту, вину. Старого полкового товарищества в полках уже давно нет, и за 10—15 лет состав офицеров меняется почти заново. Все как от чумы разбегаются от родного знамени, которому присягают, кто в академию, кто в интендантство, кто в жандармы, полицию, пограничную стражу. Почему, спросите вы? Да очень просто, везде, кроме строя, служить лучше, больше жалованья и производство скорее. Естественно, что жизнь в полках не сладка ввиду этих причин и сами полки слабы по духу товарищества, военных традиций и главное горячему патриотизму и военному духу. Офицерские клубы обращаются очень скоро в полковые буфеты с неизменной стоечкой со стеклышком, на которой стоят ряды рюмочек, а около них толпится теплая полковая компания. В карточной комнате, наполненной дымом и толстыми штаб-офицерами, процветает винт, макао, бакара, а за неизменным трактирным бильярдом режутся фендрики в пирамидку на бутылку пива. Полковые интриги за борьбу теплых хозяйственных мест казначея, квартирмейстера и адъютанта составляют естественный фон полковой жизни, где борются страс-

ти, подымая все низменное и убивая высокие идеальные качества офицерской службы и доброго товарищества. За большим библиотечным столом, на котором лежит неизменный «Разведчик», «Стрекоза», «Нива» и «Инвалид», вы не услышите военных споров, бесед, сообщений. Офицеры больше спорят о производстве, суточных и прогонных, совершенно обходя вопросы движения военного искусства вперед, славы родной армии и будущих войн. Все эти темы нежизненны, и их не стоит обсуждать. Рапиры для фехтования давно валяются за книжным шкафом, а книжные шкафы набиты приложениями «Нивы» и разной дребеденью, а знаменитый Мопассан выписан по общему желанию, подавляющим числом голосов. Иногда к сообщению на военные темы собирается все общество офицеров и лектор по назначению командира читает то про Суворова, то про

Скобелева, но большинство офицеров дремлет, и поглядывает на часы, и прислушивается к звону стаканов в буфете, и ждет не дождется конца лекции неопытного лектора, всем давно известной и мало интересной.

Таким образом, мы видим отсутствие в корпусе офицеров руководящих военных идей, которые бы сплачивали их в одну железную массу, с патриотизмом и горячею любовью к своему делу... но для того, чтобы воскресить их энергию и поднять духовные военные силы, необходимо прежде всего офицера приблизить к строю, поднять его дух и материально обеспечить. Тогда он сам примется за военное дело, бодрый, веселый и гордо подымет голову и с радостью отдаст свою жизнь за дорогое Отечество...

В. А. Самонов. «Мысли современного офицера», вып. 1. Тифлис, 1907 г.

КУЗЬМИНСКИЙ

ПОД ВПЕЧАТЛЕНИЕМ ПЕРЕЖИТОГО (из маньчжурских наблюдений)

...Служба тоже не давала нам того, о чем мы мечтали. В те времена, о которых я говорю, роль младшего офицера была крайне ничтожна. Мы приходили в роту, продельвали все то, что полагалось по расписанию, но без всякой любви к делу. Мы уподоблялись чиновникам, которые, отсидев положенное время

в канцелярии, бросают перья и спешат домой или в клуб. Откровенно говоря, нам никто не препятствовал заниматься делом, как следует. Но в нас самих гнездилась причина столь формального отношения к делу. В нас не было того, что называют *идеей*. Уча солдата ружейным приемам или словесности, мы не

задавались вопросом, к чему, зачем это. Мы учили этому, потому что так требовалось расписанием. А известно, что человек, у которого нет определенного плана, определенного мирозерцания, известной одухотворяющей идеи, никогда не станет с любовью заниматься своим делом. Без любви же всякое дело будет казаться ненужным, скучным, так как только любовью всякое дело согревается.

Вот таким-то образом многим из нас пришлось влачить свое существование до объявления войны с японцами. Получив приказ ехать на Д. Восток, многие из нас и в этот момент не пробудились от серенькой будничной жизни. Мало кто мечтал о будущих подвигах. Ехали без всякой охоты, не вникая в то, что Россия переживает важный момент, что теперь каждый офицер должен дать отчет в том, что он сделал, чему обучил своих солдат. Вот тут-то, по моему мнению, и сказалось то ужасное явление, которое лишило нас победы над врагом. Это — *безыдейность*. Из бесед со спутниками я вынес впечатление, что многие из офицеров — это не рыцари без страха и упрека, а обыкновенные серенькие люди. Где тут могла зародиться мысль о героическом поступке, когда никто в мирное время не развивал в себе *величия духа*, никто не воспитывал в себе *силу воли*. А ведь «каковы офицеры, такова и армия». Солдат, не видя в своем начальнике *героя*, человека, за которым он готов идти в огонь и в воду, не мог проявить свои природные качества героя.

Увлечь за собой могут только люди убежденные, люди сильные духом...

Эта война открыла нам много нового, коренным образом изменила взгляд на многое. Прежде всего она ясно убедила нас, что мало еще солдата обучить стрельбе и ружейным приемам, нужно еще воспитать его в любви к Родине. Нужно показать ему, что он защитник

Отечества; нужно поднять уровень его образования до понимания того, что творится на божьем свете, иначе он будет не более как автомат, который не может проявить ни личной инициативы, которая так нужна в современной войне, ни силы воли, без которой нигде и ни в чем нет успеха.

Не менее важно поднять в солдате уважение к своему званию. Героем может быть только тот, кто обладает величием духа, а человек обезличенный никогда не проявит его...

Прежде всего в мирное время каждый начальник должен знать своих солдат, характер, нрав, семейное положение, наклонности, способности и т. д. Он должен во все вникать. Одних он должен исправлять, другим дать возможность выучиться грамоте, третьих выучить чему-нибудь полезному, а со всеми без исключения заниматься их развитием и воспитанием. Ни на минуту не должно забывать, что солдат не пушечное мясо, как говорили раньше, а такой же человек, такой же защитник Родины, как и офицер. Конечно, специальная военная подготовка играет весьма важную роль и она не должна быть забываема, но, повторяю, мое глубокое убеждение, вынесенное из непосредственного наблюдения, что, если в роте даже все будут отличными стрелками, они отступят перед неприятелем, если в них не будет единодушия, гордости, сознания, что поражение армии влечет за собой неисчислимые бедствия для всей страны. Нужно в солдате воспитать человека убежденного, и тогда он не пощадит своей жизни на благо Родины.

Но чтобы воспитать подобным образом солдат, нужна над самим собой огромная работа. Помните, что, если вы будете обладать теми качествами, которые придают человеку обаятельность, за вами пойдут солдаты в огонь и в воду...

Ни одна из наук, которым вас учат в училище, не лишняя. Каждая

из них так или иначе пригодится в будущей жизни.

Но есть одна из них, которую, как показал мне опыт, вы считаете не важной. Между тем она имеет огромное воспитательное значение. Я имею в виду историю и литературу.

Уже давно признано, что только тот может всею душою любить свою Родину, защищать ее до последней капли крови, кто знает ее прошлое, кто сроднился с этим прошлым, кому известно, какой дорогой ценой досталось благополучие страны. Изучение истории своего народа есть наилучшее средство воспитать себя в духе любви к Родине. Вспомните, какое важное значение имело в свое время появление истории Карамзина! Как радовался появлению ее великий писатель Пушкин. Да и было чему радоваться — так как важнейшая заслуга «Истории Государства Российского» заключается в том, что благодаря ей все русские

люди стали задумываться над тем, чтобы привести в связь настоящую жизнь русского народа с его отдаленным прошедшим, когда яснее и без всякой примеси выказывались основные черты народного характера. Русский по рождению — без знания своей истории — не русский. А нельзя быть убежденным защитником России, не будучи русским душою...

...Как же воспитывать солдата в духе любви к Родине, если вы не сумеете его убедить в собственной любви, если не сумеете его заставить проникнуться уважением ко всему родному. А этого можно достигнуть только изучением прошлого и настоящего своей Родины. Этим и только этим путем вы воспитаете и в себе, и в своих подчиненных мощь духа, нравственную силу, которая всегда была выше силы физической.

«Александровец», № 3. М., 1906

ИЗМЕСТЬЕВ

ИЗ ОБЛАСТИ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

О, нравственная сила,
ты — царица армий.

Маршал Бюжо

Чем более совершенно огнестрельное оружие, тем более становится индивидуален бой, т. е. он тем более переходит в руки отдельного бойца.

Если в далеком прошлом от нас

Мориц Саксонский считал, что сердце человеческое есть отправная точка во всех военных делах, если Наполеон отводил на войне моральному элементу $3/4$ всего успеха, то ныне

этот моральный элемент имеет еще большее значение.

Успех ныне зависит именно от морального элемента при условии постоянного изменения приемов боя, но не принципов, в зависимости от постоянного прогресса техники.

В наш век, век крайней нервозности как масс, так и отдельного человека, приходится более чем прежде считаться с слабостями человеческой природы.

Современная тактика требует не только от начальника, но и от рядового бойца знания, инициативы и умения воздействовать на других — словом, тактика ныне сделалась более *психологической*.

С этой точки зрения и приходится нам воспитывать солдата.

Мы должны сделать его не только восприимчивым к чувству чести, гордости, стыда, но и воспитать в нем волю, так как, воспитывая ее, мы воспитываем и характер, который вытекает из привычки воли однообразно решаться и хотеть.

Воспитывая отдельного человека, нам, военным, необходимо считаться и с психологией масс, так как в общей массе отдельный индивид — это песчинка, уносимая ветром, а ветер... ее вождь; таким образом, каждому из нас приходится считаться со всеми особенностями и свойствами толпы, в которую при некоторых условиях легко превращается самое дисциплинированное войско.

Мужество, послушание, самопожертвование — качества дисциплинированного войска; страх, робость и самосохранение — это элементы, ослабляющие его.

Если элементы эти действуют ослабляюще на отдельного бойца,

то вредное влияние их на массу — бойцов или войско — возрастает с ужасающей быстротой и силою. <...>

Моральное воспитание солдата

...Воспитать солдата — это не значит привить в нем внешние, обрядовые стороны военной службы. На нас, офицеров, выпадает эта священная задача, эта почетная и ответственная миссия...

И это более чем верно. Наша задача развить в солдате чувство долга и любви к Отечеству, развить в нем глубокое понятие о чувстве чести, развить в нем самолюбие, презрение к опасности, привить ему убеждение в пользе разумной дисциплины, твердой воли, духе преданности, готовности отдать свою жизнь за Родину, добиться с его стороны доверия, развить в нем то, что французы называют «самагедерие de combat», т. е. товарищество в бою.

Моральное воспитание солдата ныне приобретает огромное значение, так как без тщательного духовного развития солдата трудно ожидать успеха в современном бою.

Нельзя указать те приемы, при помощи которых можно достигнуть в солдате вышеуказанных данных: все будет зависеть от интеллектуальных способностей как офицера, так и солдата.

Путем бесед образовательного характера, а не пресловутой «словесности» мы можем расширить круг понятий нижнего чина, усилив его восприимчивость к возвышенному, систематически и терпеливо развивая его умственные способности.

Конечно, все это возможно при

ИЗМЕСТЬЕВ Петр Иванович — полковник Генерального штаба. Получил образование в классической гимназии, Казанском пехотном училище и академии Генерального штаба. Офицерскую службу начал в 1893 г. в 89-м пехотном Беломорском полку, служил старшим адъютантом штаба пехотной дивизии и армейского корпуса, обер-офицером для поручений при штабе Варшавского военного округа. Участник русско-японской войны. В 1909 г. — начальник строевого отдела штаба Варшавской крепости.

стоящем на высоте своего назначения и подготовленном офицере. Грубый, поклоняющийся «фридриховской палке» офицер может забить и озлобить самого восприимчивого и чуткого сердцем солдата.

Пора отрешиться нам от мертвящей муштровки, которая до сих пор возводилась в какой-то своеобразный культ при обучении солдата.

Нам могут возразить: да как же без муштровки сделать из неуклюжего пахаря ловкого солдата?

Ответим, выправка нужна, но при соответственном моральном воспитании.

Убивать месяцы на шагистику, на то, чтобы солдат «глазами ел начальство», чтобы он не своим голосом орал «рад стараться» или «счастливо оставаться», да притом с растяжкой или без нее, в такт шага; добиваться по целым часам чистоты ружейного приема без разделений и по разделениям «делай аз» — это не значит подготовить солдата для современного боя. Мы слишком увлеклись внешней стороной дела, мы слишком мало заботились о духовном мире нашего солдата.

Имеет ли наш солдат должное понятие о том, что такое Отечество?

Нет, для большинства — это Рязанская или Калужская губерния.

Попробуй офицер, при старом режиме, поговорить на эту тему, его сочтут агитатором или, по меньшей мере, неблагонадежным. А между тем усвоение этой идеи необходимо, так как иначе он не может сознательно выполнить долг свой перед Родиной...

Идею Отечества, конечно, должны привить и семья и школа, но ожидать этого можно только при поднятии общей культурности народа, а последнее, в свою очередь, возможно при осуществлении возведенных свобод и всеобщего обучения.

Таким образом, в будущем, конечно, работать в этом направлении будет легче, но нам, военным, нужно

было и прежде думать о необходимости развития в солдате сознания долга.

Мы говорили выше, что одним из важных данных морального воспитания солдата является убеждение его в пользе разумной дисциплины.

Дисциплина — это главная сила армии. Без дисциплины армия — толпа, так как порядок есть необходимое условие всякого собрания людей.

Но дело в том, что мы опять-таки увлекались внешней, обрядовой стороной дисциплины, забывая о ее духовной стороне.

Разумная дисциплина зиждется на авторитете начальника, на полном к нему доверии со стороны подчиненного, но отнюдь не на страхе наказания.

Время «капральской палки», время пренебрежения в солдате личностью человека, одухотворенного сознанием долга, должно отойти в вечность. Наоборот, мы должны поддерживать и развивать в солдате общечеловеческое «я» и тем самым воспитать в нем понятие о чести и самолюбии. Надо отрешиться от пошлого, преступно-пошлого взгляда на солдата, как на серую безответную скотину.

Заглушать это «я» — значит совершенно не понимать внутренней, духовной стороны дисциплины.

В чем же должна выражаться дисциплина?

Нам кажется, что в точном исполнении как военных, так и общегосударственных законов, в исполнении приказаний начальника, не идущих вразрез с ними, в уважении, любви, доверии к начальникам, в самоуважении, в духе товарищества и в самом корректном отношении к гражданам, отношении, которое не допускало бы ни малейшего упрека с их стороны, которое не заставляло бы смотреть на армию, как на нечто от них обособленное.

Обоснованная на этих данных дисциплина дает сильного духом

солдата, способного быть и слепым исполнителем, и самостоятельным творцом. Не страхом наказания, а сознанием позорности наказания мы можем добиться от солдата исполнения налагаемых на него обязанностей.

Мы хотим сказать, что не одним только неоставлением проступков подчиненного без взыскания мы поддержим дисциплину, а настойчивым убеждением его, что наказание — позорно.

Конечно, первое легче второго, но за то одним первым без второго можно солдата приучить к наказаниям, а это-то и ужасно. Раз солдат привык к наказаниям, дисциплины — нет...

Самоуважение или, как говорит солдат и простой народ, «соблюдай себя» — великое дело. И мы должны всеми мерами поддерживать и развивать в солдате это «соблюдай себя».

Правда, это «соблюдай себя» происходит у нас на уроках «словесности», но сводится оно к зазубриванию §§ Устава внутренней службы и дальше этого не идет, а между тем ему нужно отдать часы бесед и каждый проступок должен не только наказываться, но и обсуждаться в присутствии всей роты, эскадрона, батареи, команды...

Говорили мы выше о духе товарищества.

Да, и это — большое место в воспитании солдата нашей армии.

У нас нет сознания принадлежности к одной семье. Рознь царит в полной мере. Гвардия и армия, артиллерия и пехота и пр., все это белая и черная кость.

Пойдем дальше и увидим, что даже между отдельными частями войск, состоящих из белой или черной кости, духа товарищества нет: не будем закрывать глаза и увидим, что не редки случаи, когда полки одной дивизии совершенно чужды друг другу.

Между тем эта рознь в мирное время переливается и в военное

и сказывается в отсутствии взаимной поддержки в бою.

Грустная, но очевидная действительность, а потому бороться надо, всеми силами бороться против нее.

Мы, военные, должны чувствовать и сознавать, что все мы — одна семья, соединенная одной и той же задачей и призванием.

Надо развивать любовь, уважение, доверие одного рода оружия к другому, сознание, что один без другого существовать не может.

Братанье родов оружия, братанье частей войск одного и того же рода оружия имеют громадное воспитательное значение.

Дисциплина должна требовать и даже прямо регулировать отношения солдат к гражданам. Солдат должен научиться уважать пол, возраст и социальное положение каждого гражданина, а поэтому всякое нарушение прав гражданина злоупотреблением, воинской силой, а в отдельном солдате силою оружия должно караться.

Только при таких условиях гражданин будет видеть в солдате своего защитника, только тогда он не будет оплакивать сына, идущего в ряды армии; в носящем мундир он найдет поддержку и помощь и охотно отдаст армии все, т. е. будет следовать примеру Минина, когда этого потребуют обстоятельства.

В данном случае слово «солдат» мы понимаем в широком смысле, без различия рангов.

И офицерам пора отрешиться от взгляда на не носящего мундир, как на существо низшего порядка.

Каждый военный должен проникнуться идеей, что не мундир делает человека достойным, а человек должен быть достойным мундира.

Понятие о чести мундира должно быть развиваемо в солдате не меньше, чем в офицере.

Безусловно, вредным мы считаем воспитание в солдате особого культа мундира по частям; нет, мы должны

приучить его уважать военный мундир вообще.

Свято чтя честь мундира, человек будет и достойным носить его.

Мы далеки от мысли, чтобы таким культом обособлять армию от народа, нет, армия — дитя народа, а потому если военная корпорация будет достойно носить свой мундир, то и общество будет уважать ее, а не один только мундир.

В каждом солдате мы должны развивать мужество.

Мужество не заключается в одной только беззаветной храбрости, которая иногда рождается под влиянием всеповелевающей обстановки, нет, кроме презрения к опасности, оно заключается в выносливости, способности перенести все тяжелые условия боевой жизни.

Это важно потому, что на войне войска больше двигаются... чем дерутся. Перенести трудный марш, голод, жажду, холод и жару без ропота может сильный духом, мужественный солдат.

Ко всему этому надо приучать в мирное время, но для этого надо расстаться с плащом и перенести центр тяжести занятий в поле.

Об этом мы поговорим впоследствии, так как в вопросе о мужестве сталкиваются и моральное воспитание, и физическое, хотя одно без другого принести пользы не может: здоровый дух может быть только в здоровом теле.

Итак, развивая солдата и физически, и нравственно, мы сохраним в нем и дух, и тело...

Сила слова, сильная воля, взгляд, личный пример... все то, чем можно воздействовать на массы...

Генерал Додиньяк называет все это внушением.

Да, если хотите, это внушение, так как, очевидно, опытный психолог — вождь, знающий и понимающий особенности и свойства толпы или войска, тем или другим приемом

подчинит ее себе, так же, как гипнотизер отдельного индивидуума.

Внушить что-либо может тот человек, кто сам проникся идеей, которую он внушает. Применение того или другого приема внушения всецело будет зависеть от находчивости, хладнокровия и решительности вождя.

Военная история дает массу примеров сказанному...

Мы имеем классические образцы внушения — это поучения Суворова. Великий вождь этот был психологом, его солдаты умели и побеждать, умели и умирать.

Если внушению поддается отдельный индивид, то толпа еще легче поддается ему: в толпе и дурное и хорошее распространяется с изумительной быстротой.

Задача полководца как психолога состоит в том, чтобы убедить войска, что от них зависит победа.

Чтобы внушить солдатам уверенность в победе, нужно, чтобы и сам полководец был в ней уверен, чтобы воля его была сильнее воли противника, короче, он должен захватить инициативу в свои руки.

Уверенный в победе вождь передает и войскам ее своей выдержкой, манерами, словом, поступками.

Могли ли мы быть победителями в минувшей войне, когда у вождя нашего не было уверенности в победе, а было вечное колебание, нерешительность, подчинение воле противника, впечатлительное восприятие самых вздорных донесений и пр.

Даву при Ауэрштедте (1806 г.), атакуя пруссаков, все время повторял своим солдатам «победа за войсками не самыми многочисленными, а самыми настойчивыми».

Классическое «заманивай» — Суворова, Цезаревское «не в ту сторону бежишь» — лучшие примеры внушения...

Воля и внушение — два важных фактора победы.

Сильный духом вождь с меньшим

числом победит многочисленного, пассивного и робкого стратега...

По определению Клаузевица, от вождя требуются следующие качества: твердость, настойчивость, сила характера и присутствие духа.

Ужаснейшим образом влияет на войска неустойчивость в отдаче приказаний.

Перемены, отмены влекут за собой потерю времени, силы, доверия и понижают дух войск.

Кто был в Маньчжурии, кто испытал на себе шатание в образе мыслей, тот согласится с нами, что эти l'ordre и contre-ordre действительно влекли за собой desordre.

Как бы плохо не было решение, но раз войска приступили к его исполнению, менять его не следует.

Таковыми вечными отменами в конце концов можно деморализовать армию.

Привязанность и обаяние личности вождя необходимы на войне — они опора начальника.

Воспитание этого чувства привязанности имеет громадное значение. Глубоко заблуждаются те, кто думает, что суровость важнее в начальнике.

Говорят, даже осуждают, когда

начальник стремится к популярности.

Дешевая популярность, конечно, вредна, но зато разумная даст вам привязанность солдата...

Любимого начальника люди не расстреливают и не бросают с камнем на шею в воду. Офицер, стоящий близко к солдату, вникающий во все его нужды, поведет его куда угодно.

Кроме привязанности, громадное значение имеет обаяние, но это свойственно не каждому человеку. Военная история дает нам пример лиц, обладавших этим даром природы...

Последняя война не выдвинула ни одного генерала, который бы обладал им.

Правда, больше других обаятелен был генерал Мищенко, но ему далеко было до того обаяния, которым окружено было имя Скобелева...

Все великие полководцы были великими знатоками души человека, а потому мы закончим нашу статью словами Морица Саксонского: «Сердце человека есть точка отправления во всех военных делах; чтобы знать их, надо изучить его».

П. И. Измествев. «Из области военной психологии». 2-е изд. Варшава, 1907

ЧТО НУЖНО НАШЕЙ АРМИИ?

Современное ее состояние и необходимые в ней реформы

IV) Состав нижних чинов; прием на службу; воспитание и подготовительное образование; обстановка службы; быт; отношения солдата к современным событиям; агитация среди нижних чинов

...Необходимы меры к поднятию личности нашего солдата путем замены существующего притупляющего и часто оскорбительного для него режима более справедливым, законным и однообразным; необходимо, наконец, поднять на практике высоту воинского звания и устранить неприличную в этом отношении разницу между словом закона и делом.

Все это должно повлечь ряд преобразовательных мер, важнейшими из коих являются следующие.

Уничтожение существующей излишней и зачастую ничем не вызываемой грубости в обращении с нижними чинами и строгое фактическое преследование всех проступков, направленных против оскорбления личности солдата, в особенности же кулачной расправы. Правда, последняя теперь встречается реже, но все еще есть...

Как известно, наши военные законы преследуют кулачную расправу, но действительность, как и во многом другом, обыкновенно обходит их. И при всей очевидности того, что существующая в войсках грубость имеет основание и находит себе объяснение в общей нашей некультурности и темноте простого народа, тем не менее это не может служить оправданием: невозможно допустить на службе таких нарушений требований закона и самой примитивной гуманности; поэтому необходимо и в жизни стремиться к их осуществлению и охранять личность подчиненного и младшего от тех излишних проявлений грубости, к коим мы, начальники и старшие, так легко прибегаем, объясняя их обыкновенно раздражительностью и нервностью, которые привыкли считать исключительной своей привилегией.

Одною из острагеающих мер в этом отношении надо считать права заявления претензий и принесения жалоб на неправильные действия начальника и старшего; но так как существующий способ часто не обеспечивает подчиненного в смысле их действительности и его последующего поло-

ПАРСКИЙ Дмитрий Павлович — генерал-лейтенант. Кадровый офицер русской армии. В 1893 г. окончил академию Генерального штаба. Во время русско-японской войны возглавлял оперативное отделение штаба армии. В первую мировую войну генерал-лейтенант Д. П. Парский командовал армией. В 1918 г. он добровольно перешел на сторону большевиков, отдал свои знания, боевой и жизненный опыт созданию молодой Красной Армии. Первые победы отряды Красной Армии под Нарвой одержали под его командованием, в сентябре — ноябре 1918 г. Парский возглавлял войска Северного фронта. Автор проекта первого устава РККА. С 1919 г. Д. П. Парский — член комиссии при РВСР по составлению «Положения о полевом управлении войск».

жения, то очевидно, что принесение жалоб должно быть более ограждено и вообще обставлено иначе. В частности, относительно претензий, следовало бы отменить существующий способ валового опроса, — таковой, как известно, не достигает обыкновенно цели.

Отмена обращения с нижними чинами на «ты»... Вспомним прежде всего, что в армию год от года поступает большее число лиц образованных и развитых; в будущем же это, конечно, только увеличится. И если «ты» будет вполне естественным и обычным для деревенского парня, который никогда и не слыхал иного обращения, то оно уже может казаться странным и даже обидным для человека интеллигентного; делать же в этом отношении какую-либо разницу — недопустимо по духу службы и неудобно вообще. Да и кроме того, надо же вести солдата в этом отношении, приучая его быть более вежливым и почему, в самом деле, человек, привыкший пользоваться вежливым к себе отношением всюду, с поступлением на службу должен как бы лишаться этого? Не странно ли и не обидно ли, что грубость обращения как бы должна составлять необходимую принадлежность воинского звания? Добро бы еще обращение на «ты» носило отеческий характер, но ведь и этого нет. И я думаю, что здесь кроется лишь недоразумение: дух военной службы действительно неизбежно обуславливает категоричность, твердость обращения и отношений, но разве это — равнозначаще грубости и распушенности? Надо же учиться и учить быть вежливым, законным, сохраняя в то же время необходимую твердость и настойчивость.

...Важнейшим вопросом в современном воспитании солдата является развитие в нем инициативы, самостоятельности и находчивости, конечно, в пределах, обусловленных служебной пользой.

Известно, что общий уклад нашей

жизни далеко не способствует воспитанию таких качеств и это в особенности, надо думать, применимо к сельскому населению, преимущественно комплектуемому армией нижними чинами; впрочем, жизненная обстановка нашего простонародья настолько отличается от городского и более интеллигентного населения вообще, что изложенное выше требует оговорки.

Бесомненно, что большая темнота, материальная нужда и беспросветность существования нашего деревенского населения, в связи с особенностями устройства ближайшего управления, действует на него притупляющим образом, что, разумеется, не благоприятствует развитию личности вообще.

С другой стороны, постоянная близость к природе и суровая обстановка самой жизни, непосредственная зависимость благосостояния от труда и ранняя привычка к настоящей работе — все это является нередко таким плюсом в крестьянине, который часто покрывает недостатки общественного и административного уклада; каждый живший в деревне и наблюдавший крестьянских детей обращал, вероятно, внимание на их необыкновенную сметливость, шустрость и резвость по сравнению с городскими и вообще более интеллигентными однолетками; к юношескому возрасту эта разница часто усугубляется еще тем, что деревенский парень в 12—14 л. нередко исполняет уже отдельную и ответственную работу, тогда как интеллигентный его сверстник только недавно сел на школьную скамью. Поэтому, если в будущем, благодаря образованию и привилегированному положению, последний явится, в общем, более подготовленным в смысле проявлений инициативы и самостоятельности, то, по крайней мере до 20—25-летнего возраста, примерно, крестьянин вряд ли уступит ему в этом отношении.

Я нарочно несколько остановился на этом, дабы показать, что прибывающие на службу новобранцы вовсе уж не до такой степени неподготовлены к самостоятельной работе, как это кажется и принято думать вообще; и что, будь наш служебный уклад иным, а обучение солдата поставлено на более практическую почву, то можно быть уверенным в том, что последний не заявил бы себя плохо и в этом отношении.

Как бы то ни было, но существующий строевой режим является безусловно гнетущим и удушливым в смысле выработки и воспитания инициативы и самостоятельности; произвол, грубость обращения, излишество словесной муштры, влекущие за собой какое-то одеревенение солдата и приниженность его личности и звания, создают такую обстановку, в которой не могут культивироваться эти качества. И для того, чтобы сделать это возможным, необходимо стремиться к постепенному изменению нашего строевого уклада теми путями, которые были указаны выше.

Как видно из всего сказанного о воспитании солдата, последнее является делом настолько сложным, что надлежащее его выполнение будет по плечу только офицеру и притом хорошо подготовленному и близко стоящему к нижним чинам; поэтому в настоящее время надо принять за правило, что и ближайшим воспитателем и руководителем солдата может быть только офицер; если же это дело будет лежать на унтер-офицерах, как это и есть в большинстве случаев теперь, то трудно ожидать заметного прогресса в этом направлении: грубый и почти столь же темный, как и простой солдат, наш современный унтер не является, в сущности, начальником и не сможет руководить им в отношении воинского воспитания и образования. Необходимо разобраться в этом деле и отвести унтер-офицеру более скромную роль по сравнению

с той, которую он исполняет на деле, а именно — исключительно помощника офицера и заместителя на случай его отсутствия или убыли, старшего и первого во всех отношениях солдата, более близкого нижним чинам по своему происхождению.

Все это делает насущно необходимым приближение офицера к солдату как путем соответствующей постановки службы младших офицеров, о чем было сказано выше, так и посредством возбуждения доверия солдата, изучения его и входчивости в его положение. В настоящее время, при существующей постановке службы младших офицеров, господстве в частях хозяйственного уклада, у нас в войсках связь офицера с солдатом не может быть признана достаточною и на это должно быть обращено большое внимание, особенно теперь.

И главнейшей в этом отношении мерой, о которой я так часто говорил, является изменение постановки службы младших офицеров путем возложения на них непосредственных и ближайших обязанностей по командованию взводами во всех отношениях, с предоставлением им возможной самостоятельности и установлением ответственности.

Следующей мерой надо поставить освобождение войск от хозяйства, что развяжет руки всем ведающим им в той или иной мере строевым офицерам и позволит обратить большее внимание на душу солдата, его воспитание и боевую подготовку. Остальными мерами в этом направлении будут: более однообразный состав офицеров, поднятие личности и звания солдата в соответствии с изменением существующего режима, что особенно важно в применении к молодым солдатам; наконец, большая осторожность в смысле перемещений офицеров и нижних чинов из одних рот и частей в другие.

Теперь очень много говорят и пишут об обязанностях офицера по

отношению солдата, причем, сколько я мог заметить, замечается некоторое стремление к тому, чтобы сделать из первого воспитателя и учителя не только в военном отношении. Посильно ли для офицера задаваться такими задачами и не будет ли это в ущерб своему, воинскому, воспитанию и образованию при теперешнем сроке службы? Будем помнить, что наша специальность и без того уже сложна и трудна и что времени едва хватает на самое насущное, да и вряд ли будет польза от подобной разброски в погоне за многим. Насадить в сердце солдата чувства дисциплины, преданности долгу, патриотизма и товарищества, возможно полнее развить и использовать лучшие природные качества его, сдерживая в то же время проявления отрицательных, — вот достойная офицера задача, с которой дай бог только справиться!

Нельзя закрывать глаза на то, что проведение в жизнь указанных выше мер, ведущих к поднятию личности и звания солдата, может вызывать на первое время и в некоторых случаях большую распушенность солдата, который, как и всякий неразвитый человек, своеобразно понимает свободу и совершенно не привык к ней. Поэтому необходимы и известные остерегающие меры, как-то: возможно беспристрастный, но твердый тон, полная законность во всех служебных требованиях, поощрение лучших людей и резкое отнение по отношению склонных распускаться; быть может, даже некоторое усиление на первое время взысканий за нарушение дисциплины и чинопочитания. Необходимо дать ясно понять солдату, что если, с одной стороны, для него сделано все, чтобы улучшить его положение на службе, то с другой — с него и спросится больше, и что ему выгоднее быть на хорошем счету у службы, нежели на дурном.

Как видно из всего сказанного, реформы в деле воспитания солдата должны быть основаны на глубокой внутренней работе, на чувстве справедливости и гуманности. Но, как я не раз уже говорил, все это отнюдь не должно уменьшать необходимую в военной службе строгость и твердость тона; и по отношению нашего солдата это особенно важно: как и всякий простолудин вообще, он склонен уважать силу и твердость и, наоборот, презирать слабость, которой, преимущественно, объясняет мягкость в обхождении с ним, по крайней мере первое время. Поэтому, если излишняя мягкость является по отношению к солдату неуместной вообще, то уж попустительство, а тем более некрасивое заигрывание с ним или расчет на дешевую популярность будут безусловно преступны, и едва ли не в большей даже мере, нежели худшие проявления грубости и жестокости.

Вообще следует стремиться к тому, чтобы каждый военнотрудовой без исключения имел бы твердую уверенность в том, что раз он сделал как следует все, что начальник и служба от него требуют, то смело может смотреть в глаза всякому и что никто не может произвольно и безнаказанно лишить его законных прав; если же в чем и виноват, то строгое взыскание по закону или суд, но отнюдь не самоуправство. Отсюда — необходимость строго регулировать и осторожно пользоваться дисциплинарными взысканиями, применение коих желательно по возможности уменьшать, заменяя их в более важных случаях судом. <...>

У) Служба в войсках вообще: обстановка и режим, характер служебных требований; особенность строевой службы в настоящее время

Функции высшего командования у нас не понимаются должным образом. Как известно, у нас в армии

очень немного людей, умеющих «дирижировать» своим делом и этим путем направлять деятельность подчиненных, предоставляя им необходимую самостоятельность в их действиях; но такое «дирижирование», и притом умелое, — дело не легкое, а условия нашей службы не способствуют тому, чтобы качество это прививалось на практике. Гораздо больше таких начальников, которые не могут править как следует своим делом, потому что не подготовлены к этому прежнюю службой; вследствие этого, упуская свои обязанности, они, в той или иной мере, излишне входят в круг ведения подчиненных и зачастую только мешают работе частей, в редких проявлениях самостоятельности коих нередко готовы видеть посягательства на свои, начальнические, права. И преимущественно это в связи с подчинением служебных требований личным взглядам начальства, а также — с частичностью и случайностью оценки офицерской службы и затрудняет развитие самостоятельности у нас в армии. Всякие попытки в этом отношении, вне зависимости от их правильности, оканчиваются обыкновенно тем, что они тушатся, а инициаторам их «нагорает»; это безразборное глушение всякой самостоятельности неизбежно ведет к тому, что ее проявлений нельзя ожидать и в тех случаях, когда они действительно насущно необходимы; у нас подчиненного ведут все время в строгом поводе и он к этому привыкает, а, привыкнув, не может, да и не считает нужным присматриваться к обстановке, предоставляя это начальству, от которого и ожидает всегда приказаний. Некоторое влияние в этом отношении оказывает и наше одностороннее уставное определение воинской дисциплины, о чем я говорил выше; в строевом обиходе последняя сводится к исполнению приказаний начальника, преимущественно без всяких рассуждений и соображения с обстановкой.

В полном соответствии со всем изложенным выше находится и существующая у нас система проверок войсковой работы.

В самом деле, что представляют собой наши смотры и в какой степени они достигают своей цели?

Эти смотры, имеющие значение проверки и оценки, производятся начальством редко и в хорошо всем известное время, причем сущность их, а в некоторых случаях — и способы производства предусмотрены законом и освящены обычаем.

Кому могут принести пользу подобные смотры? Если начальник хорошо знаком со своими частями, то для чего ему смотреть их и тем более в определенное время и по установленным правилам? Если же такой смотр производит начальник новый, то разве он вынесет из него определенное впечатление? Ведь для ознакомления с частью нужно время, и не малое, нужно тщательное наблюдение за нею, в смысле воспитания, обучения, подготовки и т. д.; и заключение о подготовке части к бою может и должно быть составлено не на основании минутного впечатления, «на глазок», а только путем всестороннего и, следовательно, продолжительного знакомства.

Но, быть может, смотры эти полезны для самих частей? К сожалению, нет и этого: наше начальство обыкновенно не ведет и не учит войска, а преимущественно «смотрит» и критикует, что далеко не одно и то же; да и критика-то эта в большинстве случаев сводится к какому-либо излюбленным «конькам», часто не согласованным с официальными уставами, или даже просто к желанию непременно найти что-либо, к замечанию ради его самого; и исполнителям очень приходится считаться со всем этим, так как в противном случае они рискуют своей служебной карьерой.

Я не говорю уже здесь об обычных перед каждым осмотром

переодеваниях нижних чинов во все чистое, приведении в порядок казарм и т. д. Ведь солдат видит все это очень хорошо, а часто знает и само начальство. Спрашивается, кому все это надо и для чего делается?

И если при этом принять во внимание большое разнообразие в служебных и смотровых требованиях, то надо прийти к заключению, что существующие смотры не только не достигают своей цели, но являются безусловно вредными, заставляя части подлаживаться под личные требования и вкусы начальства, которые далеко не всегда ведут к пользе службы. Отсюда-то и явилось так называемое «очковтирательство», крайне у нас развитое и возможное только при несоответствующем подборе начальствующих лиц, разнообразии служебных требований и большом произволе в смысле постоянных отступлений от уставов и наставлений. О вреде этого явления распространяться не приходится — оно ведет к ложному представлению начальников о степени подготовки войск и делает последнюю мало продуктивной вообще.

Ко всему этому надо еще прибавить привычку некоторых начальствующих лиц предьявлять к частям совершенно невыполнимые иной раз требования, в том расчете, что хоть половина требуемого будет исполнена; это является безусловно вредным, так как порождает в войсках неправильные взгляды на условность исполнения приказаний начальника, что может вести уже к прямым нарушениям воинской дисциплины.

Какими же мерами может быть урегулирован характер современных служебных требований?

Я полагаю, что таковыми являются: создание однородного офицерского состава, усовершенствование способов оценки службы офицеров вообще, и в особенности начальствующих лиц, поднятие строя, изъятие

из него хозяйства и, наконец, все мероприятия, ведущие к подъему личности военнослужащего и развитию самостоятельности, о которых было сказано выше. Кроме того, необходимо совсем отменить принятые у нас способы смотров, предоставив начальству знакомиться с войсками исподволь, с течением времени, пользуясь для этого всяким удобным и более характерным случаем, т. е. короче — требуя знания войск не поверхностного и отчетного, а глубокого, всестороннего; и я полагаю, что эта мера не должна представлять каких-либо исключений и для высшего начальства.

Отмена смотров, разумеется, не должна исключать производства разных частичных проверок, являющихся одним из способов ознакомления с войсками, их снабжением и обеспечением всем необходимым...

Какие же меры могут обусловить подъем духа наших войск?

Главнейшими в этом отношении надо считать: возбуждение доверия и установление связи начальника с подчиненными, и в особенности офицера с солдатом; затем, все меры к поднятию личности и звания всякого военнослужащего вообще, и в особенности — установление однородного офицерского состава и соответствующая постановка в строю службы младших офицеров. Наконец, борьба с пропагандой всякого рода и, в частности, направленной против армии, поддержание в войсках их боевых традиций, развитие и поддержание товарищества в частях и связи между родами оружия...

После нашей несчастной войны в армии слышны были голоса о бесполезности поддержания в частях их боевых традиций; приводились и соответствующие примеры, что те или другие части войск, имевшие за собой славное прошлое, не оправдали его, тогда как молодые полки сибирских стрелков показали

себя не только не хуже, но и гораздо лучше этих старых частей.

Это, разумеется, было только одним из увлечений и преувеличений, возникших после войны, под неблагоприятным впечатлением наших неудач; в данном случае забывалось, что все это, наоборот, только служило подтверждением пренебрежения традицией, для поддержания которой частям еще недостаточно носить соответствующее название и иметь заслуженные их предками боевые отличия. И тем более чести молодым сибирским полкам, которые, ничего не имея за собой в прошлом, сумели создать славное настоящее, которое, разумеется, необходимо сделать и достоянием будущего.

И действительно, на боевые традиции у нас в армии не обращалось должного внимания; если же их и придерживались кое-где, то скорее в смысле пережитков, нередко вредных для армии, или же трактовали их исключительно с внешней стороны.

Прежде всего необходимо помнить, что не только боевая, но и всякая воинская традиция вообще только тогда будет полезна и жизненна, когда она не является слепой и безразборно враждебной по отношению ко всему новому вообще. Поэтому и поддерживать стоит не всякую традицию, а только такую, которая укрепляет дух армии и вместе с тем способствует или, по крайней мере, не направлена против ее роста; и, наоборот, весьма вредно охранять те традиции, которые являются лишь пережитками старого и отжившего; таким образом, к ряду традиций полезных, продуктивных надо отнести все боевые подвиги, товарищество и т. д., поддержание которых совершенно необходимо; с другой стороны, вряд ли кто будет оспаривать, например, вред традиционной грубости и произвола нашего служебного режима, бывшего «барского» отношения к службе «господ» офицеров и т. д.

Что касается до внешности традиций, то все ее значение обуславливается внутренним содержанием: есть на лицо внутренняя, глубокая традиция — уместна и желательна будет и внешность, нет ее — не надо и наружности, которая в этом случае обращается лишь в пустую внешность. Поэтому все эти красивые старые формы, на которые пошла теперь такая мода, будут полезны только при условии полного соответствия их с внутренними мерами к поддержанию традиций; самая красивая форма сама по себе традиций не поддержит и явится лишь дорогостоящей и потому вредной игрушкой. То же и о разных парадах: нивелировка важных и неважных в этом отношении случаев лишь подрывает значение первых.

Хранителем традиций в войсках, при нынешних коротких сроках службы, является почти исключительно офицерский состав. Следовательно, с него, с его подготовки и надо начинать при решении этого вопроса. Наиболее же действительными к поддержанию традиций мерами будут: составление истории частей и кратких памяток для солдата, беседы на соответствующие темы, воспоминания о тех или иных событиях из жизни частей, устройство своих музеев, ознакомление с памятниками военно-исторического значения и знаменательными в этом отношении местами.

У нас в армии, слава богу, есть что помянуть и чем можно гордиться: Куликовская битва, осада Пскова и Троицкой Лавры, Смоленск, Полтава, Измаил, Кинбурн-Очаков, Швейцарский поход Суворова, Кавказские войны, Севастополь, завоевание Туркестана, Шипка и т. д. Грешно забывать свое славное прошлое, а мы в этом отношении часто бываем непростительно небрежны. И уж нам-то, имеющим перед собою пример Суворова, казалось, не занимать стать по части развития воинского духа.

Но одной армии, при нынешних сроках ее службы и развитии антивоенных тенденций, нелегко справиться с задачей о поддержании традиции и духа на желательной высоте. И на помощь ей в этом отношении должно прийти государство путем принятия мер общего значения...

Ту же цель — поддержание духа войск — должно преследовать и установление товарищества в частях и связи между родами оружия. И подобно тому, как и вообще во всех почти военных начинаниях, и здесь дело прежде всего за офицерским составом. Установление в нем необходимого однообразия, поднятие личности строевого офицера и значения строя вообще, возможное сокращение всех привилегированных служб, возбуждающих иногда понятную зависть, образование крепких офицерских обществ, поддержание полезных традиций и обычаев, наконец, большая близость начальников к подчиненным и их нуждам — все это в общем может вести к поддержанию товарищества в частях. Не должно забывать и о солдатском составе, по отношению которого необходимы будут: большая близость офицеров и соответствующее воспитание; кроме того, следует, по возможности, удовлетворять все частичные просьбы нижних чинов в смысле стремлений к совместному сослужению по родству, землячеству или дружбе, что, конечно, будет только в пользу товарищества.

Связь между родами оружия у нас почти отсутствует. Объяснять это надо преимущественно разнообразием офицерского состава, организацией соединений, характером служебного режима и, кроме того, недостаточным взаимным знакомством со значением и обязанностями при совместной службе.

Наиболее сплоченными являются у нас те части, в основу комплектования коих, по закону или обыч-

ным путем, принят известный подбор офицеров; подобным путем комплектуется вся гвардия, артиллерия, инженерные войска и отчасти кавалерия и стрелки. Совершенно иное в пехотных частях, где состав офицеров обыкновенно чрезвычайно смешанный.

Поэтому важнейшею мерою и в этом отношении должно считать однообразие офицерского состава армии; кроме того, известные влияния должны оказать соответствующая объединяющая организация и совместная работа. Вне этого все остальные меры в направлении поддержания связи будут иметь лишь частичное, случайное значение. (...)

IX) О военных реформах вообще...

Общий перечень важнейших военных реформ

Как видно из всего вышеизложенного, главнейшими из военных реформ являются следующие:

1) Нравственное возрождение армии; стремление к возможной справедливости и к уничтожению произвола; меры к поднятию воинского духа.

2) Более прочная постановка воспитания офицера и солдата.

3) Поднятие образовательного их уровня.

4) Утверждение в армии дисциплины, чувства долга и патриотизма в лучшем значении этих слов.

5) Установление однообразного офицерского состава.

6) Поднятие личности и ограждение прав всех военнослужащих вообще, с предоставлением каждому из них необходимой самостоятельности, регулируемой законом и начальствующими лицами.

7) Введение более справедливых и надежных способов оценки службы и назначений на должности вообще.

8) Изменение уклада армии и направления служебных требований, как в смысле соответствия их

с поднятием личности и с ограждением прав каждого чина, так и в отношении приурочения их к боевым целям.

9) Исключение из войскового обихода всего того, что не соответствует духу военной службы и тормозит успех боевой подготовки.

10) Улучшения в постановке и прохождении строевой службы; поднятие строя вообще.

11) Соответствующая реорганизация центральных и местных военных управлений; децентрализация высшего управления армией и установление связи в работе всех ведомств и органов по подготовке к войне.

12) Реформирование службы Генерального штаба путем привлечения его к делу подготовки к войне и, в частности, к боевой подготовке войск. Правильная постановка штабной службы.

13) Необходимые изменения в системе мобилизации армии и в способе выбора людей для службы в ней.

И, наконец, 14) Улучшение материального положения офицера и солдата на службе и по окончании ее.

Связь с общими реформами; объем и направление военной реформы

...Нельзя себе представить, чтобы в то время, как страна получила реформу, которая глубоко отражается и отразится еще более на всем ее укладе, один лишь военный мир оставался бы неподвижным; современная армия — тот же народ, и очевидно, что и мы, военные, не можем не сообразоваться с реформами общегосударственного значения.

Поэтому необходима реформа и нашего военного уклада, и притом такая, которая шла бы в уровень с общей, т. е. была бы тесно с нею связана и из нее исходила бы.

Следовательно, военная реформа должна быть глубокой по существу,

т. е. затрагивать все важнейшие стороны нашей жизни и службы. Но этого мало: она должна быть вместе с тем и цельной, т. е. не ограничиваться частичной и случайной работой, а проводиться в стройной системе, по заранее выработанной программе, которая исходила бы из определенных и вполне отвечающих современным потребностям армии решений, охватывая собою все стороны военной жизни в мере их относительной важности.

Необходимо проникнуться сознанием, что нужны именно коренные и цельные реформы; мы переживаем время не только не заурядное, но даже критическое, а потому и не можем продолжать жить прежнею жизнью; нужны не обыкновенные меры и не обыкновенная работа, а исключительное напряжение и исключительные люди. Надо использовать, в лучшем значении этого слова, наше приподнятое, волнующееся время. Застой и слепота в теперешней обстановке были бы равносильны наложению рук на самих себя.

Я знаю, что многие не разделяют этого мнения; они не видят надобности в столь глубоких реформах и находят необходимым исправить лишь некоторые частичные недостатки...

Если мы обратимся к недавнему прошлому, то увидим, что большую часть наших военных мероприятий преследовала злая судьба — они оказывались обыкновенно неудачными по замыслу и недостаточно практичными, что хорошо сознавалось очень и очень многими. И если отчасти это происходило оттого, что они носили преимущественно отвлеченный, канцелярский характер, то другой, уже несомненно, причиной их сравнительной безрезультатности являлся именно недостаток цельности, частичность и случайность их появления, что обуславливалось, конечно, отсутствием общей руководящей идеи и плана. Этим

и надо объяснять наблюдаемое у нас обилие мероприятий и разных распоряжений, носящих какой-то неопределенный, незаконченный характер и как бы остановившихся на полдороге.

Характер и условия проведения военной реформы

В проведении реформ в жизнь необходимо иметь в виду следующее.

1) Реформы могут быть осуществлены не сразу, а только в течение известного времени, и притом в определенной последовательности.

Конечно, среди материальных реформ есть такие, которые могут быть осуществлены сравнительно быстро; сюда принадлежат, например, увеличение содержания чинам армии, изменения в программах известных предметов, проходимых в военно-учебных заведениях, в некоторых уставах и т. д. Реформы организационные требуют уже гораздо большего времени, продолжительность которого может измеряться только годами. Что же касается духовной стороны реформ и изменения установившегося издавна уклада армии, то учесть заранее необходимое для этого время совершенно невозможно; надо думать, что это может явиться лишь результатом весьма продолжительной работы, и притом не одного или нескольких лиц, а целого и даже, быть может, нескольких поколений, при непрременном условии настойчивого преследования идей, положенных в основу реформы, а также — системы и преемственности в работе, к чему мы так мало склонны вообще. Проведение реформ должно производиться в известной последовательности, этапами, начиная с более важных, неотложных и вызываемых духом времени и общим положением дел.

Исходя из этих соображений, на первом месте следует поставить

реформы нравственного, духовного порядка и все то, что с ними связано, а именно: установление возможной во всем справедливости, гуманности и законности; уничтожение произвола, поднятие личности и ограждение прав каждого военнослужащего, и в особенности младшего состава армии — нижних чинов; воспитание офицера и солдата; развитие в них чувства благородства вообще, укрепление дисциплины, понятия о служебном долге, а также патриотизма, национального сознания и воинского духа; установление большей связи и товарищества между чинами армии и устранение всего того, что ведет к розни и обособлению вообще, а в особенности между офицером и солдатом. Затем — соответствующее изменение всего уклада и направление служебных требований как в смысле большего приурочения последних к подготовке к войне и, в частности, к боевой подготовке войск, так и в отношении установления более справедливых и надежных способов оценки службы каждого военнослужащего и во всех назначениях вообще.

Далее — более значительные организационные меры: установление однообразного офицерского состава, поднятие образовательного его уровня; урегулирование прохождения службы и меры, направленные к подъему строя вообще. Реорганизация центральных и местных военных управлений и службы Генерального штаба, изменения в мобилизационном деле и т. д.

Наконец, менее значительные организационные мероприятия, например, детали в постановке военно-учебных заведений, войсковой организации и т. д.

2) Инициатива в деле проведения реформ; умение пользоваться духом времени.

Нельзя сказать, чтобы инициатива в деле реформ исходила у нас всегда сверху, и последнее время

является в этом отношении весьма характерным. Однако, при всей необходимости сообразоваться с временем и прислушиваться к мнению общества, невозможно допустить, чтобы инициатива, хотя бы и временно, ускользала из рук высшего управления армией; последнему надо взять почин в свои руки и, став во главе дела, твердо и определенно вести его вперед; надо показать, чтобы всем и каждому стало ясно, что реформы даются не под натиском угроз и криков толпы, не под влиянием беспорядков и мятежей худших элементов армии, а по доброй воле, в полном сознании долга, необходимости и ожидаемой от них пользы; это — в высшей степени важно, так как несомненно явится источником доверия к верхам и повлияет на уменьшение недовольства в армии, к чему непременно надо стремиться.

Кроме того, необходима большая живость, отзывчивость высшего управления к заявлениям и работе местных, войсковых органов, и в особенности к тем из них, которые связаны с делом подготовки к войне и, в частности, с боевой подготовкой войск. Это имеет большое значение в смысле подъема духа и производительности работ, так как поселит в армии уверенность в том, что наверху всякое живое начинание будет встречено сочувственно и что, следовательно, ни одна заслуживающая внимания работа не пропадет даром, как это часто бывало и бывает до сих пор.

Надо уметь пользоваться и духом нашего необыкновенного во многих отношениях времени.

Всякую реформу и начинание следует предпринимать, что называется, благословясь общим голосом; нужно знакомить военное общество с целями тех или иных реформ, с ходом дела и вызвать его на обмен мыслей, что принесет делу только пользу, так как даст огромный жизненный материал. И не надо

смущаться, если в общем хоре голосов будут раздаваться пристрастные, однобокие или предубежденные мнения; из всего этого материала всегда можно выбрать то, что заслуживает внимания, но не следует лишать себя возможности выслушивать общество и вследствие этого терять много полезных и желательных мнений.

3) Основы идеи военной реформы, общее направление работ и все принципиальные решения должны принадлежать одному лицу и во всяком случае выливаться из одной свежей и широкой головы; конечно, лучше всего, если это лицо будет вместе с тем и стоять во главе управления армией.

Только это условие и может послужить гарантией цельности и определенности военной реформы; но, с другой стороны, этим и должна оканчиваться централизация вверху идейной ее стороны; разработка же ее, всестороннее освещение исходящих отсюда частных вопросов и, как результат всего этого, использование и подготовка собранного материала для постановки решений, — одним словом, вся исполнительная часть должна быть, наоборот, децентрализована, и притом возможно шире. Следовательно, если, с одной стороны, цельную военную реформу не произведет сонм самых совершенных советов, комитетов и комиссий, то, с другой, и самый талантливый инициатор ее будет бессилён сделать что-либо крупное без тщательно подобранных сотрудников и соответствующей организации исполнительной части работ.

Надо знать и то, где искать и скорее всего можно найти лиц, которые могут быть наиболее полезными для работ по обновлению армии. И, откровенно говоря, совершенно бесполезно будет искать их среди людей старых или устаревших, с предубеждениями и предрассудками, которые уж слишком затянуты старым укладом и многого не поймут

уже просто потому, что они — люди прошлого. Внимание надо обратить гораздо ниже и взять те возрасты и положения, из которых режим не успел еще вытравить всех лучших порывов и стремлений; я говорю о людях молодых и вместе с тем достаточно опытных, в возрасте примерно не старше 40—50 лет. Только здесь еще найдем мы настоящих работников, годных в современной обстановке; более зрелые же в огромном большинстве случаев окажутся старыми мехами, которые не справятся с молодым вином, не поймут и не распознают его вкуса; исключения, конечно, есть, но они — крайне редки.

Несправедливо жаловаться на отсутствие подходящих людей вообще; они у нас есть, но не там, где их обыкновенно ищут; несомненно, среди нас есть большие творческие силы, найдется и энергия и охота работать. Но уклад нашей жизни их обходит и мы сами их мало ценим; вперед продвигаются больше люди протекции, случайные и бесцветные; мы склонны сильно ошибаться в своей оценке и нередко принимаем за даровитых людей разбитных, бойких, но неглубоких и часто пустых. Конечно, в некоторых случаях таланты пробиваются сами, но большая часть их проходит незамеченной и остается не у дел; это особенно применимо к нам, так как наши таланты в особенности индивидуальны, своеобразны и слишком уж не подходят под общий уровень серой обыденной жизни.

И если у нас часто создаются дутые репутации, падающие при первом же соприкосновении с действительно серьезным испытанием, то, с другой стороны, эта же обстановка выдвигает иногда людей, которых мы раньше совсем не замечали и появление коих бывает обыкновенно совершенно неожиданным.

4) В исполнительной части работ по проведению реформ... большое

значение получают обыкновенно разного рода комиссии, т. е. такие временные учреждения коллегиального характера, которым поручается разработка и освещение тех или иных частных вопросов...

Разных комиссий было у нас много и раньше... Но результаты их деятельности обыкновенно сводились к тому, что все разработанное ими не получало какого-либо серьезного применения; из него выплывали на поверхность лишь некоторые незначительные детали. ...Отсутствие уверенности в пользе работы невольно подрывало дух и отнимало охоту работать как следует; отсюда — формальное преимущественно отношение к делу.

...В комиссиях нередко стремятся прийти к средним, более или менее сглаженным, а стало быть, и бесцветным решениям; и в этой погоне за нивелировкой их теряется обыкновенно много полезных и самостоятельных мыслей...

5) Жизненность, практичность реформ. Для этого необходимо прежде всего, чтобы во главе дела реформирования армии находились бы люди с широким кругозором, не склонные к предвзятым решениям и хорошо знакомые со службою и жизнью войск. Но и этого еще недостаточно: всякое продолжительное пребывание на высоких и удаленных от войск должностях... невольно способствует тому, что со временем утрачивается, до некоторой степени, масштаб для верного суждения о войсках, который может быть выработан только путем продолжительной службы в строю. Поэтому лицам, стоящим во главе высшего управления армией, необходимо время от времени бывать в войсках, особенно расположенных в провинции, и присматриваться к их жизни и службе; из личных наблюдений и разговоров с людьми разных положений пытливым и наблюдательным человеком всегда сумеет вынести многое, и впечатлений этих

не заменят самые обстоятельные донесения...

Много, конечно, может помочь здесь соответствующий подбор помощников, а равно и состав комиссий...

Наконец, важно быть отзывчивым и к направлению военно-общественного мнения. Разумеется, нельзя, да и не нужно, обращать внимание на каждую газетную и журнальную статью, но в некоторых случаях

военная литература способна без прикрас и всесторонне осветить тот или иной вопрос.

В общем эта осведомленность во внутренней жизни армии может предупредить грубые иной раз ошибки в направлении деятельности и в распоряжениях лиц, стоящих во главе управления ею...

*Д. Парский. «Что нужно нашей армии?»
Спб., 1908*

РАЙКОВСКИЙ

ВОЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ

Вступление

Я должен оговориться, наше дело — даже не ремесло и не профессия, так как мы, кроме массы общих и специальных знаний, умственного развития, физического, нравственного и духовного совершенства, вносим и должны вносить в наше дело такой элемент, который нельзя учесть, элемент этот — сознательное, а не случайное самоотречение и самопожертвование собою без страха и сожаления. Ни одно ремесло, никакие обязанности и никакая профессия не могут поэтому быть сравнимы с нашим высоким, священным делом, нашей службой и нашей деятельностью. Это целая идея, а идею и служение ей нельзя разменять на какие-нибудь ценности

и благополучия, сопутствующие иной работе и другому делу. Мало того, что в нас живет и поглощает наше я эта идея, мы, во имя этой идеи, лучшие чувства, мысли, кроме, конечно, знаний, должны привить контингенту, поступающему в ряды армии на ее пополнение, и если в данное время нет войны и обеспечен на более или менее продолжительное время мир, мы должны совершать великую миссию, ибо каждый молодой человек, прошедший через ряды армии, должен вернуться в свою прежнюю среду физически, духовно, нравственно и умственно обновленным и с таким запасом и таким багажом положительных знаний и практических данных, которые могут быть использованы во всяком деле, во всяком ремесле, во всякой деятельности

и во всякой профессии, так как все, повторяю, приобретаемое в военной службе, обновляет дух, облагораживает душу, сердце и укрепляет весь организм человека.

Основные принципы командования и воспитания

Принципы эти одинаковы во всех армиях, у всех культурных народов и во всех государствах. Разница лишь в подробностях, каковое обстоятельство находится в полной зависимости от национальных особенностей, народного развития, культуры, воспитания и первоначального обучения. Бесспорно одно, что работа эта, при исследовании, обозрении и заключении, в конечном результате одна и та же везде, ибо, как сказано выше, дух, стремление и принципы эти однородны как у нас, так и в армиях других государств.

Военное воспитание заключается не только в воспитании отдельного бойца и целых масс, но в воспитании и самовоспитании всех качеств и достоинств высшего порядка в командном составе для успешного выполнения всех сложных и ответственных операций в военное время и в систематической, кропотливой работе мирного времени в целях наилучшей подготовки и воспитания отдельного бойца и целой массы их, а также начальников низших, средних и высших степеней для конечной цели, каковой является опять та же война. Ряд предъявляемых требований, весьма высоких и суровых, подсказывают с очевидною ясностью, что только лучшие силы, в физическом, нравственном, духовном и умственном отношении, способны сами выполнить это великое и серьезное назначение и так

же солидно, умело и серьезно подготовить в мирное время бойца, как в одиночку, так и в массе. Из этого определения и вытекает та непреложная истина, что только *корпус строевых офицеров* способен выполнить этот высокий акт, долг и назначение. Но этого мало, так как мало офицеру обладать всеми вышеупомянутыми достоинствами, если в груди у него не будет гореть священный огонь, в сердце не будет любви, а в душе будет отсутствовать беззаветная до самозабвения, самоотречения и самопожертвования преданность своему высокому делу. Военный, и в особенности начальник, каковым является офицер, без этих качеств немыслим. Поэтому избирающие военную службу для карьеры или материального обеспечения — это грубое заблуждение и глубокое оскорбление основ военной службы и ее жизненного дела, офицерского труда, офицерской работы, офицерского звания и офицерского достоинства. Совершенно справедливо мнение, которое надлежит возвести на степень догмата, что военной карьере и службе посвящают себя, а не избирают это дело так же, как рабочий ищет и обеспечивает себя каким-нибудь трудом и занятием во имя того, что жить и питаться нужно. Нет! Только тот достоин носить высокое звание офицера, кто при наличности полной преданности военному делу любит его всеми фибрами своей души и в чьем сердце горит тот священный огонь, который способен двинуть на великие подвиги верующего в свое дело и назначение человека. Не безвольным людям, большим душой, немощным, нервнорасслабленным, и, наконец, людям, ищущим покойной жизни и жирных окладов, место в рядах командного состава

РАЙКОВСКИЙ Викентий Логгинович — полковник. Учился в Калишской классической гимназии; Варшавское пехотное юнкерское училище окончил в 1872 г. Служил в 3-м Ковенском крепостном пехотном полку от командира взвода до командира полка.

армии; здесь нужны деятели и люди высшего порядка, типы душевного развития, а не пигмеи без воли, без характера, с узкоразвитым кругозором, с замашками и привычками людей, отдающих себя делу и работе только в известной доле, степени и пропорционально получаемому за то вознаграждению. Не спорю, что требование это очень сурово, но не я сгустил краски, характеризуя предьявляемые от офицера требования, ибо служебный долг, сознание его, сознание священной миссии, исполняемой офицером, очень высоко и весьма почетно. Вполне справедливо, что это похоже на фанатизм, но без этого фанатизма немыслима офицерская работа, офицерский труд, так же как офицерское звание и достоинство. Сознаю, что я могу быть понятым только в военной и офицерской среде, и если там мои слова и мои мысли найдут себе живой отзвук, отклик и вызовут ценное созвучие, зажгут в сердце огонь и повысят его биение, то цель моя будет вполне достигнута...

Воспитание и самовоспитание командного состава

Из краткого моего изложения основных принципов командования и воспитания следует вывод, что все эти принципы, возвышенные мысли и взгляды на военную службу и ее обязанности должны быть прочно привиты и переданы доверенному составу их начальниками, а так как работу эту должны умело, логично и систематически выполнить те, в чьих руках сосредоточена власть по командованию, воспитанию и обучению, и так как обязанности эти сопряжены с офицерским званием, то ему и надлежит подобающим образом подготовить себя к этому серьезному, почтенному и ответственному труду и работе, имея в виду, чтоб мысли и слова не расходились с делом, помня всегда и везде, что

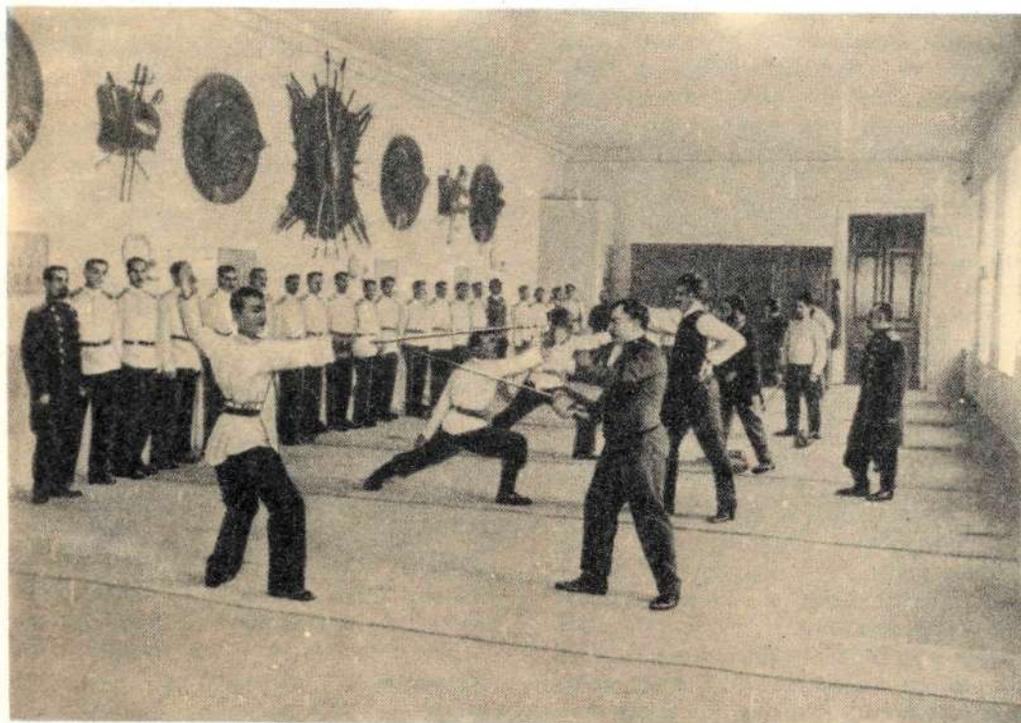
в нашей военной работе всякое дело должно быть выше мысли, наши действия — выше слов, а практическая сторона всякого вопроса должна стоять выше теоретических выводов.

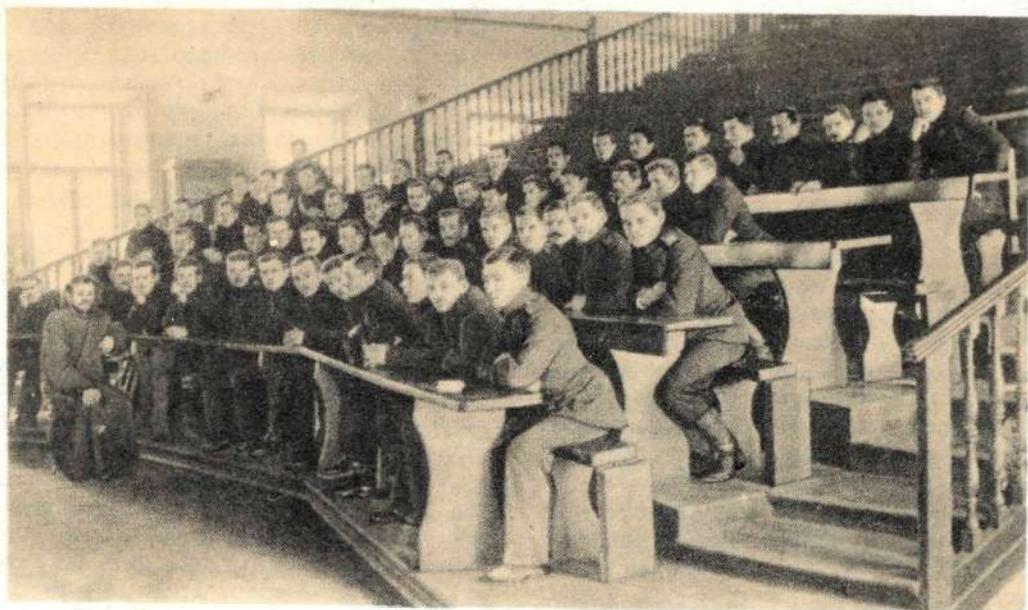
Принимая эти мысли за отправную точку, полагаю, что тот, кто желает достигнуть и носить высокое и почетное звание офицера, должен иметь на это известные права, обладая известными достоинствами и качествами. Но всего этого мало; все это очень важно и серьезно и не подлежит оспариванию, но наряду со всеми возвышенными качествами и достоинствами физического, нравственного и умственного свойств, нужно воспитать в себе волю, характер, при наличии таких физических свойств и такой выносливости, которая гарантировала бы работоспособность, неутомимость и не на время, а на всю жизнь, прогрессируя в этом отношении, параллельно с повышением в высшие чины и звания. Нельзя поэтому избирать себе военную карьеру во имя необходимости жить и питаться — это не благородно. Военной службе и делу посвящают себя, отдавая ей все, в лучшем и самом высоком значении этого слова. Если бы многие, в общем, были более возвышенно и патриотичнее настроены, то, я уверен, в рядах офицерства было бы более соответственного материала, так как никто не может оспаривать, что семейные добродетели зачастую искусственно заглушают проявление в юношах этого благородного чувства, порыва и стремления к достижению офицерского звания, ссылаясь главным образом на материальную необеспеченность и рисуя детскому воображению всякие благополучия, при достижении звания, всегда и непременно в такой последовательности: инженера, доктора, юриста, наконец чиновника, а в религиозно настроенных семьях и священника.

Ансамбль балалаечников

Фехтование

Урок духовного пения в военном училище

Урок танцев в кадетском корпусе

Все эти благополучия, конечно, сопряжены с большей доходностью, крупными окладами, повышениями, поощрениями и т. п. атрибутами звания, всякого почета, а главное, материального благополучия.

Быть может, это и очень возвышенно с точки зрения родительской любви, морали и семейных добродетелей, ведущих, воспитывающих, устривающих своих детей в теплой атмосфере и подготавливающих им в жизни одни удобства и наслаждения с затратой наименьшего на все это труда, а если и сопряженные с трудом, то во всяком случае без риска ни своими силами, ни здоровьем, ни жизнью в интересах государства и Отечества; все это так, но все это как будто эгоистично и близоруко, а главное малопатриотично. Оставим поэтому в покое эти гражданские добродетели с их чадами и обратимся к теме, кто возвышеннее и более идеально смотрит на офицерское звание и достоинство.

Конечно, самое лучшее, когда еще в детстве, рядом с первоначальным воспитанием и обучением, прививают и внушают ребенку уважение к военной силе, к армии, к ее начальникам, к офицерам. Тогда понятно, что подвиги великих мировых и отечественных полководцев, запечатлевая в воображении детей мощь и кротость духа, силу воли, непоколебимый характер, бесстрашие, удаль и храбрость, пробуждают в них лучшие чувства, во всяком случае лучше тех высоких гражданских добродетелей, которые клонятся к тому, что только деньги, жирный оклад и покойное существование составляют цель жизни, к чему неукоснительно сами эти добродетельные люди, стремясь, увлекают за собою в этом направлении и свое потомство.

Понятно, что когда такое стремящееся к идеалу воспитание духа и ума гармонирует с физическим

развитием, то впоследствии получается ценный материал для будущих военных как высших, так и низших званий, тогда только армия патриотична, национальна и способна сознательно перед Отечеством выполнить свой долг и назначение.

Ясно и определенно из этих рассуждений и сопоставлений следует та мысль, что командный состав армии следовало бы воспитывать с детства, и в этом отношении наша военная школа — кадетские корпусы приносят и должны всегда приносить громадную пользу нашему делу. Воспитываемые и ведомые с юных лет составы корпусов создают то, чего ни одно учебное заведение другого типа сделать не в состоянии. Выдерживаемые в строгом порядке, системе, режиме, воспитывая спартанские привычки, воспитывая и характер и волю, кадетские корпусы, пока только одни, дают лучший материал для заполнения брешей, образующихся от естественной убыли командного состава в армии...

Желательно только, чтоб наша средняя военная школа была тесно связана со строем и уважение к этому строю прививала прочно в юных сердцах кадет.

Связь корпуса со строем должна быть постоянной и деятельной. Пусть лучшие офицерские силы, после вполне законченной строевой практики, идут из строя на время в корпус, а бывшие там возвращаются в строй. Если установить деятельный и постоянный такой обмен, полагаю, что и строй и наша средняя военная школа от этого обмена останутся в положительном выигрыше.

Кто же дает наибольший контингент для пополнения кадетских корпусов, как не семейства военных? Для военной школы, а впоследствии и военного дела, это самый лучший элемент, и из него путем наследственного подбора образуется

отличный материал для занятия офицерских должностей. <...>

Воспитанный, выученный и дисциплинированный материал для занятия офицерских должностей после тщательной переборки, фильтрации и отделки вступает, наконец, в ряды практических деятелей, заполняя в частях войск офицерские вакансии. Это очень серьезный акт в жизни отдельной личности, это эра, и с этого момента начинается счисление офицерской службы, продуктивности офицерской работы и т. п. явлений. Офицерская семья должна употребить всю силу товарищеского авторитета и влияния, чтоб первые шаги не были направлены на ложный путь. Это обязанность корпуса старших офицеров части, которые везде, всюду, в благоустроенных полках или отдельного наименования частях создают хороший тон и вырабатывают тот хороший дух, которым часть живет и который ее живит. Начальник части, ее командир, дает направление и создает подходящую для жизни и работы обстановку молодому офицеру, так как он, стоя во главе офицерского общества как его руководитель, наставник и воспитатель, знает наилучшим образом, как и куда для практического дела направить молодые силы. Полагаю, что так устраиваемая жизнь и такое направление первых лет самостоятельной офицерской деятельности в качестве младшего строевого офицера обеспечат дальнейший успех дела и личного благополучия офицера...

При этой обстановке, отчасти служебной, отчасти товарищеской, но всегда строго корректной, порядочной, джентльменской и дисциплинированной, вырабатывается офицерский тип, близкий к идеалу... Кроме всех высоких качеств и достоинств всякого сорта, наименования, вида, относящихся к физической, умственной, духовной и нравственной стороне вопроса, воспитание характера и воли — вопрос

существенного значения для офицерского звания и достоинства. Не думаю, чтоб кто-нибудь стал оспаривать у меня необходимость наличности этих качеств в офицере, необходимость воспитания таковых, постоянного бдительного ухода за ними, в целях лучшего их развития, как равно крайнюю заботу об авторитетности, которая офицеру и начальнику необходима всегда и везде, во всех чинах и званиях.

Что такое служебный авторитет и из каких элементов он складывается? Сумма положительных знаний, подкрепляемых практическими выводами, безупречное личное я, выдержка, корректность, хладнокровие, чистоплотность во всех видах, формах и наименованиях физического, нравственного и умственного характера, высокое понятие о чести и доблести офицерского звания, гордость и самолюбие, не допускающее незнания того, что в положении офицера, начальника и командира знать надлежит, — вот главные основы служебного авторитета. Лучшие мысли, желания и стремления без наличности служебной авторитетности дадут в практическом результате нуль, который не обеспечивает ни успеха, ни развития нашего, всем нам дорогого и идейного военного дела, в общей его сложности. Начиная военную службу и деятельность в самом младшем офицерском чине и кончая высшей ступенью генерала, командующего армией, авторитетность нам нужна и даже крайне необходима. Авторитетность эта должна быть истинной, не деланной и не опирающейся на силу данной власти, она должна быть наглядной, убедительной и убеждающей настолько, чтобы не было никогда и нигде ни малейших колебаний и сомнений. Если мы все отнесемся к этому серьезно, если мы, любя наше дело, наше сословие, будем воспитывать и нежно лелеять это драгоценное качество, мы, вне всякого сомнения, сделаем

много и принесем громадную пользу государству, себе и единственно дорогому нам военному делу. Полагаю, что стоит над этим поработать и поразмыслить. Условие, необходимое при этом, единственное: любовь и преданность нашему делу до фанатизма, полного самоотречения, до самопожертвования. Пусть лучшие типы военных мужей, полководцев, их жизнь и преданность военному делу служат для нас классическими примерами, достойными подражания. <...>

Обобщая еще раз вопрос о нашей подготовке к офицерскому званию в средней, высшей и верховных наших военных школах. Все эти школы дают нам лишь направления, сообщая путем практики и теории знания, которые впоследствии, в жизни, мы должны умело и применить, и эксплуатировать так, чтоб в этом видна была работа любителя, художника, а не жалкого ремесленника. К такой работе, к такому делу и к такому направлению нашей всей психики нас обязывает сословная наша честь и наше офицерское достоинство. Нельзя поэтому думать и предполагать, что аттестат зрелости, дипломы высших школ и ученые знаки создают окончательно офицера; нет, это неверно — коли последующая жизнь, служба и деятельность будут противоречить основным принципам военного дела. Военное дело деятельно и вечно в движении, оно постоянно прогрессирует, и если офицер способен покоиться на лаврах, на основании аттестатов, дипломов и значков, то принципы, интересы и последствия службы должны оставлять этот разряд там, где ему надлежит покоиться, ибо выдвижение инертности, пассивности и бездеятельности, хотя бы дипломированной, оскорбляет основы нашего дела, службы и той вечной нашей умственной деятельности, нравственного и физического совершенствования...

Отбросим мелкое самолюбие, станем все на высоту своего офицерского звания, как первого сословия в государстве, и если силы нам изменяют и мы не будем достаточно их в себе чувствовать, не станем громко сетовать на то, что грядущее молодое поколение, более деятельное и более способное, заменит нас. Долой претензии на выслугу лет, на наши дипломы, академические знаки былых времен, коли мы не умеем, не умели и не можем использовать былых знаний или же мы все позабыли и отяжелели. Поменьше эгоизма и побольше офицерской доблести. Каждому свое и каждому да воздастся по заслугам, по уму, знанию, труду и работоспособности. Полагаю, что при существовании в нас самих этих взглядов и убеждений фатальные второстепенности и посредственности командных составов отойдут на задний план, а мы, все усовершенствованные деятели, не исключая питомцев нашей верховной военной школы, будем действительными аристократами ума, или иначе мозга, нашего военного дела. Нам надо твердо помнить ту истину, что знание своих способностей должно руководить нами в нашем святом, идейном и возвышенном деле, и мы не должны предпринимать дел сверх наших сил, предоставляя это тем, которые умело и хорошо их выполнят, несмотря на сравнительную, быть может, свою молодость и не устаревшее старшинство, так как иное направление мыслей, мелкое самолюбие, мелкие обиды нарушают смысл и общую гармонию нашего дела. Думаю, что мысли мои определенно говорят, что не многолетняя выслуга в чинах и званиях, не дипломы и академические знаки, а действительные способности, таланты, а может быть, и гении должны выдвигаться нами вперед и идти вверх; вычеркнем из нашей жизни и быта пассивное ожидание

повышений, на основании чего-то, когда-то изучаемого на школьной скамье, прочно позабытого и не освежаемого впоследствии. Такое положение вещей заставит нас всех уважать науку для службы и, во имя ее, уважать самую службу, любить ее — вселить также в нас горячую преданность воинскому делу, словом, заставить заботиться о наличии всех сил физического, нравственного и умственного свойства для того, чтоб отдать их исключительно интересам нашего военного дела, и отдать без сожаления, без проявления лени и без всяких счетов с личными удобствами и благополучиями.

Нет, не жирные оклады и личные благополучия материального характера должны нами двигать и руководить, а идейное служение делу, патриотизм чистой воды, офицерская доблесть, честь с присущей скромностью, и все эти высокие качества и достоинства должны быть у нас вне всякого сомнения. Не спорю, что обеспечить потерянное на службе здоровье и силы нужно и что нужно на службе дать столько, чтоб жизнь была обставлена прилично, очень чисто и плотно и щеголевато, но и только. Скромность — удел рыцаря и офицера, считаю уместным повторить, а при скромных привычках лучше сохраняются силы и здоровье, запас чего крайне нам нужен для всякого военного спорта и работы. Не на зеленых полях душных, пыльных лomberных комнат следует побивать рекорды, а в поле, на воздухе, верхом на коне или пешком, в манеже с рапирой или эскадром в руках, на стрельбе, охоте, на коньках, лыжах, в лодке — на веслах, на парусе или искусно плавая и уча этому других. Но спорт хорош при воздержании, при системе в жизни, при порядке как в питании, так и в туалете. Все эти способы и средства должны проявляться у нас в самых совершенных формах, так как это гаран-

тия нашего здоровья, нашей выносливости и трудоспособности...

Да, все: наружный наш вид, наша жизнь, наша нравственная, умственная и духовная деятельность — должны быть вылиты в бронзовые формы, и эти классические формы должны быть образцом для подчиненных нам масс, для народа и все лишь во славу, для величия и гордости нашего Отечества...

Как нет в природе двух человеческих существ, схожих во всех отношениях и деталях между собою, так в армии, вследствие особых условий быта, по родам оружия, есть некоторая разница в укладе внутренней жизни и условий, но разница эта утопает в той общей цели и идее, которой мы все служим, — отсюда истекает обязанность солидарности всех офицерских сил, во имя военного братства. Разница в этих деталях проявляется даже в одном роде оружия, и каждая отдельная часть имеет, если можно так выразиться, свою особую физиономию. В каждой части имеются свои традиции, предания, свои реликвии и так же, как в семье, мы оберегаем все от постороннего влияния и внушения, так и в полку, как в отдельной семье, должна протекать служба и полковая жизнь. Выше интересов полка у каждого в нем служащего не должно быть ничего, и все усердие, все силы необходимо отдавать на служение именно интересам этой своей родной части, с которой мы должны быть сроднены и спаяны всем нашим организмом, всем нашим внутренним я. Кто создает хорошие условия жизни, традиции, уклад полкового быта, кто создает хороший дух частей, который составляет их гордость? Офицерские силы частей войск, и только. Там, где дружна, крепка и солидарна полковая офицерская семья, там, где интересы полка поставлены выше собственных я, выше мелких самолюбий и личных удобств, там крепко

дух, и часть, по праву вполне заслуженному, считается прочной. Такими частями приятно руководить, а командовать ими истинное счастье, дающее возможность командиру, стоящему на подобающей ему высоте, мастерски направлять и преследовать служебные высококультурные и просвященные цели и решать всякие выпадающие на долю части задачи. Все это возможно, все это достижимо, но в дело это нужно уйти всем организмом, с головой, работать много и работать вовсю. Это трудно, бесспорно, но самый труд этот облагораживает не только наших подчиненных, но собственное наше сердце и нашу душу. Какое великое наслаждение и чувство удовлетворения испытывает тот, кто в деле нашем привык работать именно так. Да, повторяю опять, меня поймут только те, кто самолично это пробовал делать и делает, а тем, кто не испытал этого, желаю от всей глубины моего старого солдатского сердца испробовать, и я уверен, что никто не разочаруется, ибо

никогда не разочаровывался в нашем деле тот, кто от души и сердца поработал.

Много серьезного дела, много ответственности и много работы лежит на наших плечах, но тяжестью этой мы не должны смущаться, и, что бы ни выпало и ни выпадало на нашу долю, мы всегда гордо, с поднятой головой и с неослабевающей энергией должны встретить и отнестись ко всяким, самым ужасным случайностям. Всякий выдающийся успех и всякую даже ужасную неудачу необходимо эксплуатировать в свою пользу, и если не буквально в свою, то на пользу грядущих поколений. Живя, работая в своей полковой среде, мы не должны забывать, как сами, так равно и наши подчиненные, что военное братство и общая солидарность офицерского корпуса армии и флота должны быть вне всякого сомнения, ибо мы все стремимся и идем к одной цели...

В. Райковский. «Военное воспитание».
М., 1908

БИРЮКОВ

ЗАПИСКИ ПО ВОЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ

Методика обучения молодого солдата

...По прибытии в часть молодые солдаты поступают в ведение ротного начальства, непосредственно в ведение особо назначенного офи-

цера, который организует постоянное и неослабное за ними наблюдение, а также их воспитание и обучение с помощью так называемых учителей молодых солдат. Таковыми

являются старослужащие, т. е. прослужившие не менее года, как рядовые, так ефрейтора и унтер-офицеры.

При настоящем 3-летнем сроке службы в каждую роту назначается 35—40 молодых солдат. Так как положение об обучении молодых солдат требует, чтобы каждому учителю было дано от 6 до 10 мол. солдат, то, следовательно, минимальное количество учителей будет 4, а максимальное 7. Практика жизни указывает, что даже 6 человек много для успешного управления ими одним человеком, поэтому надо стараться приближаться именно к минимальной цифре учеников.

Для успеха воспитания и образования молодых солдат офицеру необходимо быть уверенным, что учителя сами знают дело, понимают основы военной педагогики и знают шноровки, как передавать свои знания. Поэтому важно, чтобы офицер сам заблаговременно проверил учителей и дал им надлежащие указания, как выполнять требования службы в духе общей задачи. Учитель должен обладать следующими качествами:

- 1) Твердо знать все то, чему он будет учить.
- 2) Уметь легко передавать свои знания.
- 3) Быть вполне надежным в нравственном отношении.

Первое необходимо для той цели, чтобы учитель являлся пред своими учениками в качестве как бы ходячего справочника, ибо обнаруженное незнание или ошибка тотчас подрывает его авторитет в глазах учеников, а поддержание авторитета безусловное необходимо в целях воспитания.

Второе качество обеспечивает быстроту усвоения.

Наличность 3-го качества, т. е. надежная нравственность, важна в особенности при первоначальном пребывании молодых солдат в казармах. Как ротный командир, так и ведущий молодыми офицер, уходя из казарм, должны быть спокойны за то, что учителя, пользуясь неопытностью молодых, не позволят себе какого-либо насилия в смысле вымогательства денег, обещая какие-либо поблажки. Если полной уверенности в этом нет, то необходимо, по возможности, не затрагивая самолюбия учителей, дать им понять, что обнаружение такого проступка повлечет за собою предание суду.

Проверка знаний строевой службы и словесности учителями происходит в сентябре и октябре до времени прибытия молодых солдат, и называется подготовкой учителей. Офицер проходит с ними весь курс и попутно обучает их правилам передачи молодым солдатам их знаний. По поводу обращения с молодыми солдатами и вообще о способах воспитательного воздействия офицер должен сказать учителям по возможности непосредственно перед самым началом прибытия молодых, для того чтобы беседа эта не изгладилась бы скоро из их памяти.

Прибывающие партии молодых солдат, в зависимости от ожидаемого числа, встречаются офицерами или унтер-офицерами на станциях или пристанях и строем, вздвоенными рядами, предшествуемые музыкой, приводятся на казарменный двор. Разбивка их по ротам производится лично командиром полка на основании правил, указанных в уставе «Внутренней службы». Ротный командир разбивает их повзводно и с помощью офицера и взводных указывает им их места в казармах.

БИРЮКОВ Николай Павлович — подполковник. В 1891 г. первым по списку выпускников окончил Симбирский кадетский корпус. После окончания Павловского военного училища служил в 16-м стрелковом полку, откуда с должности командира роты поступил в академию Генерального штаба. После окончания академии командовал 13-м стрелковым полком.

«Положение» требует, чтобы каждому учителю было назначено немедленно полное число молодых. Это назначение должно быть произведено так, чтобы учитель получил приблизительно одинаковых по степени развития молодых. Определить, который солдат развитее, который нет, можно только с помощью личных расспросов... Все это нужно выяснить не далее, как в первые 2 дня, чтобы в дальнейшем не было бы перевода из партии в партию. Земляков одной деревни можно и даже хорошо назначить в разные партии, тем более, если они покажутся различными по степени развития. Рота — одна семья, и чем скорее все молодые между собою перезнакомятся, тем лучше...

Обучая молодых солдат, по указанию ротного командира и согласно «Положению», учителя должны следовать тому методу, который им самим преподавался на занятиях. Метод этот следующий:

1) *Показ — рассказ.* Показ без рассказа — ничто и рассказ без показа — тоже ничто; только соединение их дает желаемые результаты.

2) *Не трогать руками.* Это необходимо по 2 причинам: а) учить обучаемого самого запоминать правила и соображать, б) чтобы обучающий не переходил границ в раздражении.

3) *Настойчивость и терпение:* тугое понимание, лень и нерадение могут быть побеждены только настойчивостью требований; но для этого необходимо, чтобы сам обучающий был терпелив.

4) *Спокойствие.* Если у обучающего нет природного спокойствия, то необходимо научиться его создавать искусственно. Волнуется начальник — полбеда; передалось это волнение подчиненным — дело плохо.

5) *Сначала показать, что надо сделать; потом объяснить зачем, потом показать как,* т. е. расчленив, если это возможно. (...)

6) *Вести обучение весело.* Живая речь, энергичные движения бодрят обучающихся. Слишком долгое обучение одному и тому же наводит скуку. Счет вслух, подобно песне на работе, помогает делу и веселит.

7) *Почаще повторять пройденное.* Когда обучающиеся быстро схватывают и усваивают преподаваемое, то учитель не должен обольщаться успехами. Пройдет два дня, и оказывается, что ученики все забыли. Надо повторять, повторять и повторять. «Только то навсегда выучено, что семь раз было забыто». Учителям и офицеру надлежит всеми мерами способствовать запоминанию правил и положений военного обучения, т. е. применять к делу хотя бы простейшие мнемонические приемы.

Учителя должны быть обучены таким приемам, с помощью которых они могли бы обучать не только среднего развития молодого солдата, но даже и самого слабого, неграмотного, ничего, кроме своей деревни, не видавшего на свете и притом еще, может быть, и не русского; не понимающего вполне языка, на котором его обучают.

Необходимо, чтобы особенно в первое время обучения молодых солдат поселить в них, во-первых, доверие к своему начальнику (надлежащая подготовка учителей, ласковое и снисходительное обращение и знание дела) и, во-вторых, вселить в них уверенность в своих силах, в возможности и способности усвоить все предметы преподавания, для чего хвалить и поощрять даже за малые успехи.

Офицер, поверяя обучающихся и выражая похвалу за выказанные успехи, должен *хвалить*, а не благодарить. Этим способом надо дать понять, что начальник является беспристрастным ценителем успеха его подчиненных и хвалит их не потому, что эти успехи ему нравятся, а потому, что они хороши *абсолютно*. Он хвалит их за то, что

они успевают в службе... а не ему угождают. <...>

Основы военной педагогики

...2) *Успех воспитания и образования основывается на уважении подчиненных к своим начальникам и на вере в их авторитет.* Откуда же возьмутся это уважение и вера? Начальник может и должен сам создавать их, ибо и то и другое в его руках. Если он сам во всем являет собой пример своим подчиненным, знает отлично свое дело и умеет передавать его, то всем этим он создает свой авторитет. В то же время всегда ровным и справедливым отношением к подчиненным он неминуемо вызовет уважение к себе. Итак, офицер, который всегда и во всех отношениях стоит на высоте своего призвания, будет пользоваться уважением и авторитетом в глазах своих подчиненных, а эти два фактора создадут ему благоприятную почву для успеха воспитания и образования.

3) *Средство правильного воспитания есть строгость.* Строгость заключается не в применении наказаний, а в постоянном наблюдении за точным и неуклонным исполнением известных, раз установленных, правил и порядков. Всякое малейшее исключение, если оно не имеет веской причины, наносит вред воспитанию, подрывает веру в авторитет начальника и в пригодность и целесообразность существующих правил...

4) *Воинская дисциплина должна быть не только внешняя, но и внутренняя.* Последняя явится как результат выполнения вышеуказанных основ воспитания и послужит показателем степени восприимчивости этого воспитания...

5) *Начальники по отношению к*

подчиненным должны всегда хранить спокойствие; они не должны горячиться и раздражаться. Если же начальник волнуется, то он должен владеть собой настолько, чтобы это волнение сердца не парализовало бы способности здраво и логично рассуждать...

6) *Подчиненные должны воспитываться так, чтобы они не боялись начальников.* Драгомиров говорит: «Кто приучен бояться своего начальника, тот этим самым приучен бояться неприятеля, ибо свой заявляет требования под страхом наказания, а неприятель — под страхом смерти»...

7) *Высшие начальники не должны подрывать авторитета низших в глазах подчиненных этих последних.* Это легко понятное правило, однако, далеко не всегда соблюдается на практике, и не столько по нежеланию, сколько просто по невниманию к своим поступкам и словам. Можно ставить новые требования или переиначивать старые, можно даже исправлять действительные ошибки ближайших подчиненных, но делать все это так, чтобы у их учеников не являлось и тени сомнения в пригодности или непригодности их учителей. Не только резкое замечание, но даже одно вырвавшееся слово, нетерпеливый жест, взгляд, подмеченные учениками, в один миг подорвут в их глазах авторитет их ближайших начальников-учителей, и в этот миг все долго строенное и с тяжким трудом здание нравственного и умственного развития будет разрушено. И кем же? Тем, кто поставлен наблюдать за его созданием. Создание чего бы то ни было требует долгого времени, а разрушение — дело одного мгновения...

Н. Бирюков. «Записки по военной педагогике». Орел, 1909

КУРС ВОЕННО-ПРИКЛАДНОЙ ПЕДАГОГИИ

Дух реформы русского военного дела

Объяснительная записка (введение)

...Великие полководцы в своей деятельности всегда руководствовались такими воззрениями. «Все талантливые полководцы без исключения, — говорит один военный авторитет (Де-Пик), — были прежде всего военные психологи и педагоги, а затем уже стратеги и тактики». Но эти полководцы, будучи практическими деятелями, не оставили после себя писанных систем и руководств, в которых излагалось бы то, каким образом они воспитывали и развивали в своих войсках умственные и нравственные качества. Со смертью или с уходом от деятельности этих полководцев в подготовке их армий обыкновенно появлялись на первом плане какие-либо односторонние теории и второстепенные отрасли военного дела, следствием чего было то, что эти армии теряли способность одерживать решительные успехи на войне и даже сами терпели поражения.

Следовательно, всякая армия, у которой есть искреннее желание иметь верный успех на войне, должна на первый план своей подготовки поставить развитие в массах войск вышеупомянутых умственных и нравственных качеств.

Но если талантливые полководцы не оставили готовых трактатов и руководств для подготовки войск, зато богатый материал в этом отношении заключается в жизнеописаниях этих полководцев, их приказах по войскам, поучениях, наставлениях, по которым готовились и развивали в себе воинские доблести все истинно военные люди...

Если в отношении техники военного дела в наше время стараются применять все новейшие открытия и изобретения науки, то тем более на это имеет право высший элемент военного искусства — душа человека, законы жизни и развития которой излагает важнейшая из всех наук — вышеупомянутая наука психологии.

Во все периоды высшего развития военного искусства главнейшими нравственными и воинскими доблестями и добродетелями признавались следующие качества души: личное самолюбие военных людей, патриотизм —

высшее чувство к Родине — и любовь к начальникам. Поэтому развитие в войсках этих качеств должно быть поставлено краеугольным камнем всякой военной системы и военной педагогики...

Часть I. Воинское образование офицера

а) **Патриотизм.** С тех пор как русское образованное общество вступило на путь подражания порядкам западноевропейской жизни, в нем стал ощущаться крупный недостаток патриотизма. С этим недостатком давно уже борются выдающиеся русские писатели, мыслители и истинно русские люди.

Теперь на этот недостаток нашего общества обращено внимание даже за границей...

Одна из крупных причин недостатка патриотизма в этом обществе — неправильная постановка в учебных заведениях преподавания отчизноведения — русской литературы, географии и особенно русской истории. Метод преподавания последней слишком устарел. Он походит на сказочную форму и состоит почти исключительно в заучивании голых фактов, событий, поставленных в хронологическом порядке. Учащиеся поверхностно усваивают в большинстве случаев лишь наружное проявление внутреннего хода жизни, которая в учебных руководствах не освещается, не разъясняется или представляется в ложном свете. Следствием этого бывает то, что часто крупнейшие события в истории являются для ума учащихся как бы случайными, т. е. что эти события могли и не происходить и вместо их совершиться могло что-либо другое.

Результаты такого метода преподавания отечественной истории получаются весьма неблагоприятные, неутешительные. Русское образованное общество очень слабо знает историю и идеалы своего народа, одним из следствий чего и является вышевысказанный недостаток в этом обществе патриотизма.

Целый ряд событий, имевших место среди современной русской учащейся молодежи, ясно обнаруживает, что эта молодежь остается в полном неведении в отношении важнейших

сторон русской истории или же обладает извращенным мировоззрением об этом.

В наше время настала крайняя, неотложная необходимость в коренной реформе и полном обновлении системы преподавания русской истории во всех учебных заведениях...

б) Военная инициатива. Военная инициатива есть главная основа военного искусства; обладание первой почти равносильно обладанию вторым, т. е. искусством.

Каждый талантливый полководец представляет собою образец военной инициативы; поэтому весьма естественно, что для достижения обладания этой способностью необходимо изучить талантливых полководцев, без чего не мыслим ни один истинный военный начальник, так как такой начальник не может быть признан надежным руководителем на войне и при подготовке войск в мирное время...

в) Тактическое искусство. Все талантливые полководцы и военные авторитеты сходятся в общем мнении, что для изучения тактического искусства необходимо тщательное изучение и исследование военной истории. «Критическая военная история,— говорил Лерер,— для военного является тем же, чем лаборатория для химика, обсерватория для астронома, полигон для артиллериста».

Система преподавания тактики в военно-учебных заведениях во многом не согласуется с вышеупомянутыми правилами...

г) Прикладная стратегия. Изучение истории прошлых войн и выводы, сделанные из них, есть только подготовка к знанию военного искусства. Истинное же обладание этим искусством заключается в знании будущей войны. Такое знание и составляет творческую или прикладную часть стратегии.

Первое знание относится ко второму как средство к цели. Таким знанием обладали талантливые полководцы и к такому же знанию должны стремиться все истинно военные деятели. (...)

Часть II. Воинское воспитание солдата

а) Самолюбие солдата. Во время существования вербованных армий и линейной тактики, иначе говоря, в период полного упадка военного искусства солдат не должен был иметь самолюбия. Из него старались сделать автомат, способный лишь к слепому повиновению, а потому и стремились подавлять в нем самолюбие и все связанные с ним активные нравственные и умственные качества. Главную роль в этом играли телесное наказание и оскорбление на словах и действием.

Разгром вербованной прусской армии при Иене и Ауэрштедте сделал полный переворот в сфере военного искусства. День этого боя можно считать зрой нового, противоположного направления в подготовке войск. Современные армии находятся на

противоположном полюсе в отношении вербованных армий и линейной тактики.

И воспитание солдата в наше время как раз диаметрально противоположно тому, которое признавалось необходимым в старое время. Теперь солдат должен быть живым мыслящим и чувствующим человеком; и в сфере своего дела должен обладать способностью к личному почину; а потому самолюбие, как основу этого, в нем нельзя не только подавлять, а, напротив, должно всеми мерами стремиться развивать, лелеять, как выражаются некоторые современные военные авторитеты...

б) Патриотизм солдата. Всякая война имеет целью защиту чести и достоинства государства...

Поэтому весьма естественно, что для осуществления такой цели, т. е. чтобы армия могла быть вполне надежной защитницей, она должна иметь тесную нравственную связь с ними, потому что только это может вызывать самоотвержение на войне. Следовательно, одна из главных задач в подготовке войск состоит в развитии этой нравственной связи, т. е. патриотических чувств. Кроме того, эти чувства должны быть сознательны, так как только таковые бывают всегда прочны. Единственным средством для этой цели служит знакомство солдата с историей своего государства...

в) Любовь к начальникам. ...Любовь подчиненных к начальникам составляет одно из могущественнейших средств успехов армии на войне и в подготовке ее в мирное время. Это составляет военную аксиому, истину общеизвестную всем и каждому. Но что прочная любовь основывается прежде всего на уважении, так эта вторая истина, по-видимому, известна не каждому из начальников или она им представляется не совсем ясно.

Доказательством этому служит то обстоятельство, что некоторые из них не соблюдают в отношении солдата того, что составляет основу искреннего уважения. Это уважение основывается на строго законных отношениях к подчиненным и уважении в них человеческого достоинства... Многие из младших начальников не соблюдают этих правил, что видно из того, что высшие начальники бываю часто вынуждены к напоминаниям в приказах и словесных приказах и даже бываю поставлены в необходимость прибегать к крупным и энергическим мерам. Другое обстоятельство, полагающее препятствие искреннему уважению,— это страх, чувствуемый подчиненным в отношении к начальнику. Кого боятся, того не могут искренно уважать. Страх вызывает чувство, противоположное уважению. Никто не станет спорить против того, что есть еще немало начальников, которые внушают чувство страха, парализующее уважение и любовь к ним. Но если верно то, что любовь к начальнику

вызывает в подчиненном любовь к делу и долгу службы, то также несомненно и то, что отсутствие любви к нему вызывает в этом подчиненном равнодушие или отвращение к его делу и долгу.

Таким образом, начальник, к которому подчиненные не питают любовь или чувствуют в отношении его страх, такой начальник косвенным образом наносит ущерб делу службы.

г) **Воинский дух солдата.** Из первых важнейших элементов воспитания солдата — самолюбие, патриотизм и любовь к начальнику, — трудно сказать, какой элемент более важен; они, можно сказать, все одинаково важны и должны сливаться в общей связи и гармонии.

Но когда солдат обладает этими элементами, то развить в нем воинский дух уже весьма легко...

Часть III. Воинское образование солдата

а) **Умственное развитие солдата.** Сущность умственного развития всякого практического деятеля состоит в том, чтобы ясно понимать смысл своего дела, без чего невозможно удовлетворительное исполнение этого дела. Сущность дела солдата состоит в ясном сознании долга службы перед Родиной, в умении повиноваться начальнику, а также и в исполнении и второстепенных обязанностей...

б) **Находчивость солдата.** «Плодотворно учить практическому делу можно только обращаясь к глазу человека», — говорил генерал Драгомиров. Эту плодотворность надо понимать в смысле способности к той деятельности, которой обучается человек. Под словами «обращаясь к глазу» подразумевается показной, наглядный способ обучения, при котором развиваются основные свойства души — соображение и энергия воли, т. е. элементы, составляющие находчивость.

Неплодотворным обучением будет то, когда обращаются к уху человека, т. е. обучают его с помощью рассказа, в этом случае человек усваивает свое дело памятью. Соображение и энергия воли при этом находятся в пассивном состоянии, почти не развиваются, а потому и не приобретается находчивость. Поэтому-то генерал Драгомиров и не рекомендует этого способа применять к обучению солдата; он говорит: «Лучше раз показать, чем двадцать раз рассказать». Способ обучения солдата, рекомендуемый генералом Драгомировым, нашим лучшим учителем, вполне согласуется с природными свойствами человека и с правилами психологии и педагогики. Между тем, у нас на практике преобладает, как известно, именно неплодотворный рассказный способ, так называемая «словесность»...

в) **Самодетельность солдата.** После умственного развития и находчивости очень

большое значение в образовании солдата имеет самодетельность, вытекающая из искреннего расположения к учению и исполнению своего дела. Результаты самодетельности и деятельности под внешним влиянием не поддаются сравнению. Между ними почти такая же разница, как между жизнью и смертью. Несмотря на такое великое значение самодетельности в деле солдата, на развитие ее весьма мало обращено внимания. В этом отношении, можно сказать, ничего не делается...

г) **Подготовка роты к действию в бою.** Генерал Драгомиров, развивая мысль о значении общего народного образования в отношении боевой подготовки армии (Сочин. Австро-прусская война 1866 г.), говорил следующее: «Относительно масс безусловно верно то, что где больше читают, там больше и думают, масса же сильная в мысленной работе всегда будет бить ту, которая в этой работе слаба».

Эту же мысль влияния чтения на умственное развитие можно, нам кажется, применить и в частности к чтению военной литературы в таком смысле, что где развито чтение военных книг, там будет выше и специальное умственное развитие и, следовательно, лучшая военная подготовка армии. Могут называть такое чтение военной литературы роскошью; но есть обстановка, когда оно является крайней необходимостью. Например, для настоящей подготовки роты к действиям в бою командиру ее тоже необходимо настойчивое чтение и именно чтение подробного описания сражений, в особенности последних войн. Без этого чтения он не может быть сведущим в отношении обстановки действительного боя, а следовательно, и не в состоянии будет подготовить свою роту для действий при этой боевой обстановке.

Если и имеет некоторое нравственное право пренебрегать вышеупомянутым чтением, то разве командир опытный в боевом отношении, т. е. тот, который участвовал в нескольких сражениях. Да и то, если он побывал на одном каком-либо театре военных действий и с одним противником, то он окажется малоопытным в борьбе с другими противниками и при другой местной обстановке. Это с очевидностью доказывает борьба с японцами, в которой русским войскам приходилось преодолевать массу новых незнакомых условий ведения войны и боя, зависящих от характера врага, условий местности и проч. Таким образом, можно сказать, что офицер, который прочел и тщательно разобрал несколько сражений, будет лучше подготовлен в отношении боевой обстановки, чем тот, который, побывавши в двух-трех боях и вообразивши себя поэтому опытным, не признает нужным и полезным какое-либо чтение. Ходячее, общепринятое понятие относительно опытности крайне неправильно; опытом обычно

венно принято считать знание большого числа фактов и привычки, не проверенные умом. Кроме того, таким опытом часто оправдывается недостаток необходимых знаний. «При помощи одной только практики, опыта,— говорит генерал Леваль,— без пособия истинных знаний приходится действовать на войне, точно с завязанными гла-

зами». По выражению Фридриха II, «мул Евгения Савойского сделал десять кампаний, но от этого не сделался знающим военное дело».

Опытностью в истинном значении этого слова можно назвать только то, что усвоено разумом, высшими свойствами души человека и выражением чего есть наука...

Часть I

ВОИНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ОФИЦЕРА

Военная инициатива

На войне только обстановка повелевает.

Наполеон I

...Средства инициативы. Инициатива и вообще всякий личный почин начальников в мирное время и на войне есть результат многих условий: природного дарования, развития ума, широкого образования, твердых нравственных качеств, доверия старших начальников к младшим и, наконец, выработанного верного военного взгляда.

Последнее условие есть самое естественное и необходимое. Оно вернее других средств ведет к осуществлению подготовки в данном направлении. Следовательно, развитие верного военного взгляда у начальников и военных руководителей должно составлять прямую цель в их подготовке к самостоятельным действиям в мирное время и на войне. Тем более что для достижения этой цели нет необходимости обладать ни выдающимися военными дарованиями, ни широким умом или образованием. Развить в себе верный военный взгляд может каждый обладающий средними умственными способностями, конечно, только при условии искреннего желания и настойчивости.

Главное же средство для развития такого военного взгляда составляет военное самообразование. «Генералу и офицеру,— говорит Суворов,— не-

обходимо непрерывное образование себя с помощью чтения». В этом чтении на первом плане должна стоять военная история. «Читайте и изучайте походы великих полководцев,— говорит Наполеон I,— и образуйтесь по ним; вот единственное средство проникнуть в тайны военного искусства». Чтение и изучение военной истории должно быть подробным и всесторонним; необходимо исторические факты рассматривать с различных точек зрения: нравственной и политической, с точки зрения тактики, стратегии и проч.

Одним словом, только настойчивое и непрерывное изучение военной истории может выработать истинных военных руководителей и начальников, способных к инициативе в своих действиях. Без этого они могут быть лишь пассивными исполнителями, а следовательно, и не будут в состоянии принести существенную пользу на войне и при мирной подготовке войск.

Тактическое искусство

Знание военного искусства приобретает лишь изучением военной истории и походов великих полководцев.

Наполеон I

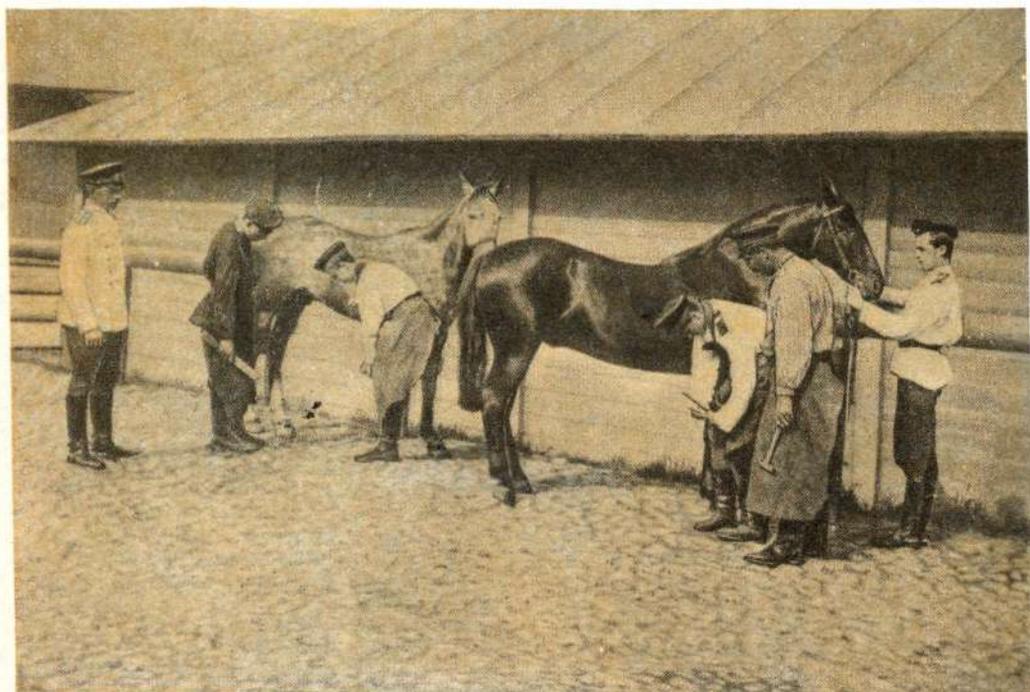
а) Теоретическая подготовка.

Выдающийся представитель современной военной науки генерал Леер о тактической подготовке наших войск в период войны 1877 года

Шестиверстный пробег в Красном Селе

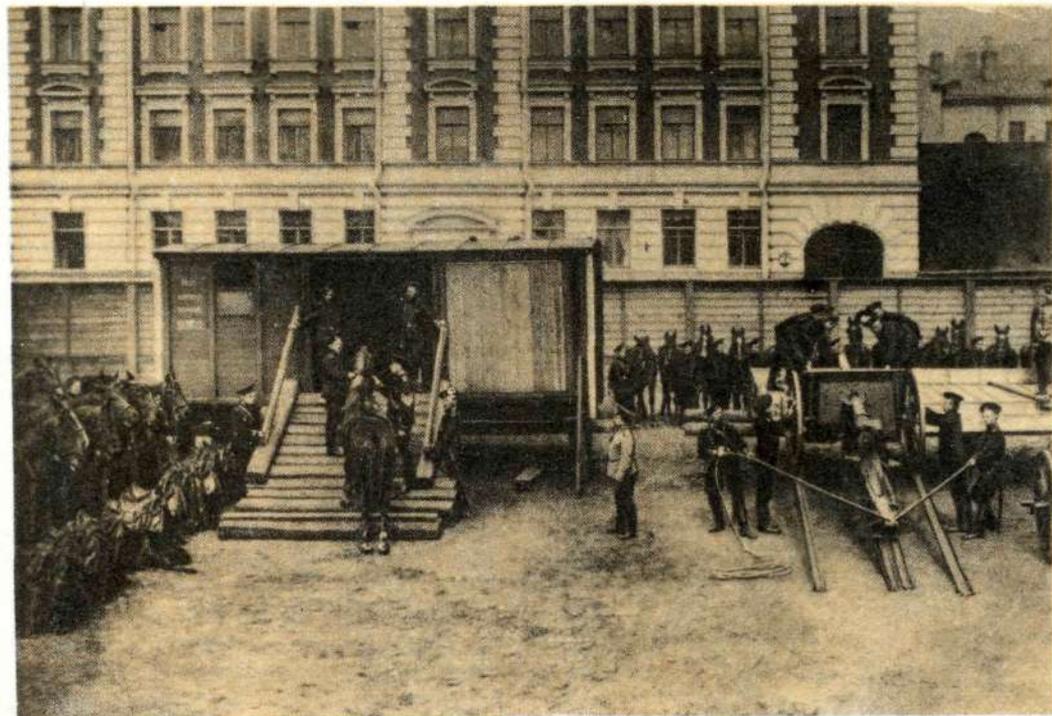
Обучение подковке лошадей

Через барьер

Учебная погрузка

говорит следующее: «Очерк важнейших сражений 19 столетия, в которых участвовала наша армия, в окончательном выводе приводит к заключению о необыкновенной храбрости наших войск и недостаточном проявлении в их действиях во многих случаях тактического искусства».

Это искусство достигало у нас высокого развития во времена императора Петра I и Екатерины II. Вообще военное дело достигает высшего совершенства, когда во главе армии появляются талантливые полководцы. Когда же армии лишаются таких руководителей, их военное искусство опускается на степень ремесла. Как известно, одно и другое составляет громадную разницу. Можно сказать, между ними пролегает целая пропасть. Объясняется это тем, что военное искусство, как и всякое другое, управляется высшими способностями души человека, каковы: мышление, чувство, воля, а военное ремесло, напротив, низшими ее свойствами — инстинктами, памятью, привычкой. Ясным признаком присутствия искусства в армии есть искренняя любовь ее чинов к военному делу и твердое знание ими основных существенных элементов его. Резкая разница военного искусства от ремесла состоит в том, что армии, обладающие первым, могут более или менее рассчитывать на успех в военное время, что же касается второго — ремесла, то оно никогда не может наверно гарантировать этого успеха.

Недостаток тактического искусства, о котором говорит генерал Леер, зависит от многих причин, важнейшая из них следующая: неправильная теоретическая подготовка по тактике в военно-учебных заведениях. Преподавание в них этого предмета состоит в том, что воспитанники этих заведений заучивают готовые тактические правила из книг или из объяснений преподавателей тактики. Иногда эти пра-

вила подтверждаются примерами из военной истории, но это последнее делается в большинстве случаев как будто «между прочим», «вскользь».

«Исследование истории многих кампаний,— говорит генерал Жомини,— составляет лучшую школу для того, чтобы изучить войну и, следовательно, научить этой науке начальников».

«Я должен сознаться,— говорит он же,— что критический разбор одной кампании мне принес гораздо большую пользу, чем изучение всевозможных догматических сочинений».

б) Практическая подготовка.

Другая причина слабой тактической подготовки наших войск заключается в неправильной постановке тактических упражнений и маневров мирного времени.

Эта неправильность состоит в том, что войска на маневрах не знакомятся с обстановкой действительного боя и не приучаются действовать сообразно этой обстановке.

Происходит это оттого, что маневры мирного времени... производятся однообразно, по одному шаблону... В общем ход маневра представляет картину, весьма мало имеющую общего с боем. «Эта картина,— говорит генерал Драгомиров,— похожа на бой, как созвездие Медведицы на действительную медведицу». Вообще, к современной постановке тактических учений и маневров генерал Драгомиров относится довольно отрицательно. «Двусторонние маневры,— говорит он,— должны иметь целью привития войскам здоровых военных и боевых навыков... Если на простом маневре мы не приучим себя вести дело толково, чего же надо ожидать в действительном бою»...

Одним словом, тактические учения и упражнения должны состоять в том, чтобы знакомить войска по возможности с большим числом

таких действий, подобные которым приходится исполнять на войне.

в) Развитие нравственной энергии.

Наконец, самое главное условие неправильности в подготовке войск состоит в том, что на маневрах мирного времени совершенно упускается из виду выработка нравственной энергии.

Нравственная энергия, как известно, составляет все на войне. Следовательно, и сущность подготовки войск в мирное время должна состоять в накоплении и развитии этого качества. Вся система образования войск, главным образом, и заключается в выработке в них нравственной энергии. И каждая из отраслей этого образования должна иметь целью развитие какого-либо из элементов этой энергии. Тот элемент нравственной энергии, который относится специально к тактической способности, есть самоуверенность.

Без этого качества немислимо энергическое приведение в исполнение задуманного действия не только в бою, но и на маневрах мирного времени. Самоуверенность составляет противоположность неуверенности в себе, от которой происходит нерешительность — качество, приводящее к пагубным последствиям во всех военных делах.

Для достижения положительных результатов в развитии самоуверенности в войсках главное условие составляет правильная тактическая подготовка начальников и частей войск, о чем было изложено выше.

Другое условие заключается в том, чтобы руководители и начальники не подавляли у своих подчиненных той самоуверенности, которая развивается при тактических упражнениях естественно, сама собой.

Одна из главных причин подавления самоуверенности — это замечания и выговоры, делаемые начальниками в отношении подчиненных.

Генерал Драгомиров по этому поводу высказывает весьма авторитетный совет. «Должно помнить ежеминутно, — говорит он, — что в бою спокойствие и находчивость значит все: развитие их нужно, следовательно, прежде всего иметь в виду и при маневрировании; это будет возможно тогда только, когда, занимаясь им, не столько будем хлопотать о замечаниях за отступления от тактических правил, сколько о развитии самоуверенности в людях и начальниках; в упражнениях этого рода нужно вести дело так, чтобы каждый уходил с поля с убеждением, что лучше его нельзя действовать».

«Общее правило для начальствующих, — говорит он же, — к самым нелепым решениям относиться с каменным спокойствием, спрашивать причины, по коим оно принято, и, если они неосновательны, предлагать поправку так, чтобы она представляла совет лучшего решения, но ни в тоне, ни в выражениях не имела характера выговора за упущение, намек на недостаток находчивости».

Кроме подавления самоуверенности резкие выговоры начальников причиняют и другое крупное зло: они убивают у подчиненных любовь к тактическому искусству. Эта любовь имеет не меньшее значение в отношении развития энергии воли, чем самоуверенность, а потому ее не следовало бы не только убивать, а, напротив, всеми средствами стараться развивать. Одним словом, все, что на тактических упражнениях мирного времени препятствует развитию любви к тактическому искусству, все это нужно тщательно искоренять, так как это составляет преступление против этого искусства и вообще против военного дела. Следовательно, всякий из руководителей на тактических упражнениях, который не может воздержаться себя от замечаний и выговоров, приносит гораздо больше

зла делу, чем пользы. Для избежания такого зла необходимо руководствоваться следующими общими правилами. Во время хода маневра маловажных упущений лучше вовсе не исправлять, а откладывать это до окончания маневра и разбора его. Если же начальник непременно хочет поправить ошибку во время маневра, то он должен это сделать с помощью команды или приказа. Точно так же нужно поступать и в тех случаях, когда упущения бывают слишком очевидны, могут влиять на общий ход маневра и развивать неправильные понятия в отношении действий в бою...

Такие приемы исправления упущений во многих отношениях выгоднее для дела, чем замечания, выговоры, крики и угрозы. Во-первых, они, исправляя ошибку, не замедляют хода действий. Следовательно, достигают цели в кратчайший промежуток времени, а кроме того, они не отбивают охоты к делу и не подавляют самоуверенности в обучаемых.

После окончания маневров руководителями их делаются, как известно, разборы действия младших начальников. Эти разборы зачастую также бывают причиной подавления самоуверенности и вообще в связи с некоторой пользой приносят существенный вред делу тактической подготовки войск. Происходит это оттого, что они очень часто грешат против сущности боевых условий. При разборе маневров руководители в большинстве случаев указывают ошибки младших начальников против правил уставов и тактики. Между тем на войне приходится руководствоваться преимущественно не уставами и тактикой, а боевой обстановкой. Один из величайших законодателей войны, Наполеон I, высказал, как известно, следующее: «На войне только обстановка повелевает».

Следовательно, те из руководителей и начальников, которые разбирают действия своих подчиненных

с точки зрения исключительно уставов, тактики и вообще мирной обстановки, такие руководители причиняют двойной вред: подавляют самоуверенность у подчиненных и развивают у них ложные представления и понятия о действительном бое и его обстановке. Дабы устранить такое крупное зло, руководителям и начальникам необходимо руководствоваться следующим: чтобы узнать, насколько правильно или неправильно действовал во время маневра младший начальник, нужно, чтобы старший поставил себя в положение младшего в момент действий, и спросить, что побудило последнего действовать так, а не иначе; и тогда сделать оценку данного действия сообразно возможной боевой обстановке...

Заключение. Таким образом, главные условия тактической подготовки войск заключаются в следующем: 1) основанием для изучения тактики должна служить история; 2) тактические учения и маневры должны состоять в том, чтобы упражнять войска по возможности в большем числе тех случаев и действий, которые им придется исполнять на войне; 3) на практических учениях и маневрах мирного времени необходимо развивать у начальников и в частях войск нравственную энергию — самоуверенность. Только при наличии этих данных подготовка войск будет стоять на надлежащей высоте — на степени истинного тактического искусства, а не ремесла. Войска, обладающие таким искусством, может быть, не всегда будут одерживать победы над неприятелем, но зато они будут вполне застрахованы от поражений.

Введение к прикладной стратегии

Приготовляйтесь к войне долго, чтобы победить скоро.

Кир, царь Персидский

Основной принцип всякой науки и искусства — предвидение, прозре-

вание, т. е. свойство видеть вперед. И стратегия, как истинная наука и искусство, должна обладать этим свойством видеть вперед, предвидеть военные события — войну и вероятных в ней противников.

Для армии такое предвидение будущей войны и своего противника крайне необходимо для того, чтобы она могла сообразно этому заблаговременно подготовиться.

Известно, что одни из главных причин решительных успехов на войне талантливых полководцев состояли в том, что они предвидели эти войны, обдумывали и готовились к ним задолго до начала их...

Для того, чтобы возможно было предвидеть военные события, каждому военному деятелю необходима основательная подготовка в отношении военной истории, политики и стратегии.

Генерал Леер советует для такой основательной подготовки начинать изучение военной истории и стратегии с исследования походов великих полководцев древности. Он объясняет это тем, что при существовании в ту эпоху сравнительно малочисленных армий военные принципы, которые были всегда одни и те же, представляются гораздо нагляднее, рельефнее и яснее.

Но не так важно то, с чего начинать изучение стратегии, как важна настойчивость и непрерывность изучения, конечно, при условии присутствия доброй воли и любви к предмету, без которых не может быть плодотворным ни одно дело. Настойчивость в изучении военного дела важнее военных дарований без нее. Добрая воля и настойчивость рождает талант и творит великие дела. Нельзя с уверенностью сказать, чему больше обязаны талантливые полководцы в развитии своих талантов — природным ли дарованиям или настойчивости? «Одних природных дарований, — говорил Наполеон I, — еще недостаточно для образования хороших генералов, но для этого

нужны еще познания, которые получают непрерывным изучением и размышлением».

Подобную мысль высказал и Суворов. «Генералу, — говорит он, — необходимо непрерывное образование себя военными науками с помощью чтения». Известно, что Скобелев внимательно следил за военной литературой, для чего пользовался каждым свободным временем, даже, например, в промежутках между боями, сидя на редутах, под Плевной.

Военные способности у крупных начальников должно начать развивать со школьной скамьи и с младших офицерских чинов и продолжать непрерывно через всю военную карьеру. Покойный адмирал Макаров однажды высказал такую мысль: «Офицер, который, выйдя из училища, перестает учиться, не может назваться надежным офицером». Вообще, в военном деле больше, чем в каком-либо другом, необходима высокая любовь к делу и непрерывная подготовка; без этого ни один из военных начальников не может стоять на высоте своего назначения. И всякий, кто избирает военную карьеру без такой высокой любви или без призвания, берет на свою душу большой грех, так как военная деятельность, на обязанности которой лежит защита страны от врагов, должна быть признана важнейшей из всех деятельностей в государстве...

После предвиденья военных событий, второй основной принцип прикладной стратегии — тщательная стратегическая и тактическая подготовка войск к этим событиям. Такая подготовка может предотвратить возникновение этих событий, т. е. войну...

Все современные цивилизованные народы стремятся насколько возможно лучше подготовить свои армии, не жалея ни усилий, ни средств, имея в виду обезопасить себя от случайностей войны. «Если

хочешь наслаждаться миром, — говорили древние римляне, — готовься к войне». Русский народ есть один из миролюбивейших народов, поэтому русская армия более, чем какая-либо другая, должна быть всегда готова, чтобы охранять мирный труд своего народа. Современные высшие руководители нашей армии сильно погрешили в отношении подготовки ее. Известно, что бедствия последней войны обрушились на нас главным образом вследствие полной нашей неподготовленности; японцы это очень хорошо видели и воспользовались этим.

Одна из основных задач прикладной стратегии заключается в том, чтобы *решительно и энергически уничтожить могущество тех армий и народов, которые угрожают миру...*

Из всех государств земного шара Россия, несомненно, обладает самыми большими данными для спокойной и мирной жизни. Главные из этих данных суть обширные пространства страны, неисчислимые естественные ее богатства и многочисленный героический и самоотверженный народ... Русская армия,

являясь представительницей этого народа, как известно, всегда проявляла на войне необыкновенную стойкость, самоотвержение и героизм, изумляя ими иностранцев и их великих представителей; например, Бисмарк, живя, как известно, долго в России и глубоко изучивши русский народ, высказал об нем следующее: «Этот народ и нищ, и наг, и убог, но в минуты поднятия народного чувства он велик и готов страдать и бороться без конца». А Наполеон I о русском солдате высказал такое мнение: «Русский солдат создан для побед, умеет только его водить». «Если бы под мою команду дали русских солдат, — сказал он же, — я с моими маршалами давно бы завоевал Индию». Но в настоящее время эти великие силы — исполинский русский народ и высоко самоотверженная его армия — представляют собою лишь богатейший сырой материал, требующий обработки соответствующих материалов искусных мастеров, с появлением которых русская армия обнаружит такую исполинскую мощь, какая никому никогда еще и не снилась...

Часть II

ВОИНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СОЛДАТА

Военное самолюбие

Самолюбие — Архимедов рычаг, которым землю с места можно сдвинуть.

Тургенев

Главная основа военного воспитания это есть развитие самолюбия. Вообще истинное самолюбие составляет первую ступень всякой добродетели, военной и гражданской.

Без самолюбия немислимо никакое нравственное совершенствование человека. Оно составляет главное условие энергии души.

Самолюбие порождает все искусства и на нем зиждется развитие их.

И, наконец, самолюбие личное представляет собою источник самолюбия национального, от которого происходят все гражданские добродетели.

Но нигде не важно так самолюбие, как в сфере военной деятельности, для военнослужащих, у которых оно есть основание всех воинских доблестей: сознания долга службы, военной гордости, чести, честности, патриотизма, мужества

и самоотвержения. Без правильного развития самолюбия невозможно существование и развитие ни одного из этих необходимейших качеств души военных людей.

Многочисленные исторические факты доказывают нам, что народы достигали наибольшего военного могущества в периоды высшего развития гражданственности, которая имеет своим основанием личное и национальное самолюбие граждан, вносивших эти качества и в армии...

В истории России тоже немало примеров, когда государство избавлялось от внешней опасности благодаря подъему народных чувств. Самыми выдающимися фактами в этом отношении являются, как известно, 1612 и 1812 годы, когда крупное участие в изгнании неприятеля из России брал на себя народ и собранные от него ополчения.

Таким образом, мы видим, что самолюбие и более высшие нравственные чувства, происходящие от него, служат главным условием успеха на войне. Поэтому-то главной заботой всех великих полководцев и вообще всех даровитых военных руководителей было всегда развитие этих чувств в своих войсках.

Главное средство, которое они избирали для достижения этого, составляло гуманное отношение к своим подчиненным. Вообще все великие полководцы без исключения были прежде всего воспитатели своих войск, военные педагоги, а затем уже начальники. Такой характер отношения к войскам они проявляли во всех случаях жизни и на каждом шагу своей деятельности. Того же они неуклонно требовали от подчиненных себе начальников и то же они завещали делать и последующим поколениям руководителей войск. Вот, например, что говорит полководец древнего мира Кир, царь Персидский: «Военноначальник делается знаменитым и заслуживает любовь к себе приветливостью, гуманностью и кротостью». Даже Тамер-

лан, который руководил полудикими ордами, и тот старался развить в них самолюбие, сознание собственного достоинства, вследствие чего он запретил в своей армии телесные наказания, которые подавляют вышеупомянутые нравственные качества. «Начальник,— говорит он,— авторитет которого слабее кнута и палки, недостоин сана, им занимаемого. Одно из отличительных свойств высшего начальника должно быть: благородство характера и возвышенность души, терпимость, воздержанность и способность уживаться с людьми».

Такие требования, предъявляемые подчиненным ему ханам и князьям, и были одной из главных причин побед, одержанных Тамерланом, и великих завоеваний, совершенных им.

Знаменитый полководец и военный педагог маршал Саксонский, характеризуюя то, какими должны быть отношения начальника к подчиненным, говорит следующее: «Нужно, чтобы наказания были строги только для важных преступлений, но для остального, чем они будут мягче, тем скорее справитесь с беспорядками, ибо все будут содействовать их прекращению».

«В суровости я часто раскаивался,— говорит Рудольф Габсбургский,— в мягкости же никогда: доброе слово, ласковый взгляд вызывают послушание и любовь». «Проповедей и речей о добросовестности,— говорит Наполеон I,— старые солдаты не слушают; молодые позабывают их при первом пушечном выстреле; ласковое слово, выразительная черта на лице любимого начальника действует более всякой ораторской речи».

Но ни в какой армии не имеет такого громадного значения гуманное и отеческое отношение начальников к подчиненным, как в нашей. В России вся жизнь — частная, общественная и государственная — основана на семейных началах. Основы русской армии и военное

законодательство, как известно, жидятся главным образом на этом начале. Вот что говорится в приказах и уставах основателя и законодателя первой нашей регулярной армии императора Петра I: «Офицеры суть солдатам, яко отцы детям, того ради надлежит их равным образом отечески содержать»; «Полковнику надлежит знатному и искусному благовзрачному мужу быть, чтобы полку своему во всех случаях не гнусен был и имел бы старание о добрых обер- и унтер-офицерах»; «Прапорщику подобает во все дни немощных посещать и смотреть, нет ли в чем-либо недостатка. Ему подобает великую любовь к солдатам иметь, и когда они в наказание впадут, тогда ему об них бить челом вольно».

...Военные постановления времен императрицы Екатерины II и лучшие представители войск того времени настоятельно требуют гуманного отношения к солдату.

Со смертью императрицы Екатерины II и со вступлением на престол императора Павла I прусская система, которая была распространена повсюду в зап. Европе, введена была, наконец, и в нашу армию, но пока живы были сподвижники великой императрицы и заветы Суворова, вышесказанная система туго прививалась к нашим войскам. Это было одной из главных причин того, что только русская армия могла сломить могущество Наполеона I.

Французов побеждал дух Суворова, витавший невидимо над русскими войсками. Прусская военная система начала распространяться в нашей армии после того, когда лучших представителей ее уже не было в живых и когда у нас появился усердный подражатель Фридриха II генерал Аракчеев. Тогда настало мрачное время для нашей армии. Генерал Маевский, описывая эту эпоху в сочинении «Мой век», говорит: «Воцарилась палка, парады,

церемониальные марши и вместе с тем полное принижение умственного уровня армии».

Полного расцвета прусская система достигла в 40 годах; а в начале 50 годов она принесла уже свои плоды — севастопольский погром. Но зато этот погром был причиной погрома прусской системы; лучшие представители нашей армии возненавидели ее за те несчастья, которые она причинила нам под стенами Севастополя.

Новые наши военные законы, изданные после Севастопольской войны, в основу дисциплины ставят не суровость наказаний, а нравственное воспитание солдата.

Одна из первых статей ныне действующего дисциплинарного устава, как известно, гласит следующее: «Полезность службы требует от начальника охранения в команде воинской дисциплины и порядка. Вместе с тем она обязывает его в сношении с подчиненными быть справедливым, отечески печись о благосостоянии вверенной ему команды, входить в нужды своих подчиненных, быть в потребных случаях их советником и руководителем, избегать всякой неуместной строгости, не оправдываемой требованиями службы, а также развивать и поддерживать в каждом офицере и солдате сознание о высоком значении воина...» Кроме основных военных законов и уставов, воспреещающих телесное наказание без суда, о том же были многократно рассылаемы в части войск подтверждения и циркуляры, так как, несмотря на запрещение закона, во многих частях войск на практике продолжали существовать телесные наказания, вернее, самоуправная кулачная расправа, глубоко вкоренившаяся в обычай. Между тем правительством и лучшими представителями армии твердо признано, что телесные наказания, а тем более незаконные, являются не поддержанием дисциплины, а, напротив, представляют собою в высшей

степени расслабляющий ее элемент.

Нравственное воспитание солдата было признано в массе начальствующих лиц и стало быстро у нас распространяться лишь по окончании последней русско-турецкой войны, когда во главе нашей армии появились даровитые руководители; и вместе с этим вопрос нравственного воспитания солдата стал предметом широкой разработки в текущей военной литературе. Я приведу здесь мнения об этом предмете некоторых современных наших военных авторитетов.

Современный знаменитый военный педагог Драгомиров говорит следующее о нравственном воспитании солдата: «Старайтесь прежде всего вкоренить в солдата чувство военного долга, развеите в его голове идеи чести и честности, укрепите и возвысьте его сердце, а остальное придет само собою». «Нужно взывать к возвышенным сторонам человеческой природы и не только не подавлять, а, напротив, укреплять их в солдате». «Дисциплина заключается в том, чтобы вызывать на свет божий все великое и святое, таящееся в глубине души самого обыкновенного человека».

Но здесь невозможно привести всего того, что им высказано в его многочисленных сочинениях и приказах...

Подобный Суворову герой последней русско-турецкой войны и Туркестана Скобелев, будучи командиром 4 корпуса, в своем приказе (от 29 июля 1880 г.) пишет следующее о воспитании солдата: «Прошу всех гг. офицеров вверенных мне храбрых войск проникнуться убеждением, что неустанная заботливость о солдате, любовь к нему, делом доказанная, лучший залог к победе».

В другом приказе, говоря о необходимости развлечений для солдат, Скобелев высказывает следующее: «Солдата нужно бодрить,

веселить. У нас солдат молодой, впечатлительный и требующий сердечного ухода за ним». Говорят, что любимым выражением Скобелева в виде поговорки было такое: «В мирное время солдата нужно беречь, как невинную девушку»...

В капитальном сочинении генерала Маслова «Анализ нравственных сил бойца» автор характеризует таким образом значение самолюбия и самоуважения для солдата: «С потерей уважения к себе воин, несмотря на свое безропотное подчинение начальникам, перестает быть способным к бою, так как у него нет доброй воли и необходимой энергии, чтобы отстаивать не только интересы своего государства, но и лично самого себя».

«Тот, кто всю жизнь работает из-под палки и с кем обращаются не лучше, чем с бараном, не станет сопротивляться и неприятельскому нашествию».

«Чем выше ценит себя воин, чем более в нем внутреннего достоинства, тем безукоризненнее исполняет свои обязанности, ибо свою личную высоту он измеряет степенью исполнительности закона».

«Облагораживание простого солдата всегда вело к серьезному подъему могучести армии».

«Начальник, не щадящий самолюбия своих подчиненных, без сомнения, роняет в них нравственную мощь. Крепость субординации держится на уважении прав подчиненных со стороны начальника»...

С основанием военных и юнкерских училищ принцип воспитания солдата введен в учебные руководства этих заведений. Например, в одном из этих руководств, именно «Записки военной администрации для военных и юнкерских училищ» в отделе об обязанностях начальников сказано между прочим следующее: «На первом плане является для начальника обязанность уважать личное достоинство своих подчиненных. Преданность долгу, развитие

нравственного элемента и высших понятий о чести невозможны в армии, в которой солдат забит, уничтожен и повинуется машинально, только из страха взыскания. Вот поэтому обращение с подчиненными презрительное и унижающее их достоинство есть преступление против дисциплины и военных законов. Весьма естественно, что для молодых людей, проходящих военные и юнкерские училища, несравненно легче усвоить дух вышесказанных новых требований, нежели для массы начальствующих лиц, находящихся в зрелом и старом возрасте, когда бывает весьма трудно отрешиться от вкоренившихся старых традиций и усвоить весьма новые начала.

Таким образом, мы видим, что средство развития самолюбия у солдата составляет гуманное отношение к нему и уважение в нем человеческого достоинства. Это-то и служит основанием воспитания в солдате истинных воинских доблестей. На долю русского офицера выпадает двойная благородная обязанность: воспитывать в солдате не только воина, но и гражданина...

Общий наш воспитатель и учитель Михаил Иванович Драгомиров по поводу этого говорит следующее: «Армия в наше время не есть только вооруженная сила, но и составляет школу для народа, приготовление его к жизни общественной; и офицер не только военный чин, но и общественный деятель в гражданском смысле слова, потому что он призван играть и не последнюю роль в народном образовании». (...)

Патриотизм солдата

Вторую основу военно-нравственного воспитания и вообще военной подготовки солдата составляет патриотизм.

Без патриотизма солдат не есть воин. Высокое патриотическое чувство должно резко отличать военного человека от обыкновенного гражда-

нина. Присутствие этого чувства в солдате есть единственное условие ясного сознания им долга службы и понимания своего назначения — защитника престола и Отечества.

Следовательно, воспитание в солдате чувства патриотизма составляет крупную задачу, и весьма естественно, что на решение этой задачи должно быть направлено большое внимание начальников.

Дух патриотизма должен лежать в основании и венчать всякую военную систему, в противном случае она не будет иметь никакой цены.

Русский солдат и вообще простолюдин представляет в высшей степени плодотворную почву для развития патриотизма, который, как известно, заключается в благой преданности и любви к Родине. Эти чувства глубоко коренятся в душе русского человека, вложены в него долгим историческим опытом и передаются от поколения к поколению.

Если эти стихийные, бессознательные чувства просветить сознанием, то они вырастут и упрочатся сторицею. И из нашего солдата может сформироваться толковый и доблестный воин на службе и полезный гражданин вне ее.

Для выработки таких качеств у солдата есть одно только средство — это знакомство с отечественной историей. Солдат и простолюдин, не знающий ее, не имеющий понятия о прошлой жизни своего народа, представляют собою скорее невежественного, некультурного полудикаря, чем военного человека или гражданина.

...Правило, которым необходимо руководствоваться, знакомя солдата с русской историей, заключается в следующем: беседа и чтение по истории должны быть глубоко поучительны, чтоб солдат мог извлечь насколько возможно больше хороших жизненных правил для себя лично, для службы, а также в отношении

той жизненной сферы, в которой ему приходится быть по выходе со службы. Кроме того, пользуясь событиями и фактами истории, можно солдату дать некоторые понятия относительно общественной и государственной жизни народа в смысле того, что нужно для государства, чтобы люди в нем могли жить в мире и спокойствии.

Для того, чтобы история с ее событиями и фактами была солдату вполне понятна, доступна и поучительна, для этого нужно прошлое сравнить с современностью, проводить аналогию между историческими фактами и той жизнью, в которой вращался солдат и которая ему хорошо знакома. Такой метод есть единственный для того, чтобы было достигнимо вышесказанное условие, т. е. доступность и поучительность преподавания истории.

Этот метод вполне возможен и естественен, во-первых, по той причине, что жизнь народа и целого государства в некотором отношении аналогична с жизнью, например, общества, деревни, семьи и даже отдельного человека.

Второе данное, говорящее в пользу такого метода,— это то, что вообще внутренние условия жизни государственной, общественной видоизменяются медленно в известной последовательности, так что существенная внутренняя сторона жизни, например, современной не очень многим отличается от веков давно прошедших. И знание одной эпохи составляет ключ к познанию другой.

Любовь к начальникам

Старое время. Старая и вечно новая истина, что одно из главнейших условий могущества армии на войне есть любовь подчиненных к своим начальникам. Эта любовь имеет громадное значение и в мирное время, так как при существовании ее несравненно успешнее достигается подготовка войск для войны.

В старое время в нашей армии любовь солдата к начальникам подрывалась грубым обращением последних с ним и вообще неуважением его как человека.

Причины этого следующие: во время существования в России крепостного права традиции его не могли не переноситься и в армию, где отношения начальника к солдатам были схожи с отношениями помещика или управляющего к крепостным крестьянам. Частые побои солдат, брань, обидные насмешки и проч. и проч. ...Одним словом, оскорбление всякого нижнего чина на словах и действием в те времена считалось самым обыкновенным делом. Такое обращение начальника вызывало со стороны солдата чувство страха, униженности, стремление угодить, но мешало развитию искренней привязанности к начальнику.

Еще в худшем положении очутился наш солдат со введением в армию прусской системы дисциплины. С того времени отношение к солдату часто бывало жестоким, бесчеловечным. Его подвергали тяжким телесным наказаниям нередко за пустые упущения и ошибки...

Наш чудо-богатырь Суворов, как известно, отнесся к прусской системе дисциплины весьма критически, за что и подвергся опале. В одном из своих писем он пишет следующее: «При строгости надобна милость, иначе строгость — тиранство; я строг в удержании (в войсках) здоровья, истинного искусства благонравия; милая солдатская строгость, а за сим общее братство; и во мне строгость по прихотям была бы тиранством; гражданские доблести не заменит бесполезная жестокость в войсках».

С помощью вышеописанных суровых наказаний хотели водворить строгую дисциплину; результаты получались диаметрально противоположные. С основания регулярной армии императором Петром I никогда настолько не расшатывался порядок

внутренний в частях войск, как во время господства прусских порядков. Кроме многочисленных преступлений общего характера: пьянства, воровства, частых побегов, были сильно развиты преступления против дисциплины. Случаи явных непослушаний, оскорблений начальников и даже открытого возмущения и неповиновения войсковых единиц...

Несмотря на вышесказанные злоупотребления, любовь тогдашнего солдата к начальникам в общем существовала, доходя часто до высокой степени; одним из доказательств чего служат высокие подвиги мужества, проявляемые всегда нашим солдатом на войне. Без этой любви солдат не мог бы проявлять своего мужества в такой степени.

Любовь солдата к начальникам в старое время объясняется многими причинами: во-первых, прекрасным характером нашего солдата, который скоро забывает причиненные ему обиды; в особенности он был незлопамятлив, когда того требовал долг службы, например, на войне и в бою, где его злопамятство могло повредить общему делу. В эти важные минуты наш солдат все приносит в жертву Отечеству.

Другая причина любви солдата к начальникам в старое время происходила благодаря привычке: служба солдата продолжалась 25 лет. Начальники командовали своими частями 15, 20 лет, а иногда и более. Благодаря этому одни с другими сживались, привыкали друг к другу. Одним словом, отношения между начальниками и подчиненными основывались на семейном, патриархальном начале со многими его хорошими и дурными сторонами. Доброго начальника любили; плохого волею или неволею должны были терпеть. «Стерпится — слюбит-

ся», как говорит русская пословица.

Но самая выдающаяся причина любви солдата к начальникам в те времена состояла в следующем: в старое время часто бывали войны, а мы знаем, что русские начальники не только не уступали в мужестве солдату, а, напротив, показывали ему пример самоотвержения и сами вели его на подвиги и к победам. Это-то обстоятельство и было причиной того, что старые солдаты не только любили, но часто обожали многих из своих начальников. Таковы главнейшие условия любви солдата к начальникам в старое время.

Наше время. Какие же могут быть средства для этой любви в наше время, которое во многом непохоже на прежнее.

Теперь войны бывают реже, вследствие чего современному начальнику почти не представляется случаев сделаться любимым, обожаемым солдатами за военные подвиги.

О любви, основанной на привычке, существовавшей в старину, в наше время не может быть и речи; служба солдата коротка, а многие из начальников командуют своими частями еще более короткое время.

В настоящий период времени остается одно и единственное средство для любви солдата к начальнику — это уважение.

Но для того, чтобы вызвать такое чувство, начальник должен, во-первых, основать свои отношения к солдату на строго законной почве, и, во-вторых, он должен стараться уважать в солдате человеческое достоинство, т. е. не оскорблять его ни действием, ни словами, пользуясь тем, что солдат бессилен перед властью начальника.

Д. Н. Трескин. «Курс военно-прикладной педагогики. Дух реформы русского военного дела». Киев, 1909

СКУГАРЕВСКИЙ

АРМЕЙСКИЕ ОЧЕРКИ

IV. Выдвижение начальников

...Еще в Крымскую войну два главнокомандующих Горчаков и Меншиков писали один другому: «У меня нет генералов», «я страдаю от недостатка способных людей». Но та война все-таки выдвинула Муравьева, Бебутова, Хрулева, Хрущева. Турецкая кампания 1877—78 г. дала нам Гурко, Скобелева, Радецкого, Лазарева. Японская война не выдвинула ни одного настоящего таланта. Если печать называла некоторых, как, например, покойного Зарубаева, то это были просто твердые люди, честно исполнявшие свой долг, вроде Горшкова, Жукова, Краснова и др. в турецкую войну. Настоящих военных талантов в последнюю войну не выдвинулось ни одного.

Отчего это?

Прежде всего оттого, что вся система назначений начальников в мирное время у нас не способствует, а затрудняет выдвижению людей с военными качествами. Качества военачальника для мирного и для военного времени несколько не сходятся: в мирное время требуется от начальника покладистость с начальством, а в военное время — сопротивляемость врагу. В мирное

время затирают «сопротивляющихся» и выдвигают людей более покладистых, а они и на войне оказываются покладистыми... в отношении неприятеля.

Про одного из морских министров И. А. Шестакова рассказывали, что он считал праздником тот день, когда ему удавалось найти среди морских офицеров талантливого человека; он чуть ли не вел им у себя особые списки. После него ввели во флот ценз, где все, и талантливые и бесталанные, люди измерялись числом лет и месяцев плавания, и даже не плавания, а состояния в плавании. Это, сколько известно, было одной из причин гибели нашего флота.

В сухопутном ведомстве не было своего Шестакова, а для выдвижения начальников установлены правила, своего рода ценз, который также равняет талантливых и бесталанных и даже скорее покровительствует бесталанным, но услужливым и угодливым людям, что также было одною из причин наших сухопутных неудач.

Лет 30—40 тому назад главным источником для пополнения начального персонала в нашей армии была гвардия. Начальники эти хо-

СКУГАРЕВСКИЙ Аркадий Платонович — генерал от инфантерии. Обучался в Александровском военном училище и в академии Генерального штаба. Служил на командных и штабных должностях в 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, командовал 145-м пехотным Новочеркасским полком, возглавлял штаб гвардейского корпуса, командовал 27-й пехотной дивизией. С 1906 г. — член Военного совета и председатель Комитета по образованию войск.

В канцелярии

Столовая офицерского собрания

Служебное совещание

В офицерском собрании

рошо знали службу, но службу мирную, показную, имевшую мало общего с настоящим боевым делом. В военном отношении такая категория начальников была мало образована. Это заставляло нас постепенно все более и более выдвигать академиков, и теперь большинство наших высших начальников рекрутируется из Генерального штаба.

Эта категория начальников дает людей образованных, но мало опытных, мало знакомых с практической службою, с духом войск и с дисциплиною. Да и образование их оказывается чаще совершенно теоретическое, не всегда применяемое на войне.

Среди офицеров Генерального штаба, получающих полки и высшее командование, встречаются люди, преданные делу и искренно желающие учиться и принести пользу войскам. Но есть не мало лиц, идущих командовать полками только для ценза и высчитывающих дни, когда кончится их искуc и они снова перейдут на штабную должность. Эта категория «гастролеров», как называют их в армии, является очень вредным элементом в войсках. Не зная службы практически, многие из них не хотят даже и учиться служить, как следует; они не служат, а, как говорится, «отбывают номер».

Особенно вредно влияние таких гастролеров отражается на дисциплине в войсках. Штабная служба не способствует укреплению подчиненности у молодых офицеров, попадающих в штабы после академии; а привилегированное положение у нас штабных вообще и Генерального штаба в особенности совсем портит офицеров в отношении субординации, как говорилось в старину. Когда такой «порченный» получает полк, да еще «на гастроли», то он часто не только не поддерживает дисциплину с должною твердостью, но иногда прямо своими послаблениями разрушает ее. К этому

нередко примешивается желание добиться популярности среди своих подчиненных — тоже большое зло в нашей армии...

Много затруднений в нормальном направлении наших военных дел и в правильном ходе войскового управления делает то, что в военном ведомстве влиятельные ответственные посты занимают иногда безответственные лица... Лица эти обыкновенно полны желаний принести пользу, но желания покровительствовать своим ближайшим помощникам, желание получить больше влияния и во всяком случае подержать престиж той войсковой части или той отрасли управления, которые им вверены, побуждает их часто заботиться о частностях в ущерб общему делу, хлопотать о своих частях, хотя это приносит вред всей армии. К тому же, не всегда обладая в необходимой степени знанием дела и почти всегда не имея опытности в нем, они бывают вынуждены во многом полагаться на своих приближенных, выбор которых не всегда бывает удачен, так как чаще зависит не от достоинств избираемого лица, а от личного к нему расположения избирающего. Приближенные эти нередко не стесняются злоупотреблять влиянием своих высокопоставленных покровителей, что возбуждает неудовольствия и зависть у других; создает категорию привилегированных лиц, случайно попавших под покровительство; затрагивает общее чувство справедливости и тем разрушает нравственные начала, которые должны служить основой крепости духа в корпусе офицеров, о чем я говорил раньше...

Большое влияние на слабость начальнического персонала у нас имеет особенность источников его пополнения. Таких источников, как я сказал выше, у нас два главных: гвардия и Генеральный штаб. Третий, самый многочисленный источник — армейская пехота (в ка-

валерии и артиллерии вопрос поставлен несколько иначе) у нас находится в таком приниженном и забитом положении, что выдвигает из своей среды сравнительно небольшой контингент старших начальников. Безднадежность карьеры и вообще неудовлетворительное положение наших армейских офицеров заставляет все лучшее из них убегать из строя еще в молодых чинах. И хорошо еще, если офицер уходит в академию; а то больше — в гражданское ведомство, создавая опасный некомплект в армии...

Итак, повторяю, причин, влияющих на неудовлетворительность системы выдвигания старших начальников, у нас много. Принимает ли военное министерство какие-либо меры против них? Не знаю. Производит ли оно хотя расследование вредно влияющих причин? Неизвестно. Думаю, что нет; если бы что было — мы бы слышали.

Пока министерство прибегло к старому излюбленному способу наших порядков прежнего бюрократического строя: вместе с законом о запрещении печатать секретные сведения о мобилизации, о крепостях, о запасах и проч. теперь предполагается запретить делать в печати характеристику высшего командного состава армии («Разведчик», № 1139).

Знакомое средство. Оно было одною из причин того, что мы вели японскую войну «вслепую»; мы были слепы не только в отношении неприятеля, но и в отношении своих военачальников, о которых прежняя цензура не позволяла писать... Беда в том, что нельзя того же запретить заграничной печати, где наших войсковых начальников характеризуют очень откровенно и обыкновенно довольно метко. В конце концов, выходит так, что мы не будем знать своих военных вождей, но наши противники их будут знать прекрасно. Запрещение характеризовать начальников при-

ведет к тому, что теперь бесталанным и неспособным людям еще легче будет проходить в разряд «высшего командного состава» (кстати, откуда начинается этот высший состав? с генералов вообще или с генерал-лейтенантов? с бригадных командиров, с дивизионных или с корпусных?); еще легче будет проделывать незаконные дела и даже совершать предосудительные поступки...

Нельзя также запретить иностранным военным агентам делать своему правительству «характеристику высшего командного состава» русской армии. А они ее делают очень удачно. Лет 50 тому назад прусским военным агентом у нас был Швейниц (кажется, так была его фамилия). В то время писать о наших генералах было строго запрещено, и потому даже свое высшее начальство не знало их; а Швейниц их знал прекрасно. Тогда рассказывали, что при некоторых назначениях к нему обращались за справками...

V. Штабы

...Генеральный штаб у нас комплектуется исключительно из офицеров, кончивших Военную академию, которая готовит своих слушателей скорее в полководцы, чем для службы в Генеральном штабе. Как это ни странно, но Берлинская академия всегда называлась просто Военною академией, однако там читался особый курс «Службы Генерального штаба»; наша академия до последнего времени называлась «Академией Генерального штаба»; но особого курса по этой специальности в ней не читалось. Вот на эту-то несообразность и обратил внимание в моих статьях Александр III в 1885 году. С тех пор прошло 27 лет, но этот курс, кажется, до сих пор еще не введен, хотя из компетентного источника я слышал, что его хотят ввести.

Много я мог бы написать про наш Генеральный штаб. Удивительнее всего то, что в нем много способных и даровитых людей, но не находится на верхах человека, который решился бы реорганизовать этот корпус офицеров, отнять у него вредные привилегии, сделать так, чтобы офицеры его занимались своим специальным делом, чтобы в нем служили действительно только даровитые и полезные офицеры.

Теперь дело поставлено так, что офицер, удачно кончивший курс, после цензового командования ротой поступает в корпус офицеров Генерального штаба, и как бы он там ни служил, можно даже сказать — где бы он ни служил, он остается в этом корпусе. Нужно совершить особый чрезвычайный проступок, чтобы офицера перевели из Генерального штаба. <...>

VII. Дисциплина

Причин наших неудач в японскую войну было много; я считаю одною из главных — слабость дисциплины в нашей армии, понимая это слово в широком смысле — в исполнении законов, приказаний, правил, в смысле повиновения и исполнительности.

Наша военная дисциплина довольно своеобразна: она строга к нижним чинам и снисходительна к офицерам; причем чем начальники выше, тем дисциплина среди них поддерживается слабее; а неисполнительность и беззаконие среди высших начальников переходят иногда пределы допустимого.

Строгость дисциплины среди нижних чинов тоже характерна: она поддерживается чаще не строгостью законных требований, не личным примером в этом отношении начальников, а грубостью, доходящей иногда до побоев, о которых, однако, теперь все реже приходится слышать.

Лет 15 тому назад я сделал в печати предложение установить правило, чтобы офицеры всем ниж-

ним чинам говорили «вы», и доказывал, что это не только не ослабит дисциплины, но напротив, будет содействовать укреплению ее, потому что побудит офицеров проводить в войсках служебные требования не грубостью, а законными средствами.

Но мне тогда на это возражали, и между оппонентами были уважаемые лица, искренно убежденные во вреде моего предположения. А некоторые подумали, что я предложил это с целью ослабить дисциплину в войсках; упрекали меня в либерализме и радикализме...

Слабость дисциплины среди нижних чинов происходит у нас от халатного отношения к ней офицеров, которые, видя нарушение ее, если оно не затрагивает их лично, не обращают на это никакого внимания. Начинается это с мелочей. Солдат не отдает чести офицеру, многие офицеры не обращают на это внимания — не стоит, мол, возиться. И даже когда случается, что солдат не исполнит приказания, некоторые только выругаются. Подается в строю команда «смирно!» — некоторые солдаты продолжают шевелиться; офицер только крикнет «не шевелись!» — и больше ничего. После этого в рассыпном строю команды прямо некоторыми не исполняются — и ничего: только покричит офицер или подтолкнет...

Укреплять повиновение надо начинать с дисциплины строя; надо, чтобы команда в строю, даже в рассыпном, исполнялась моментально, чтобы всякое приказание начальника исполнялось немедленно. Отступление от этого правила должно преследоваться дисциплинарными мерами без брани, но с настойчивостью и неумолимою строгостью...

Поддержание дисциплины среди офицеров куда труднее.

Главное затруднение тут заключается в отсутствии общей системы, однообразных требований свыше, одной твердой руки. Офицерство,

как всякая масса, инертно. Как интеллигентная масса, офицеры ценят законность и разумность требований, но как люди вообще, наши офицеры обладают общечеловеческими слабостями и потому, без общего руководства свыше, легко поддаются этим слабостям. Гр. Шептицкий, австрийский военный агент при нашей армии в японскую войну, пишет, что русские пехотные офицеры вечно жалуются на свою судьбу, ругают свою службу, критикуют начальство и высшим счастьем считают отдых от службы. Действительно, при отсутствии законности в высших чинах, при безотрадном положении армейских офицеров, отсутствии систематиче-

ских требований свыше им легко впасть в критиканство и бездеятельность.

Наш офицер обладает хорошими качествами и при общих дружных требованиях старших начальников мог бы считаться отличным офицером во всех отношениях; но отсутствие общего руководства в ведении корпуса офицеров значительно затрудняет тех из них, которые хотя и работают в армии.

На эту бессистемность, после отсутствия единства требований свыше, влияет слабость нашего начального персонала...

А. Скугаревский. «Очерки и заметки», вып. 3. Спб., без года изд.

ЛЕВИТСКИЙ

ВОСПИТАНИЕ СОЛДАТА

Вместо предисловия

...Приступая к настоящей статье, я должен предупредить, что искать в ней чего-нибудь нового, ожидать новых открытий нельзя, — все, о чем будет говориться в ней, все это сказано М. Галкиным и другими, цель моя другая и заключается она в следующем.

Все указанные мной военные писатели рассматривают роль офицера, как воспитателя, с социальной точки зрения, т. е. как воспитателя всего народа, иначе говоря, они смотрят на армию, как на школу

для народа. Безусловно, роль эта велика и почетна, скажу больше — это святая роль.

Чтобы выступить в этой трудной роли, нужно иметь много силы воли, знаний и умения. Не всякому рядовому офицеру она будет по плечу. Это сознают и призывающие нас к воспитательской деятельности. Дюрьи, Галкин, Лиотей и Энгельман призывают нас к этой работе, называя ее «апостольской». И действительно, работая так, как требует этого Дюрьи, придется нести обязанности вполне апостольские, придется все время, все силы употребить

на трудное дело. Вот тут сразу и является вопрос — проводимы ли эти идеи в жизнь, могут ли среднего уровня офицеры, а таких у нас большинство, обречь себя на апостольство? Безусловно, нет. Апостольский труд слишком тяжел и поэтому не по плечу нам, рядовым офицерам. Слов нет, было бы очень желательно, чтобы все офицеры прониклись идеей апостольства, но невозможного нельзя и требовать. Иной офицер и хотел бы весь отдаться работе, но у него не хватает силы, а может быть, и обстоятельств не позволяют тратить на воспитание солдат свободное время, а все проводники апостольства требуют хоть часть свободного времени ежедневно уделять солдатам. Таким образом, в своих книгах они излагают то, что было бы желательным, что необходимо было бы провести в жизнь. Но они совершенно не считаются с тем, что возможно и что могут сделать офицеры.

Настоящей статьей я хочу прийти на помощь тем офицерам, которые желали бы приступить к воспитанию солдат, но которые не чувствуют себя способными к апостольской работе. Поэтому идеи Ж. Дюрьи я несколько упрощаю и, придерживаясь его принципов при рассмотрении способов воспитания солдат, буду смотреть на роль офицера-воспитателя не с социальной точки зрения, а с чисто военной. Таким образом, моя задача — прийти на помощь строевому офицеру, и если хоть один из них найдет в этом труде хотя крупицу пользы, то считаю, цель моя достигнута.

I

«Подготовка к войне остается главной, но не единственной обязанностью офицера; кроме своих обязанностей, чисто военных, офицер должен нести обязанности и воспитателя».

Так Дюрьи формулирует обязанности офицера.

Первая часть этой формулы касается обучения (образования) солдат, т. е. ознакомления их со всеми воинскими уставами, воинскими знаниями, вторая же предусматривает обязанности чисто воспитательские, т. е. развитие в солдате нравственных начал, которые имеют громадное значение в военном деле. «Воспитание важнее образования, — говорит генерал Драгомиров, — потому что военное дело в значительной степени более дело волевое, нежели умовое». Это соотношение особенно резко подчеркнул Наполеон, говоря, что в бою $\frac{3}{4}$ успеха зависят от нравственных начал и что $\frac{1}{4}$ остается на долю всех остальных. Таким образом, мы все свое внимание должны обратить на развитие в своих подчиненных душевных сил, ибо «душевные силы человека могут преодолеть подчас его физические страдания», а это для нас очень важно. Отсюда следует, что воспитание нижних чинов становится первой обязанностью офицера.

«Воспитание может быть сознательным и бессознательным. Бессознательное воспитание дает человеку окружающая его физическая обстановка, к которой он должен приспособливаться. Сознательное же воспитание можно получить от другого человека».

Поэтому при воспитании солдат нужно прежде всего обратить внимание на окружающую их обстановку, чтобы она сама способствовала воспитанию их, а затем нужно заняться самовоспитанием и самим офицерам. Но так как, по определению генерала Драгомирова, военное дело волевое, поэтому офицерам необходимо заняться развитием в самих себе твердой воли, сильного и мощного характера. Чтобы выработать эту волю, придется, конечно, каждому поработать над самим собой и, без сомнения, значительно раньше, чем присту-

пить к воспитанию своих подчиненных.

В силу того, что подготовка солдат разделяется на два резко отличающихся между собою отдела — обучение и воспитание, офицеру приходится быть одновременно и учителем и воспитателем. Но, само собой разумеется, быть тем и другим для него немислимо, и какому-нибудь отделу он должен отдать предпочтение.

Обучение охватывает собою сообщение нижним чинам знания уставов, ружья и т. п., то есть ведает материальной стороной подготовки солдат, поэтому часть этих сведений могут без ущерба делу передавать нижним чинам ближайшие помощники офицера, т. е. унтер-офицеры и учителя. На долю же офицера падает главным образом трудная роль воспитателя и часть роли учителя.

Но «учителем в истинном значении этого слова может быть только тот, кто изучил природу своего воспитанника. Только тогда он надлежащим образом может поставить дело воспитания. В противном случае он не будет иметь под собою почвы». Значит, офицер должен во что бы то ни стало постараться узнать природу подчиненных ему нижних чинов.

Как же добиться этого?

Это дело не трудное — нужно только быть почаще с ними, нужно больше говорить с каждым из них, постараться привлечь его на свою сторону. Каждому офицеру нужно, как говорит генерал Драгомиров, «помнить, что люди, которые будут вверены его попечению, не в состоянии примениться к нему, а он к ним должен примениться».

Это применение офицера, безусловно, поможет ему поскорее изучить природу солдата...

Как я уже сказал, каждый офицер должен стараться возможно чаще быть с подчиненными ему нижними чинами, но, придерживаясь того прин-

ципа, что нельзя посягать на свободные минуты офицера, каждый начальник должен изыскивать средства, дабы предоставить офицерам возможность быть чаще с нижними чинами и при исполнении всевозможных служебных нарядов. ...Пребывание офицера в течение целых суток со своими подчиненными отразилось бы на них в высшей степени благоприятно. Обычное состояние караульных чинов — это полусонное сидение на скамьях. Вот тут-то и мог бы офицер заняться воспитанием солдат. Правда, днем бывает нередко много дела, особенно на гауптвахтах, но обстановка совершенно меняется ночью. Караульный начальник спать не имеет права, значит, ему необходима работа. Вот она и есть: беседуйте с нижними чинами, влияйте на них, развивайте их во все течение длинной ночи, особенно зимней.

Слов нет, подобное ведение наряда несколько затруднит адъютантов или лиц, ведущих наряды, но такое мелочное затруднение не должно останавливать начальников, преследующих высокую задачу — дать возможность офицерам быть чаще со своими подчиненными, не лишая их свободной минуты, так как эти минуты должны быть на счету у офицера, тем более что современный офицер должен постоянно заботиться о своем самообразовании. Таким образом, офицер, находясь в частой близости с нижними чинами, будет влиять на них, и это личное влияние окажет огромную пользу в деле воспитания солдат.

В каждой школе вопрос воспитания поставлен гораздо проще, чем в армии, так как там воспитание предусматривает только одну сторону — воспитание общее, воспитание человека, в армии же дело затрудняется тем, что кроме общего воспитания необходимо воспитание специально военное. Последнее, т. е. воспитание военное, должно стоять у нас на первом плане, второе же

лишь попутно должно прививаться нижним чинам. Что именно должно входить в область воспитания, что нужно развивать в солдатах, всего перечислить невозможно, так как пришлось бы перечислить все свойства человеческой души и ума. Поэтому я приведу лишь несколько примеров, которые наиболее часто встречаются и которые нам нужны прежде всего.

К воспитанию общему я отношу развитие в нижних чинах следующих качеств: патриотизма, чести, нравственности... силы воли, любознательности и любви к своему труду.

К воспитанию же военному — развитие дисциплинированности, повиновения, храбрости, чувства долга и святости присяги, чувства взаимной выручки, самоотвержения, решительности и любви к военной службе.

Прежде всего мы, конечно, должны заняться воспитанием общим, так как развитие в нижних чинах общих нравственных качеств поможет нам гораздо быстрее и с меньшей затратой труда и времени передать им понятие о воспитании воинском. Хотя, с другой стороны, оба эти отдела можно вести одновременно.

Выяснив этапы, по которым придется следовать при воспитании солдат, перейдем к практическим способам развития тех нравственных начал, о которых уже упоминалось.

II

Воспитание солдата должно выражаться главным образом влиянием офицера на своих подчиненных. Влияние это, по словам Дюрри, разбивается на два отдела: влияние нравственное и умственное, причем первое принадлежит области воли, второе — области ума.

Для развития этих двух начал, т. е. нравственного и умственного, придется прибегать к следующим наиболее важным способам: разгово-

рам, беседам, чтениям, занятиям грамотностью, образовательным прогулкам и, наконец, всевозможным играм и спектаклям.

О разговорах много говорить не приходится, так как приводить их в какую-либо систему нельзя. Разговоры должны быть на всевозможные темы, которые могут быть возбуждены любой встречей: идет ли команда, встретился ли какой-нибудь завод, случилось ли какое-либо происшествие, — все это должно возбуждать интерес, и разговоры на эту тему сильно помогут нам в развитии нижних чинов.

Таким образом, разговоры всегда будут вестись на темы случайные, т. е. темы, вызванные минутой. Иногда же приходится говорить солдатам на темы, заранее придуманные, причем для этого необходимо основательно подготовиться.

Подобные разговоры уже будут беседами. Для этих бесед придется собирать солдат специально, причем присутствие на них для всех нижних чинов должно быть обязательным.

Темы должны быть самые разнообразные, которые помогали бы воспитанию и общему, и военному. Беседам этим нужно отдавать особое предпочтение. Обыкновенные разговоры должны вестись всеми офицерами, так как они не требуют ни особых знаний, ни особой подготовки. В совершенно ином положении находятся беседы. К ним надо готовиться, необходимо продумать их, необходимо заинтересовать слушателей и заставить их внимательно слушать то, о чем говорится. Такие беседы нужно поручать офицерам, обладающим в достаточной степени если не ораторскими способностями, то во всяком случае изрядным красноречием, так как монотонная, скучная речь только клонит ко сну. Затем необходимо давать тему такую, о которой офицер имел бы достаточное представление.

Доклады на мало усвоенные темы не только не внесут света, а, наобо-

рот, усилят темноту. Нельзя приказывать тому, кто никогда не слышал ни о политической экономии, ни о государственной науке, прочесть понятный и содержательный доклад по этим вопросам. Необдуманное распоряжение о докладах на такие темы может быть даже опасно для армии.

В силу этого, беседы необходимо делать не для рот, а для более крупных единиц, напр. батальонов, так как в полку найдется немного офицеров, могущих в интересных и занимательных беседах сообщить нижним чинам необходимые сведения. Можно, конечно, делать такие беседы и в ротах, но в этом случае придется некоторым офицерам повторять одно и то же в нескольких ротах.

Чтения также должны быть интересны и занимательны потому, что как ни будет полезна книга, но, если она написана языком скучным и мало понятным солдатам, ее слушать будут немногие, да и слушающие не все поймут. Всем, читающим для нижних чинов, никогда не следует забывать анекдот о старушке, которая слушала проповедь священника и умильно плакала, ни слова не понимая из всей проповеди. «Не поняла я, батюшка, только уж очень он умилительно говорил-то», — ответила она на вопрос, о чем говорил священник. Этого необходимо избегать. Русский солдат будет слушать со вниманием, но часто для него прочитанное бывает совершенно темным, поэтому при чтении мы должны выбирать книги по содержанию и по изложению, т. е. по речи, вполне доступные простолыдину.

Дальше идут занятия грамотностью.

Этот способ особенно рекомендуется военными авторитетами, как русскими, так и заграничными. Например, один из наиболее видных немецких авторитетов, а именно Бойенк, говорит: «Я смело рекомен-

дую молодому офицеру заниматься с солдатами именно подобным образом (речь идет о грамотности), только таким путем он познакомится с ними, приобретет их доверие и положит основание столь необходимому искусству узнавать людей».

И действительно, какое огромное поле действия предоставляется офицеру при занятии грамотностью. Наши солдаты очень любят занятия этого рода. С какой любовью выводят они буквы или читают слова. Вот тут-то и надо приручить его к себе, забрать его душу, расположить к себе, а раз это будет сделано, дальнейшая задача значительно облегчается. Наконец, каждая прочитанная строка дает тему для разговора.

Как заниматься грамотностью, этого вопроса я не буду касаться, так как он не входит в программу моей задачи. Я задаюсь целью лишь указать то благотворное влияние, которое оказывает занятие грамотностью на воспитание солдат.

Огромное влияние имеют и образовательные прогулки. Где бы ни стояла воинская часть, в большом ли городе, в захолустье ли или даже в селе, везде можно найти места для поучительной прогулки. Про города говорить нечего, так как там такая масса полезных мест. Возьмем село: река, лес, поле, мельница, соха, плуг, — вот и готовы темы для попутного собеседования. Относительно времени прогулок, конечно, придется подумать. Лучше всего было бы, если бы офицеры производили их в свободное время, но так как это уже входит в круг «апостольства», а я беру среднего человека, поэтому рекомендую изредка, хоть раза два в месяц, в часы занятий водить нижних чинов на подобные прогулки. Если из этих прогулок нижние чины не вынесут большого запаса знаний, то это не беда. Прогулки эти помогут сблизиться офицеру с солдатами, которые приручатся таким образом

к нему, и ему легче будет узнать душу своих подчиненных.

Затем не малое значение в деле воспитания солдат имеют всевозможные игры и спектакли. Первые вырабатывают в нижних чинах подвижность, ловкость, силу, а эти свойства влекут за собой жизне-радостность, бодрость духа, храбрость и прочее. Роль спектаклей еще шире. Все мы прониклись сознанием о необходимости учить показом, спектакли же помогут нам показом и воспитывать своих подчиненных. Правда, в последнее время стали часто появляться противники всевозможных развлечений нижних чинов в виде синемаграфов, спектаклей и пр., но подобные близорукие взгляды совершенно не выдерживают критики. Подвиги Су-санина, Василия Рябова, Агафона Никитина и др., воспроизведенные на сцене, безусловно, живее затру-нут душу солдата, чем описание тех же подвигов, хотя бы даже написанные гораздо талантливее пьес. Поэтому необходимо возможно чаще ставить спектакли для нижних чинов как при участии их самих, так и в исполнении лиц, более или менее знакомых со сценой, так как хорошее исполнение скорее заронит в солдатскую душу хорошее чувство.

Вот наиболее важные и доступные средства воспитания и образования солдат.

Теперь перейдем к способам воспитания солдат, как общего, так и военного.

III

Воспитание общее

Как я уже упоминал, общее воспитание должно сводиться главным образом к развитию следующих качеств: патриотизма, чести, нравственности, силы воли, любознательности и любви к своему труду.

Рассмотрим отдельно каждый из этих отделов.

Патриотизм

Любовь к Отечеству, казалось бы, чувство вполне понятное. Почти нет такого человека, который безразлично относился бы к своей семье, а между тем к Родине, своей второй семье, очень многие относятся более чем с нелюбовью.

Русский народ в его отношениях к Родине можно разделить на три группы. Первая, самая распространенная, это так называемые «квасные патриоты»; они хвалят все русское, осуждая все иностранное, причем международные конфликты решают довольно просто: «шапками закидаем».

Герман Мюллер так характеризует подобных патриотов: «Русский патриот очень высокого мнения о преимуществах своей нации; он превозносит свой народ и армию до седьмого неба. Глубокое религиозное убеждение, пылкая любовь к Отечеству, полная готовность жертвовать собою, беспрекословное повиновение начальству — это его добродетели. Ему ничто не может противостоять — таково убеждение Драгомира и очень многих русских. Но как война 1877/8 г. с турками, так и 1904/5 г. с японцами наглядно доказали, что ни народ, ни армия не находятся на такой идеальной высоте».

Вот мнение немца о русском патриоте. И он, безусловно, прав. Это типичный русский патриот.

Вторая группа (тоже, к несчастью, не малая) — это всевозможные утописты левого толка, которые всерьез стараются доказать, что чувства патриотизма, любви к Родине не должно быть; которые говорят, как выражается Е. Мартынов, что интеллигент «должен в равной мере любить все человечество». Подобные взгляды с каждым годом все сильнее и сильнее прививаются нашему наро-

ду, а следовательно, и армии. Борьба с этим злом очень тяжела, но бороться необходимо.

Третья и последняя группа (самая маленькая) — это люди, обладающие нормальным, здоровым патриотизмом, люди, которые, искренно любя Родину, не закрывают глаз на недостатки и не превозносят все русское, осуждая все иностранное. К несчастью, таких у нас очень немного.

Для армии необходимы люди третьей группы. В строй являются в большинстве случаев люди первой группы и отчасти второй. Как те, так и другие, особенно же вторые, вредны для армии. На армию, вернее, на корпус офицеров выпадает тяжелая задача — привить солдатам, а следовательно, и всему народу нормальный здоровый патриотизм.

Что же нужно делать для этого?

Прививать патриотизм можно при помощи указанных выше способов воздействия на нижних чинов. Лучшими средствами будут, безусловно, разговоры, беседы и чтения. Постоянными разговорами на разные темы можно незаметно развивать в нижних чинах любовь к Родине. То же самое в беседах и чтениях. Приводя исторические примеры, говоря о нашей обширной Родине, о ее целях и задачах, мы тем самым заставим солдат узнать, а отсюда и полюбить свою Отчизну. Ведь любить можно только то, что хорошо знаешь. Поэтому необходимо ознакомить нижних чинов с историей и географией России. Чтения необходимо по возможности сопровождать туманными картинками, а если возможно, и синемаатографами. Наконец, громадное влияние на развитие патриотизма имеют спектакли. Русский народ исстари любит руками потрогать, так как глазам не особенно верит, а воспринимать что-либо умом при помощи одних ушей для него еще труднее, поэтому необходимо дать ему больше

видеть. Подвиги, примеры любви к Родине можно хорошо обставить на спектаклях. Воплощенные подвиги скорее затронут ум и сердце простолюдина, чем слово, а следовательно, и глубже западут ему в душу. Таким образом, роль спектаклей — это иллюстрация к книге. Нижние чины, как и дети, охотнее читают книгу с картинками, так как последнее им доступнее. Так же и одни беседы, чтения и разговоры для них будут трудны, спектакли облегчат им усвоение исторических примеров любви к Родине.

Развивая в нижних чинах патриотизм, необходимо влиять на их ум и душу незаметно для них самих, чтобы им казалось, что их новое мировоззрение зародилось в них само собой, без участия чьей бы то ни было посторонней воли. Это необходимо оттого, что при таком условии чувство патриотизма крепче укоренится в сознании человека. Лучшее же для этого средство — это исторические примеры: передавая их нижним чинам, мы тем самым вселяем в их душу понятие о долге перед Родиной, а следовательно, развиваем и любовь к ней. Ознакомление нижних чинов с героическими подвигами наших предков имеет за собой еще то преимущество, что солдаты, да и вообще наш народ, исстари всегда преклонялся перед героями.

Честь

Развитие в нижних чинах чувства чести гораздо труднее, так как это чувство среди наших солдат довольно примитивно. Патриотизм отчасти с детства вложен в душу нашего простолюдина. Нельзя того же сказать про чувство чести. Среда, материальные условия сильно влияют на развитие этого чувства, вследствие чего наши солдаты имеют довольно разнообразное понятие о чести. Один считает воровство по-

ступком бесчестным, другой не видит в этом ничего особенно дурного; один присягой дорожит, другой смотрит на нее, как на обузу, как на необходимую формальность. В силу этого приходится особенно обращать внимание на развитие среди них чувства чести. Лучшим средством для этого будут разговоры и беседы. Исторические примеры могут быть только некоторыми пособиями при беседах, так как исторические факты этого рода в большинстве случаев довольно туманны для понимания их солдатами.

Напоминая, как можно чаще, нижним чинам о чести, изредка подтверждая свои слова примерами, мы тем самым разовьем в нижних чинах чувство чести. В данном случае не будет большой беды, если обучаемые заметят, что им внушают это чувство. Не принесет это вреда оттого, что, как я уже говорил, понятие о чести среди солдат очень растяжимо. Для одного пощечина кровная обида, для другого это только минутная неприятность (и то больше с физической точки зрения). Чувство же патриотизма у всех одинаково, что у простого людина, что у интеллигента. Поэтому придется говорить нижним чинам о полной ненормальности некоторых явлений, придется постоянно твердить им, что на некоторые факты необходимо смотреть так, а не иначе. Такой способ воздействия, конечно, не ускользнет от внимания солдат, и это заставит их убедиться, что офицеры стараются изменить их взгляды на вопросы чести. В деле развития этого чувства играет особо важную роль личный авторитет офицера, тем более что солдаты отлично чувствуют, искренно ли говорит офицер или нет, т. е. от души ли исходят его наставления. Необходимо разъяснять солдатам все проступки и промахи нижних чинов против чести, разъяснять всю непривлекательность поступков, противных понятию о чести. В этом

деле нужно всем почаще вспоминать русскую пословицу: «Повторение — мать учения». Правда, это следует помнить при каждом деле, но при развитии в нижних чинах понятия о чести эта пословица приобретает особо важный смысл.

Нравственность

Наш народ, а следовательно и солдаты, в массе в большинстве случаев нравственный, хотя за последнее время, под влиянием многих причин, нравственность стала сильно падать, поэтому офицерам придется усиленно бороться с этим злом.

Развивать в нижних чинах нравственность можно главным образом путем бесед. Беседы эти не должны быть особенно длинные: в кратких чертах, приводя примеры, нужно указать нижним чинам весь вред, который приносят безнравственные люди как самим себе, так главным образом и всему обществу...

Сила воли

...Качество это для нас, военных, имеет громадное значение, нам более чем кому-либо необходимо обладать твердой волей. Поэтому развитие в нижних чинах этого чувства должно вестись особенно энергично. Слабовольный человек не может совершить подвига, тогда как военное дело все состоит из бесконечного ряда подвигов.

Развивать это чувство можно путем бесед, чтений и главным образом личным примером. Поэтому прежде всего самим офицерам необходимо развить в себе сильную волю. Беседы и чтения должны быть главным образом на исторические темы. Знакомя нижних чинов с такими характерами, как Суворов, Ломоносов, Меншиков, Петр Великий и др., мы невольно разовьем в них поклонение перед подобными личностями, а отсюда невольно явится и желание подражать им.

Для этих бесед и чтений необходимо, конечно, время, которое не всегда можно найти. Ввиду этого развивать в нижних чинах силу воли можно путем разговоров — в караулах, на привалах и т. п. Говорить на эти темы необходимо как можно чаще, так как сила воли для военных половина успеха, поэтому на это обстоятельство необходимо обратить особенное внимание.

Любознательность

...Нам необходимо прежде всего развить в нижних чинах гибкость ума, сделать их грамотными, так как грамотные люди всегда отличаются большой любознательностью. Вследствие этого развитие в нижних чинах любознательности должно вестись главным образом путем занятий грамотностью. Затем должны вестись беседы, разговоры о различных лицах, народах, которые отличались особой любознательностью. Исторические примеры должны в изобилии иллюстрировать разговоры. Петр Великий, Ломоносов и др. выдающиеся люди должны возможно чаще встречаться в беседах с нижними чинами. Кроме того, необходимо как можно чаще производить образовательные прогулки, так как они лучше чем что бы то ни было развивают в людях любознательность.

На этот отдел воспитания следует также обратить особенное внимание, так как любознательность поможет солдатам скорее и легче усвоить солдатскую науку, чем мы не можем похвастаться в настоящее время.

Любовь к своему труду

В последнее время замечается, что солдаты по окончании действительной службы нередко остаются в городах, не желая возвращаться в свои деревни и села. В городах они поступают на какие-либо должности, подчас даже на плохо опла-

чиваемые. Отсюда следует, что наши солдаты не любят своего труда, того труда, который они несли до призыва на военную службу. Не отличаются они также и любовью к военной службе... Результаты такого отношения видны сами собой. Поэтому необходимо развивать среди нижних чинов любовь к своему труду, именно к своему, так как обвинить русского человека в нелюбви вообще к труду нельзя, но у нас замечается недовольство только своим трудом, вернее, своей профессией: так, портные тяготеют своей работой, сапожники своей и т. п. Так и солдаты тяготеют своей военной службой, а по окончании ее тяготеют и прежним крестьянским трудом.

В силу этого необходимо прививать нижним чинам любовь к их труду. Достичь этого можно путем разговоров и бесед. Случая для этих разговоров ждать долго не придется — любое учение, любая работа всегда даст тему для хорошей беседы о любви вообще к труду и к крестьянскому в частности. При этом необходимо указывать на последствия, которые могут произойти от перемены своего обычного труда на другой...

IV

Воспитание военное

К этому отделу я отношу развитие в нижних чинах дисциплинированности, повиновения, храбрости, чувства долга и святости присяги, чувства взаимной выручки, самоотвержения, решительности и любви к военной службе.

Дисциплинированность

Дисциплина — это краугольный камень военной службы, это, так сказать, ее альфа и омега. От нее зависит очень многое — чем лучше дисциплинирована армия, тем сильнее

Осадная мортирная батарея перед боем

Артиллерийский наблюдательный пункт

Георгиевские кавалеры

Семеновский полк у памятника при деревне Лесной

и могущественнее становится она. Поэтому нам необходимо развить среди нижних чинов строгую дисциплину.

Достичь этого можно многими путями.

Первый — это личный пример: сами офицеры должны подавать нижним чинам пример строгой дисциплинированности. Нередки бывают случаи, когда офицеры в присутствии нижних чинов позволяют себе поступки, противные воинской дисциплине. Этого необходимо избегать, и тем самым показать нижним чинам, что такое дисциплина.

Затем понятие о дисциплине можно развивать путем бесед и чтений, особенно путем последних. В военной истории встречается немало примеров проявления воинской дисциплины. Взять, например, известный рассказ о том, как Петр Великий поспорил с саксонским королем, чей солдат лучше дисциплинирован. Этот простой, незамысловатый пример дает громадное поле действия для поучительной беседы о дисциплине...

Вот поэтому-то над этим отделом и придется поработать основательно, ибо нам нужна дисциплина сознательная, а не построенная на одном страхе, так как подобная дисциплина всегда влечет к тому, что нижние чины исполняют все приказания начальника, не вникая в их сущность, вследствие чего они нередко исполняют приказания, по содержанию своему очевидно преступные.

Повиновение

Повиновение — чувство, хорошо знакомое русскому солдату. Почти все нижние чины всегда повинуются своим начальникам, но повиновение их основано не на чувстве долга, а исключительно на страхе, так как за каждое неповиновение им грозит строгое наказание; поэтому при развитии в нижних чинах чувства повиновения необходимо раз-

вивать не самое чувство — оно есть, а лишь правильное понятие о нем, чтобы повиновение исходило не из страха перед наказанием, а исключительно из чувства долга. Добиться этого можно путем разговоров и бесед. Сбирать нижних чинов специально для этого необходимости нет. Во время каждого учения, каждого занятия найдется немало предлогов завести об этом речь, подтверждая свои слова примером: сделал солдат что-либо противное повиновению, следует тут же разъяснить нижним чинам этот поступок, указать дурную сторону его, и наоборот — на каждый пример образцового повиновения необходимо также указать и разъяснить все хорошие его стороны. Таким образом, этот отдел не займет много времени ни у офицера, ни у нижних чинов.

Храбрость

«Несомненно, что русский солдат не уступает в храбрости даже такому единственному в мире противнику, как японец; зато он стоит гораздо ниже его по своему развитию». Так генерал Мартынов характеризует русского солдата.

Действительно, русскому солдату нельзя отказать в храбрости. Вся военная история доказала, что русский солдат храбр, вспомним хотя бы походы Суворова, Севастополь, турецкую войну и, наконец, последнюю русско-японскую. Эта несчастная для нас война привела армию к поражению, но, несмотря на это, было немало подвигов, рисующих с положительной стороны нашего солдата. Поэтому развивать в солдатах это чувство не приходится, но тем не менее работать над этим придется очень много.

Наш солдат в массе храбр, он мужественно бросится в штыки, мужественно будет биться в рукопашном бою, но, с другой стороны, бывали примеры, когда целые цепи, залегши за закрытия, не поднимались для

перебежек. Вспомним, как Скобелев поднимал их под Ловчей, наконец, у всех на памяти приказание генерала Драгомирова не класть цепей из боязни, что они не встанут. А ведь между тем русский солдат храбр. Значит, что-то есть в его храбрости, что мешает ему быть всегда храбрым.

На мой взгляд, у нижних чинов так называемая «слепая храбрость», т. е. они храбры только тогда, когда не сознают всей опасности, иначе говоря, у них храбрость инстинктивная. Происходит это вследствие того, что наши солдаты мало развиты. Доказательством этого может служить сравнение солдат с офицерами. Между последними мало найдется таких, которые не заставили бы себя казаться храбрыми. Может быть, в душе некоторые форменные трусы, но тем не менее редко кто покажет это наружу. Нижние же чины не могут похвастаться этим. Следовательно, умственное развитие играет немалую роль в деле развития среди нижних чинов храбрости.

Но не правы мы будем, если припишем умственному развитию первенствующую роль в развитии храбрости.

Храбрость — это чувство главным образом волевое, а потому прежде всего в нижних чинах необходимо развить сильную волю — чем больше развита в человеке эта последняя, тем он храбрее. Поэтому при развитии храбрости необходимо знакомить нижних чинов с примерами проявления силы воли и храбрости. Лучшим средством для этого служат чтения, главным образом на исторические темы. Петр Великий, Суворов, Скобелев, майор Горталов, матрос Кошка, Василий Рябов и т. п. лица должны постоянно проходить перед слухом и глазами нижних чинов. Рассказы о их подвигах, о проявлениях их храбрости будут глубоко западать в душу каждого солдата и тем будут способствовать

развитию в нем храбрости, особенно, если чтения будут сопровождаться туманными картинами или синемаатографами.

Немалое значение имеют и спектакли — отдельные эпизоды из разных войн, воспроизведенные на сцене, оставят в нижних чинах глубокое впечатление.

Затем не мешает в ротах вывешивать не только картины, но и портреты лиц, проявивших личную храбрость как в военное, так и в мирное время, так как у нас почему-то сложилось превратное понятие, что храбрость — принадлежность исключительно военного времени, тогда как и в мирное бывает немало случаев, когда необходимо проявить личную храбрость. Поэтому, вывешивая в ротах портреты храбрецов и картины с их подвигами, необходимо помнить и о героях мирного времени, тем более что за последние годы их появилось немало.

Кстати, о картинах.

У нас принято вывешивать картины, невзирая на их исполнение, лишь бы подпись была. Между тем хорошее исполнение картины имеет немалое значение. Правда, некоторые картины, как, например, подвиг Чайки, Архипа Осипова, исполнены очень хорошо, но некоторые из рук вон плохо, это самые обыкновенные лубочные картины. Возьму для примера подвиг Агафона Никитина и особенно подвиг нашего народного героя Василия Рябова. Такие картины не помогут поднять должного чувства уважения к нашим героям и их подвигам. Лучше вешать поменьше картин, но зато хорошего качества, не придерживаясь фамусовского рецепта «числом поболее, ценою подешевле».

Но возвращаюсь к затронутому вопросу.

Развивая в нижних чинах храбрость, необходимо внушить им, что не тот храбр, кто без толку торчит под пулями противника, но тот, кто вовремя выглянет из-за за-

крытия и кто вовремя снова скроется за него. Никто не станет упрекать японского солдата в трусости, а между тем и они не гнушались укрытия и без толку не выглядывали из-за них. Век красивых атак, гарцеваний под градом пуль прошел, войска углубляются в землю, а потому и понятие о храбрости должно подвергнуться переоценке. Слепая храбрость должна отойти в область предания, а на смену ей явиться сознательная, примененная к обстоятельствам храбрость.

Чувство долга и святости присяги

Чем интеллигентнее человек, тем выше у него понятие о долге. ...Нам прежде всего необходимо добиться, чтобы солдаты исполняли свои обязанности не из-за страха, а исключительно из сознания своего долга, как человека вообще и как слуги Отечества в частности. Нужно разъяснить им, что вся работа, которая возлагается на них, это их долг, причем необходимо выяснить, почему именно это долг. Задача эта сильно облегчится путем ознакомления нижних чинов с историческими примерами проявления сознания своего долга... Кроме того, есть немало отдельных случаев проявления сознания долга в мирное и в военное время — караульная и сторожевая служба может дать много примеров. Примеры эти должны сообщаться в беседах или же разговорах. Но эти способы, при громадной пользе их, имеют и некоторые недостатки, так, например, они влияют главным образом на ум, не производя особенно глубокого впечатления на психику слушателей, а между тем это обстоятельство имеет немалое значение. Для достижения этого необходимо прибегать к чтению хороших рассказов на эту тему...

Вот подобными рассказами следует пользоваться возможно чаще.

Нужно лишь помнить, что в выборе необходимо быть особенно осторожным, дабы не прочесть книгу, содержащую в себе известного рода натяжки, так как подобные книги могут принести обратный результат.

То же самое можно сказать и о святости присяги. С самых первых дней службы нужно подготовить молодых солдат к понятию о святости ее. Следует развивать в них не страх перед присягой, а чувство глубокого уважения к ней, внушать им сознание святости этого обряда. Затем исторические и современные примеры помогут укрепить в них это понятие.

Чувство взаимной выручки

«Сам погибай, а товарища выручай».

Этот завет великого Суворова необходимо помнить каждому рядовому. У нас это чувство, чувство взаимной выручки, сильно хромает, между тем в военном деле оно должно стоять на первом плане. Если все чины части проникнутся этим принципом, то такую часть сломить невозможно, слишком сильна она будет и физически, и морально. Если каждый рядовой будет сознавать, что его всегда поддержат, выручат, то ему не будет страшен противник, он всегда будет надеяться на помощь товарища, а потому может действовать свободно, не опасаясь противника.

...Особенно чувствуется отсутствие взаимной выручки между отдельными частями разных родов оружия. Рознь между артиллерией, кавалерией и пехотой — это ничто иное, как отсутствие взаимной выручки. В минувшую войну приходилось нередко наблюдать, как артиллерия отказывала в поддержке пехоте и наоборот, хотя последнее случалось реже первого. Эта массовая, так сказать, кастовая рознь проявляется и среди отдельных членов родов оружия. То же самое наблюдается

и в отдельных частях, даже в ротах, где губернии и уезды играют немалую роль. Так, например, люди одной губернии охотнее выручают своих земляков, чем людей других губерний. Поэтому нам предстоит трудная задача — привить нижним чинам понятие о взаимной выручке товарища, причем мы должны внушить им, что товарищи наши — все чины армии, без различия родов оружия, губерний, положений и пр.

Достичь этого можно опять-таки историческими примерами: выноса раненых из боя под напором противника, дележка последним куском хлеба, последним глотком воды, помощь лопатой, патроном и т. п. Все это будет сильно помогать нижним чинам развивать в себе чувство взаимной выручки.

Самоотвержение

История и общая и военная наглядно показала, что самоотвержение хорошо знакомо русскому народу, а следовательно, и солдату. Достаточно вспомнить имена Ивана Сусанина, Архипа Осипова, Василия Рябова, священника Щербаковского и мн. др., которые ради спасения Отечества, ради святого дела жертвовали собой, достаточно вспомнить их, чтобы сказать, что в русском человеке сильно развито самоотвержение... Бывали случаи, когда отдельные лица уклонялись от самоотвержения, но эти случаи бывали редко, поэтому и до сих пор в армии дух самоотвержения остается сильным. Но тем не менее у нас все же не каждый способен на такой подвиг. Может быть, некоторые и хотели бы пожертвовать собой, но у них не хватает силы воли, не хватает того геройского духа, которым отмечены Иван Сусанин и другие.

В силу этого офицерам приходится развивать в своих подчиненных готовность жертвовать собой во всякое время. Лучшим для этого

средством будут чтения с туманными картинами и спектакли на подходящие исторические темы, хотя немалую пользу принесут самые обыкновенные разговоры на те же темы. Подвиги героев, воспроизведенные на экране или на сцене, невольно будут захватывать зрителей и тем самым побудят их к проявлению самопожертвования. Чем чаще будут солдаты видеть подвиги самопожертвования или читать о них, тем больше надежды, что они и сами скорее проявят готовность пожертвовать собой ради блага Родины.

Решительность

Это чувство близко соприкасается с самоотвержением. Иногда бывает трудно отличить, где кончается решительность и где начинается самоотвержение, хотя, с другой стороны, решительность может проявиться самостоятельно, самоотвержение же всегда сопровождается решительностью. Решительность — это способность человека в одно мгновение решиться на какое-нибудь дело и тут же приступить к исполнению его. Это чувство требует силы воли и более или менее гибкого ума, поэтому в солдатах прежде всего необходимо развивать волю, чего можно достичь при помощи гимнастики воли, т. е. проделывая всевозможные легкие упражнения, которые не требуют ни умения, ни ловкости, а просто только решительности. От таких легких упражнений следует переходить к более трудным, но не в смысле физическом, а исключительно в смысле волевом. Подобные гимнастические упражнения можно заменять всевозможными подвижными играми, лишь бы в них требовалось проявить решительность. Затем следует заняться развитием гибкости ума, т. е. способности быстро оценивать положение дела. Достичь этого

можно путем неожиданных вопросов, вначале несложных, а с течением времени более трудных. При этом необходимо требовать возможно быстрее ответов. Наконец, малопомалу соединять то и другое вместе, т. е. дать какую-нибудь несложную задачу, которую нужно тут же решить, проявив известную долю силы воли. Подобные упражнения разовьют в нижних чинах решительность. Эти задачи нужно предлагать исключительно во время занятий, что, таким образом, не ляжет лишним бременем ни на офицера, ни на солдата.

Любовь к военной службе

На этот отдел необходимо обратить особенное внимание. ...Новобранцы перед приходом на службу наслушаются всевозможных небылиц про военную службу от лиц, ведущих борьбу против армии. Эти рассказы о несуществующих ужасах военной службы делают то, что новобранцы приходят к нам с большим недоверием и с сильным предубеждением против службы. Поэтому на офицеров ложится тяжелая и ответственная работа разубедить новобранцев и весь народ в их нелепом взгляде на военную службу. Чтобы добиться этого, надо с первых дней службы заставить новобранца полюбить ее. Правда, почва для этого очень неблагоприятная: солдат оторван от семьи, от своего дела, насыщенного места и поставлен в совершенно чуждые для него условия жизни, тем не менее бороться с этим злом необходимо. Приемы для этого просты: нужно на первых же шагах приласкать новобранца, поговорить с ним по душе, не запугивать его и без того запуганное воображение и, главное, вести дело так, чтобы не внушать ему страха.

Встречаются офицеры, которые все обучение и воспитание основывают на страхе, рассуждая так:

страх, мол, заставит его выучить, из страха наказания он будет храбр и т. п. Нет ничего ошибочнее подобного взгляда. Страх смерти всегда пересилит страх перед наказанием, а потому солдат, воспитанный на страхе, никогда не будет в бою храбр. То же самое будет во всех случаях, где явится страх. Поэтому, ознакамливая солдат с хорошими сторонами военной службы, оказывая всевозможные поощрения, мы тем самым заставим их привязаться к ней, а затем и полюбить.

Вот основные этапы воспитания солдат, как общего, так и военного. Еще раз повторяю, что этот перечень далеко не полный, всего предусмотреть нельзя, так как слишком обширны изгибы нашей души. Но если даже следовать только по этим этапам, то и в таком случае мы достигнем хороших результатов.

При воспитании солдат необходимо еще обратить внимание на один очень важный фактор, а именно на наказания. На этот вопрос многие офицеры смотрят с разных точек зрения, но в большинстве случаев он сводится к одному: всякая вина виновата, и этот принцип неукоснительно проводится в жизни, что, естественно, вырабатывает шаблон — за известный проступок определенное взыскание. При этом налагающие взыскания несколько не считаются с психикой объекта наказания. Между тем это обстоятельство имеет громадное влияние на солдат. Ведь солдаты есть разные — есть самолюбивые, есть старательные, есть ленивые и пр., поэтому для всех не может существовать одна мерка взысканий. На одного может подействовать выговор, а на другого не окажет никакого влияния и арест. В силу этого с взысканиями необходимо обращаться с большой осторожностью, так как одно неосторожное взыскание может погубить все

дело, направив понесшего его по дурному пути. Вообще же взысканий надо избегать, как развивающих чувство страха, этого же чувства в солдате быть не должно...

Так как, по словам Эд. Прейса, учителем в полном смысле слова может быть только тот, кто изучит природу своего воспитанника, каждому офицеру прежде всего необходимо изучить природу своих подчиненных. Постоянные наблюдения за каждым из них — лучший способ изучения их, но так как наша память сильно обременена всевозможными вопросами и удержатъ всего не может, то поэтому необходимо завести записную книжечку, в которую следует заносить все свои наблюдения. Некоторые военные писатели рекомендуют изучать и заносить в книжечку даже факты из прежней жизни своих подчиненных. Так, например, Эд. Прейс говорит: «Чем больше заметок в записной книжке офицера о жизни его новобранцев до отбывания воинской повинности, тем лучше это его рекомендует. Правда, работа эта кропотлива и утомительна, и трудно сначала составить себе общее представление о человеке. Но при продолжительной практике и уменье находить внутреннюю связь между отдельными замечаниями развивается глубокое знание человека, необходимое для каждого педагога».

Конечно, будет очень хорошо, если офицер изучит жизнь своих

подчиненных до призыва на военную службу, но, без сомнения, будет также хорошо, если он будет знать в совершенстве хоть характер и образ жизни на военной службе. Узнать же это можно только путем наблюдений за ними и занесением результатов этих наблюдений в свою книжечку.

Кроме таких записных книжек необходимо завести еще одну книжку, которая находилась бы в роте и в которую нижние чины записывали бы вопросы, на которые они хотели бы получить ответ.

Не каждый нижний чин решится попросить офицера разъяснить ему некоторые вопросы, в книгу же записать решится всякий, да, наконец, вопрос может прийти ему в ум, когда офицера нет. Для офицера же подобная книга может сыграть огромную роль, так как она поможет ему разобраться в выборе тем для бесед, тем более что беседы на желательные темы будут слушаться с большим интересом. Кроме того, по подписям офицер может составить себе понятие о степени развития и любознательности каждого солдата.

Проделав все, о чем здесь говорилось, и не тратя на это свободного времени, а если и тратя, то очень малое количество его, мы можем достичь хороших результатов в воспитании нижних чинов...

«Братская помощь», № 9. М., 1910

ГРУЛЕВ

ЗЛОБЫ ДНЯ В ЖИЗНИ АРМИИ

Глава I. ОЧЕРЕДНЫЕ ВОПРОСЫ

I. «Вы» и «ты»

Почти все без исключения реформы последних лет, осуществленные по военному ведомству в видах оздоровления нашей армии, имели целью, главным образом, улучшение материального положения солдата и офицера. Моральная же сторона служебной и бытовой жизни армии оставалась совершенно в тени, — как будто здесь все обстоит вполне благополучно. В действительности же, по моему крайнему разумению, на эту сторону жизни давно следовало бы обратить внимание, в особенности в отношении условий жизни и службы нижних чинов...

Немедленно после окончания войны на Дальнем Востоке во многих военных округах вдумчивыми войсковыми начальниками выдвинут был вопрос о необходимости изменения установившегося у нас обращения офицера с солдатом. Возбужден был старый вопрос об обращении с солдатом на «ты» или «вы», поднятый в свое время в военной литературе ген. Скугаревским. Но, видимо, живуч и крепок еще у нас

затхлый дух крепостничества и отжившей старины, который поборники всякой косности готовы сделать каким-то привилегированным культом только нашей армии. Каждый раз, когда у нас возникает вопрос о необходимости обращения с солдатом на «вы» вместо давно отжившего «ты», завещанного нам недоброй памяти крепостным правом, — сейчас же выступают раторборцы придуманных традиций, пытающиеся доказать, что в обращении на «ты» кроются важнейшие устои нашей армии. Какие только доводы ни притягиваются, чтобы убедить в неприменимости у нас той формы обращения, которая давно уже принята в армиях всех культурных государств!..

Все эти рассуждения — что обращение на «ты» сближает офицера и солдата, что оно более понято... и т. п. — кажутся нам не только необоснованными, но глубоко фарисейскими. Мы вполне уверены, что все поклонники тыканья действительно более близки к солдатам, чем их противники, но — не душой и сердцем, а рукоприкладством!..

ГРУЛЕВ Михаил Владимирович — генерал-майор Генерального штаба. Закончил Варшавское юнкерское училище, академию Генерального штаба, во время русско-японской войны командовал 11-м Псковским пехотным полком. Затем входил в состав военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Вышел в отставку с должности начальника штаба Брест-Литовской крепости в 1912 г. и выехал на жительство во Францию, где в 1930 г. издал автобиографические воспоминания «Записки генерала-еврея».

Пора подумать об удовлетворении духовных нужд нашей армии, имеющих не меньшее значение, чем снабжение солдата простыней, наволочкой и носовым платком, которые, так или иначе, солдат мог добыть себе и собственным попечением...

Первым шагом в подъеме престижа солдата, в удовлетворении давно народившихся его духовных потребностей, должно служить обращение со стороны офицера с солдатом на «вы»...

2. Начальство и подчиненные

...Еще хуже, конечно, тон отношений, который иногда допускается со стороны начальников, не обладающих выдержанным характером. Не так давно у нас в армии — по крайней мере среди начальства — существовал взгляд, что инспектирующий должен явиться грозой, и прежде всего распушить и страх навести; да и теперь мы видим, что начальство понимает иногда свою роль по примеру г-жи Простаковой, которая была уверена, что дом ее только тем и держится, что она весь день то бранится, то дерется. Ни для кого не секрет, что такое обращение с подчиненными — появление начальника в виде грозы и злого ненастья — у нас часто отождествляется со служебным рвением. Путаница понятий и взглядов способствует тому, что за такими начальниками устанавливается репутация людей «требовательных». Это — «герои» мирного времени. Но при первом боевом экзамене эти «орлы» обращаются в ягнят. Куда девалась вся спесь и обычные оклики!..

Мы очень часто говорим теперь о недостатке инициативы и личного почину, обнаруженном в минувшую войну на Дальнем Востоке; но необходимо помнить, что творческая самостоятельность на войне представляет собою плод весьма нежный, который может произрастать в мир-

ное время лишь на просторе известных взаимоотношений начальника и подчиненного, а не тогда, когда мнения и взгляды последнего забиты и затуканы постоянными окликами начальства.

Строго говоря, тон и формы обращения начальника с подчиненными, обуславливаемые степенью их культурности, трудно поддаются контролю и не могут быть урегулированы никакими законами...

Но — если нет возможности урегулировать в служебном быту взаимоотношения начальника и подчиненного какими-нибудь писанными законами, то необходимо размежевать законом их права и обязанности. Существует общее правило — когда человеку дается больше прав, от него требуется и больше обязанностей. У нас же — на практике и в военном законодательстве — установилось правило, как раз противоположное этой ходячей истине: все права переданы в законное владение начальству, все обязанности предоставлены в удел подчиненным. Прежде всего есть основное требование закона, в силу которого права, принадлежащие по закону младшему начальнику, по давности принадлежат стоящему над ним высшему начальнику; поэтому при столкновении мнений законное право младшего начальника обращается в нуль...

Такое разделение прав и обязанностей действует разлагающим образом в воспитательном отношении, так как убивает на одной стороне всякую охоту к здоровой бодрящей работе, а на другой подрывает чувство законности, укрепляя на ее месте значение личного произвола. Даже тогда, когда требуется мнение, скажем, командующего войсками округа по какому-нибудь специальному вопросу, получается на практике работа старшего адъютанта, потому что переданная с рук на руки работа оседает, наконец, на спине того, кто не может уже свалить ее на шею другому.

Развращающее действие такого воспитания мирного времени сказывается пагубнейшим образом на войне, когда мы только повторяем то, чему учились во время мира...

3. Канцелярщина, штаты и «полная мочь»

В сонме одолевающих нас болячек, обнаруженных минувшей войной, о которых принято выражаться, что они незаметно для нас таились в недрах нашей армии, есть, однако, и такие, которые и задолго до войны свирепствовали на виду у всех, заедавая весь организм нашей армии, парализуя сколько-нибудь продуктивную деятельность войск в мирное время. Мы имеем в виду одолевающий нас уже издавна настоящий потоп канцелярской переписки, в которой беспомощно бьется и тонет всякое живое дело.

Кто у нас не сознавал и задолго до войны этого хронического недуга? Кто только не принимался лечить нас от этого чернильного запоя, которым страдают все ведомства, который ругают и проклинают во всех штабах и канцеляриях и которому все-таки предаются сознательно, заведомо одурманявая себя и начальство многочисленными исходящими, всевозможными реестрами, красиво звучащими приказами и хитроумными отчетами, с таким множеством мудреных граф, что в них не только начальство, но и сам черт десять раз себе ногу сломит прежде, чем выберется из дебрей бесконечных линий...

Обращаясь к вопросу, как урвать это общепризнанное зло, необходимо, кажется мне, уяснить себе прежде всего природу заедающего нас канцелярского микроба, так как только при этом условии и можно определить состав необходимой для прививки сыворотки.

Надо признать, что получившая

у нас такое сильное развитие в войсках канцелярская переписка выросла и воспитана на почве, родственной всем ведомствам, — общей нелюбви к подлинному труду, желанию отделаться формальным отношением — «подписал и с плеч долой» или стяжать дешевые лавры кажущейся деятельностью посредством обилия исходящих. Эти сокровенные признаки одолевающей нас канцелярщины мы найдем в любой области нашего дела, как только оно попадает в безбрежное русло бумажной переписки. Весьма трудно заставить себя заняться каким-нибудь сложным вопросом, требующим известной вдумчивости и усидчивой работы; тем более, когда для этого есть прекрасный выход — потребовать представления надлежащих сведений от подчиненных штабов и управлений.

Что представляет собою обыкновенная посылка разных проектов «на заключение», как не вполне замаскированное отпихивание от себя обязательного труда с целью свалить его на подчиненного!..

Неудивительно, что при таком канцелярском толчении всякого дела в омуте бесплодной переписки гибнет живая мысль, а иногда и самая идея, вызвавшая к жизни тот или другой вопрос. Вместо подлинного дела получается лишь подделка, в виде вороха входящих и исходящих.

Чтобы отучить наши штабы и управления от зловредной страсти к бесконечному писанию бумаг, одним из наиболее действительных средств, наряду со многими другими, могло бы служить сокращение штатов, особенно в высших штабах...

Хуже всего то, что при такой обстановке воспитывается ложное представление о подлинном деле, так как в глазах закоснелых канцеляристов хитроумное сочетание форматов с содержанием приобретает далеко не символическое, а вполне действительное значение.

Итак, нерасположение к подлинному труду, воспитанное и поощряемое широко расплодившимися штатами, особенно в высших штабах и управлениях, — вот коренные причины заедающей нас канцелярщины. Пересмотрите и сократите все штаты многочисленных штабов и управлений, начиная сверху, и этот острый вопрос решится сам собою, потому что иссякнут самые источники канцелярской переписки.

Иного решения вопроса быть не может. Представьте себе придуманное, под видом необходимости, обширное центральное управление, обставленное многочисленными штатами с хорошими окладами, но лишенное настоящей живой деятельности. У многих ли хватит гражданского мужества заявить громогласно, что у них нет работы, что они являются лишь бесполезным бременем для государственного казначейства? Радея о хлебе насущном, они будут стараться, конечно, доказывать необходимость своего существования придумыванием новых форматов, установлением хитрых отчетов и т. п. Вот почему все проекты комиссий, имевшие целью сокращение переписки в войсках, а с ними все последовавшие затем мероприятия по военному ведомству в конце концов оказались в полной мере мертворожденными. При обсуждении всевозможных средств для уврачевания всеми сознаваемого зла избегали коренного решения вопроса, ходили лишь вокруг да около и никому не хотелось подрубать сук, на котором и сам сидишь. Отменили представления пары годовых отчетов для существующих штабов, а рядом с этим выросла целая серия новых штабов и управлений, которые пишут и которым надо отписывать.

Мы изыскиваем теперь многообразные средства, чтобы облегчить войсковому начальству его задачу в отношении боевой подготовки войск, придумываются новые проекты сокращения переписки в вой-

сках, освобождения от излишней отчетности и т. д. Но право, кажется, что это повторяется старое хождение вокруг и около заведомого источника зла — чрезмерного обилия высших штабов и управлений с их обширными штатами личного персонала служащих. Необходимо вполне добросовестно и бескорыстно произвести переоценку подлинного труда во всех войсковых штабах, начиная сверху, и сократить штаты, возвратить излишествующих в армию — к их прямому назначению. <...>

4. Про офицерское житье-бытьё

...Веселая череда войсковых праздников — полковых, ротных и даже взводных (в гвардии), ложась тяжким ярмом на карман офицерский, отражается неблагоприятно и в отношении моральной закваски офицеров, влияя, таким образом, и на дело боевой подготовки армии. Недаром еще в древние времена, при боевом воспитании юношей в классически воинственной Спарте, их закаляли в суровых условиях строгого воздержания во всех потребностях жизни. Точно так же и в наше время, один из первых шагов нынешнего германского императора Вильгельма — этого классического воина нашего века — было изгнание из офицерских казино дорогих вин, шампанских и иных.

В деле боевого воспитания офицеров в мирное время нельзя пренебрегать никакой мелочью в бытовой их жизни, если только она имеет значение общей характерной черты, присущей всему укладу офицерской жизни. Все эти мелочи выступают на войне с особой рельефностью и часто дают себя знать в бою ценою кровавых жертв и недостигнутых результатов...

Необходимо сократить число официальных кутежных праздников в армии и совершенно запретить вычеты на этот предмет из офицерского кармана. Это важно не

только для материального, но — еще более — для морального оздоровления корпуса офицеров. <...>

7. «Россия ждет, как офицеры исполнят свой долг»

...Обращенный к офицерам призыв к исполнению долга должен быть отнесен только к нынешним особенностям мирной жизни, представляющей собою во многих отношениях своего рода боевую обстановку, куда более сложную и чреватую последствиями, чем на театре войны. Мы убеждены, что именно так понят и в обществе, и в армии громко прозвучавший на всю Россию патриотический призыв: «Россия ждет, как офицеры исполнят свой долг»...

Но в том-то и кроется весь трагизм положения, что речь идет об исполнении долга не на театре войны, перед лицом врага, а в длительное время мирной жизни, у себя дома, в кругу родной семьи. Каждый из нас готов тысячу раз умереть в бою, памятуя требование присяги не щадить живота своего. Но оценить значение переживаемой нами исторической эпохи внутреннего обновления государства, отказаться от многих неприглядных привычек, глубоко впитавшихся в нашу плоть и кровь со времени крепостного барства, отдаться теперь живительной работе для скорейшего устранения всеми признанных наших недугов, — нет! на такое самоотвержение мы не способны, точно сокровеннейший смысл присяги и воинских добродетелей обнимает собою только войну и обстановку боевую, не касаясь вовсе также мирно-бытовых отношений армии при обыкновенных условиях мирного времени.

Мало того. Когда в общей печати... раздается предостерегающий оклик о тех или иных обнаруженных недочетах в нашем военном ведомстве, сейчас же из среды нашего офицерства выступают самозванные

работорцы, готовые кричать «караул» за это неуместное, по их мнению, вторжение в чуждую область военного дела. Эти близорукие и фанатичные приверженцы отмирающих взглядов, берущие на себя роль печальников нашей армии, ополчаются против всякой живой мысли или фактических указаний, имеющих целью раскрыть и уврачевать наши застарелые недуги. По ограниченности своего умственного кругозора они не постигают, насколько изменилась кругом обстановка в мирной жизни и боевой подготовке армии...

Ничего нет удивительного в том, что эта критика находит себе живой отклик и в политической печати. Армия обязана внимательно прислушиваться к этому голосу страны, а не отвечать на это напускным негодованием.

Прошло то время, когда армия являлась обособленной кастой в государстве, жившей своей отдельной жизнью, недоступной наблюдению постороннего глаза; теперь трудно отделить армию от своего народа; оба они живут одной общей материальной и духовной жизнью.

А нельзя не признать, что последние годы принесли немало огорчения и стыда всем искренним друзьям армии: целый ряд уличных скандалов, в которых офицеры иногда играли неприглядную роль, указывает на то, что и в корпусе молодых офицеров пошатнулись нравственные устои дисциплинированных добродетелей мирного времени. Это явление глубоко печальное, которое можно объяснить только заразительностью общего нравственного одичания, знаменующего собою характеристику нашего безвременья.

Впрочем, помимо молодых офицеров и старшие начальники подавали иногда примеры такой нравственной разнузданности. Читателям известен, вероятно, приказ по одному из военных округов, где высший начальник незаконно воспользовался

предоставленной ему дисциплинарной властью, подвергнув войсковых начальников дисциплинарным взысканиям за то, что от явившегося посыльного нижнего чина пахло чесноком или луком. А вслед затем был факт несравненно более возмутительный: *корпусный командир позволил себе побить часового у денежного ящика.*

Это ли не пример нравственного одичания? Если корпусный командир не умеет сдерживать разнузданность своего характера перед лицом неприкосновеннейшей личности часового, то чего же ждать от горячности молодого офицера при столкновении уличного характера?

Все это, несомненно, симптомы болезненного свойства, присущие только переживаемому нами смутному времени и всеобщей разнузданности всех слоев населения. Вот почему народные представители в праве были высказать пожелание, чтобы наши офицеры выказали и в мирное время искони присущую русскому воину дисциплинированную добродетель и самоотверженную скромность, требуемые в настоящую минуту не на театре войны, а у себя дома.

Правда! Это подвиг труднее и сильнее, чем умереть в бою; но зато это подвиг более славный, особенно необходимый в переживаемое нами переходное время.

Не говорите, что «это проповедь непротивления», обращающая война в ягненка. Нет! *Тот, кто умеет побеждать самого себя, всегда сумеет победить врага.*

Весьма важно также внушить доверие к себе как со стороны общества, так и солдата — нашего питомца, а для этого необходимо оглянуться и на самих себя. Какими воспитательными примерами могут служить приведенные выше факты? А между тем у нас чаще говорят все о воспитательных средствах в отношении нижних чинов — что солдат наш некультурный, что для

него поэтому больше всего нужна палка...

Это последнее предложение совсем не ново. У нас немало живы и здравствуют в армии поныне тоскливые вздыхатели по розге, блаженной памяти, и по кулачной расправе. Развернуться им, правда, нелегко — не по сезону, да и закон запрещает; но кто же не знает, что закон тут последнее дело, а важно, как в каждом случае начальство посмотрит. Неудивительно, что в поисках за разными снадобьями, чтобы уврачевать одолевающий нас недуг, старые любители вспомнили и папину плетку, как испытанное средство, служившее некогда панацеей от всех зол. Казалось бы, если солдат наш некультурен — как оно и есть на самом деле, — то необходимо поднять его культурность; но это, вероятно, длинная канитель; а *воспитание* на службе, в союзе с сильной дисциплинарной властью и телесными наказаниями, по мнению многих, скорее приведут к цели. Но как же это воспитать некультурного солдата в течение 3 лет службы под знаменем, когда и без того огромный вопрос, успеет ли неграмотный солдат усвоить за свою теперь очень короткую службу требуемые от него знания, немалые по нынешним временам. Кроме того, надо еще раньше воспитать воспитателей, которые ведь тоже в огороде не растут.

Вот здесь-то зарыта собака, как говорят немцы. Надо сказать врачу — исцелился сам. Мы многим грешны перед нашим меньшим братом. Велик исторический грех, унаследованный и воспринятый нами от крепостного права, преуспевающий поныне в нашем законодательстве, не в своем первобытном виде, конечно, как простая плетка, которая с шумом изгнана отовсюду, а в виде многих пережитков, чреватых всеми традициями и взглядами крепостного права. Мы не привыкли и не хотим работать — простую будничную ра-

боту. Недавно я наблюдал в Германии, как безусый подпоручик обучал свою полуроту на плацу: битых два часа он व्यюном носился около полуроты во время ее маршировки и ломки фронта, забегая вперед и с флангов, хлопал себя по ляшкам, теребил волосы, вгоняя и себя и полуроту в десятый пот... У нас такое неблагородное дело большей частью препоручается фельдфебелю или даже взводному; а если субалтерн-офицер сам снизойдет для этих занятий, то это делается с таким душевным томлением и скукой, что за версту мухидохнут.

Вот где воспитательный корень. Мы должны начать воспитание с самих себя, отрешиться от барства, которое тлеет в нас еще со времен крепостного права.

А солдату нашему нужна не муштра и палка, а школа,— как мера подготовительная для поднятия его умственного уровня, познания воинского образования и сознательного усвоения требования долга службы и присяги. Так это давно поставлено во всех армиях и этого именно недостает нашей армии...

8. Ротный и субалтерный

...Наши младшие офицеры жалуются, что со школьной скамьи они приносят с собою искренние стремления к труду и жажду деятельности и что с первых же шагов открыленные идеалы оказываются опаленными жгучей действительностью. Но нет у нас привычки к труду и дисциплинированной воли, нам хочется с первых шагов службы перекроить все по-своему; нам этого, разумеется, не разрешают, и мы сейчас же разочаровываемся в жизни и начинаем болеть мировой скорбью...

Нечто аналогичное мы видим и в нашей офицерской среде. Молодой офицер является в роту богато одаренным выпренными намерениями, но со слабой мускула-

турой (в общем смысле) для подлинного труда: он все смотрит поверх своего маленького дела, высккивая воздушные замки в туманной дали. Я указал выше, как мне однажды пришлось видеть германского подпоручика, обучавшего на плацу свой взвод... Словом, в эту нудную и скучную, с точки зрения нашего субалтерна, работу было вложено столько увлечения и страсти, что этот взвод вместе с этим учебным плацем служили, очевидно, всем смыслом жизни для этого юного офицера. Недавно также нам пришлось видеть солидного французского поручика, усердно обучавшего сигналам небольшую команду в 7 человек трубачей. Снисходят ли у нас когда-нибудь батальонные адъютанты к этой работе, которая обыкновенно возлагается на их обязанность? А между тем в многочисленных жалобах младших офицеров мы встречаемся часто с сетованиями, например, такого рода, что «ротный командир предоставляет им лишь занятия с несколькими человеками старослужащих, не допуская к занятиям с новобранцами» и т. п. А вы научитесь, господа, с рвением и любовью делать то, что приходится,— вот как тот германский подпоручик...

Но откуда ей взяться этой любви к делу, когда у нас принято стыдиться ее, как порока. Всем известно, что во многих кружках и собраниях офицерских, претендующих на изысканный тон, принято за правило избегать разговоров и споров на служебные темы. В прежнее время (а может быть, и теперь) такая тенденция на изысканность тона существовала в гвардии и отсюда позаимствована была армией. Можно ли удивляться, что при таком направлении служебные занятия обращаются в «отбытие номера», который исчерпывается лишь формальным отношением к делу. При такой постановке службы с боевой подготовкой далеко не уедешь...

Будьте ровны и тверды в своих требованиях, и это окажет благотворное влияние не только на самое дело, но и на воспитание вверенных вашему попечению юных помощников...

Надо полюбить труд, вот в чем корень и разгадка успеха в любом деле. Самые лучшие намерения и выпренные стремления положительно ни к чему не послужат, если нет вкуса к работе и упорному труду. <...>

10. Д. А. Милютин и П. С. Ванниковский

...«Не реформы, а люди необходимы нам», — говорят со всех сторон. Надо, однако, помнить, что и реформы не изготавливаются механически, по шаблону, а для них нужны люди незаурядные. Нет людей, нет и реформ, а найдутся люди, будут и реформы. Однако трагизм положения заключается именно в том, что реформы и люди, понимая, конечно, людей талантливых, находятся всегда в таком взаимоотношении, что они вечно замкнуты в заколдованном кругу: реформы не растут в огороде, а представляют собою предмет творчества людей гениальных, одаренных искрой божественности; с другой стороны, и люди талантливые всходят на родной ниве не иначе, как после орошения ее живительными реформами. Бывают времена засушливые или несвое-

временные заморозки, не способствующие произрастанию талантов и способностей: им не дают хода, мешают применять на деле плоды их гениальности. Как часто в морском, например, ведомстве вспоминают теперь покойного адмирала Макарова, который так бесплодно боролся с пустотой и бездушным формализмом своего времени. Был, значит, человек, да без пользы для дела стигнул жертвой мертвящей рутины.

А теперь — разве действительно так-таки нет у нас людей? Если они появлялись неоднократно перемежающимися периодами во все века тысячелетнего существования России, следуя за реформами или возвещая собою появление реформ, то не подлежит сомнению, что они продолжают существовать и в настоящее время и могут появиться во всякую минуту, но лишь при благоприятной обстановке. А для этого необходимы реформы. В противном случае, под видом людей талантливых появляются искусственные выгонки, представляющие собою лишь суррогат талантов, а иногда и простую фальсификацию...

Подлинные таланты познаются лишь по делам. И горе, когда их нет, а прилагаются старания, чтобы создать таланты искусственной выгонкой. Это печальное явление наблюдается в наше время всеобщего оскудения. <...>

Глава II. БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРА, СОЛДАТА И ПОДРАСТАЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ

6. Подготовка офицеров

...Огромное большинство наших офицеров является после производства с первым визитом в казарму, никогда не видав раньше в жизни, как живет и служит солдат, что он ест, как и чему учится, не говоря уже про то, чтобы иметь какое-нибудь представление о внутреннем мировоззрении солдата, о его взгля-

дах, вкусах и т. п. А между тем эти офицерские птенцы в новеньких погонах являются с первых же шагов в роли начальников и руководителей, призванных наставлять неведомых им людей в еще менее ведомой им жизни. Надо ли доказывать, что никогда военные рассказы из солдатского быта, хотя бы очень талантливо написанные, не могут пополнить этот пробел в подготовке офицера.

На посту

Чтобы иметь хотя бы элементарное понятие о военном деле, нельзя не знать его основного атома — солдата, и прежде чем быть офицером, надо, хоть сколько-нибудь, побывать в солдатской шкуре, пожить с солдатом одной жизнью, т. е. не только поносить серую шинель с юнкерскими погонами, но пожить среди солдат.

Если эта наука не будет узнана готовящимися в офицеры до того времени, как они оденут офицерские погоны, то после они этого уже никогда не постигнут. Все мы знаем, что в силу дисциплины солдат в присутствии офицера говорит не так, стоит не так, поворачивается не так, словом, во всем, даже в обращении с другим солдатом или с посторонними, солдат держит себя не так, как он это делает, когда предоставлен самому себе. Мы должны признать непреодолимую силу вещей: как только мы облакаемся в офицерские погоны, между нами и солдатом ложится густая завеса, скрывающая от нас всю — настоящую, а не казовую — жизнедеятельность солдата. Многие ли из нас такие тонкие психологи, чтобы могли свободно пробраться в самое нутро солдатского мировоззрения через непроницаемые переборки в виде «так точно», «никак нет». Стоит подслушать иногда солдата со стороны и невзначай, чтобы убедиться, до какой степени это для нас чуждый человек и по разговору, и по взглядам, и отчасти даже по складу мысли, так как в присутствии офицера и мысль солдата скована дисциплиной. Бывает, правда, что и офицеру удается иногда стать близко, вплотную, к солдату, сродниться с его душой, чувствовать его сердцем; но это дар божий, который дается немногим. Недаром военная история знает таких феноменов в виде редких исключений. А между тем, разве знать солдата — т. е. сущую основу всего нашего военного дела, — разве это уже такая безделица?..

Но если изучение солдата представляет собою для офицера науку почти недостижимую, то необходимо поставить дело так, чтобы он сколько-нибудь ознакомился своевременно с этим «предметом»; а это возможно только тогда, когда для производства в офицеры будет требоваться известный ценз предварительной выслуги в строю и жизни в казарме в нижнем звании. Когда, прежде чем стать офицером, молодой человек сначала поживет под одним кровом с солдатом, будет дышать одним воздухом, есть из одной миски и шагать рядом в походе, то тут не потребуется для изучения солдата глубокой наблюдательности или тонкого анализа окружающей жизни; тут, само собою, целиком претворяешься в общем горниле солдатского житья-бытья и затем впоследствии, будучи офицером, без лишних слов — не по книжке, а собственным опытом — угадаешь, когда солдат устал, как ему удобнее, что ему вкусно и т. п. Нам кажется, что по этому важному вопросу не может быть двух мнений, и если он до сих пор забыт, то только в силу нашей дворянской вольности: не в пример приятнее одеть сразу офицерские погоны и обойтись, по возможности, без необходимости жить в казармах, питаться подлинными солдатскими щами и т. п.

Нельзя пренебрегать и строевой подготовкой, которая дается только в солдатских рядах. Необходимо помнить, что в глазах солдата авторитет офицера измеряется не программами по логарифмам и тригонометрии, а твердостью тех именно познаний, которые составляют солдатскую науку и для которой каждый офицер обязан во всякое время явиться профессором. Многим офицерам, не стоявшим в нижнем звании в солдатских рядах, памятно, вероятно, жгучие минуты, пережитые ими во время первых шагов строевой офицерской службы, когда, подходя к строю, не знаешь, как подойти,

как стать, как держать себя с этой массой людей, с которой сталкиваешься впервые. Жаль, что и в этом случае мы отступили от заветов старины: когда-то Суворов в свое время добросовестно выстаивал на часах и в солдатской шинели проходил не на шутку всю нелегкую в то время муштру солдатскую вместе со всеми нижними чинами. Многие ли, например, из членов комиссий, обсуждающих разные вопросы об упрощениях в караульной службе, стояли когда-нибудь сами на часах? А ведь когда возникает вопрос, например, о смене часовых через такие или иные промежутки времени и тому подобных упрощениях, то путем умозрительным трудно, конечно, прийти к правильному решению; но мы всегда в состоянии будем судить об этом вопросе с большей уверенностью, если в свое время сами доподлинно стояли на разных постах, при разных условиях. И так во всем.

Обращаясь к контингенту офицеров, поставляемых нашими кадетскими корпусами, нельзя не признать, что они являются в войска офицерами, т. е. готовыми наставниками солдат в жизни, не будучи сами знакомы не только с солдатской жизнью, но и без всякого житейского опыта вообще. Откуда им знать жизнь, которую они видят впервые только облачившись в офицерские мундиры? А казалось бы, чтобы быть руководителем массы, и в мирное время, и в бою, требуется хоть какая-нибудь житейская школа и знание людей. У нас давно признано неоспоримой истиной, что наши женские институты выпускают своих питомиц в виде «наивных институток», мало подготовленных к жизни. А чем наши закрытые военно-учебные заведения отличаются в этом отношении от институток? Разница лишь в том, что институтка впоследствии шагает в жизни под крылышком папаши или мужа, а юные офицеры призваны сразу стать

учителями и наставниками взрослых людей, иногда гораздо более их умудренных опытом и знанием жизни.

А ведь служба наша, в конце концов, сколок все той же жизни. <...>

...Такова моральная сторона дела — нравственная спайка, которая обуславливается первыми шагами совместной службы офицера и солдата. Но не менее важна и практическая сторона вопроса — познать солдатскую науку не из умных книжек, а по собственному опыту. Надо удивляться, как далеко мы отстали в этом отношении от офицерской подготовки, существовавшей у нас 100—150 лет тому назад...

Хуже всего то, что значительную часть всех тех программных наук, на которые пришлось затратить столько времени, с первых же шагов офицерской службы, приходится сдать в архив; тогда как со стороны подлинной солдатской науки офицер ощущает сразу полную свою неподготовленность: подходя к роте, он чувствует некоторую неловкость, не может взять верный тон в обращении с солдатом, не может дать верных практических указаний в таком деле, которое для него самого совершенно ново и незнакомо; он прекрасно изучил по уставу те пункты, когда часовой может употребить в дело оружие, но сам он никогда не стоял на часах (на посту настоящем, а не воображаемом, как это продельвается в училище), а потому и не может дать советов по указаниям личного опыта. Солдат видит и учитывает эти первые шаги молодого офицера, и доверие к начальнику подорвано с самого начала.

Крайне необходимо пополнить подготовку нашего офицера приобщением его к подлинной солдатской науке, заставив его некоторое время прослужить обязательно в солдатских рядах простым рядовым, *до того времени*, как он явится в эти

ряды в офицерских погонах, как признанный повелитель и учитель.

Это благоразумное требование, как замечено выше, испокон веков существовало в нашей армии и строго проводилось в жизни, не допуская исключений ни для кого. Сам великий основатель русской армии, Петр I, признал для себя обязательным начать службу рядовым, чтобы действительно *заслужить*, а не получить только чин офицера. Впоследствии мы видим Румянцева, Суворова и других добросовестно выступающими на часах, вытягивая на собственных плечах очень нелегкую лямку солдата того времени.

С течением времени это разумное требование стало глхнуть и забываться. Увлечлись подъемом образовательного уровня. Стараются привлечь в офицерские ряды побольше громких дипломов, чтобы не отстать от Европы. С этой целью доступ в военные училища, а затем в офицеры открыт дипломам прямо с улицы. Можно с соответствующим дипломом стать сразу офицером, не побывав не только в солдатских, но и в юнкерских рядах. Получаются начальники, совершенно чуждые той среды, для которой они призваны служить воспитателями, руководителями, учителями и инструкторами. Неужели это может быть признано нормальным?

Мы видим кругом в настоящее время, что во всех отраслях человеческой деятельности отдается должная дань практической подготовке. И только в нашем военном деле пренебрегают этим требованием, несмотря на то, что именно у нас, в армии, оно имеет большее значение, чем где бы то ни было, потому что приходится иметь дело с такой областью человеческой работы, где верхоглядство или невежество начальника приводит к губительным последствиям.

Кроме того, необходимость в нашем военном деле окунуть офицера предварительно в солдатское жите-

бытие обуславливается еще тем, что, в противоположность всем другим профессиям, вершителем дела во всех случаях является исключительно офицер. От инженера-путейца требуется, например, обязательное ознакомление на практике с обязанностями машиниста на паровозе, но на практике, собственно, поезд ведет всегда не инженер, а машинист. У нас же от начала до конца солдат является лишь орудием в руках офицера, и при всем том считается возможным, чтобы офицер знакомился с солдатом лишь на службе, присматриваясь к нему с течением времени. Ясно, что тут неминуемо должно получиться верхоглядство и невежество в отношении подлинного знания жизни и службы солдата...

Неудивительно, что, являясь в роту, молодой офицер чувствует себя первое время в крайне неловком положении, видя солдата первый раз в жизни, а между тем приходится с первого шага выступить его наставителем и руководителем. С течением времени офицер привыкает к своему положению — ничего нет проще привыкнуть к апломбу начальника. Но своеобразные особенности солдатского жите-бытья, сокровенные тайники солдатской души — все эти важнейшие стороны нашего военного дела остаются чуждыми и непонятными современному офицеру во всю его службу. Оттого-то в наше время нет той близости между офицером и солдатом, которая замечалась в былое время.

Практические последствия этого пробела в подготовке офицера имеют огромное значение в нашем военном деле, отражаясь не только в бою, но и в мирное время, на каждом шагу. О чем бы не возникал вопрос, касающийся жизни и службы солдата и требующий решения со стороны офицера, — везде офицер оказывается невольно в ложном положении, так как со всеми этими

вопросами он знаком лишь в теории или в лучшем случае испробовал их на себе в виде фальсификации в стенах военного училища. <...>

8. Выработка инициативы

Очевидно, по настойчивому настоянию практики жизни выдвинут в последние годы важный вопрос об инициативе и праве почина младших начальников — вопрос старый, достаточно изъеденный молью мирного и военного времени и все же долго покоившийся в общей свалке многих наших полузабытых, но тем не менее глубоко жизненных и вполне животрепещущих вопросов, неотступно взывающих о немедленном решении.

А задача между тем действительно трудная со всех сторон. Неудобно ли создать и родить в армии инициативу, когда мы испокон веков привыкли только к единственной формуле «как прикажете», когда и весь народ наш веками воспитан под охраной правительственной опеки, когда всей практикой жизни самодеятельность и самопомощь у нас атрофировались в долготу веков, изо дня в день!..

Военный совет решил эту задачу просто: «Поручить комитету по образованию войск выработать для преподавания высшему командному составу армии руководящие указания для принятия неотложных (!) мер к развитию у частных начальников инициативы». Коротко и ясно. Чтобы было! подать сюда инициативу! и никаких.

Впрочем, ничего больше не остается, как приказать *родить* дисциплину. А приказание начальства надо исполнить; это прежде всего. Тема благодарная, потому что о значении инициативы у нас говорят и пишут, начиная с франко-прусской войны 1870 г. Возможно и теперь, во исполнение приказа начальства, насочинить весьма красивые и мудрые инструкции и законо-

положения для проведения в жизнь армии почина и инициативы частных начальников; но в какой мере удастся осуществить все это на практике, покажет будущее. Все в этом случае зависит от общей окружающей нас атмосферы деятельности. Увы! Законы и принципы, принятые у нас в деле боевой подготовки армии, были всегда, в большинстве случаев, вполне целесообразные и нисколько не хуже, чем во всех других благоустроенных армиях; но всего важнее создать в нашем военном ведомстве здоровую бодрящую атмосферу, способную животворным образом влиять на всякое полезное начинание, окрылять личный почин и воспитать начальнический состав в духе законности и проникновения теми прекрасными принципами, которые положены в основу давно уже существующих законов. Для этого требуется только отрешиться от деспотизма собственных усмотрений и взглядов и отнестись хоть с некоторой долей уважения и доверия к работе своих подчиненных...

Наиболее могучим стихийным тормозом к воспитанию у нас личного почина и самодеятельности является стремление к общей нивелировке и равнению всего, что подвернется под руку,— будь то в области внешних форм службы или же выработки внутреннего ее содержания: унаследовали мы, например, когда-то от немцев косички и парики для солдат; и до каких только кунштюков мы собственным умом не дошли в этом маскараде, перещеголяв самих немцев. Сами мы сейчас же стали равнять косички по длине и комлю, придумали особые лекала для париков и т. п. Вырабатывается в настоящее время реформа войскового хозяйства в армии; и получим, наверное, новую организацию, совершенно тождественную для всех отдельных войсковых частей всей армии. А между тем разве можно сравнить условия

жизни и службы, строевой и хозяйственной, какой-нибудь части, расположенной, например, в Петербурге, Москве, Варшаве, где квартирует много частей войск разных родов оружия, или расположенной в каком-нибудь урочище Анучине, Белый Ключ и тому подобных медвежьих углах, где полки в отношении хозяйства не только не должны подлаживаться к окружающей жизни, но сами создают для себя обстановку?..

9. Офицерские занятия

...Корпус офицеров представляет собою давно сформировавшийся живой организм, жизнедеятельность которого протекает при известных, давно сложившихся условиях жизни и службы. А условия эти таковы, что всем укладом наших служебно-бытовых требований у нас отсутствует уважение к труду, нет спроса на занятия военно-научного характера; нет поэтому и предложения. Само начальство не всегда проявляет вкус и интерес к научным сведениям по специальностям военного дела и поэтому мало ценит такие наклонности у своих подчиненных; вполне естественно, что эти последние, в свою очередь, предпочитают занятия более интересные и занимательные, чем скучное изучение тактики и стратегии. А время и привычки доделывают все остальное: познания, приобретенные на школьной скамье, мало-помалу забываются и стираются, вкус к серьезному чтению притупляется, и в конце концов подчиненные становятся похожими на начальников, начальники на подчиненных... Прекрасно разработанные инструкции и наставления остаются сами по себе, а все прочее — само по себе; а посредником во всех этих взаимоотношениях теории и жизни является формальное отношение к делу: раз или два в неделю раскладываются традиционные планы Скугаревского и

Энгельгарда, один вид которых (т. е. планов) уже наводит скуку; лениво собираются офицеры из бильярдной и читальни, где велись оживленные дебаты о мертвящей скуке подневольных занятий; у всех на лицах томительное ожидание скорого конца. Начальство, за редким исключением, вполне разделяет это — выражаясь мягко — холодное отношение офицеров к скучным занятиям и редко удостаивает эти занятия своим присутствием, ограничиваясь просмотром журнала занятий, который, конечно, всегда в порядке.

Что это все так, что тут нет ничего преувеличенного, ясно, кажется нам, без лишних пояснений. Тем не менее, чтобы не витать в области отвлеченных предположений, сошлемся на общеизвестные факты: не только начальство не проявляет особой склонности присутствовать на скучных занятиях с металлическими шашками на плечах, но не удостаивает своим присутствием и военные сообщения, которые делаются офицерами на заданные темы. Бывают и в этом случае исключения, но не очень часто. Новым наставлением на этот отдел обращено, по-видимому, преимущественное внимание. И это взгляд совершенно правильный: действительно, нет средства более могущественного заставить молодого офицера зарыться в книги, как обещав ему, что труд его не пропадет даром, что он будет услышан и оценен не только всеми товарищами, но и начальством. Но если это последнее ограничивается только просмотром списка: кто о чем читает? Разве это не способно подействовать охлаждающим образом на лекторов? Что делать, редко кто способен заниматься наукой ради самой науки: для молодого офицера маленькое тщеславие является чувством вполне понятным. Есть ли в новом Наставлении хотя бы малейший намек на какие-нибудь поощрительные меры, чтобы приохотить офицеров

делать сообщения на избранные темы?

Каким могущественным поощрением в этом случае служит одно только присутствие начальства, видно из следующего примера. Всем памятно когда-то в высшей степени интересные сообщения, которые устраивались Н. И. Бобриковым и делались в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа в присутствии военного начальства. Сравнительно просторная зала никогда не могла вместить половины слушателей, чаявших попасть туда, так что приходилось ограничиться допуском только генералов, командиров отдельных частей и офицеров Генерального штаба. Теперь все эти сообщения отошли в область преданий. Что же — вывелись лектора все? Некому делать сообщения? Конечно, нет. Но остыл интерес к сообщениям; высшее начальство перестало присутствовать, и постепенно перевелись, разумеется, желающие делать сообщения.

А вот и другой пример. По окончании минувшей войны на Дальнем Востоке в здании академии Генерального штаба прочитан был ряд блестящих сообщений об этой войне. Но редко-редко когда эти сообщения удаивались присутствия высшего начальства, которое, несомненно, услышало бы там немало ответов на многие жгучие вопросы...

Да! Век наш не воспитывает

теперь людей труда. Повсюду видно стремление отмеривать свою работу ценою получаемых взамен земных благ. Нет главного стимула, одухотворяющего любое дело, — нет любви и привычки к труду. Этим грешит не одно только наше военное, но и все прочие ведомства государственного организма; в этом грехе коснеет и вся жизнь народная. Недаром у нас и житейская мудрость выработала такую развращающую поговорку: «Дело не делай и от службы не бегай»...

Весь уклад жизни молодого офицера не способствует процветанию научных занятий. Нужны они для успешного прохождения службы? Тоже нет. Всем известно, что для безобидного исполнения несложных обязанностей младшего офицера требуется, в сущности, немного: приходи своевременно на занятия без опозданий, отбуди в роте положенное число часов и затем уходи вместе с ротным командиром, и благо тебе будет на земле; отличная аттестация обеспечена.

Под влиянием таких требований и складывается служба апатичная, худосочная, которая сочится по казенному капельнику с чисто формальным отношением к делу. Где эта любовь к труду, которая рождает вдохновение, окрыляет и благословляет нашу работу?..

М. Грулев. «Злобы дня в жизни армии». Спб., 1911

МАРИЮШКИН

ПО ВОПРОСУ ОБ ОФИЦЕРСКИХ ЗАНЯТИЯХ

А пуще всего не забывайте дела ратного, дабы не уготовать себе судьбы Империи Византийской

Император Петр I

Одним из наиболее действительных приемов теоретической подготовки командного элемента армии являются, как известно, офицерские занятия.

Целесообразно поставленные занятия, при наличии опытных руководителей, способствуя повышению образовательного уровня, имеют при том и чисто воспитательное значение, — развивая самодеятельность, находчивость и способность принимать решения при самых неожиданных положениях...

Ни одна область сложного механизма не испытывает такого быстрого роста, как область ратного дела. Каждый новый год в военном деле обогащается новыми средствами: совершенствуется оружие, видоизменяется техника, повышаются требования и усложняются задачи...

Если раньше все достоинства офицера воплощались в понятии храбрости, то в настоящее время одного этого качества уже недостаточно. Теперь храбрость, при неуклонном порыве вперед, должна быть неотъемлемым свойством каждого нижнего чина, да и от него требуется понимание маневра своего.

От офицера же помимо храбрости требуется еще и умение.

Государство, чуткое к нуждам и личным интересам своей армии, вправе потребовать от нее высокого проявления мужества, исполнения

своего долга, а от командного элемента еще понимания исторических задач и полного сознания обстановки...

Армия — вечный часовой, который никогда не покидает своего поста. Постоянная бдительность и совершенствование на славу Великой Родины — вот ее обязанности; безопасность, величие и слава Отечества — вот ее права!..

При том громадном значении, которое принадлежит умению, весьма естественны требования, предъявляемые к офицеру в смысле постоянного совершенствования. «Только в могиле отдых» — вот лозунг военнослужащих.

Училище только подготавливает офицера к дальнейшей работе, указывая ему курс, которого следует держаться...

Если не изменяются основные начала военного дела, то меняется и совершенствуется техника, а следовательно, и приложение этих начал тоже неминуемо подвергается колебанию.

Вечная, неутомимая работа, постоянная готовность ответить на вопросы времени — вот центр стремлений современного офицера. «Непрерывное образование себя науками с помощью чтения», постоянный учет приемов и средств своих, а пуще всего соседей — вот данные, при которых опасное «немогузнайство»,

а с ним и громадная ответственность пред Родиной — не будут иметь места.

Одного знания устава теперь далеко недостаточно; помимо того, что жизнь и действительность обгоняет его, следует не забывать, что «в уставах порядки писаны, а времен и случаев нет»...

...Постоянная теоретическая подготовка, постоянное пребывание в курсе дела, доведенная до обязанностей находчивость при бесконечно разнообразных положениях — вот пути, по которым неуклонно «следовать надлежит» каждому, кто имеет честь носить военный мундир...

Знание уставов есть неотъемлемая принадлежность каждого офицера. Уставы очерчивают наши права, наши обязанности. Усвоение этих прав и обязанностей совершенно не должно идти в ущерб времени, отводимому для офицерских занятий. Здесь должна совершаться работа другого характера: работа мысли, работа творчества и умения разбираться в самых сложных деталях обстановки...

Современные сражения раскинулись на сотни верст. Никакие уставы, как бы они совершенны не были, не могут предвидеть тех разнообразных положений, в которых может очутиться каждая часть.

Каждое дело, как бы оно мелко ни было, всегда носит отпечаток индивидуальности, и как бы ни были разнообразны решения, но, если они отвечают духу обстановки и принципам военного искусства, они всегда приводят к единому результату.

Ясно, что прогресс военного дела теперь требует от начальников всех степеней не только умения выполнять уставные требования, но и знания тактики, знания современных приемов.

Постигать тайну этих приемов на опыте поздно и опасно. Если наука мирного времени требует

только желания и часов, то в военное время она уже вызывает жертвы. Нет ничего бессмысленнее бесцельно утраченной жизни!

Победа покупается не числом жертв, а сознанием идти в бой «не для борьбы, а только для победы»...

Современный бой построен на самостоятельности частных начальников. Недаром минувшую кампанию называют войной капитанов, а тактику настоящего — тактикой директив и разумной инициативы. Отсюда ясно, насколько приобретает значение ориентировка всех начальников от мала до велика в основной идее операции.

Теперь для того, чтобы каждый понимал свой маневр, недостаточно распределить роли и поставить задачи каждому. Обстановка на войне капризна: «его величество — случай» — неуловим...

Может статься, что поставленная час тому назад задача окажется несоответствующей; может статься, что целый ряд данных потребует иного выполнения, от которого выиграет общая цель, решится участь боя...

В силу высказанных условий теперь от офицера требуется, при безусловном понимании своих обязанностей, «смотреть дальше своей роты и батальона»...

Независимо от тактических занятий средствами для научной подготовки и ознакомления с вопросами военного характера офицеров (предусмотренными наставлением 1909 г.) являются лекции, беседы и сообщения...

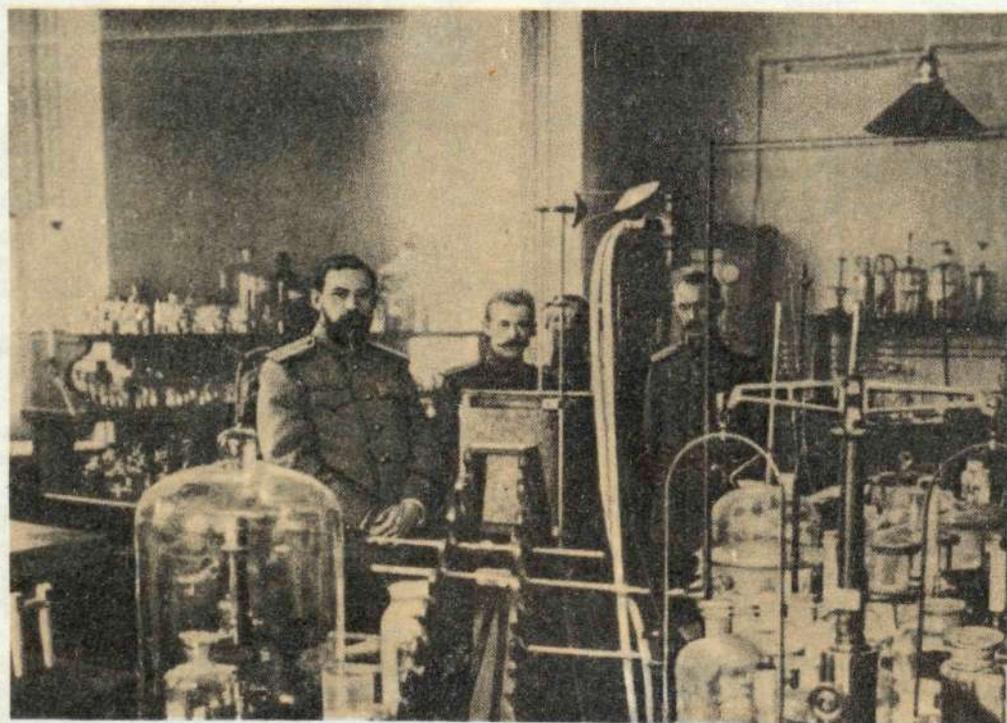
Одному человеку при современном движении военной литературы уследить за всем трудно.

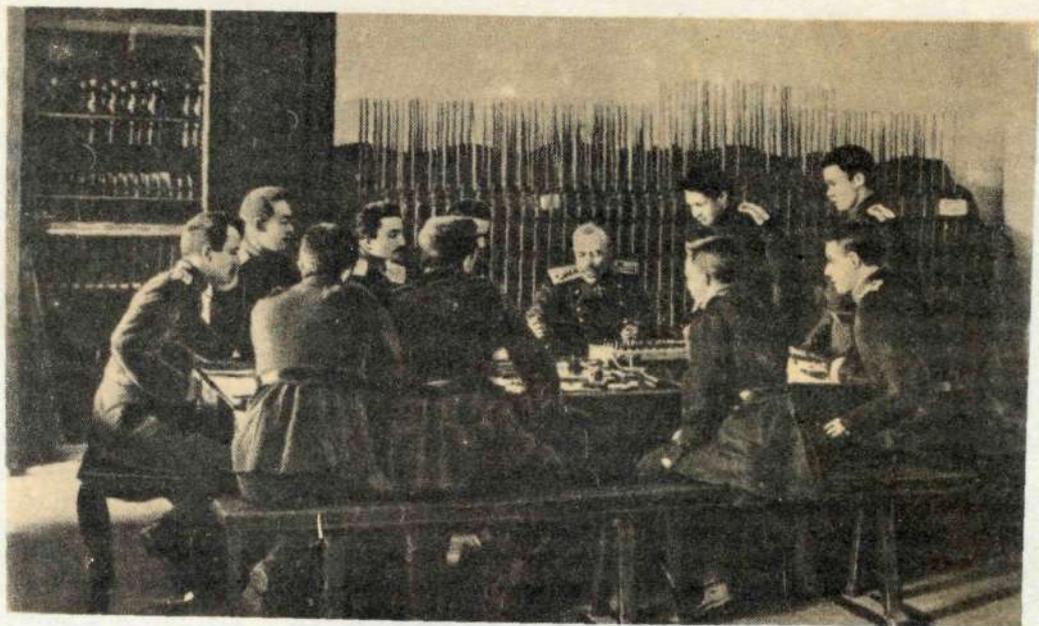
Гораздо планомерней распределить вопросы по группам, чередуя их время от времени. Каждая группа в 5—7 человек следит за вопросами своей специальности и через некоторый промежуток делает отчет собранию в виде сообщения, которое

В полковой библиотеке

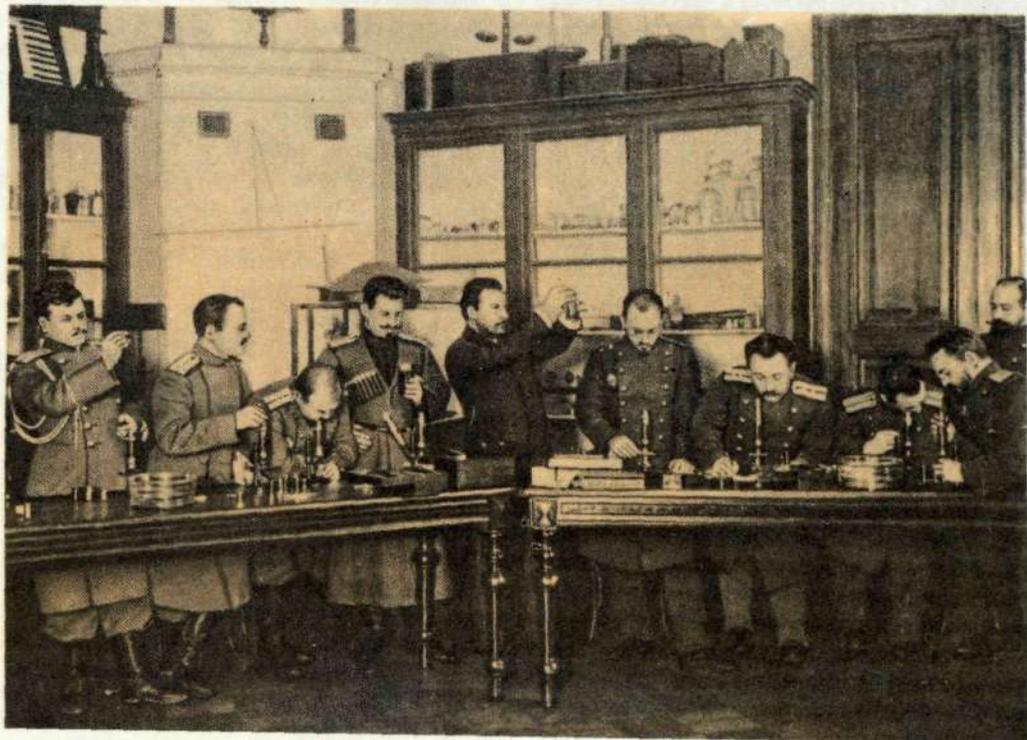
Химический кабинет

Занятия оружием делом

На военно-педагогических курсах

обязательно должно носить полемический характер.

Такой прием, вызывая живой обмен, дает возможность прийти к правильным выводам, устраняет односторонность, выясняет ошибки и создает действительный интерес.

Таким образом, все вопросы воспитания, стрелкового дела, боевой подготовки, разведки и проч. и проч.

получат должное освещение и, помимо личного совершенствования, принесут громадную пользу в деле практического приложения...

Неудержимое стремление во всем вперед и постоянная готовность — вот единственно надежный щит вечно бодрствующей неожиданности!

«Офицерская жизнь», № 11 (311).
Варшава, 1912

ДМИТРЕВСКИЙ

ВОСПИТАНИЕ ВОИНА МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО В СТЫДЕ НАКАЗАНИЯ, А НЕ В СТРАХЕ НАКАЗАНИЯ

...Когда я смотрю на современное воспитание детей (у умственно развитых родителей) без страха розги при обучении грамоте; когда я вообще всматриваюсь в жизнь, всматриваюсь в результаты воспитания в страхе или, наоборот, в результаты воспитания в чувстве долга и в возбуждении интереса и приохочивания; когда я даже в учебниках законоведения для подпрапорщиков читаю, что «в настоящее время в карательной деятельности государства особенно сильно выдвигается цель исправления...», причем необходимо оговориться, что можно признавать целесообразность или даже необходимость кары (наказания) в воспитательном отношении, но не признавать целесообразности или тем более необходимости *страха* кары (наказания): я убеждаюсь, что мы учим, чтобы тот, кто провинился — пусть

отбудет бесстрашно наказание, и, убедившись в подчеркнутом наказанием (часто условном — замечание и т. п.) промахе, проступке, постарается не повторять того же самого. Верх всех уголовных наказаний — тоже по учебникам для подпрапорщиков, — с одной стороны, устрашение преступников (но не воспитываемых в армии), но, с другой, там же оговаривается, что «опыт показывает, что при частом применении смертной казни преступления не уменьшаются, а, напротив, учащаются...», что «благодаря наказаниям, хотя на время (при смертной казни совсем) из общества удаляются вредные личности» (в этом или в исправлении преступников и заключается главный смысл и цель наказаний, а вовсе не в «устрашении»)... Когда я слышу кругом: «надо служить не за страх, а за совесть

(чувство долга)» — и в особенности когда я вспоминаю исторический афоризм Екатерины Великой, что «природа дала человеку стыд вместо бича», и принимаю при этом во внимание, что современная наша армия составляется не из преступников и что, напротив, последние выбрасываются моментально из армии, то мне этот вопрос — «ужасный для всего уклада военной службы» — о необходимости воспитания армии в *страхе наказаний* вместо воспитания в *стыде наказаний* (относится к совести, к чувству долга) представляется допотопным плезиозавром на Невском проспекте.

«Мрачное недоразумение» не в том, что страх есть опаснейшая болезнь духа и воспитание в страхе есть душегубство всей армии и Отечества, а в том, что в XX веке забывают или не хотят принять простых и ясных истин, выказанных более двухсот лет тому назад нашей Великой Императрицей Екатериной II, которая всеми своими делами подтверждала, что не страхом наказаний, а чем-то другим держатся и укрепляются основы армии и даже государства.

«Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтобы просвещение распространилось между людьми», — сказала она...

Не надо быть психологом, чтобы понять, что сторонники воспитания в страхе, сторонники увеличения строгости наказания (увеличения дисциплинарных прав), оказывающиеся в конце концов сторонниками розги, смешивают *воспитание в страхе наказания с воспитанием в стыде наказания*.

История жизни как отдельных людей, так и целых народов всего

мира показывает, что, как сказала Екатерина Великая, человеку природа дала стыд вместо бича, а потому и управлять человеком и воспитывать его надо с помощью стыда; бич же надо оставить для животных (у которых, как известно, чувство стыда совершенно не имеется) или для людей на самой низшей ступени развития, явно обнаруживающих отсутствие чувства стыда.

Стоит только оглянуться на окружающую жизнь, вспомнить свои кадетские и училищные годы, вспомнить рассказы Помяловского о бурсе и т. п. рассказы, чтобы уяснить себе ту простую аксиому воспитания, *что если наказаний не стыдятся, то их и не боятся*.

В бурсе уродливое направление воспитания привело к тому, что *стыдили* не за то, что бурсаки доводили себя до наказания розгами, а именно за то, если кто боялся наказания, т. е. за «страх» наказания, за «страх» сечения розгами... И мы знаем, что там страх наказания розгами не действовал, не был нужен...

Кто не слышал про прежнюю поговорку: «Кто не сидел под арестом, тот не офицер». И пока не восторжествует сознание постыдности лишения офицера свободы, подобно лишению свободы вредящих обществу, т. е. пока не сознается ошибка воспитания корпуса офицеров в страхе наказания, а не стыде его, — арест, как наказание, будет не только не действительным, но и подрывающим понятия о нравственности и в особенности о долге; он не будет считаться постыдным.

Очевидно «виды», «замечания», «выговоры» установлены законодателем не для «страха наказания», не для

ДМИТРЕВСКИЙ Антоний Михайлович — подполковник. Окончил Нижегородский кадетский корпус и Александровское военное училище, после которого в 1889 г. служил подпоручиком в 27-й артиллерийской бригаде. Во время русско-японской войны командовал артиллерийским парком 67-й легкой артиллерийской бригады. В 1907 г. — командир Туркестанского резервного артиллерийского парка.

устрашения испытанных рыцарей без страха (и упрека), офицеров, а только для «усовершеня» (чтобы пристыдить хоть в легкой степени).

Очевидно также, что если бы «страх наказания» удерживал «злую волю» от казнокрадства и тому подобных прелестей, то или бы он удержал всех от казнокрадства и т. п., или никого, в зависимости именно от достаточной или недостаточной силы этого страха наказания. И как вывод из этого должен был бы получиться абсурд, что чем кто трусливее, чем кто больше боится наказаний, тем он надежнее на стезе гражданской и воинской добродетели и доблести, и наоборот, чем кто неустрашимее, тем он ненадежнее и подозрительнее на счет присутствия в нем «злой воли». А отсюда и следующий вывод — что государству для внутреннего спокойствия от «проявления злой воли» следует воспитывать и у воинов не храбрость и неустрашимость, а страх перед наказанием, заключающимся, однако, в таких лишениях или в таком причинении боли (сечение розгами), которых воину стыдно бояться.

Ясно, что казнокрадство прекратится тогда, когда все проникнется сознанием постыдности для чести и достоинства воина и гражданина подобного деяния. Этого сознания раньше не было; напротив, говорили открыто, с убеждением: «Вовсе не грех нагреть казну; ведь казна у нас всегда норовит что-нибудь урвать»...

И никакие ревизии и никакие наказания не искоренят казнокрадства, пока соответствующее воспитание в понятиях о крайней постыдности подобного деяния не исключит возможности каких-либо компромиссов как с собственной совестью, так и с мнением общества.

Ведь взгляните в жизнь: вы увидите, что совсем не важно — какое наказание понесет судимый; важно только признание его винов-

ным или невиновным, т. е. важен приговор общественной совести. В этом сила и влияние и огромное значение условного осуждения...

Практика военной службы не только показывает, но все время подчеркивает, что все воинские чины удерживаются от проступков и преступлений не «страхом наказания», а мучительным сознанием, что совершение того или другого проступка или преступления унижает его в глазах общества, начальства, т. е. — стыдом. Вот почему проступки и преступления уменьшаются и люди исправляются не там, где преобладает безрассудная строгость и внушенное тупое убеждение, что наказания за проступки и преступления на военной службе установлены именно для страха, «для поддержания этой службы», «для дисциплины» или же, наоборот, как будто для закалки, а там, где основательно внушается, что несовершенство того, что должно, что требуется от воина во имя пользы и интереса Отечества, есть стыд и позор для сына Отечества, и что наказание только подчеркивает несоответствие таких-то проступков и преступлений с званием защитника Отечества.

Пока приговаривалось: «Пьян да умен — два угодья в нем» и что «Руси веселье есть пити» — никакие страхи наказания не в состоянии были удержать от желаний «выпить на копейку, а показать на рубль». Но вот когда, например, в Маньчжурии в пьяницу плюют все прохожие китайцы, около него собирается толпа и начинает поносить его, внушая стыд и отвращение у детей к подобному состоянию опьянения, то, конечно, только тот будет напиваться, кто уже потерял стыд, совесть, т. е. то, что отличает его от животных. <...>

В противоположность страху стыд представляет собою сложное душевное состояние, свойственное только людям, и обозначает собою начало высшей жизни. «Чувство

стыда поднялось до высоты чувства совести»; определяется стыд, как «мучительное сознание, что наши физические или нравственные недостатки видны другим»... Чувство стыда начинается с понятием о наготе, а затем «постепенно поднимается на высоту целомудрия, чистоты, чувства чести, благородства души и сознания нравственного достоинства».

Именно это и приличествует воину, а потому в воспитании воина надо развивать чувство долга (совесть), чести, достоинства и неизбежный с ними стыд, а никак не страх и не самолюбие, честолюбие и т. п., характеризующие низшую ступень нравственного и интеллектуального развития.

Вообще надо воспитывать не в страхе наказания, а в стыде наказания. Наказанием — подчеркивать постыд-

ность того или другого деяния, подчеркивать несовместимость его с воинским званием, но только не утрачивать, так как *устрашенный* пустышной неприятностью воин, очевидно, уже не воин: он, естественно, будет тем больше утрачивать, чем больше будет опасность.

Воина без страха и упрека можно воспитывать только по системе: «*то и то надо*, т. е. должно, исполнить или того-то и того-то *надо*, т. е. должно, достигнуть, а если не будет исполнено или достигнуто, то будет тебе неприятно, совестно, стыдно, будет *упрек совести*».

Бессмертное слово Святослава: «мертвые бо *сраму* не имеют» — характеризует воспитание его воинов в презрении к страху смерти и в развитии чувства «стыда» («срама»)...

«Военный сборник», № 10. Спб., 1913

КРИТ

К ВОПРОСУ О ВОСПИТАНИИ И ОБУЧЕНИИ СОЛДАТА

Короткий срок современной действительной службы заставляет опять и опять задуматься над вопросом: как наиболее производительным образом использовать непродолжительное время пребывания под знаменами? Срок действительной службы сократился, а требования, предъявляемые войскам по части воспитания и обучения солдата, все возрастают.

Современная тактика требует от солдата проявления все большей и большей самостоятельности, все большего и большего понимания боевой обстановки и способов ведения боя, все большего и большего развития его умственных способностей и нравственных сил; техническое совершенство огнестрельного оружия требует технических знаний для ухода за этим оружием и для

Офицерский знак «За фехтовальный бой» и солдатский знак «За отличную ходьбу на лыжах»

успешного пользования им; развитие вспомогательных технических средств требует не только подготовки соответственных контингентов специалистов техников, но и общего знакомства всех солдат с этими средствами и их применением...

Физическое воспитание и обучение

Современный воин должен быть вынослив, должен обладать достаточной силой и умением, чтобы владеть современным оружием, и достаточной ловкостью и умелостью, чтобы преодолевать встречаемые на пути естественные и искусственные препятствия...

У нас в России на военную службу принимаются только физически годные к этой службе. Улучшенное в большинстве случаев против домашнего питания (пища простая, но здоровая и питательная), здоровый физический труд на воздухе или в хорошо вентилируемом помещении, разумное постепенное втягивание

в работу, — все это является весьма благоприятными факторами для развития выносливости.

Для выносливости главными условиями являются: 1) хорошо развитое дыхание и 2) хорошее развитие ног. И то и другое достигается постепенным втягиванием в ходьбу и бег. Пение на ходу хоровых песен способствует не только развитию органов дыхания, но приучает и к регулированию дыхания...

Для выносливости, вообще, более выгоден сухой склад с некрупными, хотя и менее сильными мышцами: крупные грузные мышцы не только делают человека более грузным, но при работе вырабатывают и большее количество токсинов, отчего наступает и более быстрое утомление (атлеты весьма невыносливы). Желательно, конечно, иметь возможно сильных солдат, но не в ущерб их выносливости. Солдату необходима сила, достаточная, чтобы свободно владеть присвоенным ему оружием и чтобы преодолевать встре-

КРИТ Максимилиан Николаевич — подполковник. Получил образование в 1-м Московском кадетском корпусе, Николаевском инженерном училище и академии Генерального штаба. Офицерскую службу начал подпоручиком в Гренадерском саперном полку в 1889 г. В 1905 г. был назначен на должность офицера-воспитателя Пажеского корпуса.

чаемые на пути естественные и искусственные препятствия.

Но для владения современным оружием не требуется особенно большой силы, а для преодоления препятствий требуется более ловкости и сноровистости, чем силы.

Желательно, конечно, чтобы солдат был ловким вообще, но необходима ему только профессиональная ловкость: он должен ловко владеть присвоенным ему оружием, должен ловко преодолевать встречаемые в военное время естественные и искусственные препятствия, должен ловко проходить пространство, как шагом, так и бегом, а если понадобится, и ползком; если же ему присвоена лошадь, то должен и ловко ездить верхом.

Ловкость в какой бы то ни было области требует навыка, требует умения. Умение достигается путем обучения, навык — путем повторности упражнений. Отсюда необходимость обучения фехтованию, стрельбе, маршировке, бегу, передвижению и действию оружием в разных строях; обучение умению преодолевать разные препятствия, между прочим и водные, т. е. плаванию; обучение, наконец, действию шанцевым инструментом для самоокапывания...

Поддерживаемая нами основная идея ведения физического обучения в обстановке и при условиях, возможно ближе подходящих к действительности военного времени, за последние годы уже энергично проводится в войсках и получает все большее и большее распространение. Не коснулась она только одной отрасли физических занятий — гимнастики, на которой по-прежнему занимаются вольными движениями, имеющими мало общего с тем, что солдату придется делать на войне, и упражнениями на искусственных снарядах, тоже мало или ничего общего с военным делом не имеющими (исключение составляют лестницы, шесты и канаты).

Для проведения защищаемой нами идеи желательно было бы заменить искусственные гимнастические снаряды естественными и искусственными препятствиями, действительно на войне встречаемыми, для чего следовало бы при частях, гарнизонах и лагерях иметь специальные, хорошо оборудованные городки таких препятствий; часть таких препятствий можно сделать и переносными для работы в манежах или других казарменных помещениях.

Умственное воспитание и обучение

Об умственном воспитании и обучении говорить много не приходится. Умственное обучение солдата должно охватывать все то, что солдату знать полагается, все то, что ему знать необходимо для успешного выполнения его назначения.

Правильно поставленное обучение, попутно, само собой даст и необходимое умственное воспитание. О том, что учить следует по возможности показом, а не рассказом в наше время говорить не приходится; необходимость и разумность этого требования признается всеми.

Хотелось бы сказать только несколько слов в развитии внимания и находчивости.

Внимание и находчивость, как умственные способности, могут быть у каждого человека до некоторого предела развиваемы, конечно, у разных людей в разной степени, смотря по природным способностям каждого.

Ошибочно полагать, что внимание есть обострение нашей познавательной способности вообще, что в состоянии внимания мы вообще ярче воспринимаем все окружающие нас явления. Состояние внимания, напротив, отличается тем, что познавательная способность усиленно направлена лишь на ограниченную категорию явлений, остальные же явления воспринимаются в это время менее ярко, чем обыкновенно, и

могут быть даже совсем не восприняты; часовой, усиленно следящий за появившимся вдали неприятелем, может не услышать шагов подходящего к нему начальника и даже не услышать обращенной к нему речи...

Ввиду этого следует развивать внимание солдат именно к тем явлениям, которые им придется наблюдать на войне, и по возможности в той обстановке, в которой им придется там делать эти наблюдения.

Находчивость может быть так же упражняема, как внимание, но нельзя при этом ограничиваться одними теоретическими задачами на наход-

чивость, хотя бы и взятыми из боевой обстановки; надо непременно давать солдату возможность осуществлять решения своей находчивости на практике, в обстановке, как можно более близкой к действительной обстановке военного времени.

Когда путем таких упражнений у солдата будет пробуждена уверенность, что он сумеет находчиво выйти из затруднительных положений военного времени, тогда и действительно можно будет рассчитывать, что он так или иначе, более или менее правильно, но находчиво выйдет из представившихся затруднений.

«Военный сборник», № 1. Спб., 1914

МЕТОД И СРЕДСТВА ВОСПИТАНИЯ СОЛДАТА

...Имея предметом воспитания людей, т. е. существа, одаренные индивидуальными особенностями, первым правилом этого метода оканчивается необходимостью индивидуализации и воспитательных средств. Таким образом, воспитательная мера, пригодная одному, не достигает цели в применении к другому; и это зависит исключительно от инди-

...Но если воспитатели юношества будут воспитателями лишь по имени, если они дурно исполняют свою обязанность, то дурная работа эта создает целые поколения несведущие и порочные, которые погубят всю будущность Отечества.

Слова философа Платона в одном из его диалогов

видуальных свойств того и другого лица.

Изучение нравственных качеств и внутреннего мирозерцания новобранца, с которыми он является на службу, и дальнейшее наблюдение над ним — вот исходная точка воспитательной работы офицера.

Начинается изучение путем опроса новобранца и составления его

характеристики; в нее должны войти ответы на следующие вопросы.

1) Национальность и религия; эти два фактора зачастую кладут резкий отпечаток на все мировоззрение человека: на его отношение и к отвлеченным нравственным понятиям, и к ежедневному обиходу жизни; знание их дает возможность легче подыскать те ассоциативные пути, которые могут связать отвлеченные понятия о воинском долге и присяге с имеющимися уже у него понятиями религиозно-нравственными.

2) Род занятий новобранца до службы; социальные условия, как известно, кладут свой отпечаток на характер поведения человека; правда, в этом возрасте такой отпечаток легко поддается сглаживанию и даже видоизменению; но тем необходимее знать, в какой среде вырос новобранец и провел начало своей юности. Наконец, как показывают наблюдения, род занятий играет большую роль в приобретении тех или иных нравственных привычек, а значит, и качеств человека. Известно, например, что новобранцы-крестьяне из землепашцев отличаются гораздо большей нравственной устойчивостью ко всякого рода искушениям городской жизни, хотя умственно стоят и ниже жителей фабричных районов; и если на первых часто можно влиять путем личного нравственного воздействия (наставлением, напоминанием и т. п.), то вторых надо прежде всего логически вывести из многих заблуждений современных социально-космополитических идей, вдобавок воспринятых ими на пороге овладения грамотностью. И там, где на землепашца-новобранца достаточно влияния простого его земляка — хорошего унтер-офицера, для иного рабочего потребуется офицер, широко знакомый с самыми слабыми сторонами различных социальных учений; тогда только ему легко найти

путь для введения в сознание воспитываемого новых понятий, связанных с прежними хотя бы ассоциацией по контрасту.

3) Семейное и материальное положение. Знание этих сведений открывает целую область соприкосновения офицера с самыми близкими интересами подчиненного; видя внимательное и заботливое отношение даже и к частной своей жизни, новобранец начинает привывать к мысли о существовании связи между ним, семьей и начальником; а это уже хороший залог к установлению нравственного авторитета начальника в глазах подчиненного; в дальнейшем развитие этой связи вырастает в любовь к своей части, в доверчивое товарищеское общение со всеми принадлежащими к ней, и таким образом расширяется понятие о семье до перенесения его на всю войсковую часть и даже армию.

4) Степень грамотности и умственного развития. В этом отношении лучше всего заставить каждого новобранца написать краткую автобиографию, с изложением самых важных, по его мнению, пережитых им событий и обстоятельств жизни. Часто офицеру многое станет понятно после прочтения такой автобиографии или умелого распроса; но следует помнить, что самое важное в этом распросе — узнать, какой след в душевной жизни новобранца оставило то или иное событие, лица же и поступки окружавших его людей, конечно, неинтересны. Таким образом, часто можно увидеть характер отношения человека к таким событиям, которые в последующей жизни могут играть немаловажную роль в деятельности этого человека, как воина и как гражданина вообще.

При дальнейшем внимательном изучении индивидуальных качеств молодого солдата офицер должен стараться выяснить следующие вопросы:

Знак «Отличный разведчик»

5) Его духовные способности:

а) умственные — легко ли воспринимает объясняемое, каковы качества памяти, доступны ли ему отвлеченные понятия и т. п.; б) эмоциональные способности — альтруистические чувства дружбы, любви, справедливости и т. д.; какие образы легче всего увлекают его; в) волевые — решительный субъект или колеблющийся, ищет поддержки в окружающих или самостоятелен, обладает ли инициативой и пр.

б) Насколько развита группа честолюбивых инстинктов. Обстоятельство очень важное, так как эта группа нравственных стимулов человека относится, пожалуй, к наиглавнейшим для военного; но вместе с тем пользование ею требует от начальника вдумчивого и осторожного отношения, чтобы из союзника воспитания не обратить ее во врага.

Собрав эти, а также и другие сведения, которые покажутся офицеру заслуживающими внимания, он должен систематизировать все их; затем, основываясь на данных психологии, постараться уяснить себе, какие средства воспитательного воздействия наиболее будут соответствовать духовному облику данного

субъекта. Это ознакомление с духовной стороной материала, подлежащего обработке офицера-воспитателя, должно быть настолько хорошо продумано им и систематизировано, чтобы, следя за поведением солдата, ему не приходилось долго останавливаться на выборе соответствующих средств для поощрения или противодействия тем или иным поступкам данного субъекта.

Вторым правилом военно-воспитательного метода является указание на самую общую форму воспитательного действия офицера по отношению к солдату. Такая форма обнаруживается в требовании. При этом безразлично, в каком именно виде это требование предъявляется солдату: приказанием офицера или его примером, обстановкой жизни солдата или личным его отношением к начальнику (уважением, любовью и пр.); *но где нет требования, там нет и воинского воспитания*. Ведь в идеале воля военного человека должна быть настолько развита, чтобы ни чувство (напр., самосохранения), ни рассудок (критика требования) в минуты исполнения приказа не могли задержать или поколебать решимость и энергию солдата довести исполнение до конца.

А для этого нужно прежде всего внушить солдату идею о необходимости беспрекословного повиновения воле начальника во всем касающемся службы; затем содействовать образованию у него привычки поступать определенным образом на основании этой, хорошо усвоенной им идеи...

Что касается самого требования, выраженного словами, то оно должно отличаться: во-первых, определенностью, так как это необходимое условие для того, чтобы требование предстало в сознании солдата в ясном образе, т. е. понятно, во-вторых, последовательностью и, в-третьих, исполнимостью. Последовательность есть знак серьезной воли, выразившей

Призы «За отличную стрельбу из винтовки»

требование, а исполнимость определяется соотношением требования к силам данного лица, к окружающим условиям обстановки и пр. и, вообще говоря, в военном деле растяжимо до бесконечности; в каждом частном случае определение границ исполнимости зависит от таланта начальника угадывать способности и настроение подчиненных ему людей.

Все, чем располагают и чем пользуются в деле воспитания для достижения поставленных целей, носит название воспитательных средств.

Так как развитие военно-нравственных качеств солдата возможно только через влияние на его ум, чувство и волю, то каждое воспитательное средство должно действовать хотя бы на одно из этих проявлений душевной жизни человека...

Применяясь к индивидуальным свойствам воспитываемого, начальник может пользоваться как теми, так и другими средствами, но он должен всегда помнить, что творческое влияние принадлежит только положительным. К таковым относятся: 1) пример, среда и обстановка; 2) контроль; 3) похвала и поощрение и 4) напоминание.

Педагогическое значение примера основывается на врожденном у человека инстинкте к подражанию; принимая во внимание роль этого стремления в созидании непрерывного исторического пути человечества, мы должны признать, что правильное воспитание массы состоит не только в предъявлении ей отвлеченных требований, но и в воздействии на нее примером. А исследование «психологии масс» показывает, что импульс подражания у отдельных лиц, составляющих эту массу, очень быстро достигает своего высокого напряжения и сейчас же переходит в соревнование. Вот почему пример начальника является едва ли не самым могучим средством направить волю и поступки солдата в желаемом направлении. Но не один личный пример может возбуждать людей к тем или иным поступкам. Очень часто рассказ о подвигах отдельных лиц, переданный в увлекательной форме с соответствующими иллюстрациями, действуя на ум и чувство в известном направлении, подготавливает благоприятную почву для проявления «воли» воспитанника, сперва в виде подражания, а затем и соревнования. Описывая героические подвиги само-

отвержения, мужества и находчивости, мы, с психологической точки зрения, вводим в сознание солдата новые идеи об отношении человека к опасности; прославляя эти подвиги, затрагиваем столь важную в воспитании группу честолюбивых импульсов к действию; наконец, запечатлеваем в воображении человека случаи подавления неприятных низших чувствований высшими — воодушевлением, любовью к Родине, к народной славе героя и т. п. Таким образом обогащаем солдата новыми понятиями и наименованиями поступков людей, что облегчит ему впоследствии проявлять свою волю в желаемом для нас направлении.

Отсюда, с педагогической точки зрения, надо требовать от солдата обязательного знания текста всех военных картин, развешанных в его казарме. Приобретение этого знания заставит его дольше остановиться мыслью над тем или другим героическим подвигом и таким образом будет способствовать более прочному запоминанию нового для него понятия — воинской доблести.

По тем же самым причинам, мне кажется, требование отчетливого знания текста присяги должно быть признано очень воспитательной мерой. Вспомним, что важнейшей предварительной стадией всякого волевого решения, обуславливающего характер деятельности человека, является отыскание тех имен, под которые можно подвести представляющиеся альтернативы поступков. А что как не обогащение новыми понятиями об отношении солдата к службе содержит в себе текст присяги. Для более легкого усвоения этого текста не надо, может быть, учить его тем же языком, как он написан; дайте более увлекательную внешнюю форму выражения, и вы только поспособствуете более яркому запечатлению в уме солдата его обязанности перед Родиной.

То, чего требуют от солдата, должно быть по возможности под-

держиваемо тем, что он видит и ощущает; другими словами, вся обстановка казарменной жизни солдата и характер деятельности окружающих его лиц, т. е. характер среды, должны содействовать задаче воинского воспитания. Под этими влияниями совершается воспитание естественно и незаметно; такое жизненное воспитание ничем не замечимо.

Высокий «дух» части, внутренний порядок и дисциплина — эти лучшие воинские добродетели в тысячу раз легче и надежнее усваиваются, как язык, из обращения с окружающими людьми, чем из ряда отвлеченных поучений и наставлений. Вот почему внутренний порядок и обстановка казарменной жизни солдата должны содействовать поддержанию у него «бодрого» настроения, обеспечивать определенный отдых и доставлять достаточно умственной пищи для ответов не только на военные вопросы, возникающие у него из нового интереса к службе, но и удовлетворять подчас простой любознательности, связанной с прежними его интересами. Таким образом, педагогика ставит требование начальнику быть очень внимательным ко всем мелочам казарменного быта солдата для того, чтобы создать ему из казармы второй дом, из товарищей и ближайших начальников — вторую семью, а из всего уклада жизни — образец трудового дня на пользу государству. Наконец, присутствие определенного порядка во всей обстановке есть как бы призыв и самого воспитываемого к порядку, иногда в силу физической неизбежности: открытая дверь приглашает войти; затворенная — наводит на мысль, что, может быть, туда идти не следует!

Все увлекающее к дурным действиям должно быть отдалено и затруднено самим порядком вещей. Вместо того, чтобы постоянно повторять солдату: «этого не делай, туда не ходи», лучше позаботиться, чтобы

он не имел возможности поступать так. Нередко и в жизни приходится из необходимости «быть добродетельным»; и наоборот, сознавая бессилие своей воли при исполнении долга, часто человек желает, чтобы все доброе навязывалось его воле с неотразимой силой физической необходимости...

Конечно, не следует доводить «оберегание» солдата до крайности, основывающейся на недоверии к моральным силам воспитываемого, и видеть почти единственное воспитательное побуждение в физической неизбежности (теория Руссо).

Выяснив кратко значение примера, среды и обстановки в воспитании солдата, перейдем к рассмотрению следующего воспитательного средства — контроля.

Контроль обнаруживается в руководительстве и проверке.

Педагогическое значение его состоит в том, что воспитываемый привыкает представлять себя действующим под наблюдением авторитетного лица; для него становится естественным, что за ним смотрят, и он привыкает поступать так, чтобы заслужить похвалу или одобрение.

Применение контроля не всегда должно быть одинаково интенсивно и зависит, во-первых, от уверенности начальника в силах солдата для исполнения порученного ему того или иного действия или работы, а во-вторых, от характера имеющихся сведений о нравственных качествах этого подчиненного. Никто не будет спорить о недостатке желаний и прилежания к службе в массе новобранцев в первый период их пребывания в части; однако этот период требует самого неуклонного контроля со стороны как ближайших, так и старших начальников, потому что в новом роде деятельности человека, призванного на военную службу, присутствие конт-

Императорский приз
«За стрельбу из револьвера»

роля вселяет молодому солдату уверенность в безошибочности собственных действий и устраняет возможность с самого начала стать на фальшивый путь.

Вообще говоря, разумный контроль требует не постоянного присутствия начальника при подчиненных, но чтобы солдат сроднился с мыслью, что всякое его действие, так или иначе, подлежит отчету. Другими словами, бдительность контроля следует отличать от его непрерывности и строгости.

Внимательный надзор может быть организован так, что он фактически и не будет ежеминутно чувствоваться солдатом как известное давление; тем более, что опытный начальник наперед знает место, времена и случаи, когда воля солдата легко может подвергнуться опасностям колебания и когда, поэтому, необходим будет личный непосредственный надзор начальника той или иной степени; а знание индивидуальных качеств подчиненных решит вопрос, положиться ли на контроль простого старшего из рядовых, не подвергая людей соблазну нарушить правила воинской дисципли-

лины, или же присутствовать самому.

В результате контроль часто заканчивается похвалой или порицанием.

Похвала и порицание представляют собою очень важные воспитательные стимулы. Еще на первых порах своего детского возраста человек научается различать, с одной стороны, ласку и приветливость, а с другой — строгий взгляд и неодобрительное отношение окружающих к его поступкам. С дальнейшим развитием сознания у него завязываются более или менее прочные ассоциации между действиями, которые влекут за собой одобрение, и другими, проявление которых сопровождается порицанием.

Вследствие этого у детей, так же как и у взрослых, в момент появления идеи того или другого поступка тотчас же является и представление о будущей похвале или порицании за него. И связь эта устанавливается настолько тесно, что начинает сопутствовать желаниям и намерениям человека на каждом шагу. Пользуясь ею, мы можем вводить в сознание солдата новые ассоциации, связывая на первых порах службы новобранца, возможно чаще, всякое проявленное им действие с похвалой или порицанием; этим будем способствовать направлению воли подчиненного в ту или другую желательную нам сторону.

Оценивая так или иначе действия солдата, мы затрагиваем его честолюбивые импульсы и заставляем полученное человеком обратное впечатление, с этой точки зрения, сопоставить со всем прежде приобретенным опытом. В этом и заключается педагогическая польза похвалы и порицания.

Но, тем не менее, одобрение, как воспитательное средство, лучше всего тогда, когда оно есть в то же время и ободрение; напр., при обучении, видя успех, приобретенный усиленным трудом и привле-

жением новобранца, мы не должны быть скупы на похвалу, которая действует тем лучше, чем больше удовлетворяет честолюбивым инстинктам.

Похвала, употребляемая в смысле справедливой награды за выдающийся поступок, должна соединять одобряемое действие с выражением надежды к проявлению как этим лицом, так и окружающими его новых аналогичных действий в дальнейшем их поведении.

Вот почему в этих случаях о похвальных поступках следует отдавать приказ по части, где подробно изложить самое проявление действия, классифицировать его как выражение определенной военной доблести и, наконец, установить предметную связь между обнаружением этой доблести и традициями, укоренившимися в данной воинской части.

Порицание должно иметь значительно более ограниченный круг применения; оно особенно уместно как противодействие невниманию. Надо помнить, что неприятные ощущения производят гораздо большее впечатление на сознание воспитываемого, чем приятные, и, в частном случае, в новой деятельности призванного на службу могут вызвать у него чувство робости и испуга; между тем мы должны всеми силами стремиться к тому, чтобы эти ощущения никогда не появлялись у солдата.

Мало того, нередко порицание сопровождается чувством досады начальника, а то и ядовитой насмешкой, унижительным прозвищем и т. д., включительно до озлобления.

Насколько это невоспитательно должно действовать на подчиненного, носящего высокое звание солдата, ясно каждому. Чтобы не впадать в такую ошибку, помимо выработки в себе сдержанности, следует обращать внимание на то, чтобы в порицании прежде всего указывалось на вред сделанного —

с точки зрения службы, успеха военного дела и долга, так как лицо, проявившее неодобрительное действие, иногда могло совершить его и без участия злой воли, а лишь вследствие непривычки к новому роду деятельности, слабого умственного развития и пр.

Для предупреждения дурных действий, происходящих только от этих последних причин, пользуются еще одним воспитательным средством — напоминанием.

Посредством напоминания связывается предстоящее поведение солдата, каковым оно должно быть, с теми правилами, по большей части

уже известными, которыми в данном случае следует руководствоваться; частыми напоминаниями нельзя наскучить солдату, если они касаются самого выполнения предстоящего действия, а не обращаются в отвлеченные наставления.

Главное педагогическое значение напоминания — это приучить человека предварительно обдумывать предстоящие действия в связи с усвоенными им правилами поведения и вообще всем прежде накопленным своим опытом.

«Психологические основы воспитания солдата». Очерки военной педагогики. Спб., 1907

МОРОЗОВ

ВОСПИТАНИЕ ГЕНЕРАЛА И ОФИЦЕРА КАК ОСНОВА ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ.

Исторический очерк из жизни русской армии эпохи наполеоновских войн и времен плац-парада

I. Русская армия эпохи наполеоновских войн

Наследие
Екатерининского
века

...В то время, когда на Западе солдат гоняли в бой как стадо баранов, когда ныне выражение «Они не знали» стало эпитетом минувшей войны, Суворов еще тогда требовал и добивался, чтобы «всякий воин понимал свой маневр».

В то время, когда на Западе все обучение войск сводилось к параду и исполнению тех замысловатых построений, которыми Фридрих на закате своих дней морочил Европу, у нас еще устав 1763 г. постановил: «Учить войска только тому, что им придется делать на войне».

После минувшей войны мы открыли Америку в виде применения войск к местности и приписали необходимость этого исключительно новым

условиям боя, а между тем у нас же правила для обучения егерей 1789 г. гласили:

«Приучать к проворному беганью, подпалзывать скрытыми местами, скрываться в ямах и впадинах, прятаться за камни и кусты возвышенные, укрывшись стрелять и, ложась на спину, заряжать ружье»...

«Наставление г. пехотным офицерам в день сражения» (1812 года), проникнутое Суворовским духом, прямо требует от начальников применять к местности свои части, причем только воспрещает отводить их для этого назад.

До самого последнего времени у нас не сознавали значения огня в бою и осмеливались даже ссылаться при этом на авторитет Суворова, цепляясь за одну его фразу и не понимая его духа; а на самом деле, как бы в насмешку над своими мнимыми последователями Великий Полководец как раз требовал от своих войск, и весьма настойчиво, хорошей и меткой стрельбы, причем добивался, чтобы на каждого солдата в бою было не менее 100 патронов, — количество по тогдашнему времени колоссальное.

Дальше же всего шагнули екатерининские генералы в деле воспитания войск и истинной дисциплины.

В то самое время, когда на Западе личность подчиненного унижалась всеми способами, а солдат третировался, как существо низшее, когда вся дисциплина была построена на палке капрала, которой, по выражению Фридриха, солдат должен был бояться больше, чем пули неприятеля, у нас еще Потемкин,

будучи президентом Военной коллегии, требовал самого внимательного отношения начальников к подчиненным и, в частности, относительно нижних чинов, напоминал, что «солдат есть название честное, коим и первые чины именуются».

Еще дальше пошел Румянцев, совершенно уничтоживший в своей армии побои.

«Однако же, — пишет по этому поводу удивленный современник, — при всем том дисциплина и чиновничество в должном уважении оставались».

В это же время Суворов допускал и возражения низшего высшему, с тем только, чтобы оно делалось «пристойно, наедине, а не в многочеловечестве, иначе будет буйством»...

Вожди нашей
армии в
наполеоновскую
эпоху

Преклонимся и
перед тем колос-
сальным обаяни-
ем, которое умел
внушить своим

офицерам генерал той эпохи и посредством которого он прежде всего управлял своими подчиненными.

Поразительно то безграничное благоговение к своим обожаемым вождям, которым так и веет со многих страниц воспоминаний современников; так и видишь перед собой совершенно особенных людей, — видишь богатырей, для которых не могло быть ничего невозможного, потому что они умели владеть сердцем и душою своих подчиненных, могли быть уверены в их бесконечной преданности.

Невольно, перечитывая страницы подобных воспоминаний, проникаешься и сам подобным же благоговением к тем светлым личностям,

МОРОЗОВ Николай Апполонович — подполковник Генерального штаба. Окончил Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище и академию Генерального штаба. После окончания училища с 1899 г. служил в лейб-гвардии Павловском полку. После академии занимал ряд штабных должностей, старший адъютант управления 1-й отдельной Кавказской бригады, помощник старшего адъютанта штаба Виленского военного округа, старший адъютант штаба 45-й пехотной дивизии. Служил штаб-офицером для поручений при штабе 1-го Кавказского армейского корпуса.

которые умели быть начальниками не в силу статей дисциплинарного устава, не в силу своих густых эплет, а прежде всего благодаря тому уважению, которое внушал подчиненным их светлый облик.

Конечно, это уважение прежде всего являлось следствием личных достоинств вождя того времени, следствием его высоких рыцарских качеств, но оно в высшей степени усиливалось, доходя до настоящего благоговения, благодаря той удивительной простоте, приветливости и доступности, которыми отличался начальник (той) эпохи по отношению к своим подчиненным.

Эта поразительная манера сохранять свое достоинство и в то же время быть равным среди подчиненных чрезвычайно характерна в лучших генералах того времени.

«Никто не напоминал менее о том, что он начальник, и никто не умел лучше заставить помнить о том своих подчиненных», — пишет Ермолов о кн. Багратионе.

Не менее выразительно пишет и о самом Ермолове Лажечников: «В офицерском кругу был он душою весь нараспашку, здесь не было чинов и офицеры, забывая их, никогда не забывали, что находятся перед Ермоловым, к которому привыкли питать глубокое уважение, благоговейную любовь и преданность».

Конечно, тот, кто, стоя во главе войск, обладал высокими умственными и нравственными достоинствами, кто был до мозга костей настоящим солдатом, кто в офицере видел родного своего брата — такого же солдата, тот и не мог держать себя иначе.

Убегая от своих войск, скрываться от них за ширмой этикета и церемониала — есть удел одной бездарности, мнящей этим скрыть свое ничтожество; все же истинно военные люди всегда отличались своей простотой и доступностью; ими они всецело завоевывали сердца

подчиненных и таким образом воспитывали в них надежных себе сотрудников.

За то им и не приходилось жаловаться на недостатки офицерского состава, на плохую якобы подготовку и воспитание своих офицеров.

Ведь подобные жалобы прежде всего обнаруживают ничтожество самого начальника. Кто владеет сердцами своих подчиненных, кто имеет на них высокое нравственное влияние, кто является начальником не только в силу своего чина, тот сам всегда одним своим примером уже может воспитать подчиненных в каком угодно направлении, указать им настоящий путь военного человека, не прибегая к взысканиям, которые одни, сами по себе, еще никогда никого не воспитывали.

Кто же далек и чужд внутреннего мира своих подчиненных, кто хочет управлять ими с высоты величия, посредством одних грозных приказов, разносов и взысканий, тому, конечно, нечего пенять на недостатки своих офицеров; он жнет то, что посеял. Для истинного, не показного воспитания войск недостаточно «требовать» от них того или другого, надо прежде всего уметь и им «дать» кое-что своей личностью и трудом.

И в этом отношении, в отношении умения воспитывать свои войска, многому можно поучиться у лучших начальников нашей славной эпохи.

Глубоко ошибется тот, кто подумает, что они достигали популярности и любви слабостью по службе и потаканием своим подчиненным. Наоборот, следует отметить, что в случаях серьезных служебных проступков они были много строже даже начальников следующей суровой эпохи. Так, тот же снисходительный и обожаемый кн. Багратион не задумался разжаловать в рядовые заснувшего ночью караульного начальника бобруйской гауптвахты.

Но, наряду с неумолимой строгостью к серьезным проступкам, тогдашнему начальнику и в голову не пришло бы изводить своих подчиненных какими-либо мелочами и требованиями собственного измышления.

Мало того, накладывая взыскание, они подчеркивали, что взыскивают не сами по себе, не по личности, а по службе.

И насколько вообще щепетильны были в этом отношении тогдашние начальники, как предпочитали они лучше совсем не наложить взыскания, когда проступок касался их личности, чем подать повод думать, что они взыскивают по личности, можно видеть из следующего факта, касающегося кн. Багратиона.

«Кроме других предосудительных привычек,— пишет Д. Давыдов,— нижние чины дозволяли себе разряжать ружья (не только после дела, но и во время самой битвы). Проезжая через селение Анкендорф, князь едва не сделался жертвою подобного обычая. Егерь, не видя нас, выстрелил из-за угла дома, находившегося не более 2 сажен от князя; выстрел был прямо направлен в него. Князь давно уже отдал на этот счет строгое приказание и всегда сильно взыскивал с ослушников. Но здесь направление выстрела спасло егеря; ибо князь, полагая, что наказание в этом случае имело бы вид личности, проскакал мимо; но никогда не забуду я орлиного взгляда, брошенного им на виновного».

Самой же симпатичной, самой высокой чертой тогдашнего рыцаря-генерала являлось бережное его отношение к самолюбию подчиненных. Ни на словах, ни в приказах не позволяли они себе и тени того глумления, того издевательства над офицерами, какое с такой любовью и прибавлением самых плоских острот стало широко практиковаться в позднейшее время.

Тогдашние начальники слишком

серьезно смотрели на свое призвание, слишком высоко ставили свое звание, чтобы унижать его издевательством над беззащитными подчиненными.

К тому же, как истинные военные люди, в самолюбии офицеров они видели не предмет насмешек и глумления, а могущественный рычаг воспитания своих подчиненных...

О том же неукротимом и горячем Ермолове хорошо выразился дежурный генерал 2-й армии Марин:

«Я люблю видеть сего Ахилла в гневе, из уст которого никогда не вырывается ничего оскорбительного для провинившегося подчиненного».

Взгляды эпохи на отношения к нижним чинам и понятие о истинной дисциплине хорошо вылились в известном «Наставлении г. пехотным офицерам в день сражения». Здесь можно видеть, как резко различали тогдашние генералы разницу между гуманностью и слабостью, между заботливостью и заигрыванием с солдатом, между истинной дисциплиной, чуждой, однако, мелочных придирок, и распушенностью. Так, «Наставление» гласит:

«В некоторых полках есть постыдное заведение, что офицеры и ротные командиры в мирное время строги и взыскательны, а на войне слабы и в команде своих подчиненных нерешительны.

Ничего нет хуже таковых офицеров: они могут иногда казаться хорошими во время мира, но как негодных для настоящей службы их терпеть в полках не должно.

Воля все милостивейшего государя нашего есть, чтобы с солдата *взыскивали только за настоящую службу*; прежние излишние учения, как-то многочисленные темпы ружьем и проч., уже давно отменены и офицер при всей возможной за настоящие преступления строгости может легко заслужить почтеннейшее для военного человека название — друг солдата.

«Чем больше офицер в спокойное время был справедлив и ласков, тем больше на войне подчиненные будут стараться оправдать сии поступки и в глазах его один перед другим отличиться».

Неудивительно, что при подобных взглядах и обращениях начальников с подчиненными многие части армии того времени могли представлять действительно прочную цепь, в которой от генерала и до солдата все жило и думало одной мыслью, одной идеей. (...)

Тактика и
обучение войск

...Достоин при
этом внимания,
что, перенимая

многое у противников, ни один начальник нигде не признался в этом, нигде открыто не порекомендовал своим подчиненным учиться у врага, как это, к сожалению, зачастую практиковалось в минувшую войну. Наоборот, высоко ставя дух войск, желая всячески в них поднять сознание своего превосходства над врагом, тогдашние начальники всюду стремятся убедить своих подчиненных в том, что они лучше своего противника.

Любопытно, что само «Наставление гг. пехотным офицерам» прежде всего начинается уверением армии в том, что она вполне «привычна к войне» и что «большая часть офицеров знают совершенно долг свой», и только для новых малоопытных лиц «считается неизлишним преподать следующие *простые и легкие правила*». В дальнейшем изложении наставления всюду так и бросается в глаза желание убедить армию, что она лучшая в мире, что для нее нет ничего невозможного. В каждой строчке так и сквозит предвещающая наша славная эпоха.

Отметим, что перед сражением офицеры должны «говорить с солдатами о том, что будет от них требоваться»... «Запрещается наигрожайше, чтобы никто из офицеров или солдат никогда не осмелился сказать что-нибудь такое,

что могло бы страшить или удивить их товарищей; надобно стараться видеть неприятеля как он есть, хотя он и силен, хотя бы он был проворен и смел; но русские всегда были и будут гораздо храбрее».

Как все это далеко от того презрения к врагу, которое мы питали в начале минувшей войны, и от того преклонения перед ним, к которому мы так резко перешли потом. (...)

Заключение

...Русская армия
1806—07 гг., хотя

в конце концов и побежденная, произвела такое глубокое впечатление на своих победителей, что в дальнейшую эпоху, желая ободрить свои войска перед столкновениями с русскими, Наполеон писал в своих воззваниях: «Русские уже не те, у них нет более солдат эйлауских и фридландских». Вот какое впечатление производили на врага даже наши рекруты, когда ими умели управлять и внушать им истый солдатский дух.

Наконец, самую рельефную и выразительную характеристику русской армии дал в 1813 г. Бернадотт, сказавший русским офицерам: «Для вас, русских, нет ничего невозможного; если бы ваш император был честолюбив, вас, русских, пришлось бы убивать каждого особенно, как убивают белых медведей на севере».

Потом, обернувшись к своим шведам, он повторил: «Подражайте русским, для них нет ничего невозможного».

И подобные отзывы заслужила армия, имевшая состав нижних чинов, далеко уступавший тем бородачам запасным, недостатками которых пытаются объяснить неуспех минувшей войны.

И вот, сопоставляя в заключение все положительные и отрицательные стороны тогдашней армии, нельзя не признать, что успешным исходом Великой борьбы она была исключительно обязана своему генеральскому и офицерскому составу, именно

его высокому, чисто военному, воспитанию, вырабатывавшему те высокие понятия о долге, чести и призвании военного человека, которыми так силен был тогдашний генерал и офицер.

И не могла не победить та армия, где генерал и офицер составляли одну великую семью, жившую горячим желанием победы, горячей мечтой о величии и пользе Родины, где благо и честь армии стояли выше всяких личных счетов, где каждый отдельный член армии готов был душу свою положить за другого.

И как это ни странно, великая заслуга тогдашнего командного состава, его высокие нравственные качества — настоящая причина моральной упругости всей армии — остались в тени до настоящего времени. Всю славу взял себе солдат этой эпохи, — тот солдат, которого, несмотря на все недостатки, умели делать настоящим богатырем его великие и доблестные начальники, труды которых и достоинства не оценены и по сие время.

И вот прошли годы, минуло уже и столетие со времени наших первых встреч с Наполеоном! Полные блаженного неведения, мы долго пребывали в сладкой спячке, глубоко убежденные, что обладаем таким солдатом, который сам, без помощи начальников может выигрывать сражения...

Не разбудил нас и гром Севастополя; полные уверенности во всемогуществе того же солдата, мы озаботились только переменой системы его обучения и воспитания.

Даже и после минувшей войны существует известный процент лиц, уверенных, что довольно выучить солдата грамоте, применению к местности и стрельбе, довольно воспитать его рассказами о подвиге Рябова, развить чтением и показыванием туманных картин, чтобы добиться победы.

Существует и другая категория лиц, понимающих, что для дости-

жения победы мало одних качеств солдата, нужны и соответствующие начальники. Но опять-таки большинство этих лиц думает создать начальника путем одного образования, чтением различных трактатов о военном деле, писанием диспозиций по немецкому образцу, пересаживанием заграничных порядков, т. е. тем теоретическим способом, который забраковал еще Суворов, приравняв чтение современных ему трактатов к чтению домашних учебников и модных романов и выразившись, очевидно, про военных теоретиков, что они военное дело знают, да оно их не знает.

Нельзя, конечно, отрицать необходимости и громадной важности образования в военном человеке, но нельзя и сказать, что, во-первых, читать и изучать вообще надо умело, с толком и главным образом историю войн, а не теорию и измышления любого немца, а во-вторых, все-таки не на одних этих основах зиждется сила и мощь начальника.

Тяжелое военное дело требует от своих представителей прежде всего великих качеств самоотвержения и самоотречения, а эти качества не получаются из книг, а вырабатываются лишь путем долгого воспитания под руководством и на примере достойных и обожаемых вождей...

Горе той армии, где карьеризм и эгоизм безнаказанно царят среди вождей, где большинство генералов думает лишь о своем благополучии, служит из-за наград и отличий, ведет лишь свою линию, справляясь по книжке старшинства и кандидатскому списку.

Пусть пишутся там хорошие и громкие приказы, издаются отличные уставы, выпускаются чудные циркуляры!

Все будет там отлично и гладко лишь до первого грома.

Грянет он, и армия окажется только с хорошими канцеляристами,

проповедниками, учеными, агрономами, каптенармусами, может быть, даже стрелками, тактиками, стратегами, но без настоящих военных людей, готовых беззаветно жертвовать собою друг за друга для блага Родины.

И подобная армия напомнит собою известный воз из басни, везомый лебедем, раком и щукой.

Итак, настоящая, истинная сила армии заключается прежде всего не в степени образования, не в талантах отдельных лиц, а в воспитании такой общей самоотверженной рядовой массы командного состава, которая бы не гонялась за блестящими эффектами, не искала красивых лавров, а смело и твердо шла в бой, гордая своим высоким призванием и крепкая своим понятием о долге и истинном благородстве. Вожди, вышедшие из такой массы, зачастую и не блещут своими особыми талантами, в одиночку не могут тягаться не только с гениями, но и со многими талантами фейерверочного типа, зато общая масса таких вождей в совокупности грозна и непобедима даже для гения.

И счастье той армии, которая силу свою основывает не на отборе особых талантов, которая не ищет в мирное время «выдающихся» начальников, не верит в призрачные

таланты мирного времени, а забывается только о безжалостном удалении негодных элементов, основывает свою силу на одинаково хорошем подборе и воспитании *всего* своего командного состава, без заблаговременного подразделения на «талантов» и простых смертных.

История показывает нам, как часто пресловутые таланты и гении мирного времени оказываются полными бездарностями на войне, история показывает нам, что вообще появление талантов и гениев есть только случайность, на которую нельзя рассчитывать, история, наконец, утешает нас, что и без гениев и первоклассных талантов велика и могуча, даже против гения, армия в руках многих, просто способных, начальников, воспитанных в рядах самих войск, *когда полки армии являются* воспитателями офицеров, а не департаментами,— местами службы, когда начальник создается, как создавались лучшие вожди эпохи, строевой службой, а не сваливается из канцелярий, контор и т. п. учреждений, якобы весьма полезных для выработки военных людей...

Н. Морозов. «Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений». Исторический очерк из жизни русской армии эпохи наполеоновских войн и времен плац-парада. Вильна, 1909

Волевою энергиею государства представляет особый класс государственных стражей, защитников и охранителей, то есть другими словами — армия.

Армия и общество не два мира, не два различных верования... Армия все ближе и ближе подходит к народу, офицер постепенно близится к типу воина-гражданина.

В организме армии роль сердца выполняет офицерский корпус.

Честь святыня офицера, она — высшее благо, которое он обязан хранить и держать в чистоте. Честь — его награда в счастье и утешение в горе.

Приказывать со смыслом может лишь тот, кто сам научился исполнять службу не по форме лишь, а по духу.

Могучее средство — личный пример начальников, разделяющих тяжелые минуты с солдатом...

Начальник, не щадящий самолюбия своих подчиненных, подавляет в них благородное желание прославиться и тем, без сомнения, роняет их нравственную мощь.

Мало знаний, неоткуда появиться и уважению к армии; нет уважения, нет и не может быть и любви к ней... Громадное количество наших будущих граждан в этом отношении воспитывается в полном невежестве.

Наша интеллигенция так много требует от армии, а что она дает взамен! Пренебрежение, равнодушие и, будем правдивы... порой — даже неприязнь.

Откуда же взяться любви, уважению к армии, когда познание ее отсутствует?

Пока в сознании каждого, стоящего наверху и внизу... не будет ясного, точного, любовного отношения к своему русскому штыку, до тех пор вопрос о предварительной подготовке молодежи к военной службе будет висеть в воздухе.

Армия — это дуб, защищающий Родину от бурь. Он распространил свои корни по всей стране и всасывает ими народные соки, этот дуб живет нацией, которую, в свою очередь, оберегает. Армия и нация подобны дереву и почве, первая прикрывает, вторая питает.

Русский героизм имеет за собою такие блестящие страницы, перед которыми умиляются и преклоняются со слезами уважения и любви.

М. С. Галкин

Набранная и даже организованная масса — толпа, а не войско, если она не воспитана и не образована в военном отношении.

М. Д. Бонч-Бруевич

Для высших должностей нужны и высшие знания.

Если хотите знать, как даются и ведутся сражения, то изучите 150 сражений, данных великими полководцами. Читайте и изучайте их походы — вот единственное средство проникнуть в тайны военного искусства.

М. А. Уваров

Высшее командование армии в лице командиров и генералов поражает своими преклонными годами и отсутствием энергии.

Состав офицеров имеет решительное влияние на качество всей армии. Каковы офицеры, такова и армия. Дух, оживляющий корпус офицеров, есть дух всей армии. Все, что завещано великими полководцами и эпохами войн, передастся только офицерами подрастающим поколениям, а потому в хорошем качестве и бодром воинственном духе офицеров армия должна черпать те нравственные силы, которые только одни и могут повести ее к победе.

В. А. Самонов

Солдат, не видя в своем начальнике героя, человека, за которым он готов идти в огонь и в воду, не мог проявить свои природные качества героя. Увлечь за собой могут только люди убежденные, люди сильные духом.

Мало еще солдата обучить стрельбе и ружейным приемам, нужно еще воспитать его любовь к Родине. Нужно показать ему, что он защитник Отечества, нужно поднять уровень его образования до понимания того, что творится на божьем свете, иначе он будет не более как автомат, который не может проявить личной инициативы, которая так нужна в современной войне, ни силы воли, без которой нигде и ни в чем нет успеха.

Нужно в солдате воспитывать человека убежденного и тогда он не пощадит своей жизни на благо Родины.

Героем может быть только тот, кто обладает величием духа, а человек обезличенный никогда не проявит его.

Только тот может всю душою любить свою Родину, защищать ее до последней капли крови, кто знает ее прошлое, кто сроднился с этим прошлым, кому известно, какой дорогой ценой досталось благополучие страны.

Русский по рождению — без знания своей истории — не русский.

К. Кузьминский

Не мундир делает человека достойным, а человек должен быть достойным мундира.

Воля и внушение — два важных фактора победы.

Обаяние личности вождя необходимо на войне.

Дешевая популярность, конечно, вредна, но зато разумная даст вам привязанность солдата.

Все великие полководцы были великими знатоками души человека.

П. И. Измestьев

Поддерживать стоит не всякую традицию, а только такую, которая укрепляет дух армии.

Грешно забывать свое славное прошлое, а мы в этом отношении часто бываем непростительно небрежны.

Мы переживаем время не только не заурядное, но даже критическое, а потому и не можем продолжать жить прежнюю жизнью.

Застой и слепота в теперешней обстановке были бы равносильны наложению рук на самих себя.

Необходимо наконец поднять на практике высоту воинского звания и устранить неприличную в этом отношении разницу между словом закона и делом.

Д. П. Парский

Поменьше эгоизма и побольше офицерской доблести. Каждому свое и каждому да воздастся по заслугам, по уму, знанию, труду.

В. Л. Райковский

Созидание чего бы то ни было требует долгого времени, а разрушение — дело одного мгновения.

Н. П. Бярюков

Качества военачальников для мирного и для военного времени несколько не сходятся: в мирное время требуется от начальника покладистость с начальством, а в военное время — сопротивляемость врагу. В мирное время затирают «сопротивляющихся» и выдвигают людей более покладистых, а они и на войне оказываются покладистыми... в отношении неприятеля.

А. П. Скугаревский

Появление начальника в виде грозы и злого ненастья — у нас часто отождествляется со служебным рвением.

Солдату нашему нужна не муштра и палка, а школа.

Прежде чем быть офицером, надо, хоть сколько-нибудь, побывать в солдатской шкуре.

Сушествует общее правило — когда человеку дается больше прав, от него требуется и больше обязанностей. У нас же... все права переданы в законное владение начальству, все обязанности предоставлены в удел подчиненным.

На практике... переданная с рук на руки работа оседает наконец на спине того, кто не может уже свалить ее на шею другому.

Необходимо произвести переоценку подлинного труда во всех войсковых штабах, начиная сверху, и сократить штаты, возвратить излишествующих в армию к их прямому назначению.

М. В. Грулев

Армия — вечный часовой, который никогда не покидает своего поста. Постоянная бдительность и совершенствование на славу Великой Родины — вот ее обязанности; безопасность, величие и слава Отечества — вот ее права!

Победа покупается не числом жертв, а сознанием идти в бой «не для борьбы, а только для победы».

А. Мариюшкин

Где нет требования, там нет и воинского воспитания.

Если наказаний не стыдятся, то их и не боятся.

А. М. Дмитриевский

Кто далек и чужд внутреннего мира своих подчиненных, кто хочет управлять ими с высоты величия, посредством одних грозных приказов, разносов и взысканий, тому, конечно, нечего пенять на недостатки своих офицеров; он жнет то, что посеял. Для истинного, не показного воспитания войск недостаточно «требовать» от них того или другого, надо прежде всего уметь и «дать» кое-что своей личностью и трудом.

Убегать от своих войск, скрываться от них за ширмой этикета и церемониала — есть удел одной бездарности, мнящей этим скрыть свое ничтожество; все же истинно военные люди всегда отличались своей простотой и доступностью; ими они всецело завоевывали сердца подчиненных и таким образом воспитывали в них надежных себе сотрудников.

Горе той армии, где карьеризм и эгоизм безнаказанно царят среди вождей, где большинство генералов думает лишь о своем благополучии, служит из-за наград и отличий...

Пусть пишутся там хорошие и громкие приказы, издаются отличные уставы, выпускаются чудные циркуляры!

Все будет там отлично и гладко лишь до первого грома.

Грянет он, и армия окажется только с хорошими канцеляристами... но без настоящих военных людей, готовых беззаветно жертвовать собою друг за друга для блага Родины.

История показывает нам, как часто пресловутые таланты и гении мирного времени оказываются полными бездарностями на войне.

Для достижения победы мало одних качеств солдата, нужны и соответствующие начальники.

Не могла не победить та армия, где генерал и офицер составляли одну великую семью, жившую горячим желанием победы, горячей мечтой о величии и пользе Родины, где благо и честь армии стояли выше всяких личных счетов, где каждый отдельный член армии готов был душу свою положить за другого.

Н. Морозов

Терминологический словарь*

- Абордаж* — способ ведения морского боя во времена гребного и парусного флота. Корабль сцеплялся вплотную с неприятельским кораблем, и команда делала попытку овладеть им посредством рукопашной схватки. Абордажное оружие — ружья, pistols, пики, интрепели (алебарды), сабли.
- Абшид* — отпуск, увольнение от должности, а иногда и документ об увольнении от службы, т. е. то же, что указ об отставке.
- Авангард* — отряд, следующий впереди совместно двигающихся войск (походной колонны) и выделяемый из их состава. При наступательном движении имеет серьезное боевое значение.
- Аванпост* — передовой пост или линия сторожевых постов.
- Адъютант* — офицер, состоящий при командующем какой-либо частью войск или заведывающем частью военного управления, а также офицер, отвечающий за делопроизводство в штабе или управлении.
- Амуниция* — предметы (ремни, сумки и т. д.) снаряжения военнослужащих, облегчающие ношение оружия, боеприпасов и личных вещей.
- Апроши* — ходы сообщения для безопасного приближения к атакованному фронту или для прикрытого от выстрелов сообщения с параллелями, промежуточными депо и батареями при осаде крепости.
- Артикул* — параграф или статья устава; в старину — ружейные приемы (хватка).
- Аудитор* — чин военно-судебного (аудиторского) ведомства до преобразования его в 1868 г. при введении нового судебного устава.
- Байонет* — штык; по преданию изобретен в Байонне во время ее осады в 1523 г. В России до XVIII столетия были также багинеты — длинные ножи с обухом, имевшие черенки, которыми багинеты вставлялись в дула ружей.
- Бастион* — пятиугольное долговременное укрепление в виде выступа крепостной ограды для обстрела местности впереди и вдоль крепостных стен и рвов; отдельное укрепление.
- Баталья* — бой, сражение.
- Бивуак* — расположение войск на отдых преимущественно вблизи противника, а также вне населенных пунктов.
- Бригадир* — офицерское звание, введенное Петром I, — среднее между полковником и генералом. По Табели о рангах соответствовало гражданскому чину статского советника.

* Помещенные в словаре термины поясняются применительно к периоду, к которому относятся материалы сборника.

- Вагенбург* — обозный парк или городок; построение повозок при расположении на ночлег или дневку, а также при вынужденной остановке в пути под угрозой нападения неприятеля.
- Вад* — брод, мелкое место, лиман.
- Вахмистр* — унтер-офицерское звание в кавалерии.
- Вельбот* — шлюпка с острой кормой четырех- или шестивесельная; в зависимости от назначения различались адмиральский вельбот, капитанский вельбот и пр.
- Верки* — общее название отдельных построек крепостной долговременной ограды; верки делились на главные (главный вал) и вспомогательные (внутренние и внешние, наружные и передовые).
- Гардемарин* — звание воспитанников старшего класса Морского кадетского корпуса. До 1860 г. давалось воспитанникам двух старших классов корпуса, из которого они выпускались на службу мичманами. Позднее — звание в русском флоте для окончивших Морское училище при поступлении их на действительную службу.
- Гевальдигер* — должностное лицо, выполнявшее функции военно-полицейского характера во время похода; военный полицеймейстер в лагере армии, в главной квартире и вагенбурге.
- Гвардия* — в России учреждена в начале царствования Петра I из Преображенского и Семеновского полков (позднее был сформирован Измайловский полк). Гвардия комплектовалась преимущественно из дворян, офицеры пользовались привилегиями и имели старшинство двух чинов против армейских.
- Грандус* — градус.
- Гренадеры* — разновидность пехоты. Первоначально гренадерами назывались специально подобранные, физически крепкие солдаты, обученные метанию тяжелых ручных гранат. В России к началу XVIII в. были учреждены гренадерские роты, позже гренадерские полки.
- Губерния* — единица административно-территориального деления в России.
- Гусары* — род легкой конницы, в России гусарские полки существовали (с перерывами) с середины XVII в. до начала XX в.; имели особую форму одежды.
- Дееписатель* — историк.
- Деплоирование, деплояда* — развертывание сил, войск, фронта, крыла, колонны и т. д.
- Депо* — запасной склад.
- Деташамент* — отряд.
- Дефиле* — узкий проход.
- Диспозиция* — письменный приказ войскам для исполнения возложенной на них боевой задачи, марша или маневра; план расположения сухопутных войск, сил флота относительно друг друга и противника для ведения боя.
- Драгуны* — род конницы (первоначально — пехота, посаженная верхом); с XVII в. в русской армии — кавалерия, способная действовать в пешем строю.
- Егеря* — род легкой пехоты и легкой кавалерии в XVIII—XIX вв. Егерские части формировались из хороших стрелков. Конные егеря использовались для ведения разведки и рейдов в неприятельский тыл.
- Жалонер* — нижний чин пехоты, носивший в строю на штыке ружья цветной флаг (жалонерский значок), служивший для указания места батальона или роты и для обозначения линии при построении войск.
- Живот* — жизнь.
- Засека* — искусственное препятствие, состоящее из поваленных деревьев или крупных ветвей, уложенных вершинами в сторону неприятеля.

<i>Инфантерия</i>	— пехота.
<i>Кавалергарды</i>	— особые кавалерийские части в русской гвардии в XVIII — начале XX в., исполняли обязанности телохранителей и почетной стражи русских царей во время торжеств.
<i>Кадет</i>	— воспитанник кадетского корпуса (учебного заведения для подготовки офицеров).
<i>Кантонисты военные</i>	— лица, подлежащие призыву на военную службу в каждом округе (кантоне), комплектовавшем свой полк.
<i>Капральство</i>	— четвертая часть роты в порядке внутреннего управления (иными словами взвод). Термин введен Петром I, позже заменен словом «отделение».
<i>Каптенармус</i>	— унтер-офицер, заведывавший в роте оружием, снаряжением и одеждой (должность средняя между капралом и сержантом). В бою каптенармус находился при боеприпасах и осуществлял их выдачу.
<i>Каре</i>	— построение войск в виде сомкнутого четырехугольника фронтом на четыре стороны; применялось пехотой для отражения атак кавалерии.
<i>Картель</i>	— артиллерийский снаряд для поражения открытой живой силы противника.
<i>Квартирмейстер</i>	— один из чинов войскового управления (штаба); ведал расположением войск лагерем или на квартирах. В дальнейшем должность полкового квартирмейстера приобрела чисто хозяйственные функции.
<i>Комиссар</i>	— доверенное лицо для заведывания либо надзора по какой-нибудь отрасли управления или по какому-либо делу (например, заведывание хозяйственной частью в войсках армии).
<i>Комиссариат</i>	— комиссариатское управление, ведомство, ведающее снабжением войск, денежным и вещевым довольствием, обозом и лагерем.
<i>Конфедерат</i>	— участник польского восстания.
<i>Корнет</i>	— звание младшего офицера в кавалерии.
<i>Кумпанство</i>	— товарищество.
<i>Лейб-гвардия</i>	— личная охрана монарха и почетное наименование отборных привилегированных воинских частей.
<i>Ложемент</i>	— небольшой стрелковый или отдельный артиллерийский окоп.
<i>Люнет</i>	— открытое полевое укрепление с одним или двумя фасадами и прикрытыми флангами.
<i>Лядунка</i>	— патронташ (сумка для патронов) у кавалеристов.
<i>Манерка</i>	— жестяная фляга.
<i>Могыль</i>	— кривошип; особенная рукоять или колесо, насаживаемые на машинный вал для его вращения.
<i>Мушкетеры</i>	— вид пехоты в европейских армиях, вооруженной мушкетами. В России в XVIII — начале XIX в. название большей части пехоты.
<i>Обер-офицер</i>	— общепринятое название той части офицеров, которые имели звание до капитана (ротмистра, есаула) включительно.
<i>Ордер</i>	— приказ.
<i>Палисад</i>	— заграждение из вкопанных в землю, вплотную поставленных бревен, заостренных сверху.
<i>Пикеты</i>	— посты сторожевого охранения.
<i>Пионерная рота</i>	— саперная рота.
<i>Приз</i>	— неприятельский боевой корабль или транспортное судно, захваченное в море во время войны; морской трофей.
<i>Профос</i>	— лицо, исполнявшее в русской армии в XVIII—XIX вв. полицейские обязанности.

- Ранжир* — шеренга людей, построенных во фронт по росту.
- Рачительно* — старательно, внимательно, заботливо.
- Редут* — сомкнутое полевое, иногда временное укрепление различного начертания в плане (круговое, прямоугольное, квадратное, в виде многоугольника и т. д.).
- Рекрут* — лицо, принятое на военную службу по повинности; с введением устава о воинской повинности 1874 г. слово «рекрут» заменено словом «новобранец».
- Реляция* — подробное донесение о сражении.
- Ретирада* — отступление.
- Ретраншемент* — внутренняя оборонительная ограда, земляное укрепление, как правило позади крепостной стены.
- Рунд* — ближайший помощник дежурного по караулам, а также лица, посылаемые начальником передовых постов для проверки последних.
- Сикурс* — помощь, поддержка.
- Субалтерн-офицер (субалтерный)* — общее наименование младших офицеров в роте (командир взвода, командир полуроты).
- Унтер-офицеры* — нижние чины старших званий, т. е. младший командный состав русской армии.
- Урядник* — унтер-офицерское звание в казачьих войсках.
- Фашины* — вязанки хвороста цилиндрической формы и определенного размера, используемые для преодоления топких мест, рвов, оврагов и т. д.
- Фейерверкер* — унтер-офицер в артиллерии.
- Фельдфебель* — звание старшего унтер-офицера.
- Фендрик* — первичное офицерское звание; в петровской Табели о рангах соответствовало 14-му классу.
- Флагман* — адмирал, поднявший на корабле свой флаг; корабль, на котором поднят адмиральский флаг.
- Фортификация* — отрасль военно-инженерного искусства, исследующая правила расположения, способы возведения, приемы атаки и обороны искусственных закрытий и преград, усиливающих расположение войск.
- Фрегат* — трехмачтовое военное судно с 40—60 орудиями, предназначенное в основном для крейсерства и самостоятельных действий в отдаленных районах моря.
- Фурлейт* — возчик, обозный рядовой.
- Фурьер* — унтер-офицер в роте, при походных движениях и расположении на отдых исполняющий обязанности квартирьера.
- Фухтель* — шомпол; в XVIII в.— начале XIX в. в русской армии существовало наказание фухтелями, назначавшееся начальниками в силу дисциплинарной власти.
- Цейхгауз* — складское помещение.
- Циркуляр* — указание.

- Шпицрутены* — длинные гибкие древесные прутья для телесных наказаний.
- Штаб-офицеры* — первоначально — старшие офицеры штаба полка; в русской армии — старшие офицеры в званиях от майора до полковника.
- Штандарт* — знамя конных частей; полагался вначале на каждую роту или эскадрон кавалерии, затем — по одному на дивизион и по одному на полк.
- Эволюция* — движение войск для перехода из одного строя в другой; быстрота и стройность эволюций свидетельствовали о степени обученности войск.
- Экзерциция*
(экзерция) — строевое и тактическое обучение войск, а также учение или упражнение.
- Юнкер* — молодой человек, как правило из дворян, — воспитанник военного училища; нижний чин, проходящий курс наук в юнкерском училище.

Дополнительная библиография*

- Авчинников А. Г.* Письма Р. И. Кондратенко.— «Братская помощь», № 7. Спб., 1908.
- Базилев Б. К.* вопросу о беседах с нижними чинами.— «Александровец», № 5, М., 1909.
- Бацов В. В.* Беседы о воинском воспитании и боевой подготовке. Пг., 1917.
- Бобровский П. О.* Юнкерские училища. Историческое обозрение их развития и деятельности. Спб., 1872.
- Бонч-Бруевич М.* Бой. Киев, 1909.
- Бонч-Бруевич М.* Разбор «Наставления для ведения боя пехотою».— «Известия Императорской Николаевской Военной академии», № 11. Спб., 1910.
- Брант Н.* Грамотность и ее развитие между нижними чинами.— «Военный сборник», № 2. Спб., 1863.
- Буняковский В.* Моральная подготовка войск генерал-лейтенантом Даниловым перед боем 28 сентября 1904 г.— «Александровец», № 3. М., 1909.
- Бутовский.* Армейские настроения.— «Разведчик», Спб., 1906.
- Важный симптом.— «Русский инвалид», № 94. Спб., 1911.
- Взгляд на современное состояние вопроса о занятиях с молодыми солдатами.— «Военный сборник», № 9. Спб., 1880.
- Воспитание в войсках. Дисциплина как основа этого воспитания. (Сообщение в общем собрании членов общества ревнителей военных знаний командира лейб-гвардии Волынского полка генерал-майора Турбина).— «Общество ревнителей военных знаний». Спб., 1912.
- Воспитание и образование войск.— «Военный сборник», № 4. Спб., 1866.
- Галкин М.* Некоторые черты быта и службы австрийских офицеров.— «Александровец», № 2. М., 1909.
- Галкин М.* Вступительная лекция по поводу открытия офицерских курсов при Александровском военном училище.— «Александровец», № 1. М., 1909.
- Галкин М.* Дмитровская суббота в русской армии.— «Александровец», № 5. М., 1909.
- Гершельман.* Нравственный элемент в руках М. Д. Скобелева. Спб., 1907.
- Гершельман.* Распушенность в войсках.— «Военный сборник», № 3. Спб., 1908.
- Дмитревский А.* О самообразовании офицеров.— «Военный сборник», № 3. Спб., 1908.
- Довнар-Запольский М. В.* Идеалы декабристов. М., 1907.
- Дружинин К.* Исследование душевного состояния воинов в различных случаях боевой обстановки по опыту русско-японской войны. Спб., 1910.
- Жиркевич И. С.* Записки (1789—1808 гг.).— «Русская старина», кн. 11. Спб., 1874.

* В список включены материалы, не вошедшие в сборник, но имеющие непосредственное отношение к теме книги.

- За войну и военных.— «Армейские вопросы», № 2, вып. 1. Спб., 1893.
- Иностранное военное обозрение.— «Военный сборник», № 1. Спб., 1875.
- Кедрин С. Образование солдата и офицера и их взаимное сближение.— «Братская помощь», № 9. Спб., 1908.
- Кое-что о грамотности в войсках.— «Военный сборник», № 3. Спб., 1859.
- Кондратьев. Тактическое образование офицеров. Военные беседы, исполненные в штабе войск гвардии и петербургского военного округа в 1896—1897 гг. Спб., 1897.
- Кренке. Кадетский быт 20—30-х годов (1826—1834 гг.).— «Исторический вестник», кн. V. 1882.
- Лалаев М. Ахиллесова пята современного воспитания.— «Педагогический сборник», № 3. Спб., 1893.
- Легар. Нравственная подготовка войск в мирное время.— «Военный сборник», № 4. Спб., 1911.
- Липранди Р. Боевая стрельба частями и учение с боевыми патронами.— «Военный сборник», № 7. Спб., 1884.
- Макаров А. Н. Военно-педагогические наброски.— «Педагогический сборник», № 10. 1917.
- Маслов. Анализ нравственных сил бойца. Спб., 1906.
- Материалы для беседы с молодыми солдатами о дисциплине.— «Александровец», № 2. М., 1909.
- Михаил Дмитриевич Скобелев.— «Русская старина», 1882.
- Невинный. О грамотности в армии.— «Военный сборник», № 12. Спб., 1862.
- Немирович-Данченко. Личные воспоминания о Скобелеве. Спб., 1884.
- Новое положение о порядке обучения молодых солдат.— «Военный сборник», № 2. Спб., 1877.
- Ополченец. По поводу статьи «О школах в войсках».— «Военный сборник», № 3. Спб., 1859.
- О разных военных разностях.— «Военный сборник», № 4. Спб., 1911.
- Очерки и заметки. Что нужно знать офицеру. Вильна, 1901.
- Посмертные бумаги М. Д. Скобелева.— «Исторический вестник», кн. XI. 1880.
- Приказ императора Вильгельма.— «Военный сборник», январь. Спб., 1875.
- Приказы генерала Скобелева под редакцией М. Маслова. Спб., 1900.
- Пузыревский. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. Спб. 1889.
- Путешествие Генриха Мозера.— «Русская старина», 1888.
- Риттих А. Русский военный быт в действительности и мечтах. Спб., 1893.
- Савари. О способах и средствах дисциплинирования подчиненных.— «Александровец», № 3. М., 1909.
- Симонов И. С. Что читают старшие воспитанники наших кадетских корпусов? — «Педагогический сборник». Спб., 1905.
- Толстой Д. А. Академический университет в XVIII столетии. Спб., 1885.
- Труды первого съезда офицеров-воспитателей кадетских корпусов. Спб., 1909.
- Фисенко С. Я. Из быта кадетских корпусов.— «Педагогический сборник», январь—июнь 1914.
- Хлыновский М. Новые методы обучения в военной школе.— «Военный сборник», № 6. Спб., 1907.
- Чанцев. Скобелев как полководец. Спб., 1901.
- Эм. Впечатление, произведенное сообщением подполковника Савари «О вреде пьянства»,— «Александровец», № 3. М., 1906.
- Яковлев Р. Н. О воспитании в военно-учебном заведении.— «Воспитание», № 7. 1862.

ББК 68.3
О-11

Авторы-составители:
Ю. А. Галушко; кандидат исторических наук А. А. Колесников

Редактор *А. Н. Алексеева*

О 1302000000-205 117-90
068(02)-90

© Авторы-составители Ю. А. Галушко,
А. А. Колесников, 1990

ISBN 5-203-00851-5

Макет и оформление книги художника
Н. Т. Катеруши

Фотосъемка экспонатов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи специально для этой книги выполнена *Д. П. Гетманенко*.

Военное издательство и авторы-составители выражают глубокую благодарность сотрудникам Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи за содействие в подборе иллюстративного материала.

О долге и чести воинской в российской армии: Собрание материалов, О-11 документов и статей / Сост. Ю. А. Галушко, А. А. Колесников; Под ред. В. Н. Лобова.— М.: Воениздат, 1990.— 368 с.: ил.

ISBN 5-203-00851-5

В сборник вошли уникальные документы и материалы из военно-научной литературы и периодической печати, ставшие библиографической редкостью. Они отражают эволюцию отечественной военной мысли от создания регулярной армии до начала первой мировой войны.

Книга представляет несомненный интерес для широкого круга военных читателей, прежде всего тех, кто занимается историей военной науки, педагогики и психологии.

О 1302000000-205 117-90
068(02)-90

ББК 68.3

О ДОЛГЕ И ЧЕСТИ ВОИНСКОЙ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Авторы-составители *Ю. А. Галушко, А. А. Колесников*

Художественный редактор *А. Я. Салтанов*

Технический редактор *Н. Я. Богданова*

Корректор *О. И. Лыкова*

ИБ № 3916

Сдано в набор 08.08.89. Подписано в печать 17.05.90.
Г—40945. Формат 70 × 100^{1/16}. Бумага тип. № 1.
Гарн. Таймс. Печать офсетная. Печ. л. 23. Усл. печ. л. 29,9.
Усл. кр.-отт. 135,84. Уч.-изд. л. 29,99. Тираж 25 000 экз.
Изд. № 5/5017. Зак. 9-214. Цена 2 р.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
Книжная фабрика «Коммунист», 310012, Харьков,
ул. Энгельса, 11.